

Культура
народов Центральной
и Юго-Восточной Европы
в эпоху Просвещения

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

Культура
народов Центральной
и Юго-Восточной Европы
в эпоху Просвещения

Ответственный редактор
доктор филологических наук
В. И. ЗЛЫДНЕВ

Москва
«Наука»
1988

ББК 63.3(4)

К 90

Авторы:

П. А. БОГДАНОВА, А. В. ДАНИЛОВА, В. И. ЗЛЫДНЕВ,
И. И. ЛЕЩИЛОВСКАЯ, Я. А. ЛЯТКЕР, И. П. МЕГЕЛА,
И. И. СВИРИДА, Л. П. ТИТОВА,
М. П. ТОМАШЕВСКАЯ, И. В. ЧУРКИНА

Рецензенты:

доктор филологических наук Ю. А. КОЖЕВНИКОВ,
доктор филологических наук Л. А. СОФРОНОВА

К 90 Культура народов Центральной и Юго-Восточной
Европы в эпоху Просвещения. — М.: Наука, 1988. —
303 с.

ISBN 5—02—009940—6

В книге исследуется состояние литературы, живописи, скульптуры, архитектуры, театра, музыки, системы образования, философской и эстетической мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII — начале XIX в.; показывается, как интерпретировались там идеи западноевропейского Просвещения, приобретающие в различных исторических условиях иное национальное содержание.

Издание хорошо иллюстрировано.

Для историков, филологов, искусствоведов, широкого круга читателей.

К 0506000000-103
042 (02)-88 55-88-П

ББК 63.3 (4)

ISBN 5—02—009940—6

© Издательство
«Наука», 1988

От редколлегии

Книга «Культура Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения» является коллективным трудом сектора историко-культурных проблем Института славяноведения и балканистики АН СССР. Она продолжает комплексные исследования по истории культуры народов этого региона, результаты которых ранее нашли отражение в таких изданиях, как «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы».

Учитывая итоги этих, а также других исследований советских и зарубежных ученых — прежде всего специалистов из стран изучаемого региона, — авторский коллектив поставил задачу дать комплексное освещение культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XVIII—начале XIX в., т. е. в годы, когда там получили развитие идеи Просвещения. Это время стало принципиально важным этапом формирования национальных культур: в условиях пробуждения и развития национального самосознания, национально-освободительного движения закладывались основы культуры Нового времени у всех народов региона.

Книга содержит 10 разделов, посвященных отдельным национальным культурам. В поле зрения авторов — их различные сферы: общественная мысль, наука, образование, художественное творчество.

Большое внимание уделяется показу исходных позиций, с которых началось движение к новому типу культуры. Как свидетельствует приводимый в книге обширный фактический материал, в каждой из стран региона этот процесс отличался значительным своеобразием. Это было обусловлено исторической ситуацией, культурными традициями.

Тенденции, свойственные Просвещению, получили наиболее последовательное выражение в польской, венгерской, а также чешской культуре, что позволяет говорить здесь о Просвещении как особой эпохе.

Для характеристики процесса формирования национальной культуры в чешской, словацкой, болгарской, хорватской историографии применяется термин «национальное возрождение», который может быть отнесен и к другим культурам региона — сербской, словенской, греческой, румынской, в различной степени типологически близким им. Национальное возрождение стало временем пробуждения национального самосознания, идейной подготовки национально-освободительных движений, борьбы за создание национального литературного языка, становление научной мысли и профессионального художественного творчества. Развитию этих явлений на первом этапе способствовало распространение просветительских идей — рационалистического мышления, внесловных этических представлений, светских форм общественного сознания. Поэтому этот этап формирования национальных культур получил название просветительского. Он не совпадал с хронологическими рамками Просвещения в Западной и Центральной Европе. Неодинакова была его протяженность в отдельных культурах региона — отсюда различия хронологических рамок разделов книги. Долгая жизнь просветительских идей обусловила то, что иногда изложение доводится до середины XIX в.

При всех особенностях, свойственных просветительскому этапу в культуре отдельных народов, объединяющим и кардинальным обстоятельством было то, что Просвещение в регионе оказалось неразрывно связано с выработкой национально-патриотической, национально-освободительной идеологии. Идеи свободы и равенства, провозглашавшиеся мыслителями Просвещения, здесь в отличие от западноевропейской культуры были ориентированы не столько на завоевание прав отдельной личности, индивидуума, сколько служили утверждению прав целых народов, будили мысль о важности развития оте-

чественного языка, национальной культуры, а в итоге вели к осознанию необходимости борьбы за освобождение и государственную независимость.

В данной работе авторы стремились отразить наиболее существенные аспекты культурно-исторических и художественных процессов, показать самые характерные явления, осветить деятельность ведущих представителей каждой из культур.

В разделе, посвященном польской культуре, прослежено становление в ней мировоззренческих, научных, этических, эстетических принципов, институциональных основ, присущих Просвещению как особому типу культуры. Картина венгерского Просвещения вырисовывается путем показа реализации программы национальной культуры, которая осуществлялась в процессе активных культурных взаимодействий с австро-немецкой и славянскими культурами. Для автора чешского раздела главной является задача раскрыть роль отечественного языка, периодической печати, театра в утверждении национальных идей, в развитии культурных традиций. В разделе, посвященном словацкой культуре, внимание сосредоточено на анализе общественно-культурного движения, в центре которого — языковой вопрос, концентрировавший как идеологические, так и эстетические проблемы своего времени. Для хорватской культуры, развивавшейся на землях трех обособившихся в феодальную эпоху культурно-исторических областей, как главная выдвигалась проблема преодоления регионализма. Именно этот центростремительный процесс получает преимущественное освещение на хорватском материале. Просвещение как стадия в культурном развитии, подготовившая сербское общество к решению проблемы перехода от феодализма к капитализму, проблемы национального освобождения, — основной аспект, на котором сосредоточено внимание автора раздела о сербской культуре.

Отсутствие этнически «своего» господствующего класса, показательное для многих народов региона, определило социальные и идеологические основы их культур, при-

дало особый характер культурному процессу. Его социальная нерасчлененность акцентирована в разделе, посвященном словенской культуре, другой важной особенностью которой явилось взаимопроникновение и взаимоотталкивание с австрийской и итальянской культурами. Роль категорий просветительского типа мышления для становления национальных культур прослеживается на материале формирующейся румынской культуры. Путь болгарской культуры от средневековых традиций к Новому времени, культурно-просветительная деятельность как фактор формирования болгарской культуры — наиболее важные аспекты культурного процесса, раскрываемые в болгарском разделе. Различные истоки, питавшие культуру региона в эпоху Просвещения, показаны на примере греческой культуры, вырвавшейся на основе «высокой» «ученой» культуры фанариотов и «низовой» фольклорной культуры.

Тем самым, рассматривая пути формирования отдельных национальных культур, авторы книги стремились раскрыть как своеобразие культурного развития каждого народа Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XVIII—начале XIX в., так и его общие черты, которые в значительной мере определялись распространением идей Просвещения.

Авторами труда являются: доктор исторических наук И. И. Свирида (польская культура), кандидат исторических наук И. П. Мегела (венгерская культура), кандидат филологических наук Л. Н. Титова (чешская культура), кандидат филологических наук И. А. Богданова (словацкая культура), кандидат филологических наук А. В. Данилова (хорватская культура), доктор исторических наук И. И. Лещиловская (сербская культура), доктор исторических наук И. В. Чуркина (словенская культура), кандидат философских наук Я. А. Ляткер (румынская культура), доктор филологических наук В. И. Злыднев (болгарская культура), М. Н. Томашевская (греческая культура). Научно-техническую работу по подготовке рукописи к печати провела И. М. Бакушина.

Польская культура

В эпоху Просвещения завершился переход польской культуры к Новому времени. Он наметился еще в XVI в. с появлением в Польше ренессансного гуманизма. Однако в дальнейшем, особенно со второй половины XVII столетия, развитие культуры происходило здесь в условиях контрреформации, утверждения сарматизма — идеологии шляхты, с течением лет приобретающей все более консервативный характер, в обстановке многочисленных кровопролитных войн. В результате связи с европейским окружением, как и с собственными ренессансными и реформаторскими традициями, оказались ослабленными, в культуре нарастали тенденции изоляционизма и застоя. Это способствовало консервации ее феодально-католических черт, которые на западе Европы успешно вытеснялись английской, голландской и французской рационалистической мыслью. Учение Коперника, обновившее европейское научное мышление, на родине ученого было погребено под спудом теологических доктрин, церковных запретов и, как и все наследие Ренессанса, возродилось лишь в годы Просвещения.

О хронологических границах этой эпохи существуют различные мнения. Если раньше она связывалась преимущественно с периодом правления Станислава Августа (1764—1795), то в последнее время выступает тенденция раздвинуть ее рамки: отнести зарождение к 20—30-м годам XVIII в., а конец датировать не 1790-ми, а 1810-ми и даже 1820-ми годами¹. Однако ни у кого из дискутирующих не вызывает сомнения тот факт, что во второй половине XVIII в. польское Просвещение выступает в своей развернутой, «классической» форме.

Действительно, именно тогда оно сложилось как система культуры нового типа, отличающаяся от предшествующей культурной формации содержанием и характером взаимосвязи образующих ее элементов, иерархией ее различных сфер, в эти годы определилась новая ситуа-

ция польской культуры в обществе, изменился характер ее взаимодействий с мировой культурой; мыслители, художники той эпохи создали особую картину мира, в которой раскрывалось просветительское понимание извечной, но впервые столь отчетливо сформулированной проблемы взаимоотношений природы, человека, общества. Именно в указанные десятилетия сфокусировались доминантные черты польского Просвещения, определились его динамические, социальные, исторические, геокультурные характеристики. На исторически небольшом отрезке времени, чуть большем полувека, польская культура решила огромные задачи, занимавшие западноевропейские народы уже со времен Декарта, что свидетельствовало о быстроте происходивших в ней перемен.

Не стремясь к установлению жестких границ отдельных этапов польского Просвещения (в научной литературе они также датируются по-разному²), отметим, что новые тенденции зародились в 20-е годы XVIII в.; в 30—50-е годы были сделаны шаги по «европеизации» польской культуры, начались первые атаки на сарматизм, на традиционный менталитет шляхты; в 60—70-е годы культурная деятельность неразрывно связалась с идеей реформ, в нее включилась основная, наиболее активная группа польских просветителей, были созданы важнейшие общественные просветительские институты. Конец 1780-х—первая половина 90-х годов стали кульминацией польского Просвещения: произошла радикализация общественной жизни, была выработана и проведена через сейм Конституция 1791 г.; в лагере реформ возникло яacobинское крыло, противостоявшее магнатской реакции, сложились идейные основы национально-освободительного восстания 1794 г. Его поражение, ликвидация польского государства, отмена большинства проведенных реформ поставили польский народ в принципиально новую историческую ситуацию. Однако прочный фундамент, заложенный в последние десятилетия существования Речи Посполитой, позволил польской культуре вопреки разделам продолжить самостоятельный путь, сохранить свою целостность, а тем самым стать наряду с национально-освободительным движением важнейшей формой самовыражения польской нации, источником укрепления ее самосознания.

Падение польского государства повлекло за собой глубокие изменения в умонастроении польского общества. Исследователями отмечается, что после 1795 г.

ставится под сомнение вся «книжная» мудрость просветителей, ниспровергается выдвинутый ими идеал чело- века, переживает кризис их «практическая философия», прекращают деятельность основанные ими культурные учреждения; происходят сдвиги в эстетических вкусах. Модель мира, созданная просветителями, в целом на- чинает разрушаться, не выдерживая проверку временем.

Правда, в первые десятилетия XIX в. еще жили и под- водили итоги своим научным, философским трудам не- которые из главных действующих лиц минувшего столе- тия, по-прежнему выступая за эволюционное развитие Польши³, возникали культурные институты, являвшиеся реализацией постулатов Просвещения, а в художествен- ном творчестве одним из ведущих направлений оставался классицизм. Однако характер польского культурного процесса этих лет уже в большой степени определялся становлением культуры нового типа, в формировании которой особая роль принадлежала романтизму как но- вому способу мировосприятия и мироотражения. По- этому первые десятилетия XIX в. уже не могут быть однозначно отнесены к Просвещению, а должны тракто- ваться как особый переходный период от Просвещения к Романтизму.

Отдельные явления культуры, имеющие просветитель- скую генеалогию, продолжали функционировать в Польше и в дальнейшем, на протяжении всего XIX в., и даже в XX в. Они вступали в диалог с новыми культурными формациями, с иными по содержанию тенденциями. Долгой оказалась и жизнь просветительства как обще- ственно-культурного движения, особенно важного для тех польских земель, которые продолжительное время находились под властью Пруссии. Вместе с тем со вто- рой половины XVIII в. развивались культурные явле- ния, связанные не с Просвещением или Романтизмом, а с более протяженными, чем отдельные культурные эпохи, общественно-историческими процессами — станов- лением польской нации, буржуазных отношений в це- лом. В их числе — формирование польской интеллиген- ции.

*

В середине XVIII в. феодализм еще полновластно царил в Речи Посполитой, что на фоне активного про- движения ряда европейских народов по пути капитализма усиливало ее отсталость. Экономически это была аграр-

ная страна с лишь зарождающимся мануфактурным производством. Политически она пребывала в состоянии анархии и испытывала сильнейшее давление извне. Могущество и своеволие магнатских родов, слабая королевская власть, малодейственный управленческий аппарат, отсутствие армии не позволяли укрепиться централизованной власти, способной организовать внутреннюю жизнь страны и ее оборону от внешних посягательств. «Бессильный король во главе неустроенной нации»⁴, — характеризовал положение государства выдающийся политик и мыслитель польского Просвещения Гуго Коллонтай (1750—1812).

На протяжении первой половины XVIII в. польская культура, как и Речь Посполитая, сохраняла феодальный облик. Об этом свидетельствовало господство религиозного миропонимания, сословной этики, которые были составной частью шляхетской сарматской идеологии. Доминировал схоластический образ мышления; система образования была сосредоточена в руках духовных орденов, большим удельным весом обладали религиозные формы художественного творчества; сословные барьеры расчленили сферу культурного общения, культурную аудиторию; корпоративность регламентировала организацию творческого труда; узкую социальную базу имели профессиональное художественное творчество и науки. Культурной жизни была свойственна децентрализация, регионализм, изоляционистские тенденции. Признание неизменности раз и навсегда созданного мира с его незыблемой социальной и космогонической структурой крепко сковывало человека идеологическими, правовыми, этическими и эстетическими нормами, тормозило его личностную инициативу, резко сужало возможности социального продвижения, получения образования, сдерживало научную и художественную мысль.

Закреплению традиционалистских черт в культуре способствовало и культивирование ксенофобии, что было связано со стремлением шляхты не допустить изменений в своем положении. Ее республиканизм ограничивался борьбой за широкие права собственного сословия, которое составляло примерно десятую часть населения Речи Посполитой (процент, впрочем, в 4—5 раз более высокий по сравнению с другими европейскими странами).

Для преодоления политической и экономической слабости страны были необходимы глубокие общественные преобразования. Инициаторами реформ могли выступить

просвещенные люди, сбросившие груз религиозного фанатизма, отказавшиеся от представлений об исключительности польского пути, от сарматско-феодальной системы ценностей, овладевшие современными научными знаниями, осознавшие свой патриотический долг перед отечеством и способные к общественно-практической деятельности. Сформировать таких людей и была призвана культура польского Просвещения.

Революционизирующая роль, которую играла культура в формировании облика европейского общества XVIII столетия, была присуща ей и в Польше. Однако взаимоотношения культуры и общества здесь имели специфический характер. Если в Западной Европе Просвещение развивалось в условиях активного расширения капиталистического уклада, перерастания его в новую формацию, то в Польше, как и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, буржуазные по направленности просветительские явления опережали общественно-экономические сдвиги, выступая их катализатором⁵.

Это стало возможно при наличии более развитого окружения, благодаря широкому обращению к культурному опыту передовых европейских стран. Во второй половине XVIII в. в Польше восторжествовала «открытая культурная политика», позволившая ей широко соприкоснуться с европейским Просвещением. Восприятие этих идей было одновременно и их переосмыслением. Так, в отличие от западноевропейского Просвещения, пропагандировавшего универсализм и космополитизм (в тогдашнем значении этого слова), мысль о создании Европейской республики (Сен-Пьер, Руссо), в Польше, стремившейся в это время укрепить собственный суверенитет, просветительская мысль была проникнута идеями национальной государственности, а программа культурной деятельности стала программой утверждения отечественной культуры. Ее реализация служила сплочению польской нации, выработке национального самосознания.

Борьба за умы здесь приобрела особую роль в силу того, что право *liberum veto* давало возможность каждому шляхтичу решающим образом повлиять на участь того или иного начинания. Поэтому лагерь реформ, предпринимая усилия, чтобы юридически ликвидировать этот институт (в реальной практике он перестал действовать после 1762 г.), стремился также склонить на свою сторону весь «шляхетский народ», преодолев сословные предрассудки в сознании каждого из его представителей.

Таким образом, общая задача, поставленная европейским Просвещением, — привести тип человеческой личности в соответствие с потребностями формирующейся буржуазной цивилизации, раскрепостить ее инициативу — решалась в Польше в более сложных условиях.

Объективно высокая роль культуры в обществе нашла подкрепление и в субъективных представлениях просветителей. Ни одна предшествующая эпоха не придавала столь решающего значения культуре. Ее развитие, «прогресс разума» были признаны не зависящими от людей, совершающимися, по мнению одного из ведущих идеологов и ученых польского Просвещения Станислава Сташица (1755—1826), «с такой же необходимостью, с какой развиваются общества, языки, числа, искусства, пути общения»⁶.

От степени просвещенности, как полагали деятели той эпохи, зависело человеческое счастье. Поэтому именно «культурная революция» стала их главной целью, а состояние культуры вслед за Вольтером они приняли за единицу измерения исторического развития, осознав также ее роль как основного этноразличительного признака.

Просвещение общества, воспитание его членов представлялось польским деятелям середины XVIII столетия средством выхода Речи Посполитой из экономической стагнации и политического кризиса; в культурном подъеме они видели предпосылки для модернизации страны. Польские просветители полемизировали с Руссо, который в «Рассуждениях о науке и искусствах» (1750) доказывал, что развитие цивилизации, наук и искусств порождает стремление к роскоши, убивает добродетель и развращает души. Более близкой им была позиция Вольтера и Дидро, полагавших, что зло заключено не в самой цивилизации, а в ее извращениях, возникших в результате нарушения «естественных законов».

Культурная программа польских просветителей была прямым отражением их мировоззрения; идеологизация, политизация культуры (применяя современную терминологию) стали ее характерными чертами. Отношение к реформам, вокруг которых в печати, на сеймах, сеймиках постоянно шли дискуссии, впервые столь глубоко раскололо польское общество. Радикальному патриотическому крылу, к которому принадлежали все наиболее значительные деятели культуры, противостояли проповедники традиционалистских взглядов, клерикального фанатизма и социального консерватизма, стремившиеся в не-

прикосновенности сохранить даже самые тяжелые формы крепостничества. Просветители ориентировали все области культуры на решение конкретных общественных задач. Прагматизм, прикладной характер начинаний отличал культуру Просвещения, он свидетельствовал о ее исторической ограниченности, но вместе с тем повышал ее практическую роль в тогдашней жизни.

Социальные основы Просвещения определялись общественно-политическим состоянием Речи Посполитой. Еще в XVI в. доминирующее положение здесь заняла шляхта. На протяжении XVII—XVIII столетий структура общества сохранила сословный характер, не имея в отличие от западноевропейских государств в своем составе развитого городского сословия. Крестьянство, которое было основной частью населения, находилось в состоянии крепостной зависимости.

Господствующая роль шляхты определила длительное преобладание в польской «высокой» культуре шляхетских, а не мещанских (в дальнейшем — буржуазных) элементов. Активизация к 90-м годам XVIII в. горожан, выдвижение ими экономических и политических требований усилили их идеологическое воздействие, однако в целом польское Просвещение по своему идейному содержанию не вышло за пределы шляхетско-мещанского компромисса и прежде всего отражало представления патристически настроенной шляхты и лишь частично — мещанства.

Сословная структура польского общества определила многоуровневый характер польской культуры, что наметилось еще в позднем средневековье, когда произошло ее разделение на шляхетскую, городскую и крестьянскую. В середине XVI в. польская деревня пережила период подъема, еще в полной мере не испытав отрицательных сторон сложившейся фольварочно-крепостнической системы. Именно в то время возникли многие характерные формы крестьянского искусства и региональные отличия польской народной одежды, которые углубились в последующие столетия. Экономический регресс деревни в XVII в. привел к застойным явлениям и в ее культуре.

Вторая половина XVIII в. принесла новые моменты в жизнь крестьянства: увеличилась прослойка среднезажиточных семей, стремление просвещенных землевладельцев повысить рентабельность хозяйства способствовало некоторому ослаблению крепостнических оков, пробудило интерес к состоянию здоровья, квалификации сель-

ских жителей. Хотя количество приходских школ в эпоху Просвещения не возросло в сколько-нибудь значительной мере, важную роль сыграло введение новых программ, благоприятствовавших получению необходимых теоретических и практических начальных знаний. Свидетельством пробуждения среди крестьянства национального самосознания стало его участие в восстании 1794 г. Все это отразилось на культурном состоянии деревни. Последней четвертью XVIII в. исследователи датируют подъем народного творчества⁷.

Прямого совпадения между социальной структурой польского общества и пространством функционирования той или иной модели культуры не было. Начавшееся разложение сословной системы усилило их неадекватность. Так, в эпоху Просвещения шляхетская культура, сама в сильной степени дифференцированная, охватывала частично и мещанство, народная — не только крестьянство, но и жителей мелких городов, бедноту крупных городов и часть беднейшей шляхты⁸.

В эпоху Просвещения сложился особый тип взаимоотношений различных пластов культуры. Они имели сложный, противоречивый характер, по-разному проявлялись в отдельных ее областях.

Постоянный обмен между народной и профессиональной культурой шел в художественном творчестве. С одной стороны, происходило «опускание» профессиональных образцов в народную сферу, а с другой, хотя эстетическая мысль классицизма выступала против всего «простонародного», — польские писатели, композиторы широко черпали сюжеты, образы из народных источников. На стыке профессионального и народного искусства возникли пограничные, полуфольклорные формы, характерные для региона в целом⁹.

Социальное расслоение обусловило огромные различия в облике жилищ, предметов домашнего обихода, одежды. Тем не менее во второй половине XVIII в. под влиянием шляхетской моды наблюдаются изменения в сельской архитектуре, мебели, более нарядным становится народный костюм.

Повышению однородности культурных явлений способствовало имевшее в XVII—XVIII вв. усиление влияния костела в крестьянской среде, в которую он внедрял достаточно универсальные стереотипы христианского мышления, христианской символики¹⁰.

Культурные процессы, совершавшиеся в различной

социальной среде, развивались не только во взаимодействиях, но, при всех их очевидных различиях, обнаруживали в ряде случаев и аналогичные тенденции. Так, можно отметить сходную направленность в изменении отношения народной и элитарной культуры к такой фундаментальной категории, как «свой—чужой». Это противопоставление, столь принципиальное для народного сознания, во второй половине XVIII в. получает менее жесткий характер¹¹, открывая путь для приятия извне моделей поведения и проч. Подобное явление прослеживается и в польской «высокой» культуре того времени. Указанная антитеза, резко выступавшая в шляхетском «сарматском» сознании, снимается просветителями, свободно обращающимися к опыту «чужих» культур и делающими его освоение одним из принципов своей деятельности. Правда, отечественная народная культура в качестве «своей» ими еще не будет принята. В полной мере это сделают романтики.

Наряду с намечавшимся сближением различных пластов культуры имела место и обратная тенденция, отражавшая антиномичный характер Просвещения. Распространение просветительских идей, образования, популяризация научных знаний углубляли различия народной и «ученой» культуры: если для крестьянской культуры основой оставалось фольклорно-мифологическое сознание, то в образованной среде происходило изживание свойственных ранее и шляхте традиционных народных представлений, верований, обычаев, которые трактовались теперь как суеверия, предрассудки.

Другое направление национально-консолидационных процессов — это пространственное единение польской культуры. Во второй половине XVIII в., еще до полного раздела страны, ему препятствовало различное политическое положение отдельных этнически польских земель (часть из них уже тогда находилась под властью Пруссии и Австрии и подвергалась усиленной германизации), а также специфика политического устройства Речи Посполитой. В результате польско-литовской унии (1569), экспансии польских феодалов на восток в состав «Речи Посполитой двух народов» (как называлось польско-литовское государство) вошли украинские и белорусские земли, где польский элемент был незначителен: он включал польских и полонизировавшихся магнатов и шляхту, сосредоточивших в своих руках экономическую и политическую власть, доступ к культурным ценностям, образованию.

Тем самым в становлении польской национальной культуры произошли специфические смещения — ее развитие было задержано на этнически польских землях (Силезия, Гданьское Поморье, Вармия и Мазуры), а наряду с этим — ее очаги расположились за их пределами. Характерно существование в Речи Посполитой полиэтнических культурных центров, таких, как Львов или Вильно. Польская культура выступала в государстве как официальная. Ее господствующее положение, укреплявшееся на фоне национального порабощения украинского, белорусского, литовского народов, тормозило их национальное развитие. Однако культурные взаимодействия не были прямым отражением социально-политических отношений. Украинский, белорусский, литовский фольклор послужил одним из источников формирования польской литературы. С пробуждением национального самосознания этих народов происходило становление и их национальных культур, для которых, в свою очередь, оказался полезен польский опыт.

Структура польской культуры Нового времени складывалась не только в результате усиления взаимосвязи различных ее пластов (социальных, региональных, этнических), но и дальнейшей дифференциации. Так, в годы Тарговицкой конфедерации и второго раздела Польши (1792—1793) появляется «подпольное» течение в польской культуре, а в 1790-е годы возникают и ее эмиграционные центры. Эти явления были защитной реакцией на цензурные ограничения, политический гнет и имели чрезвычайно важное значение для будущего, обеспечив создание и функционирование произведений и идей, служащих делу независимости, противостоящих ассимиляторским тенденциям.

Речь Посполитая не одновременно была охвачена просветительскими явлениями. Сначала лидировали северо-западные земли во главе с Гданьском, где новые тенденции проявились уже в 1720-е годы (создание различных литературных и научных обществ), а с середины века доминировать стала Варшава, приобретая значение главного культурного центра страны. Важную роль играли также университетские города Краков и Вильно. Очаги польской культуры существовали в Париже, Риме, Лондоне. С конца XVIII в. усиливается роль Петербурга.

В эпоху Просвещения возрастает значение городов, хотя магнатские поместья продолжают оставаться местом средоточия творческих сил (наиболее яркий пример —

Пулавы Чарторьских). Урбанизационные процессы в развитии польской культуры, центрированные тенденции, нашедшие, в частности, выражение в культурном расцвете Варшавы, способствовали преодолению раздробленности и рустикализации культурной жизни, свойственных предшествующей эпохе.

Что касается распространения идей Просвещения вглубь, то степень исследования этого вопроса еще не дает возможности обстоятельно ответить на него. Если обратиться к документам того времени, то из них можно почерпнуть весьма противоречивые свидетельства. Критический дух эпохи скорее благоприятствовал появлению негативных оценок тогдашней культурной жизни. Петр Свитковский — один из наиболее заслуженных деятелей польского Просвещения — в 1783 г. констатировал: «Отвращение к занятиям науками еще так велико среди людей благородного происхождения. . . Среди же простонародья. . . царит темнота и дикое невежество»¹².

Тем не менее никем из просветителей не отрицался огромный цивилизационный скачок, произошедший в ту эпоху. Им было присуще высокое самосознание. Постоянно акцентируя свою особую историческую миссию, они находили ее в том, что «отделили свет от тьмы», при этом не смущаясь прямой аналогией с креативной миссией бога и даже подчеркивая ее. Они программно, целеустремленно формулировали свои задачи, называли свое время «веком просвещения», «веком разума», «веком философов» и полагали, что несут миру свет. Понятие «свет», бесконечно повторяемое в сочинениях того времени на польском, как и на других языках, стало неотъемлемым элементом фразеологии XVIII в. Все, что отмечено движением вперед, — это «свет» или «озарено светом». Отсутствие «путеводного света» ведет к «вечному беспорядку». «Свет истины» рассеивает темноту. Может быть, не случайно люди Просвещения так любили иллюминации, высветленную палитру в живописи, прозрачные гармонии, высокие тона в музыке. Именно XVIII в. рассеял ночную тьму городов, осветив их искусственным светом (в Варшаве постоянно с 1785 г.).

Но главным делом эпохи стало просвещение умов. Стремясь к реализации этой задачи, просветители придали культурной жизни публичный, светский характер, вывели ее за стены монастырей и орденских школ. Они впервые поставили вопрос о необходимости сделать культуру достоянием всех слоев польского общества, мечтая, чтобы

даже «люди низкого происхождения, освобожденные от крепостнического ярма», могли «полировать свой ум» («Мопитор». 1765. № 5).

Эпоха польского Просвещения ознаменовалась реализацией целого ряда важнейших культурных начинаний, благодаря которым изменялись институциональные основы польской культурной жизни, прокладывались пути культурного общения, свойственные Новому времени. Все это способствовало формированию такого активного инструмента культурного процесса, каким является общественное мнение, все шире обнаруживавшее свое воздействие в политических, этических, эстетических вопросах.

Важнейшим средством культурного обновления страны стала реформа системы образования. Ее инициатором выступил один из родоначальников польского Просвещения Станислав Конарский (1700—1773), основавший Collegium nobilium («Дворянскую коллегию», 1740) и реорганизовавший сеть пиарских школ. Затем последовала реформа иезуитских учебных заведений, осуществленная Францишком Богомольцем, а также создание Кадетского корпуса («Школа Рыцарска», 1765) — первого польского светского учебного заведения, из стен которого вышли многие видные польские общественные деятели той эпохи, среди которых был и Тадеуш Костюшко (1746—1817).

Общепольский масштаб реформа приобрела с учреждением Комиссии национальной эдукации (1773), финансово основанной на фондах кассированного ордена иезуитов. Она создала государственную светскую систему образования, подчиненную национальным интересам. Утвержденные Комиссией программы, единые для школ каждого уровня, были направлены на реализацию идей Просвещения, ставили задачу выработать в молодом поколении понимание своих гражданских прав и обязанностей, вытекавших из «естественных законов» и потребностей государства, а также дать знания для их выполнения. Этому прежде всего служило введение польского языка как единственного языка обучения и одного из важнейших предметов изучения. В программу наряду с новой историей и географией, современными зарубежными языками, были включены также математика, экспериментальная физика, естествознание, которые потеснили традиционные теологически-схоластические дисциплины. Однако религии в моральном воспитании по-прежнему отводилась весьма

высокая роль, что в целом характерно для Просвещения, резервировавшего вольтерьянство для элиты. В учебных курсах обращалось внимание на связь теоретических знаний с практикой, трудовой деятельностью, на физическое воспитание молодежи.

Значительные результаты были достигнуты в подготовке преподавательских кадров, издании учебников, внедрялись новые педагогические методы. В 1777—1783 гг. была осуществлена фундаментальная реформа Краковского университета (академии), в 1780-е годы был реорганизован Виленский университет.

Работа Комиссии встречала резкое сопротивление консервативных кругов, мешавших осуществлению наиболее радикальных начинаний. Тем не менее ее деятельность имела для Польши историческое значение. Влияние идей Комиссии ощущалось и в XIX в., например, в программах Варшавского лицея (1804), Кременецкого лицея (1805), Виленского университета, реформированного еще раз в 1803 г., а также открытого в 1816 г. Варшавского университета.

В создании Комиссии нашли выражение важные тенденции, свойственные Просвещению, — усиление роли государства в развитии культуры и соответственно снижение роли церкви. Среди заметных государственных начинаний того времени — учреждение комиссий по благоустройству городов (*boni ordinis*), которые были призваны изменить их средневековый облик, превратить их в урбанистические организмы Нового времени. Известное внимание вопросам культуры уделял Постоянный Совет — высший административный орган Речи Посполитой (1775—1789). Они регулярно обсуждались и на сеймах.

Государственная культурная деятельность была связана в своей значительной части с инициативами короля Станислава Августа Понятовского. Будучи одним из образованнейших людей своего времени, он в полной мере отдавал себе отчет в важности развития культуры, которая могла служить как делу реформ, так и укреплению королевской власти. Исследователи, расходясь в оценке политических талантов и политической деятельности короля, вполне единодушны в высокой оценке его заслуг в области культуры, развитие которой он поставил на государственную основу. Он был также крупнейшим в стране меценатом своего времени¹³.

Меценатство, известное в Польше и ранее, приобрело в годы Просвещения особое содержание: покровительство

Наукам и искусствам рассматривалось теперь не только как частное дело, способ утверждения своего престижа, но и как долг просвещенного гражданина перед отечеством.

Эпоха Просвещения ознаменовалась в Польше появлением целого ряда культурных учреждений нового типа. Это библиотека Залуских (1747), публичный польский театр (1765), позднее получивший название Национального; первые польские журналы: общественно-политический — «Монитор» (1765—1785) и литературный — «Приятные и полезные развлечения, собранные из сочинений известных авторов этого века» («Забавы пшиемне и пожитечне. . .», 1770—1777). Создаются обсерватории и ботанические сады, собираются естественнонаучные и художественные коллекции, открываются типографии и книжные лавки. Возникают многочисленные, хотя и недолговечные научные и литературные общества как новая форма культурного общения. В 1770-е годы своеобразным научно-литературным объединением стали «четверговые обеды» у Станислава Августа; художники и архитекторы собирались у него по средам. Местом встреч просвещенной элиты служили салоны аристократии. У себя в доме свои новые произведения читал гостям Игнаций Красицкий.

Нарушению сословных границ в культурных контактах способствовало появление кафе, читален, посетители которых обсуждали проблемы науки, искусства; этому служило и распространение в Польше масонских организаций, в которые входили многие видные представители польской культуры, в том числе писатели, художники (первая ложа «Добродетельный сармат», 1767; в 1784 г. основана так называемая ложа «Великий Национальный Восток»). Создаются и женские масонские ложи, что, наряду с существованием салонов, хозяйками которых были занимавшиеся меценатством образованные высокосветские дамы, отразило характерную для эпохи Просвещения тенденцию к феминизации культуры. Деятельность масонских лож, хотя и весьма противоречивая по своему идейному содержанию, вызвала резкую критику со стороны консервативных кругов. После третьего раздела Польши они были запрещены¹⁴.

Появляются более демократические по духу виды развлечений: большой популярностью пользовался не только общедоступный театр, но и «редуты» — костюмированные балы, куда под маской был разрешен вход людям разных сословий.

Наряду с появлением новых институтов эпоха Просве-

щения ознаменовалась борьбой за уничтожение старых, прежде всего монастырей, число которых резко сократилось после кассации Ордена иезуитов (1773). Художники уже в 1740-е годы выступили против сковывавших творчество цехов и постепенно добились их ликвидации.

Вторая половина XVIII в. в Польше была отмечена оживлением издательской деятельности, появлением многочисленных периодических изданий. Они способствовали изменению характера культурной жизни, популяризации широкого круга знаний, выработке общественного мнения, служили рупором просветительских идей. На страницах периодики родилась и развивалась литературная, театральная, а впоследствии художественная критика.

Правда, не все периодические издания имели прогрессивный характер. Против «вредных» сочинений французских просветителей активно выступала «Газета Варшавская» (1774—1793). Идеологические противоречия эпохи находили выражение в изданиях самого разного типа, особенно в политической публицистике — брошюрах, листовках.

Большое распространение получили и зарубежные труды, отражавшие различные идейные тенденции. Характерно, что в Польше продавались книги, запрещенные, например, во Франции, что благоприятствовало расширению круга источников, питавших польскую общественную мысль.

Однако многие культурные начинания польского Просвещения не реализовались: не были созданы Академия наук, Академия художеств, Академия языка, Польский музей. Забытым даже исследователями той эпохи оказался проект музыкальной академии.¹⁵ Неосуществленной мечтой Коллонтая остались служащие патриотическому воспитанию «национальные празднества, публичные соревнования, игры, развлечения»¹⁶, организацию которых он планировал, почерпнув их идею у Ж.-Ж. Руссо¹⁷. Обилие не воплощенных в жизнь проектов было в целом характерно для европейского Просвещения — культурная инициатива его деятелей значительно превосходила реальные возможности. Однако в Польше их число было особенно велико. Это объяснялось как отсутствием достаточной финансовой базы, так и политическими обстоятельствами. В дальнейшем наиболее значительной для польской культуры оказалась деятельность следовавших просветительской программе научных обществ в Варшаве (1800—1832), Кракове (1815—1872), Плоцке (1820—1831), Люблине (1818—1831).

Они имели как собственно научные цели, так и «защитные» для польской культуры функции, которые выдвинулись на первый план в связи с потерей государственной независимости.

Создавая систему новых культурных институтов, эпоха Просвещения усовершенствовала и главное средство культурного общения — национальный язык. Именно в рассматриваемую эпоху языковой вопрос из филологического превратился в общественно-культурный. Впервые он был поставлен в 1740—1760-е годы в трудах Конарского, Богомольца, Красицкого. Для них правильно говорить означало и правильно мыслить. Стиль речи, ее четкий, ясный характер просветители считали одним из определяющих факторов как морального совершенствования людей, так и подъема науки, культуры в целом. Тем самым проблема языка оказалась теснейшим образом связана с проблемой реформ.

Во второй половине XVIII в. польский язык доминирует в государственных документах, научной, художественной литературе, восстанавливая позиции, в разной степени им утраченные в предшествующие полтора столетия. Он становится, как отмечалось, основным языком преподавания; значительно обогащается его лексический состав с одной стороны, за счет расширения социальных источников его пополнения, в частности, проникновения народно-разговорных элементов, а с другой — в результате инациональных заимствований, особенно заметных в научной терминологии. Появляются учебники грамматики (О. Копчиньского, 1778—1783), пропагандирующие также его достоинства. В условиях, когда образованная элита говорила и писала по-французски, не считая обязательным для себя владение родным языком, это имело принципиальное значение. Итоги развития просветительской лингвистической мысли подвел «Словарь польского языка» С. Б. Линде, изданный в 1807—1814 гг.

Совершенствование отечественного языка, который оказался способным выразить углубляющиеся научные и художественные представления о человеке и окружающем его мире, обретение им ведущего положения во всех сферах общественно-культурной жизни явились одним из непреходящих достижений польского Просвещения. После утраты независимости наличие развитого польского языка, на котором могли говорить все поляки, воспринималось современниками и было в действительности залогом сохранения нации.

Параллельно с появлением новых форм культурной жизни изменялось и положение деятелей культуры — писателей, ученых, художников, преподавателей. В это время они еще не образуют единой социальной группы. Однако именно тогда намечаются явления, которые приведут к формированию польской интеллигенции.

Среди ведущих деятелей польского Просвещения были люди разных сословий. Много было в их числе шляхтичей, подобных тому, о котором «Монитор» писал: его «фортуна скудна, по сравнению с уважением, вызываемым его добродетелями и поступками» (1765. № 1. С. 9). В Польше, как и в Европе в целом, большая группа просветителей носила сутану. Однако обмирщение состава и сознания деятелей культуры стало одним из признаков эпохи.

Социальное происхождение представителей различных областей культуры было неоднородным: если среди писателей преобладала шляхта¹⁸, то у художников, актеров доминировали мещане. Среди студентов и преподавателей Краковского университета было много крестьян¹⁹. Роль иностранцев, минимальная у литераторов, первоначально велика у живописцев, скульпторов, архитекторов, где она падает к рубежу XVIII—XIX вв.; с развитием Национального театра преодолевается доминация иностранных театральных трупп, хотя сохраняется их роль как пропагандистов наиболее значительных образцов зарубежной драматургии.

Различной была степень профессионализации творческого труда. Большинство писателей, поэтов жили за счет бенефиций, землевладений, учительских заработков. Первый в Польше авторский гонорар был выплачен в конце XVIII в. (обычно авторы получали в качестве вознаграждения часть тиража). Журналистика, возникшая во второй половине XVIII в., сразу же становится профессиональным делом. Живописью, скульптурой, архитектурой также занимались профессионалы, так как эти специальности требовали соответствующей выучки и традиционно были связаны с ремеслом.

Для Польши было характерно длительное сохранение в структуре культурной жизни любительства, что являлось следствием слабости художественного обучения, ограниченности материальной базы культуры, неразвитости художественного рынка. Отрицательно сказывалось и давление шляхетской этики, исходившей из идей Аристотеля, согласно которым свободному гражданину не при-

стало заниматься доходным делом. Вместе с тем распространению любительства в эпоху Просвещения благоприятствовали представления о необходимости для светского человека владеть художественными навыками, о высоком назначении культуры в обществе.

В рассматриваемое время меняется общественный престиж представителей культуры. Этому способствовала политика Станислава Августа, который привлекал ко двору людей науки и искусства, давал им шляхетское звание. Социальному продвижению преподавателей содействовала Комиссия национальной эдукации. Укреплению положения мастеров искусства, в особенности разделению художественного и ремесленного труда, благоприятствовали и сдвиги в эстетических взглядах: утверждалась все более осознанная оценка креативной роли мастера, понимание эстетической функции искусства; рождались мысли об индивидуальности, оригинальности творческого процесса, о свободе автора от строгого следования образцам. Росло и профессиональное самосознание мастеров, нашедшее, в частности, выражение в распространении автопортретов. Все это вело к эмансипации художников, формированию понятия творческой личности. Одним из следствий указанных явлений было зарождение в 1780-е годы представлений об авторском праве, хотя оно и не получило еще в то время в Польше юридического оформления.

В целом в эпоху Просвещения были выработаны профессиональные основы различных сфер культурной деятельности, подготовлены специалисты, составившие ядро польской интеллигенции. В это время сложился новый тип культурного деятеля, разностороннего по своим интересам, обладающего высоким уровнем гражданского сознания, пользующегося уважением в обществе благодаря интеллектуальному труду. Энциклопедизм просветителей являлся отражением характерной для того времени тесной взаимосвязи различных форм общественного сознания, органичного взаимопроникновения идеологической, научной, педагогической, художественно-эстетической мысли, происходившего под знаком доминирующей идеи морального преобразования общества.

Выражение в искусстве высоких нравственных начал, соответствие им типа поведения самого мастера польские просветители считали необходимым условием творческого совершенства. Так, теоретик музыки В. Сераковский полагал, что «хороший певец непременно должен быть

добродетельным, разумным, благородным, учтивым человеком»²⁰.

Стремясь к общедоступности культуры, просветители не только открывали театры, школы, типографии, но и воспитывали публику. В предисловиях к разного рода изданиям, в критических статьях они учили ее читать книги, смотреть театральные постановки. В свою очередь и публика выступала активным партнером. Именно эпоха Просвещения создала читателя, зрителя, пристрастно следящего за успехами отечественного театра, литературы.

Адресатом творчества стал гражданин. Деятели культуры не ограничивали круга своего влияния шляхтой. Сословные барьеры преодолел польский театр. Основоположник польской просветительской поэзии и исторической науки Адам Нарушевич восклицал в оде «К простонародью»: «Я пишу для тебя, Народ», уточняя, что граждане для него — это «только крестьяне и купцы» («Бедный литератор»). Подобные высказывания носили во многом декларативный характер. Они не означали действительного проникновения творчества в широкие массы. Препятствием этому был, в особенности, низкий уровень грамотности населения, даже состоятельного. Тем не менее, новая социальная ориентация творчества была чрезвычайно важна как для самих деятелей культуры, ослабляя их духовную зависимость от заказчика, мецената, так и для процесса демократизации культуры в целом.

*

К числу важнейших характеристик культуры в каждую эпоху относится специфика соотношения ее отдельных сфер. Просвещение как особый тип культуры может быть выделено, в частности, по этому признаку.

В отличие от Ренессанса, пронизанного эстетическими идеями, что позволило ему наиболее полно выразить себя в сфере искусств, Просвещение с его стремлением к правде, разумности, свободе мысли было носителем, в первую очередь, рационального начала и отдало ведущую роль науке, и прежде всего философии. Наука, по мнению польских просветителей, отделяет правду от фальши, дает «свободу суждения», освобождает мышление от «рабского ярма».

Другим фактором, определившим особенности взаимоотношения отдельных сфер культуры в годы Просвещения, явилось уменьшение в ней роли религии, ослабление

религиозного начала в каждой из ее сфер, а также снижение значения церковных институтов в культурной деятельности.

Прогрессивные деятели культуры, вырабатывая новую концепцию науки, направили критику прежде всего против господства теологии, которая, как подчеркивал Сташиц, построена на «слепой вере», навязывает свои мнения другим наукам, исследования заменяет ссылкой на авторитет священного писания или древних авторов, игнорирует опыт, который лишь один ведет к истине²¹.

Такая острая критика была естественна. Несмотря на постепенное проникновение в Польшу уже с конца XVII в. прогрессивной европейской научной мысли, уровень науки к середине XVIII в. здесь оставался весьма низким. Господствовала «подправленная святым Фомой» философия Аристотеля, как иронически отмечал Коллонтай. Преобладала теологическая интерпретация истории и природы, опиравшаяся на веру в сверхъестественные силы и предопределение. Медицина, естествознание как науки практически отсутствовали.

С распространением «новой философии» начался в Польше духовный, в том числе научный переворот. Он совершался в борьбе с острыми выступлениями, направленными против популяризации сочинений Коперника, Декарта, Ньютона, Лейбница, которыми особенно были отмечены 1750-е годы. Консервативные авторы писали о «философском разврате», охватившем общество. В жестокосердном, не в духе эпохи гневом они требовали повесить безбожных французских философов и ввести инквизицию!

Распространение эмпиризма способствовало повышению роли экспериментальных наук в структуре польского научного знания. Во второй половине XVIII в. большие успехи делает астрономия (Марцин Почобут, Ян Снядецкий), химия (Ян Доминик, Ян Яськевич, Енджей Снядецкий). Труды этих ученых позволили Польше достичь европейского уровня в названных областях.

Просветители выводили значение науки из объективных потребностей общества, проявляя в этом свойственный им прагматизм. Именно в утилитаристском плане была осознана роль естественных и точных наук как полезных для различных сторон общественно-государственной жизни. Речь шла прежде всего о применении открытий европейской науки для насущных потребностей страны, о воспитании специалистов, способных в даль-

нейшем вести самостоятельные теоретические исследования. Развитие естественных наук было направлено на изучение собственной страны, ее природы, ресурсов, разработку технологии сельскохозяйственного и мануфактурного производства, отвечающей местным условиям.

Гуманные нравы эпохи, как и забота о росте народонаселения, в котором видели залог прогресса, вызвали подъем медицины. Здоровье человека стало предметом общественного внимания (с этим связано введение физической подготовки в учебные программы). Всевозможные суеверия начали преодолеваться и в этой области. «Врачебная наука, — писал «Монитор», — это физика, применяемая к человеческому телу» (1773. № 66).

В годы Просвещения научные занятия перестали быть монополией ученых. По ироническому замечанию И. Красицкого, в это время философия входит в моду, как английские фраки. Научные проблемы становятся предметом разговоров на званых обедах, в салонах. Неумеренные страсти философствующих диспутантов, которые приводят чуть ли не к дуэлям, служат предметом сатирических выступлений «Монитора» (1770. № 15). В пиарских, иезуитских коллегиях, костелах устраиваются публичные диспуты, на которых обсуждаются вопросы новой философии, учение Коперника. Они происходят при большом стечении народа, так как бывают приурочены к сеймикам, заседаниям трибуналов. Газеты сообщают о лекциях местных и приезжих физиков; для многочисленных зрителей ставятся опыты с электричеством. В 1784 г. в Варшаве и в Кракове состоялись запуски воздушного шара, сделавшие их жителей «соучастниками» этого эксперимента.

Философ для просветителей — не келейный ученый, не мудрец-отшельник. Открывая людям путь познания, который ведет «от частных причин ко всеобщим», он выступает как активный участник общественной жизни, борец против предрассудков, закостенелых авторитетов. Е. Цианкевич, польский переводчик Локка, писал, что состояние просвещения и наук в XVIII в. уже таково, что оно освободило философов от необходимости быть философами и позволило им стать физиками, подчеркивая тем самым органическую связь мировоззренческих перемен с развитием экспериментальных и естественных наук.

Картина мира, отражавшая просветительские представления о личности, обществе, универсуме, основывалась на гипертрофированном понятии природы, которую они

противопоставляли всем предрассудкам и заблуждениям человечества. Не божественному провидению, а «вечным, необходимым, неизменным» (по словам Коллонтая) «естественным законам» они подчинили развитие общества, видя в познании их путь прогресса. Вместо фанатизма они хотели исповедовать «естественную религию», а деспотизм заменить «естественным равенством»; людям в своих поступках следовало, по их мнению, руководствоваться вытекающими из «естественных законов» правами и обязанностями, не зависящими от божественных или государственных установлений. «Естественным» должен был стать эстетический вкус, «естественные чувства» культивировали литература и живопись, искусству надлежало подражать образцам природы, ибо только таким образом оно могло, по их мнению, прийти к правде. В «театр природы» (выражение Езерского) превратилось садово-парковое искусство. Именно природа стала главным объектом научного изучения. В природе, земле видели основное богатство государства, его источник (физиократизм). Из природных условий выводили различия между народами. Природа трактовалась как материальная основа мира. Природа была и «первопричиной», которой «весь мир обязан бытием» (Коллонтай), но под которой мог пониматься и бог (как у Сташица).

Материализм польских ученых еще заключен в оболочку деизма. Он стал той исторической формой материализма, до которой сумела подняться передовая философская мысль польского Просвещения. Материализм польских просветителей носил ограниченный характер и в другом отношении: они трактовали понятие материи эмпирически, т. е. выводили его из чувственных представлений²².

Одним из важных источников, питавших культуру польского Просвещения, чертой, определявшей ее типологию, был рационализм, который был воспринят от европейских мыслителей XVII в. Однако для Декарта и картезианцев он был прежде всего гносеологической категорией, подчеркивавшей доминацию дедуктивного начала в познавательном процессе. Для просветителей же рационализм означал глубочайшую веру в силу разума, в закономерности общественного бытия и в связи с этим противопоставлялся иррационализму, суевериям и предрассудкам. В теории познания культура XVIII в., не исключая и польскую, вслед за Локком и Кондильяком пошла по пути эмпиризма и сенсуализма. Ощущение,

личный опыт были признаны основой всех знаний, обобщить которые должен разум. Личный опыт был признан и источником совершенствования самого человека. Так, в романе «Приключения Миколая Досвядчиньского» Красицкий, проводя своего героя через жизненные искушения и испытания, проиллюстрировал просветительский тезис о том, что из заблуждений выводит только опыт (Сташиц). Значение эмпиризма автор подчеркнул и фамилией своего героя (Досвядчиньский от «doświadczenie» — «опыт»).

Однако при этом, как в подавляющем большинстве случаев у польских просветителей, не был забыт и бог; но его отождествили с разумом, за которым признали силу божества. Могущество разума «невидимо и безгранично», оно «делает нас бессмертными»²³, — писал Сташиц в своем основном философском труде «Род человеческий» (начат в 1792 г., опубликован в 1819—1820 гг.).

Все устремления эпохи Просвещения, ее философские, морально-этические, эстетические концепции были направлены на поиски человеческого счастья. О счастье мечтали и раньше (эвдемонизм присутствовал еще в античной философии). Но сейчас оно стало казаться реальным и доступным, обрело иные временные и пространственные очертания. В отличие от средневековья его перенесли с неба на землю, из загробного будущего в земное настоящее.

Это знаменовало важнейший сдвиг в сознании — отход от теологического миропонимания — и вместе с тем стало выражением антиклерикального духа. Эпоха ориентировалась на земные, а не религиозные проблемы и была отмечена не только распространением деизма, но и, как говорилось, глубокой критикой церковных институтов, теологии, а в ряде случаев и догматов религии.

В Польше не получил развития атеизм. Взгляды польских просветителей характеризовало не отрицание религии, а стремление, вслед за Спинозой, ограничить поле ее деятельности прежде всего вопросами морали, решительно отделив ее от науки. Задачей польских реформаторов было также подчинить церковь государству, национальным интересам, изолировав от решающего влияния Ватикана. Поляки, как и немцы, шли в отличие от французов не к отрицанию бога, а стремились к его «разумному» истолкованию. И в этом отношении даже наиболее прогрессивных из них — Сташица, Коллонтая — вполне устраивал деизм. Они вообще не хотели углубляться в онтологические проблемы, так как пола-

гали, что «споры в этой области никогда не приведут нас к полной уверенности и очевидности»²⁴.

Позднее в деистической интерпретации первопричины мира начали видеть историческую ограниченность просветительского мировоззрения, однако в XVIII в. деизм воспринимался как отрицание всей религиозной традиции. Для людей сарматского покроя, как известный мемуарист А. Китович, деисты — это безбожники, которые, как он с горечью констатировал, появились «не только между магнатами, но постепенно также среди состоятельной шляхты и богатых купцов»²⁵. Деизм сурово осуждал и Конарский.

Соотношение религии и просвещенности деятели той эпохи ставили в обратно пропорциональную зависимость. «Чем больше человек будет познавать природу, — писал Сташиц, — тем меньше будет оставаться у него богов. Но то, что в природе останется скрытым от него, он будет долго, а может быть, и всегда обожествлять»²⁶. Религия, основанная на суевериях, вступает в союз с угнетателями. Католическая церковь в Польше, по мнению Сташица, потворствует рабству, она освятила крепостное право, ополчилась против народа, называя его чернью, считая его уделом рабство и невежество; она не дает уничтожить сословия, оживляет дух привилегий, фанатизма, обмана. Ее служители — «учителя суеверия, искусные в деле соблазна и лжи».²⁷ В этих высказываниях звучит одна из ярчайших идей, пронизывающих культуру Просвещения, — идея свободолюбия.

«Свобода является фундаментом общества, она гарантирует естественные законы, поддерживает гражданское правление, способствует распространению индустрии, торговли, искусства и науки, а также составляет счастье каждого», — писал А. К. Чарторыйский в 1763 г.²⁸ Уже в этих словах намечена многосторонняя трактовка понятия свободы, свойственная польскому Просвещению. Первое, что обращает внимание, — его совершенно новое политическое содержание по сравнению с предшествующей эпохой. Это не «шляхетские свободы», противопоставляемые единовластному, централизованному правлению. Борьба с такого рода пониманием свободы, тождественной анархии, будет вестись на протяжении всей второй половины XVIII в. Лишь в годы Четырехлетнего сейма (1788—1792) шляхетские массы придут к признанию того, что «беспорядок и раздоры ввергают нацию в деспотизм худший, чем тот, который проистекает от тягостного

единовластия»²⁹. Изменив политическое содержание понятия «свобода», просветители иначе интерпретировали и другие его аспекты — личный, социальный, национальный, о чем речь пойдет ниже.

«Эпоха света» знаменовала новый уровень гуманизма. Она позволила «в новом свете» увидеть человека, его прошлое и будущее. Философия освободила его от власти предопределения и тяжести первородного греха, который аскетизмом он должен был искупать всю жизнь. Он сам стал творцом своей судьбы. Философы Просвещения потеряли интерес к созданию универсальных систем. Космологию вытеснила антропология; не Вселенная, а человек оказались в центре внимания. Антропологизация явилась еще одной особенностью культуры Просвещения, а гуманность — ее высшей этической целью.

Отказавшись от теории врожденных идей, как логических, так моральных и религиозных, просветители провозгласили право свободного индивидуального развития. От каждого человека, по их мнению, зависело, что будет вписано на ту «чистую доску», каковой, вслед за Платоном, Аристотелем и Локком, они признали его индивидуальное сознание. Это определило активный, созидательный характер культуры Просвещения. Свобода поступков представлялась ее деятелям гарантией сохранения индивидуальности. «*Sapere aude*» — «отважься мыслить» — этот девиз Горация стал эпитафией к одному из первых номеров «Монитора» (1765. № 15), призывавшего читателей смело отстаивать свои взгляды*.

Полагая свободу действия и свободу совести неотъемлемым правом каждого, просветители, однако, видели их прежде всего в исполнении прав и обязанностей, вытекающих из естественных законов. Именно это должно было гарантировать личное счастье, социальную справедливость, благополучие отечества. «С благодарностью пользоваться дарами и плодами свободы» — значит «приносить пользу своей родине, спасти ее от гибели», — писал «Монитор» (1763. № 4). Добродетельный человек не может быть равнодушным к судьбе отечества.

Такой подход свидетельствовал о глубоком патрио-

* Характерным документом эпохи является хранящееся в ЦГАДА (Госархив. Разд. XII. Д. 202) письмо Ю. У. Немцевича Г. А. Потемкину, в котором польский писатель и общественный деятель с чрезвычайной смелостью отстаивает право человека свободно выражать свои мысли.

тизме этических концепций польского Просвещения, характерном и для его культуры в целом. Он неразрывно сливался с идеей гражданственности, столь ярко выступающей во всех начинаниях польских просветителей. Развивая ее, они опирались на античное наследие, которое явилось одним из источников формирования Просвещения, в том числе польского. Постепенно утрачивая роль образца для подражания, античность все больше становилась импульсом для поисков самостоятельных решений.

С вопросом о свободе личности была связана и проблема толерантности, решенная европейским Просвещением. В Польше, где католическая религия выступала как господствующая и где лишь католики имели право занимать общественные должности, эта проблема сразу же приобрела особую социальную остроту, затрагивая кардинальные интересы шляхты. Но она имела и очень болезненный политический аспект, так как инициаторами уравнивания иноверцев в правах с католиками выступали иноземные державы — Пруссия и Россия, видевшие в этом путь усиления своего влияния на дела Речи Посполитой и угрожавшие прямой интервенцией в случае отрицательного решения вопроса о правах диссидентов в польском сейме. Поэтому пропаганда веротерпимости велась польскими просветителями очень осторожно. Вызвав ожесточенную полемику в 1760-е годы, эти проблемы перестали быть политически актуальными после принятия закона о предоставлении прав диссидентам (1768), утратив в дальнейшем и теологическую остроту. Конституция 1791 г. зафиксировала свободу вероисповедания, сохранив, однако, господствующее положение католической религии.

Не только проблема свободы личности, но и неразрывно с ней связанные вопросы социальной справедливости серьезнейшим образом занимали просветителей. «В нашу эпоху уже нельзя думать о счастье нескольких сот тысяч человек, — писал Коллонтай, — а необходимо думать о свободе для всех, о справедливости по отношению ко всем»³⁰.

Однако путь к свободе искали прежде всего на путях просвещения. Отсюда характерное соединение понятий «свобода» и «истина». Крепостничество «закрывает дорогу разуму», — утверждал «Монитор» (1765. № 5). «Неволя гарантирует невежество, а свобода открывает истину», — вторил ему Сташиц³¹. Овладение правдой ведет к свободе,

к уничтожению рабства (как они называли крепостничество), правда — это социальная справедливость.

Мышлению просветителей была свойственна антиномичность: естественная природа и культивированный разум, идея прогресса и возврат к натуре, разум и чувство, личное и общественное, универсализм и усиливающееся внимание к национальному, критика церкви и утверждение высоких представлений о морально-этическом предназначении религии, рационализм и развитие спиритуализма, усиление публичного начала в общественно-культурной жизни и конспиративность масонских лож — эти противоречия не приводили к драматическим коллизиям, а сосуществовали во взаимосвязи и взаимодействии. Для эпохи была характерна интеграция различных течений и тенденций, которые в дальнейшем резко разойдутся³². «Стол дискуссий одновременно разделял и объединял»³³.

Показательно возникновение в Польше такого специфического явления, как «просвещенный сарматизм», который был продуктом взаимопроникновения европейских идей Просвещения и национальной культурной традиции и который ярко отразил особенности культурного и политического развития Польши второй половины XVIII в. Компромиссом между материализмом и теологией был деизм. Польские просветители избегали крайних воззрений, плодотворным считали эклектизм, свойственный просветительской европейской мысли того времени в целом³⁴. В нем видели путь борьбы с устарелыми авторитетами, возможность свободного общения с различными теориями, способ освободить философию от «школярского плена», как писал К. Нарбутт — польский ученик и последователь Х. Вольфа, воспринявший от учителя тезис, согласно которому правдиво то, что не содержит внутренних противоречий.

Доминирующей для просветителей оставалась идея гармонии: морального и физического начала, человека и природы; она лежала в основе их эстетического идеала. Она находила выражение и в интерпретации еще одного аспекта, в котором выступало понятие свободы, — соотношение личного и общественного. И здесь польские просветители обнаруживали отмеченную тенденцию к снятию противоречий: счастье человека-гражданина неотделимо от счастья всего общества. Поэтому подлинная свобода должна основываться на соблюдении правильно понятых личных интересов.

Придавая огромное значение институту частной собственности, более того, признавая владение собственностью, наряду с равенством и свободой, основным правом человека, путь к достижению социальной гармонии просветители видели в добровольном отказе от злоупотребления своими правами, в способности поставить общественный интерес выше личного. Поэтому чрезвычайно возрастало значение этики. Этические концепции пронизывали всю культуру Просвещения. «Разум без добродетели противен натуре», — утверждал «Монитор» (1765. № 24). Выдвижение на первый план нравственных проблем стало характернейшим признаком культуры той эпохи. Отсюда вытекала ее дидактическая направленность, а назидание, морализация выступали наиболее распространенными формами воздействия.

Вопросам этики были посвящены важнейшие труды просветителей — «Размышления над жизнью Яна Замойского» Сташица (1787), «Физическо-моральный порядок» Коллонтая (написан в 1794—1802 гг., издан в 1810 г.). Их отличала антифеодалная ориентация. Они служили разрушению традиционалистской ментальности, преодолению социальной пассивности.

В основу этической концепции просветителей, наиболее полно разработанной Сташицем, было положено представление о необходимости трудиться. Первой обязанностью человека является труд, благодаря которому он становится полезным гражданином. Вторая заповедь — соблюдать законы своей страны, уважать равенство граждан, помогать им своим трудом. «Все граждане связаны между собой», и понимание этой связи, по мнению Сташица, должно определять моральные убеждения. Но и в этом вопросе он вновь оставлял место для религии, которая даже самым могущественным людям должна внушить «страх перед наказанием за вред, нанесенный людям»³⁵.

В этических концепциях просветителей вырисовывается новый тип личности, который они хотят сформировать. Это гармонично развитый гражданин-патриот, активный человек, целенаправленно воздействующий на свое окружение, как общественное, так и природное. Он должен пройти военное обучение, что даст ему возможность защищать свою страну; ему следует быть дисциплинированным, но далеким от рабского подчинения, придерживаться гласности поступков, быть искренним. Он обязан трудиться, признавать равенство сограждан, способство-

вать их благосостоянию, что является высшей добродетелью. Человеком перестает быть как невольник, так и угнетатель. Отрицательные свойства, которые следует искоренять, — это честолюбие, расточительность, любовь к роскоши, неподчинение правительству, пренебрежение заповедями «истинной религии», насилие и несправедливость, осмеяние национальных обычаев³⁶.

Для Польши, как и всего региона, особую актуальность приобретала сформулированная просветителями идея национального равноправия: права народов были поняты ими как «совокупность прав людей». Вместе с тем была подчеркнута взаимосвязь в положении отдельных народов. По мысли Сташица, весь род человеческий должен страдать, если хотя бы в одной стране поправны права людей. Выступая против войн и считая прочный мир «высшим принципом цивилизации», просветители признавали справедливыми лишь войны для защиты своих прав, для противостояния насилию. Подчеркивая страшную силу проснувшегося народного гнева, Сташиц отмечал, что только сама нация должна определять «свое счастье и пути к достижению его»³⁷.

Одним из важнейших завоеваний польского Просвещения явилось изменение интерпретации понятия «нация»: от отождествления ее со шляхетским сословием передовое польское общественное сознание поднялось до понимания единых этнических истоков и исторических судеб всех поляков и, более того, признало трудящиеся слои основой благосостояния государства, хранителями национальной культуры, «лица нации» (Езерский).

Новой оценке роли народных масс способствовало распространение физиократизма. Именно в физиократических концепциях наиболее полно выразила себя экономическая мысль просветителей, хотя некоторые из них проповедовали ушедший в прошлое меркантилизм или новую политэкономия А. Смита. Последователями Ф. Кенэ здесь были Сташиц, Антоний Поплавский и особенно Коллонтай, который занял самостоятельную позицию по отношению к французскому мыслителю, показав, что не только земля и сельскохозяйственный труд являются источником национального богатства; его увеличивают и ремесленники, и работники мануфактур. Важную роль сыграла работа Иеронима Стройновского, опубликованная в 1785 г. и переведенная в 1809 г. на русский язык под названием «Наука права природного, политического государственного хозяйства и права народов».

Она имела широкий резонанс, так как в ней поднимался вопрос о необходимости преобразований общественно-экономической системы и об освобождении крестьян.

Один из важнейших источников общественного благополучия просветители видели в неприкосновенности частной собственности, в развитии предпринимательства. Вместе с тем они различали имущество, возникшее как результат труда, и «привилегированную собственность», феодальную, которая служит обогащению только горстки людей.

Отношение к собственности непосредственно связывалось с политическими концепциями просветителей. Отстаивая всеобщее право на собственность, они выступали и за право всех собственников участвовать в законодательной деятельности, провозгласили право горожан (мещанского сословия, по польской терминологии того времени) занимать гражданские и военные должности. Чрезвычайно важным было сформулированное польскими просветителями отношение к отдельным сословиям. Магнаты — это «наибольшие должники Польши», они «всегда наживались на Речи Посполитой», «уничтожили. . . представление о правосудии», они — «распущенные и легкомысленные, жадные и расточительные» — привели шляхту к моральному разложению, испортили национальный характер поляков, утверждал Сташиц³⁸. Резкая критика звучала и в адрес духовенства, которое, «испорченное жадностью. . . примирило любовь к ближнему с рабством человека»³⁹.

Все же ведущим сословием признается по-прежнему шляхта. Сказать иначе — вызвать всеобщее противодействие просветительским планам. Однако достоинства шляхты считают в основном отошедшими в прошлое. «Шляхтич из неустрашимого стал в высшей степени трусливым, из гордого стал раболепным, из рожденного для свободы — созревшим для самого тяжелого рабства», он утратил представление о справедливости. «Ему ничего не стоит совершить клятвопреступление. Слава нации, любовь к отечеству не вдохновляют его на жертвы»⁴⁰. Осознать свою связь с нацией, по мнению Сташица, — неотложный долг шляхты.

Публицистические и художественные произведения просветителей пронизывает сочувственное отношение к крестьянской доле. Барщина обличается как варварство, вызывающее отвращение к труду, делающее его непро-

изводительным. Выдвигается требование дать личную свободу крестьянам, перевести их на чинш, защитить правосудием от произвола помещиков, обучить грамоте. Однако лишь самое левое крыло формулировало идеи, которые предполагали не «усовершенствование» феодального строя, а разрушение его принципов (требование земли и политических прав для крестьян).

Важнейшей союзницей «моральной науки» стала история своей страны. Век Просвещения во всей Европе был временем создания «национальных историй», представленных в Польше фундаментальным трудом Адама Нарушевича — «История польского народа» (доведена до 1381 г., издана в 1780—1824 гг.).

Отношение польских просветителей к истории отличал дидактизм, стремление извлечь из нее примеры хорошего и дурного правления, а также ярко выраженная политизация. Деятели польского Просвещения решительно противопоставили себя непосредственным предшественникам, подвергнув резкой критике ситуацию, сложившуюся в Речи Посполитой в конце XVII в. «Склонность... нашего просвещенного века, — писал Езерский, — как можно больше во всем сомневаться»⁴¹. Критицизм, ирония, утопизм, столь типичные для всего европейского Просвещения, помогали раскрыть несостоятельность, абсурдность окружающей действительности и показать необходимость ее преобразования по законам разума. В Польше они служили укреплению суверенности страны.

Критицизм проявлялся и в отношении к прошлому. Отрицательно оценивая время правления саксонской династии (1697—1763), просветители в черных тонах рисовали нравы и общее состояние тогдашней культуры. Эти взгляды, обобщенные позднее в работе Коллонтая «Состояние просвещения в Польше в последние годы правления Августа III (1750—1764)» (написана в 1803—1810 гг.), были обусловлены не только печальной реальной действительностью, но и основывались на свойственных мыслителям XVIII в. представлениях, согласно которым предшествующие века полны заблуждений и ошибок, уводивших человечество от «золотого века». Непонимание просветителями исторической причинности⁴² порождало у них направленное на восстановление «естественных прав и порядков» внеисторичное отношение к прошлому, отрицание ими своей связи с непосредственными предшественниками, которых они не хотели замечать и признавать.

Как бы то ни было, критицизм явился не только характерной чертой Просвещения, но и его движущим фактором. Именно прогрессивные деятели показали губительный для Польши характер деятельности избранных на польский трон саксонских правителей. Для консерваторов же это были годы «сладостного правления» двух Августов, счастливой жизни процветающего народа.

Просветители подвергли критике также современное устройство и состояние Польши. Ею были наполнены «Несколько писем анонима к Станиславу Малаховскому» Коллонтая (1788—1789), «Размышления над жизнью Яна Замойского» и «Предостережения Польше, вытекающие из современных политических отношений в Европе и из законов природы» (1790) Сташица, политическая публицистика конца 1780-х — первой половины 1790-х годов, особенно работы Ф. Езерского.

Критическое осознание положения страны активизировало усилия, направленные на подъем экономики, культуры, на реорганизацию государственной деятельности. Реформаторам противостояли консервативные силы, сторонники «вечных и неизменных» так называемых кардинальных прав, обеспечивающих шляхетские вольности и магнатский произвол, гарантами которых выступили Россия, Австрия и Пруссия, не позволявшие произвести необходимые для укрепления страны реформы, чем, по словам Энгельса, был предрешен окончательный раздел Польши⁴³.

Но люди, предпринимавшие усилия по переустройству Речи Посполитой, тогда еще этого не знали, и все их начинания, пронизанные верой в возможность разумной организации общества, были одновременно проникнуты надеждой на будущее. Исторический оптимизм, выступающий как одна из типологических черт европейского Просвещения, был присущ и польским мыслителям. Он нашел выражение в родившейся в ту эпоху теории исторического прогресса. В интерпретации Сташица его главным источником является человеческая мудрость, творческая мощь людей, а не провиденциальная сила бога. Просветители сделали решительные шаги, ведущие к научному историзму. Они не ограничивались рассказами о правителях, а стремились широко исследовать общественную жизнь, «деяния народов». Этот принцип, реализованный Нарушевичем, получил дальнейшее развитие у Сташица и — наиболее полно — у Коллонтая.

Была сделана попытка материалистически подойти

к объяснению исторического процесса. Постепенно складывалось понимание исторической науки как познания закономерностей развития человеческого общества. Важное значение для развития историзма имело и критическое отношение к историческим источникам. Их систематическое соби́рание, изучение и издание явилось еще одним вкладом просветителей в историческую науку.

Типологические особенности польского Просвещения в полной мере обнаружили себя и в сфере художественного творчества, повлияв на его видовой, жанровый и стилиевой облик, структуру художественной жизни, определив место искусства в культурной деятельности. Вместе с тем художественные свершения той эпохи существенно обогатили облик культуры, придали ей завершенный вид, целостность.

Искусство, как и наука, «способствует всеобщему счастью», «приносит удовлетворение всем сословиям», «ведет к очищению нравов», — провозглашал «Монитор» (1773. № 62). Исходя из этих представлений, просветители отводили искусству высокую роль в обществе и определяли черты, которыми они сознательно и последовательно стремились наполнить свое творчество. Они хотели сделать его назидательным, морализирующим, но и понятным, занимательным — не для того, чтобы превратить его в чистое развлечение, а с целью облегчить его восприятие, обеспечить ему успех, и тем самым привлечь к нему общественное внимание. Такого рода творчество, как и вся культура Просвещения, было призвано активно служить преобразованию окружающей действительности, воспитанию человека-гражданина. В художественных произведениях авторы усиленно пропагандировали свои политические, экономические, этические взгляды и не боялись наскучить читателю нравоучениями, так как именно этого от них и ждали. Задачей каждого автора было способствовать каким-либо «полезным изменениям в читателе» (Ф. Карпиньский).

В эпоху Просвещения творчество перестало быть частным делом; писатели, художники рассматривали его прежде всего как служение обществу. В произведениях ведущих мастеров эпохи оно получило отчетливую гражданскую направленность. Начав со спокойного морализаторства, польская литература и искусство к концу столе-

тия наполнились обличительными мотивами, бичевали социальную и политическую реакцию, приобрели ярко выраженный политический характер. Как и вся культура Просвещения, творчество имело очень четкую этическую ориентацию. Торжество добродетели являлось обязательным завершением всех конфликтов; при переводе на польский счастливую концовку получали даже трагедии Шекспира; благополучно заканчивались и польские трагедии («Зыгмунт Август» Ю. Выбицкого, 1783).

В рассматриваемую эпоху в иерархии видов художественной культуры на первом месте выступают литература и театр. Они становятся главным полем формирования художественно-эстетических идей⁴⁴. В Польше они приносят и наиболее значительные творческие результаты, служат объектом повышенного внимания общества, что, в свою очередь, дало основу для рождения польской литературной и театральной критики. Значение литературы и театра определялось также их ролью в развитии отечественного языка.

Музыка не заняла в польском Просвещении места, аналогичного тому, которое присуще ей в западноевропейском регионе и позволяет исследователям признавать ее «высшим из искусств» XVIII столетия. В Польше в этой области еще не выдвинулись крупные фигуры; музыкальное творчество и исполнительство еще в значительной мере были связаны с богослужением, хотя воздействие идей Просвещения проявилось и здесь. Своим движением вперед музыка была в большой мере обязана театру как с точки зрения становления оперного жанра, так и разработки драматургии сонатно-симфонического цикла.

Театр оказал влияние и на живопись, утвердив в ее композиции принципы сценического пространства, научив художников костюмировать портретируемых *à l'antique* или *à l'anglaise*, наполнять свои полотна атрибутами, напоминающими театральный реквизит, но, что важнее, создавать контакт между портретируемым и зрителем.

Эпоха Просвещения несла новый тип взаимодействия пластических искусств. В результате усилившегося внимания к станковым жанрам (за счет монументально-декоративных), скульптура, живопись все больше освобождались от власти архитектуры, разрушалось свойственное барокко неразрывное единство архитектурно-пространственного и изобразительного начал, на второй

план отступала декоративно-прикладная функция, еще столь сильная в рококо.

Это позволило картине, статуе отделиться от стены, конкретного интерьера, стать в полной мере самостоятельными, что, с одной стороны, открыло путь для углубления содержательно-психологических характеристик (развитие портрета), а с другой, — дало возможность поместить их в любом месте, в том числе в выставочных залах, музеях, идея которых популяризировалась именно Просвещением. Так проявилась органическая связь поэтики художественного творчества и форм бытования произведений искусства в обществе, шире говоря, — форм художественной жизни⁴⁵.

Просвещение принесло дальнейшую дифференциацию литературной деятельности: обособление журналистики, литературной критики. Правда, в эту эпоху под влиянием дидактического начала можно отметить усиленное взаимопроникновение беллетристики, научной, политической, педагогической литературы, контаминацию их функций и форм. Так, одно из наиболее значительных сочинений эпохи — роман Красицкого «Пан Подстолий» (Т. I—III. 1778—1798) очень близок трактату-назиданию. Он имеет весьма скромную сюжетную линию, введение которой воспринимается как осознанная автором необходимость «просвещать, развлекая». Весь текст — это поучительная речь Подстолия, преподносящего внимательному слушателю программу реформ, которую Красицкий адаптирует в более умеренном, чем его собственные представления, духе для шляхетского читателя⁴⁶.

Изменения происходят в структуре жанров, иным становится удельный вес отдельных из них, а в значительной мере и их характер. Так, в области изобразительного искусства широкое развитие получает историческая картина, ведута, различные типы портрета; закладываются основы бытовой живописи, самостоятельную роль приобретает рисунок.

Художественное творчество XVIII в., хотя еще оглядываясь на теоретические установления предшествующего столетия, изживало нормативность, разделение сфер идеального и реалистически-бытового. Вопреки классической иерархии, в польской художественной практике соотношение «высоких» и «низких» жанров было в пользу последних. Это способствовало расширению социального круга персонажей, а тем самым углублению реалистического показа действительности, хотя аллегории еще продолжали жить и в театре, и в живописи.

Просветители хотели в конкретной личности увидеть универсального «естественного человека», поднять рядового индивидуума до уровня нравственного идеала, найти образцы поведения в жизни каждого гражданина; они поняли, что «высокие чувства» — удел и самых «низких» сословий (Ф. Н. Голяньский). Это также способствовало стиранию границ «высокого» и «низкого», утверждению жанров универсального типа, каким стал просветительский роман, представленный в Польше одним из вершинных для ее литературы тех лет явлений (И. Красицкий. «Приключения Миколая Досвядчиньского». 1775).

Развитие романа отразило происходившее в рассматриваемое время усиление роли прозы. Она обрела все более широкую полифункциональность, стала языком переживавшей расцвет политической и морализаторской публицистики, средством выражения научной мысли. Прозой было написано также большинство драматургических произведений той эпохи, представленных прежде всего жанром комедии и мещанской драмы.

Комедия, к которой обращались все крупнейшие польские авторы от Ф. Богомольца до Ф. Заблоцкого, являлась для просветителей средством широкого показа нравов и обычаев своего народа, она была призвана «отвращать от пороков, искоренять недостатки, воспитывать достойных граждан, людей, совершенных в общественной и частной жизни», как полагал один из ее создателей и теоретиков — А. К. Чарторьский (1734—1823)⁴⁷.

Польская комедия сформировала свой тип героя, в чертах которого сочеталась национально-бытовая конкретность с устоявшейся классицистической схемой обрисовки положительных и отрицательных персонажей. Среди важных элементов характеристики образов были социальные различия языка, что способствовало проникновению в театр, литературу простонародной речи. Мещанская драма, в основном переводная, в оригинальном польском творчестве не дала столь ярких произведений, как комедия. Тем не менее и она способствовала пропаганде просветительской программы.

Однако поэзия также по-прежнему служила выражению широкого круга идей и образов. Для классицистов ритм стиха был средством, упорядочивающим мышление, делающим речь экономной и содержательной (поэтому в стихотворной форме продолжали писаться теоретические трактаты, как Ф. Кс. Дмоховского «О красноречии и поэзии», А. Альбертранди «Стих о живописи», фило-

софская поэма Сташица «Род человеческий»). Блестящее развитие получила героико-комическая эпопея (И. Красицкий. «Мышеида». 1775; «Монахомахия». 1778; Т. К. Венгерский. «Орган». 1777), появлялись многочисленные оды (А. Нарушевич), анакреонтическая лирика (Ф. Карпиньский, Ф. Князьнин).

Критицизм Просвещения привел к распространению сатирических жанров как в прозе, так и в поэзии. Раньше всего они нашли место в театре (комедия как его доминанта), литературе (басня, сатира, эпиграмма, героико-комическая поэма, пасквиль), а также в музыке (комическая опера, оперетта, водевиль). В конце века они появились и в польской графике (карикатуры, сатирические зарисовки Ж. П. Норблена и его учеников — М. Плоньского, А. Орловского). С одной стороны, они выполняли важную общественно-воспитательную функцию, активизируя общественное мнение, обличая недостатки, вступающие в конфликт с общественными интересами, «общей пользой», с другой — расширяли границы прекрасного, способствуя преодолению канонов «идеальной красоты».

В искусстве Просвещения возобладала светская тематика. Если ранее костел выступал как важнейший идейный и материальный стимулятор творчества, то теперь, когда сакральные функции искусства отходят на дальний план, новые произведения литературы, живописи, архитектуры — это результат преимущественно светской художественно-эстетической мысли и инициативы. Изменяется характер и самого религиозного искусства, которое лишается спиритуализма, экстатичности.

Светское назначение, за немногими исключениями (протестантский собор в Варшаве, архитектор Ш. Б. Цуг), имеют главные архитектурные работы эпохи, так как сооружение монастырей практически прекращается, а костелов резко уменьшается. Проектируются и строятся общественные здания, среди них культурно-просветительного назначения — обсерватории, библиотеки, учебные помещения, а также административные и коммунальные — ратуши, заставы и др.⁴⁸ Широко ведется и частное строительство — возводятся многочисленные дворцы, которые включают помещения библиотек, картинных галерей, комнаты для различного рода коллекций. Их заказчиками являются не только магнаты и богатая шляхта, но и нарождающаяся финансовая буржуазия (дворец Теппера, архитектор Е. Шрегер). Многие дворцы уже не изолируются от городской среды густо засаженными

зеленью парадными дворами, придававшими им усадебный вид, а своими фасадами выносятся на линию улицы (дворец Тышкевичей, архитектор Ян Камзетцер). Это повышало их роль в урбанистическом ансамбле, а тем самым общественную функцию — они становились активным фоном городской жизни. Общественное звучание приобретают и интерьеры Варшавского замка (1770—1786, ведущий архитектор Д. Мерлини). Их живописное и скульптурное убранство было подчинено четкой идейной программе — показать былое величие Польши (цикл исторических полотен и королевских портретов М. Баччарелли), прославить ее наиболее выдающихся политических, военных и культурных деятелей (портретные бюсты А. Лебрена), подчеркнуть характер деятельности Станислава Августа как просвещенного монарха. Правительственные учреждения впервые обрели самостоятельное здание — Дворец Речи Посполитой (это название получил после перестройки дворец Красиных, возведенный еще в XVII в. выдающимся архитектором Тильманом Гамерским).

Светский дух Просвещения проникал и в храмы, ряд из которых получил богатую рокальную декорировку (это время было отмечено расцветом деревянной скульптуры, резьбы по дереву). Теоретик музыки, организатор концертов в Кракове каноник Вацлав Сераковский с беспокойством писал, что исполнением инструментальной музыки «мы превращаем костелы в актовые залы»⁴⁹. Действительно, инструментальные жанры получали все более широкое распространение как в творчестве польских композиторов, так и в репертуаре церковных капелл. Это было одним из проявлений жанрового перелома, совершенного эпохой Просвещения в музыке, хотя польские теоретики по-прежнему отводили вокальной музыке («словесной», по выражению В. Сераковского) первое место. Главным для просветителей оставалось слово как наиболее активное средство морального и художественного воздействия. В это же время закладываются основы польского симфонизма (Антоний Мильвид), происходит существенная для развития польской музыки трансформация полонеза из танцевально-бытового в инструментальный жанр (М. К. Огиньский).

Новым в культуре польского Просвещения было распространение музыкально-сценических произведений — оперетт, водевилей; именно в эти формы в Польше облакалась комическая опера, способствовавшая перевороту

в интонационной и жанровой сферах европейской, в том числе польской музыки, утвердившая гомофонно-гармонический тип музыкального мышления, связанный с народно-бытовыми основами. Собственно опереттой была «Осчастливленная нищета» (1778) Мацея Каменьского, написанная на текст Ф. Богомольца в расширенной редакции «отца польского театра» Войцеха Богуславского (1760—1829) *, хотя сам автор и называл ее «первой польской оперой», т. к. она имела польский текст⁵⁰. Среди многочисленных пьес «с музыкой и танцами» наиболее полно особенности музыкально-сценического творчества той эпохи проявились в «Краковянах и горцах» Богуславского с музыкой Яна Стефани. Здесь были широко использованы элементы народной и бытовой песни, танца, что свидетельствовало о взаимодействии народного и «ученого» начал в культуре польского Просвещения. Вместе с тем здесь утверждался новый тип героя — человека из народа, нашедший место и в других видах творчества. Именно в рассматриваемые годы в польском искусстве как самостоятельная выделяется крестьянская тема.

В эпоху Просвещения окружающая жизнь впервые столь непосредственно вошла в польское творчество, запечатлевшее ее в конкретной реальности. Прямым откликом на политические и социальные сдвиги стали поэтические и публицистические сочинения времени Четырехлетнего сейма и восстания 1795 г. Национально-освободительная проблематика, впервые ярко выступившая в польской литературе в поэзии барских конфедератов (конец 1760-х годов), постепенно расширяясь, в XIX в. явилась одним из определяющих элементов польской культуры.

Укреплению патриотического начала в польском искусстве способствовал интерес просветителей к отечественной истории, чем объясняется особая популярность исторического жанра в живописи (М. Баччарелли, Ф. Смуглевич, М. Стахович), а также значительная роль национально-исторической тематики в польской трагедии (С. Жевуский, Ю. Выбицкий, Ю. Немцевич), а не античных и библейских сюжетов.

Патриотическое начало пронизывало даже «малые» сферы творчества: в кольца, медальоны монтировались

* Так позднее называли этого выдающегося деятеля польского театра, хотя для современников его основоположником был скорее Богомолец.

изображения национальных символов или портреты деятелей национально-освободительного движения, что получило распространение в годы Четырехлетнего сейма и восстания под руководством Костюшко. Перекодировалась и семиотическая функция одежды в целом. Старопольское платье в это время служило выражением не сословного положения, а стало знаком патриотической позиции.

Новой чертой художественной системы Просвещения явилось стилевое многообразие творчества⁵¹, стилевой плюрализм, который открывал путь для более широкого авторского самовыражения, вел к освобождению искусства от нормативности.

Дидактика просветителей была обращена не только к разуму, но и к чувствам. Если рациональное начало получило свое выражение прежде всего в классицизме, выросшем в XVII в. на картезианстве и пришедшем в трансформированном виде в следующее столетие, то философский сенсуализм нашел свои соответствия в сентиментализме, который был порождением именно XVIII в. с его культом «естественного» начала. Значительным в польском творчестве был вес и рококо. Оно отразило характерный для эпохи дух либертинизма, свободы личного поведения, а в области оформления интерьера способствовало формированию нового стиля жизни, ориентированного на частного человека, а не парадный церемониал.

Стилевое многообразие отличало как творческий облик Просвещения в целом, так и почерк его отдельных мастеров, приводя их порой к эклектике, которой, как отмечалось, не была чужда эта эпоха. Не выдвигая в теории на первый план собственно художественных проблем, хотя успешно решая их в своем творчестве, просветители подчиняли средства выразительности воплощению ясно формулируемых, в большинстве дидактических идей. Следуя, хотя и весьма свободно, образцам, в которых видели и ценили упорядочивающее начало, они искали максимально эффективных путей для достижения соответствующих целей. Ведущих живописцев того времени, работавших в Польше, таких, как Марцелло Баччарелли (1731—1818) или Жан Пьер Норблен (1745—1830), трудно однозначно характеризовать как представителей какого-либо одного направления (аналогичную ситуацию исследователи отмечают и в творчестве писателей).

Однако именно классицизм сторонники реформ выдвигали

гали на первый план, противопоставляя его наследию не отвечавшего их идеологии и художественным вкусам прошлого. Классицизм в решающей степени определил характер произведений ведущих писателей и поэтов эпохи — А. Нарушевича, Ф. Богомольца, И. Красицкого, С. Трембецкого, а также архитекторов — Д. Мерлини, Я. Х. Камзетцера, Ш. Б. Цуга, П. Айгнера, В. Гудевича, С. Завадзкого, Я. Кубицкого, живописцев — Ф. Смуглевича, Ю. Пешки, Д. Эстрайхера. Не чужды ему были и Каналетто, Норблен, Баччарелли.

Классицизм был в европейской культуре направлением, обладавшим наиболее развитой эстетической теорией, он стремился выступать основным законодателем общественного вкуса. Однако его нормативные установления никогда полностью не совпадали с художественной практикой, с чем вынуждены были считаться и сами его теоретики (Ф. К. Дмоховский, «Искусство стихосложения». 1788).

В Польше связь со шляхетской культурой предшествующего столетия, которая породила «просвещенный сарматизм», продлила жизнь барочной традиции, придала творчеству того времени особый стилевой облик, в котором долго присутствовало барочное начало. И несомненно, оно обнаружило себя в одном из наиболее выдающихся архитектурных памятников эпохи — дворце в Лазенках Д. Мерлини не только под воздействием личного вкуса короля. Барочным в своих религиозных композициях оставался даже Франтишек Смуглевич — наиболее последовательный классицист в польской живописи того времени. Однако барокко уже не выступало источником новых художественных идей, которые в это время формулировались на языке других направлений⁵².

Открыв для творчества современную тему, продемонстрировав реалистическую наблюдательность в ее воплощении, мастера Просвещения сочетали интерес к окружающей действительности с увлечением экзотическими сюжетами, распространившимися в парковых павильонах, в декоративно-прикладном искусстве, в оформлении интерьеров («Китайский кабинет» в Ланьцуте), с интересом к ретроспекции (неоготические сооружения). В сосуществовании этих противоречивых тенденций находил выражение дух эпохи, чуждый узкой замкнутости, доктринерства.

Тяга к «естественному», к натуре получила выражение в повышенном внимании к такой «комплексной» сфере

творчества, как садово-парковое искусство. В XVII в. связанное с картезианским рационализмом, в эпоху Просвещения оно прониклось тенденциями сентиментализма, стремлением подчеркнуть «естественную», хотя и строго культивированную, красоту природы. В садово-парковых композициях (Аркадия, Пулавы) нашел место и столь важный для Просвещения культ античности, а также преромантизм.

Общественно-эстетические представления Просвещения программно проявились в типе личности, который пропагандировали все области творчества того времени. Описанный польскими философами, он со всей наглядностью воплотился в портрете, особое место которого в культуре той эпохи отражало ее общую гуманистическую направленность.

Сословная характеристика, доминировавшая в предшествовавшие десятилетия как в парадных европеизированных портретах знати, так и в «сарматских» натуралистически индивидуализированных изображениях рядовых представителей шляхетского сословия, постепенно уступила место показу просвещенных, занятых общественно полезным делом людей, окруженных атрибутами, которые свидетельствовали не об их наследственных привилегиях или достигнутой власти, а раскрывали их нравственные и интеллектуальные достоинства.

Известная абстрактность гуманизма просветителей, основанная на представлениях о неизменной природе человека, идеальном типе личности, не создавала условий для глубокой психологизации творчества, позволяя, однако, достичь гармонии, уравновешенности, лежащих в основе как этического, так и эстетического идеала рассматриваемой эпохи. На холстах второй половины XVIII в. портретируемые сохраняют сосредоточенность, сдержанность, спокойствие, как, например, в работах польского портретиста Казимежа Войняковского (1771—1812)⁵³.

Утверждение новой структуры, содержания и художественных особенностей творчества в эпоху Просвещения сопровождалось становлением польской теоретической эстетической мысли, художественной (в широком смысле) критики, которые в это время начали вычленяться как самостоятельные области духовной деятельности. Их занимали не только профессиональные вопросы поэтики, они оказались неразрывно связаны с идейно-философским мышлением эпохи. Среди важнейших положений, выработанных ими и способствовавших формулированию кон-

цепции польской национальной культуры, было утверждение необходимости развития польской литературы и искусства, осознание роли отечественного культурного наследия и наиболее близких просветителям мастеров Ренессанса, призыв использовать художественный опыт как античности, так и современного зарубежного творчества⁵⁴.

Культура Просвещения, универсалистская и по-прежнему в значительной мере нормативная в своих эстетических принципах, проблему национального своеобразия искусства еще не ставила в центр внимания, однако именно в эту эпоху были заложены основы, позволившие польской литературе, музыке, изобразительному искусству в XIX в. подняться к вершинам национальной классики, возникли тенденции, подготовившие романтизм, в котором она вышла на первый план.

*

Просвещение, начиная с которого пошел в Польше отсчет Нового времени, по универсальным законам разума выстроило залитое светом гармоничное, хотя и несколько разностильное, здание, в проект которого были заложены утопические идеи «естественного права», что сразу же поставило под сомнение его прочность. При его возведении успешно сочетался различный строительный материал — рационализм, сенсуализм, физиократизм, деизм, естественно-правовая теория.

На этажах здания в соответствии с новой иерархией расположились отдельные сферы культуры во главе с наукой, ибо в ней эта эпоха видела источник света, по открытым ею законам хотела моделировать окружающий мир. Нашлось здесь место и для часовни, где проповедовали «естественную религию», видя в ней моральный ориентир; а в подземелье совершали свои таинства масоны.

В доме царил особый «философский» климат, атмосфера была пронизана этическими концепциями, продиктованными стремлением к человеческому счастью. В духе этих концепций воспитывались его жители, которые выступали против деспотизма и анархии, стремились к свободе и миру, были оптимистически настроены, верили в прогресс, уважали труд, связывали свое благо с благом отечества, осознавали тяжелую долю крестьян, хотя еще не были готовы радикально ее изменить. Они увлекались науками и искусствами, ходили в театр, читали, писали и издавали

книги, газеты и журналы, чаще уже на родном языке; правда, некоторые из них предпочитали при этом говорить между собою по-французски. Люди культивировали не только свой разум, но и чувства. Не случайно их жилище было окружено пейзажным парком, искусная «естественность» которого свидетельствовала о чувствительности их разума и разумности их чувства. На фронтоне дома они выписали: «Свобода, равенство, собственность» и трактовали этот девиз не индивидуалистически, а интерпретировали его в широком национальном плане.

Однако под крышей этого здания собрались лишь те поляки, которые, «отважившись мыслить», преодолев сословные распри, сумели объединиться для патриотической борьбы за реформы Польши, а позднее и за ее независимость. Но неравная схватка с более сильными соседями была проиграна. Земля, на которой стоял дом, оказалась захваченной и разделенной на три части. Оптимистические представления об окружающем мире, его разумности были подорваны.

В наступившей ситуации оказалось чрезвычайно важным все то, что было сделано для модернизации страны, развития ее культуры в XVIII столетии. Высокое гражданственное начало, заложенное культурой Просвещения, позволило ее носителям сохранить национальное достоинство и в годы тяжелейших испытаний. Возможность «безгосударственного» существования польской нации смогла реализоваться в большой мере благодаря сдвигам, совершившимся в эпоху Просвещения в общественном, в том числе национальном сознании. Она оставила богатое наследие, создала и накопила значительные культурные ценности как в виде комплекса идей, имеющих высокое морально-этическое и гуманистическое содержание, так и произведений научного и художественного творчества.

Просвещение сделало важный шаг на пути эмансипации человеческой личности, преодоления социальных барьеров, сословной этики, эстетических нормативов, благодаря которым мир выступал в строгой и неизменной упорядоченности. Эта эпоха сформулировала программу и утвердила основы польской культуры Нового времени, выработала принципы свойственной ему структуры культурной деятельности, в том числе научного и художественного творчества, стадийно подняла их на современный европейский уровень; она усовершенствовала польский язык и обеспечила его полифункциональность, выдвинула плеяду деятелей общеевропейского масштаба, расширила

и воспитала культурную аудиторию. Актуализировав отечественное наследие, прежде всего ренессансное, а также обратившись в художественной практике к народным истокам (вопреки своим теоретическим установлениям), Просвещение обеспечило преемственность развития польской культуры, а тем самым ее дальнейшее существование в условиях разделов. Созданные или запрограммированные в ту эпоху общедоступные культурные институты послужили исходным пунктом демократизации польской культуры, стимулом консолидационных процессов.

Культура польского Просвещения сложилась в условиях реформаторского движения и отвечала его преобразовательским устремлениям. В результате разделов страны, социальных изменений, а также воздействия Великой французской революции, принципы, на которых она сформировалась, в большой мере утратили свою движущую силу. И когда в 1819 г. Ян Снядецкий призывал: «... давайте придерживаться разума, будем следовать науке Локка в философии, предписаниям Аристотеля и Горация в литературе, правилам Бэкона в науке наблюдения и опыта. Избежим романтичности как школы измены и заразы»⁵⁵, — несмотря на авторитет маститого ученого, выдающегося мыслителя и одного из творцов польского Просвещения, его слова уже не вызывали сочувствия. Наступала новая культурная эпоха, для герольда которой М. Мохнацкого наука стала «великим Ничто».

¹ См.: *Maciejewski J.* Oświecenie polskie, początek formacji, jej stratyfikacja i przebieg procesu historycznoliterackiego // *Problemy literatury polskiej okresu Oświecenia.* Wrocław etc., 1977. S. 11—17.

² *Ibid.*, S. 60—66.

³ *Лесьнодворский Б.* Некоторые идейные мотивы в культуре польского Просвещения // *Вопр. истории.* 1977. № 2. С. 127.

⁴ *Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей.* Т. 1. М., 1956. С. 303.

⁵ *Польша на путях развития и утверждения капитализма.* М., 1984. С. 303.

⁶ *Избранные произведения.* . . С. 259.

⁷ *Piwocki K.* Sztuka żywa. Wrocław etc., 1970. S. 145.

⁸ *Baranowski B.* Kultura ludowa a kultura szlachecka w XVII i XVIII w. // *Narodziny i rozwój nowoczesnej kultury polskiej.* Wrocław, 1976. S. 37.

⁹ *Тананаева Л. И.* О низовых формах в искусстве Восточной Европы в эпоху барокко (XVII—XVIII вв.) // *Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени.* М., 1983. С. 29—43. *Софронова Л. А.* Проблемы художественного примитива на польской сцене XVII—XVIII вв. // *Сов. славяноведение.* 1983. № 3.

- ¹⁰ Burszta J. Kultura ludowa — kultura narodowa. Szkice i rozprawy. Poznań—Warszawa, 1974, S. 49—50.
- ¹¹ *Виноградова Л. Н.* Культура у западнославянского крестьянства // История крестьянства в Европе. Т. III. М., 1986.
- ¹² Цит. по: *Smoleński W.* Przewrót umysłowy w Polsce w. XVIII. Warszawa, 1891. S. 325.
- ¹³ Wiek Oświecenia. Т. 1. Warszawa, 1978; *Mańkowski T.* Mecenat artystyczny Stanisława Augusta. Warszawa, 1976; *Ryszkiewicz A.* Narodziny polskiej sztuki nowoczesnej // Kultura polska XVIII i XIX w. i jej związki z kulturą Rosji. Wrocław etc., 1984. S. 55—63.
- ¹⁴ *Hass L.* Wolnomularstwo w Europie środkowo-wschodniej w XVIII i XIX w. Wrocław etc., 1982.
- ¹⁵ *Sierakowski W.* Sztuka muzyki dla młodzieży krajowej. Т. III. Kraków, 1796. S. 184—198.
- ¹⁶ Цит. по: *Rostworowski E.* Ostatni król Rzeczypospolitej. Geneza i upadek konstytucji 3 maja. Warszawa, 1966.
- ¹⁷ *Рысо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 464.
- ¹⁸ *Aleksandrowska E.* Pisarze — generacje i rodowód społeczny // Słownik literatury polskiego Oświecenia. Wrocław etc., 1977. S. 477.
- ¹⁹ Historia chłopów polskich. Т. I. Warszawa, 1970. S. 487—488.
- ²⁰ *Sierakowski W.* Op. cit. S. 84; ср.: *Лотман Ю. М.* Архаисты-просветители // Тыняновский сборник. Рига, 1986. С. 201.
- ²¹ Избранные произведения. . . С. 104.
- ²² *Осипова Е. В.* Философия польского Просвещения. М., 1961.
- ²³ Избранные произведения. . . С. 259.
- ²⁴ Там же. С. 366.
- ²⁵ *Kitowicz A.* Opis obyczajów za panowania Augusta III. Wrocław, 1951. S. 37.
- ²⁶ Избранные произведения. . . С. 226.
- ²⁷ Там же. С. 269.
- ²⁸ Monitor. Gdańsk. 1763. II.
- ²⁹ Избранные произведения. . . С. 303.
- ³⁰ Там же. С. 314.
- ³¹ Там же. С. 101.
- ³² *Suchodolski B.* Dzieje kultury polskiej. Warszawa, 1980.
- ³³ *Maciejewski J.* Op. cit. S. 34.
- ³⁴ *Hazard P.* La pensée européenne au XVIII-ème siècle de Montesquieu à Lessing. Paris, 1963.
- ³⁵ Избранные произведения. . . С. 105—107.
- ³⁶ *Staszic S.* Pisma filozoficzne i społeczne. Т. 1. Warszawa, 1954. S. 209.
- ³⁷ Избранные произведения. . . С. 144.
- ³⁸ Там же. С. 147—150.
- ³⁹ Там же. С. 180.
- ⁴⁰ Там же. С. 152.
- ⁴¹ *Jeziński F.* Niektóre wyrazy porządkiem abecadła zebrane y stosownemi do rzeczy uwagami objaśnione. Warszawa, 1972. S. 110.
- ⁴² *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 78.
- ⁴³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 23.
- ⁴⁴ *Липатов А. В.* Литературный облик польского Просвещения // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Просвещение. Национальное возрождение.

- М., 1982. С. 123—170. *Софронова Л. А.* Польская театральная культура эпохи Просвещения. М., 1985.
- ⁴⁵ *Свирида И. И.* Польская художественная жизнь конца XVIII—первой трети XIX в. М., 1978.
- ⁴⁶ *Лунатов А. В.* Возникновение польского просветительского романа. М., 1974. С. 220—229.
- ⁴⁷ Цит. по: Театр в национальной культуре народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1976. С. 299.
- ⁴⁸ *Lorentz S.* Architektura w kulturze polskiego Oświecenia // Polska w erze Oświecenia. Państwo, społeczeństwo, kultura. Warszawa, 1971. S. 307—350.
- ⁴⁹ *Sierakowski W.* Op. cit. T. II. S. 98.
- ⁵⁰ *Бэла И. Ф.* История польской музыкальной культуры. Т. I. М., 1954.
- ⁵¹ *Libera Z.* Problemy polskiego Oświecenia. Kultura i styl. Warszawa, 1969. S. 93; *Kostkiewiczowa T.* Klasycyzm, sentymentalizm, rokoko. Warszawa, 1975.
- ⁵² *Jaroszewski T. S.* Architektura doby Oświecenia w Polsce: Nurty i odmiany. Wrocław etc., 1971. S. 70.
- ⁵³ *Тананаева Л. И.* Польское изобразительное искусство эпохи Просвещения: Живопись, рисунок. М., 1968. С. 65.
- ⁵⁴ Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. М., 1985. С. 23—39.
- ⁵⁵ *Sniadecki J.* Pisma filozoficzne. T. II. Warszawa, 1958. S. 124.

Венгерская культура

После освобождения Венгрии от турецкого ига на рубеже XVII—XVIII вв., заключения Сатмарского мира (1711) появились условия для интенсивного экономического и общественного развития страны. К концу XVIII в. население Венгрии увеличилось более чем вдвое. За счет внутренней миграции и внешнего притока рабочей силы заселяются опустошенные районы, восстанавливаются и перестраиваются города.

Однако Венгрия оставалась зависимой. Ее положение в составе Габсбургской монархии определялось принятой в 1713 г. Прагматической санкцией, которая устанавливала порядок престолонаследия и провозглашала «неделимость» земель монархии. Относительную независимость венгры имели только в области законодательства и административного управления, все внешнеполитические и финансовые дела решались австрийским двором. Габсбурги препятствовали развитию венгерской промышленности и торговли, удерживая страну на положении аграрно-сырьевого придатка.

Особое недовольство венгерского дворянства вызывали административные реформы Иосифа II, в частности, указ о переписи дворянского имущества для обложения его налогами, а также о введении в Венгрии немецкого языка (вместо латинского) в качестве официального. Эти обстоятельства в значительной степени ускоряли становление национального самосознания.

С 40-х годов XVIII в. библиотеки венгерских аристократов пополняются книгами на венгерском языке, в их деятельности проявляется интерес к творчеству отечественных писателей предшествующего поколения — И. Дендени, П. Пазманя, М. Зрини. Выход в 1746 г. сочинения Анонима «Геста Хунгарорум», пробуждает интерес к национальному прошлому, к языку предков. Появляются мемуары, эпистолярная литература. Достаточно вспомнить «Письма из Турции» Келемена Микеша. В Тран-

ильвании, которая меньше зависела от Вены и имела более тесные связи с французской культурой, просветительские идеи получили распространение уже в 50-е годы. В 1755 г. граф Ласло Халлер перевел «Телемака» Фенелона.

Одна из основных идей Просвещения — общественный, политический и духовный прогресс — постепенно оформляется как идея национального единства. Первоочередной задачей становится формирование национальной культуры, что позволило бы сделать всю нацию полноправным участником духовного развития человечества. Ввиду слабости и малочисленности буржуазии в Венгрии роль проводника идей Просвещения и вдохновителя национального движения выполняла часть дворянства, обладавшая развитым национальным сознанием и практическими навыками управления административным аппаратом¹.

Прикрываясь национально-патриотическими лозунгами, дворянство стремилось сохранить свои привилегии, оставалось в плену религиозного миропонимания, сословной этики.

В лагере дворянской оппозиции оказались разные по своим воззрениям и убеждениям лица — патриотически настроенные демократы, последовательные сторонники просветительских идей. Новая просветительская идеология, основывавшаяся на стремлении к правде, разуму, свободе мысли, идее прогресса, вселяла веру в ценность человеческой жизни. Овладение современными научными знаниями стало основным требованием общественно-политической деятельности, направленной на преодоление политической и экономической отсталости Венгрии. Недостаточная организованность дворянства не позволила придать общественному движению за национальную консолидацию отчетливого политического направления. Оно стремилось решать прежде всего просветительские задачи — повышение культурного уровня народа, утверждение национальной культуры. В этом свете важное значение приобретала замена латыни живым венгерским языком, развитие литературы, образования, науки.

Просвещение в Венгрии не имеет каких-либо четких границ. Историками литературы принято делить венгерское Просвещение на два периода. Началом первого считаются выступления в печати лейб-гвардейца венского двора Дерде Бешпенеи в 1772 г. Он завершается в 1795 г. после неудавшейся попытки радикально настроенной группы дворянской интеллигенции свергнуть правитель-

ство Франца I. Новую волну просветительства вызвало движение за обновление языка, которое началось в 1811 г. по инициативе Ф. Казинци. Оно уже базировалось на достижениях предыдущего периода и в значительной степени активизировало культурную и общественную жизнь страны. Закончилось оно к 20-м годам победой Казинци и его сторонников и свидетельствовало о необратимом процессе формирования национальной культуры.

Новая попытка рассмотреть Просвещение как исторически определенный тип культуры, обладающий своей структурой и содержанием, исходя из социальных, мировоззренческих примет, предпринята венгерским историком культуры Д. Кошари². Начальной границей Просвещения исследователь считает 1765 г., когда в государственных декретах были впервые оформлены основные принципы просвещенного абсолютизма. Как общественно-политическое и идеологическое движение Просвещение продолжалось до 1790 г., когда на сейме победило дворянско-национальное движение. Будучи вытесненным с политической арены, просветительство продолжало свое существование вплоть до 20-х годов XIX в. — так называемой «эпохи реформ». Хотя эта точка зрения еще не нашла единогласного одобрения, нам она кажется правомерной и плодотворной.

Основные принципы венгерского Просвещения были сформулированы к началу 70-х годов в классицистских трагедиях и философско-публицистических работах Д. Бешшеней (1746—1811) и членов его кружка — прогрессивно настроенных венгерских интеллигентов, национальное самосознание которых формировалось под влиянием просветительских идей, доходивших в Вену из Франции, Англии и Германии (Ш. Бароци, А. Барчай). Все они писали драмы, стихотворения, романы и трактаты.

Программа, выдвинутая Бешшеней, включала как важнейшее средство для достижения «всеобщего блага» развитие науки, широкое распространение научных знаний. Вопрос о науке здесь тесно увязан с проблемой языка, понятного большинству населения. Развитие венгерского языка считалось непременным условием расцвета всей национальной культуры. Особое значение Бешшеней придавал созданию Венгерского научного общества, которое должно было объединять отечественных ученых и писателей. Первоочередной задачей Общества стала подготовка грамматики и фундаментального словаря венгерского

языка. Литература рассматривалась Бешшенеи прежде всего как средство национального объединения, как проводник, популяризатор научных знаний и идей.

На формирование мировоззрения и эстетических вкусов Бешшенеи большое влияние оказало творчество Вольтера. В соответствии с канонами классицизма созданы его «Трагедия Агиса», «Трагедия Ласло Хуняди» (1772), «Трагедия Атиллы и Буды» (1773), «. . . в которых он стремился облечь в художественные образы идеи борьбы с тиранией за освобождение личности от гнета деспотизма».³

Перу Бешшенеи принадлежит ряд публицистических произведений и работ философского характера. К сожалению, мало что из написанного им увидело свет при его жизни. В сборнике статей «Бихарский отшельник», изданном уже после смерти писателя, в 90-е годы XIX в., Бешшенеи подвергает критике религиозный фанатизм католической церкви, обличает произвол монархов, осуждает те общественные условия, в которых приходится жить венгерскому крестьянству. Бешшенеи выступал за равенство всех людей, осуждал несправедливость законов, ставящих их в зависимое положение. Особенно четко эти мысли выражены в его трактатах «Путь закона», «Жизнь Суллы», «Римские истории».

Под влиянием вольтеровского «Кандида» написан просветительский роман Бешшенеи «Путешествие Таримена» (1785) — большое полотно, в котором отражена социальная жизнь Европы того времени. Это произведение стало итогом его творчества.

Много сделал Бешшенеи и как переводчик художественной литературы, как публицист, один из зачинателей венгерской журналистики.

Бешшенеи придавал большое значение распространению просветительских представлений о разумно-совершенном обществе, человеке. Поэтому у него так остро звучало требование свободы слова. Следом за Гельвецием он утверждал, что для правителя и народа одинаково полезно своевременно вскрывать недостатки и указывать на причины с целью их устранения. Журнал Бешшенеи занимает важное место в истории венгерской печати, хотя и не имел широкого распространения.

Программа, выдвинутая Бешшенеи, нашла воплощение в творчестве многих венгерских просветителей последующего периода, прежде всего в творчестве Ф. Казинци (1759—1831), возглавившего в конце первого десятилетия XIX в. движение за обновление венгерского языка.

Государственным языком Венгрии в это время была латынь. Дворянство пользовалось им в государственных учреждениях, противясь распространению немецкого языка. Венгерская аристократия и зажиточные слои общества предпочитали говорить по-немецки. Все это только усугубляло разрыв между господствующим классом и народом.

На венгерском языке общались крестьяне, ремесленники, мелкопоместное дворянство, низшее католическое духовенство, студенты и преподаватели протестантских гимназий, пасторы кальвинистской и лютеранской церквей. Борьба за обновление родного языка, выступления против латыни и немецкого языка в тогдашних венгерских условиях получали политическую окраску, становились центральной проблемой политической программы радикального движения. Борьба за возрождение венгерского языка стала одной из важнейших составных частей общественного движения, направленного против феодально-абсолютистской реакции и чужеземного гнета. В Венгрии, как и в ряде других восточноевропейских земель, «идеи Просвещения переплелись с требованиями обновления языка в интересах защиты национального существования»⁴.

Уже в 1770 г. Янош Шайнович опубликовал в Копенгагене работу «*Demonstratio Idioma Ungarorum et Lapporum idem esse*», доказывавшую финно-угорское происхождение венгерского языка, а в 1789 г. — первый комментарий к «Надгробной речи», ценнейшему памятнику древневенгерской литературы. В 1787 г. А. Дугонич издает полное собрание сочинений И. Дендеша, а И. Кульчар переиздает «Письма из Турции» К. Микеша (1794). Выходят из печати словари, создаются грамматики венгерского языка.

Все это стимулировало развитие языкознания. Уже до Казинци в этой области имелись значительные достижения, связанные с работами Й. Мартона, И. Шандора, С. Папаи. В ходе так называемой «просодической дискуссии» (1781—1789) Й. Райнишем и С. Бароти были подняты основные вопросы обновления венгерского поэтического языка, определены принципы метрического стихосложения, правописания и функционирования единого литературного языка.

Миклош Реваи — профессор венгерского языка и литературы Пештского университета — в монографии «*Elaboratior Grammatica Hungarica*» (1803—1806. На лат. яз.)

уже в начале века применил для исследования языковых явлений исторический метод.

Огромная заслуга в движении за обновление языка и литературы принадлежит Ф. Казинци. Его имение Сепхалом в течение двадцати лет было центром венгерской культурной жизни. Речь шла не только о разработке чисто лингвистических вопросов — обогащении словарного запаса, выработке новых понятий. Движение за обновление языка носило прогрессивный характер в той общественно-исторической обстановке, когда путь к политической деятельности был закрыт. Казинци сознательно стремился преодолеть изолированность местных наречий, создать единый язык и стиль для всей литературы, с тем чтобы довести ее до уровня западноевропейских литератур. Считая венгерскую культуру еще не созревшей для создания оригинальных художественных произведений, Казинци призывал совершенствовать язык, следуя лучшим зарубежным образцам. По словам Й. Реваи, «...ответом Венгрии на Французскую революцию было обновление языка и литературы: венгерские писатели в области языка и литературной формы, поэтических чувств пытались создать то, что французский народ создал в действительности, — новый буржуазный мир»⁵.

Ориентация Казинци на иноязычную литературу вызвала недовольство консервативных языковедов, в том числе дебреценских и задунайских, группировавшихся вокруг Ш. Кишфалуди. Позицию Казинци в этом вопросе поддержала пештская интеллигенция, видевшая в языковой программе Казинци средство активизации всей общественно-культурной жизни страны.

Характерной особенностью формирования венгерской национальной культуры на этапе Просвещения явилось повышенное внимание интеллигенции к истокам национального, к отечественной истории и фольклору. В конце XVIII в. активизируется движение по изучению народно-поэтической культуры. Импульсом к собиранию фольклора послужила деятельность фольклористов западноевропейских стран, а также реакция на слова Гердера, высказавшего опасение, как бы венгры не исчезли как нация с политической арены.

В 1782 г. в журнале «Мадяр Хирмондо» был опубликован призыв его издателя и редактора М. Рата последовать примеру иностранных ученых, собирателей народного творчества. Здесь впервые был поднят вопрос о необходимости параллельного исследования языка, литературы

и фольклора. Языковед М. Реваи первым приступил к изданию сокровищ венгерской поэзии, включая записи народных песен, стихов, сохранивших специфические черты различных диалектов. На этом материале ученый собирался проследить развитие венгерского языка от возникновения письменности вплоть до середины XVIII в.

Предпринимаются попытки записывать народные сказки. Первый сборник сказок был составлен в 1789 г. Й. Сильцем. Фольклор начинает играть важную роль в развитии художественной литературы. Ф. Фалуди обогащает венгерское стихосложение, используя ритмы народных песен.

Внимание к народному поэтическому творчеству стимулировало интерес фольклористов к общему состоянию венгерской культуры, в том числе к быту крестьянства. В 1784 г. выходит известная работа С. Тешшедика об условиях жизни венгерского крестьянина. Появляются и другие работы, в которых с позиций просветительства подвергается критике феодальное устройство общества, вскрываются внутренние причины социальной и культурной отсталости страны.

Венгерские исследователи XIX в. нередко объясняли внимание к венгерской народной поэзии влиянием воззрений Руссо на природу и общество, теоретических трудов Гердера и его сборников народного творчества⁶. Естественно, фольклористика не развивалась изолированно от подобных явлений в западноевропейских странах, однако собирание и сохранение венгерского фольклора неразрывно связано с историей венгерского общества, это результат стремлений передовых сил страны к национальному суверенитету. В этот период зарождались требования общественных реформ, возникали ростки революционного сознания в форме якобинства. Фольклор был питательной средой зарождающегося национального самосознания.

Обращение к фольклору не было лишено определенных противоречий, свойственных общественному сознанию того времени. Народное творчество привлекает внимание не только прогрессивных сил, но и тех, кто противился общественным реформам (А. Дугонич, А. Гвадани). В целом же обращение к фольклору в этот период было неразрывно связано с вопросами обновления языка, литературы, служило целям формирования национальной культуры, базирующейся на просветительских идеях.

Первыми собирателями народного творчества были пи-

сатели, поэты. Как явствует из переписки Ференца Казинци, он сам собирал народные песни, с особой симпатией относился к культуре родного народа.

Собирание народных песен, в свою очередь, служило источником развития отечественной музыкальной культуры. Венгерские просветители начали осознавать, какие богатства хранит народная песня и музыка. В 1789 г. в предисловии к сборнику «450 песен» А. Палаци писал: «Потеря какой-нибудь старой песни является для нас большей бедой, чем потеря одной пушки с ядрами в 60 фунтов для лагеря завоевателей»⁷.

Дискуссии, сопровождавшие появление в 20-е годы сборников народных песен, вызвали к жизни теоретическую работу Ференца Кельчеи «Национальная традиция», в которой он заявил, что источник национальной поэзии следует искать в народных песнях. Венгерская музыкальная культура начинает привлекать внимание европейских исследователей. Англичанин Джон Браунинг перевел в начале 20-х годов 64 венгерские песни. Получают известность за рубежом и венгерские народные сказки.

Ставя перед собой цель создания общего литературного языка, опираясь на широкую платформу народно-поэтического творчества, прогрессивные силы страны стремились направить национальное движение в единое русло. Из-за отсутствия своей академии, научных центров на первых порах всю организационную работу выполняли патристически настроенные писатели, языковеды, историки, а также ученые-естественники, объединявшиеся в небольшие общества, кружки. Следует отметить значительную роль меценатов в развитии венгерской культуры. Создание национальной библиотеки в Пеште, например, стало возможным благодаря пожертвованиям графа Ференца Сечени. В 1802 г. по его инициативе был открыт венгерский Национальный музей.

Основными центрами объединения культурных сил страны стали города, в которых издавались журналы, газеты. Самым значительным было так называемое Венгерское общество в Кошице. Ведущую роль здесь играли писатели, основное внимание уделялось развитию литературного языка, в том числе языка науки. В Комароме Научное общество объединяло ученых, стремившихся к популяризации научных и полезных знаний. Определенным влиянием в 90-е годы пользовались кружок Деметера Герека и салон графини Белезнай, где и возникла идея превращения Пешта в литературный центр страны, горячо под-

держиваемая Й. Карманом. Значительную роль в ее осуществлении сыграл кружок Б. Вирага. В него входили как пештские писатели, так и провинциальные литераторы, в том числе И. Кульчар, прозаик и поэт М. Виткович, историограф дворянско-патриотического направления И. Хорват и приверженец нового романтического направления в литературе П. Семере, близкий друг Казинци. Примыкал к обществу Вирага и Ф. Вершеги — музыковед и поэт.

В распространении литературы, научных знаний и просветительских идей важная роль принадлежит первым публичным библиотекам. На основании кодекса «*Racio Educationis*» в Буде уже в 1777 г. открылась университетская библиотека. Еще раньше Д. Аппони основал библиотеку в Пожони (Братислава, 1774 г.). Библиотеки создавались часто по инициативе духовных лиц, например, епископом Д. Климо из города Печ (1774). В 90-е годы XVIII в. в Пеште работало уже несколько библиотек, открытых книготорговцами. Со временем меняется их характер, библиотеки превращаются в настоящие культурные центры. Только в одной области Бодрог существовали 23 библиотеки, укомплектованные художественной и научной литературой⁸.

Формированию национальной культуры в значительной степени способствовало и развитие печати. Первая газета в Венгрии — «*Меркурий*» («*Mercurius*») начала выходить еще в 1705 г. Ее появление было подготовлено антигабсбургским восстанием Ференца Ракоци. Полусторолетнее господство турок, колониальная политика Габсбургов, затормозившие культурное развитие страны, онемечивание городов привели к появлению на территории Венгрии латиноязычных и немецкоязычных газет «*Nova Posoniensia*» (1721), «*Pressbürger Zeitung*» (1764). Начиная с 70-х годов выходит «*Allergnädigst privilegierte Anzeigen aus sämtlichen keiserlichen königlichen Erbländern*» и другие газеты, которые освещают венгерскую тематику и ориентируются на венгерского читателя.

Интересы движения за обновление языка настоятельно ставили вопрос о необходимости венгерской газеты, которая бы оперативно информировала широкого читателя о внутренних проблемах страны, о событиях в мире. В этом отношении большая заслуга принадлежит газете «*Magyar Hírmondó*» (1780—1788), активно включившейся в движение за развитие отечественного языка, за создание национальной венгерской культуры. На ее страницах про-

пагандировались просветительские идеи, поднимались злободневные вопросы, волновавшие тогдашнее венгерское общество.

В этот период венгерская печать еще не выступила открыто с политическими заявлениями, программами, основное место на ее страницах занимали проблемы культуры. И все же оперативная, богатая информация о событиях в мире заостряла внимание читателя на политических вопросах.

В 80-е годы появляются первые журналы, в которых публикуются художественно-публицистические материалы. Важным шагом на этом пути стало издание журнала «Merkur von Ungarn» (1786—1787), а также появление художественных приложений к венским и братиславским газетам: «Magyar Múza», «A pozsonyi Magyar Hírmondó», «Bécsi Magyar Mercurius». Здесь печатались произведения Бачани, Казинци, Пецели. В 1780—1792 гг. в Венгрии издавалось 18 газет и журналов, причем десять из них на венгерском языке⁹. Наиболее значительными печатными органами были журналы «Magyar Múzeum», «Orfeus», «Urania», «Mindenes Gyűjtemény». Наряду с художественными произведениями в них публиковались критические статьи, обзоры. Периодическая печать способствовала объединению творческих сил страны, распространению просветительских идей.

Журнал «Magyar múzeum» начал издаваться в 1788 г. в Кошице — крупном центре Северной Венгрии. В первом номере была опубликована статья, авторы которой — Бачаи, Казинци и Сабо Бароти заявляли о своей поддержке программы Бешпенеи и Реваи. В статье звучало настоятельное требование организации Научного общества, роль координатора по созданию которого мог бы взять на себя журнал. Анализируя положение Венгрии, авторы говорили о главных препятствиях на пути развития национальной культуры. В том же номере журнала был опубликован очерк развития европейской литературы — от Данте до современных немецких писателей. Вскоре, однако, Казинци вышел из редакции, и журнал постепенно превратился в орган дворянских кругов.

Новый журнал Казинци «Орфей» отличался от кошицкого предшественника прежде всего тем, что основное внимание в нем уделялось учению западноевропейских мыслителей. Радикальное мировоззрение, антифеодалная направленность творчества и деятельности Казинци привели его в лагерь венгерских якобинцев.

[Журнал Й. Кармана «Urania» (1794—1795) завершает первый, сравнительно благоприятный период в истории венгерской просветительской печати и одновременно открывает ее новый этап. Й. Карман выдвигает и обосновывает требование создания высокохудожественной национальной литературы, что означает дальнейшее развитие программы Бешшени.

Успешное развитие венгерской прессы было приостановлено разгромом якобинского заговора Мартиновича (1795). Были казнены или заточены в тюрьмы многие издатели, редакторы, журналисты, ужесточилась цензура, был наложен запрет на ввоз иностранной литературы. Венгерская печать оказалась в очень тяжелых условиях. К 1803 г. осталась лишь одна газета — «Magyar Kurir». Однако задерживать процесс формирования национальной культуры было невозможно. С 1806 г. начинает выходить журнал «Hazai Tudósítások», с 1814 г. — «Erdélyi Múzeum», в том же году объявивший конкурс на создание национальной исторической драмы. Этому конкурсу обязана своим рождением трагедия Йожефа Катоны «Банкбан». Жюри конкурса, однако, испугал патриотический пафос пьесы. Она появилась в печати только в 1820 г.

Подъему культуры в Венгрии способствовали реформы в системе образования. Просвещенный абсолютизм уделял особое внимание воспитанию своих граждан. Было введено обязательное обучение детей в возрасте от 7 до 13 лет. Родной язык изучался только в начальных классах. Дальше преподавание велось на немецком. Гимназии были доступны не каждому¹⁰. Особое место в системе высшего образования в эпоху Просвещения занимали так называемые академии. Характер обучения в академии был приближен к практической деятельности, в то время как университет готовил исключительно научные кадры. В 1776—1777 гг. в Венгрии существовали три королевских академии: в Надьсомбате, Дере и Кошице.

Важным новшеством в области высшего образования явилось присоединение к философскому факультету Инженерного института — предшественника Политехнического института. Его студенты получали не только теоретические, но и практические знания, навыки в области геодезии, гидравлики. Позже при медицинском факультете был открыт Зооветеринарный институт.

Наступление реакции сказалось и в области просвещения. В 1806 г. появился второй Кодекс Racio Educationis, открывший церковным кругам доступ к контролю за обу-

чением. Закон божий стал обязательным предметом преподавания в академиях, на философском и юридическом факультетах университета. Преподаватели должны были строго придерживаться учебников. Было упразднено преподавание ряда дисциплин. Библиотеке Дебреценского университета, студенты которого увлекались чтением революционной литературы, запрещалось выдавать произведения Руссо, Вольтера, Гельвеция, «если только они не использовались для защиты интересов общества и религии»¹¹.

И все же невзирая на урезанный характер, реформы в области образования способствовали подъему венгерской науки, которой отводилась большая роль в установлении «царства разума», общества справедливости. Начавшийся в Европе в XVIII в. расцвет естественных наук не миновал и Венгрию. В 1770 г. в Надьсомбатском университете открывается медицинский факультет. В 1797 г. начинает работать горная академия в Шельмеце и сельскохозяйственная школа в Кестхее. Важное значение имела организация экономической и промышленной школы в Сарваше (1780).

Характерная черта венгерской научной жизни того времени — создание научной литературы на венгерском языке. Каждая обобщающая работа считалась серьезным вкладом в науку, ибо способствовала выработке научной терминологии. Особенно успешно это осуществлялось в Трансильвании, где с 1793 по 1800 г. существовало Научное общество, в задачи которого входила разработка научной терминологии, популяризация естественных наук. Наибольших успехов в этот период венгерская наука достигла в области природоведения. Известностью пользовался ученый Я. Гроссингер, перу которого принадлежат фундаментальные труды по ботанике. Много сделали для исследования венгерской флоры П. Китайбель, С. Диосеги и М. Фазекаш.

Если в XVIII в. развивались в основном науки, непосредственно связанные с сельскохозяйственным производством, то в начале XIX в. темп набирают математика, физика. Значительных успехов добились Ф. Бойяи — автор учебника «Tentamen», Я. А. Сегнер — изобретатель турбины и др.

Заметное оживление наблюдается также в области гуманитарных наук. В этот период зарождаются вспомогательные науки: историография, архивное дело (Я. Пегнер), закладываются основы археологии, нумизматики.

В области философии появляются первые последователи Канта, понимающие свободу прежде всего как внутреннее саморегулирование личности, как необходимость, не зависящую от природной данности и общепринятых норм и законов.

Историческая наука — важная область воспитания национального самосознания. Ее значение в этот период заключалось прежде всего в том, что она фиксировала внимание на героическом периоде истории, когда венгры играли важную роль в политической жизни Европы. Работа Б. Вирага «Венгерские столетия» (1808—1816) пронизана антиклерикальными настроениями. В то же время «История Венгрии», написанная дебреценскими историками Е. Будаи и Ф. Газдаи, носит более умеренный характер, особенно там, где авторы выражают свое отношение к политике Габсбургов.

Наиболее полно идеи Просвещения проявились в литературе. Формирование новой венгерской литературы приходится на 70—90-е годы. Литература Просвещения несет в себе качественно новые черты. Прежде всего она отличается светским характером, что свидетельствует об отходе от многовековых художественных и эстетических норм и о превращении ее в общественно-политическую силу. До конца XVIII в. научная и художественная литература выполняют одни и те же задачи — обновление языка, литературного стиля, создание литературы, соответствующей новым требованиям. Решение последней задачи взяли на себя писатели во главе с Ф. Казинци.

В сложившихся общественно-исторических условиях развитие венгерской литературы отмечено значительным немецким культурным влиянием. Это не исключало использования опыта французской литературы (Вольтера, Руссо), которая воспринималась как своего рода защита от влияния немецкой культуры. Раскрепощению поэтического языка способствовала ориентация венгерских поэтов на традиции итальянской буколики.

В силу особых исторических условий в литературе этого периода наблюдается переплетение различных стилевых течений. В начальный период, когда идеи Просвещения еще не были закреплены в форме программных заявлений, в венгерской литературе продолжали жить традиции барокко, прежде всего в творчестве поэтов из аристократических кругов (Орци, Барчаи), прозаиков консервативной оппозиции (Дугонич, Гвадани), в церковной поэзии на латинском языке. Классицизм и сентиментализм в Венгрии

не заняли ведущего места, поскольку были лишены идейно-художественного и политического содержания, присущего французской и немецкой литературам. Традицию рококо, воспринявшую мировоззрение Просвещения, можно увидеть в поэзии М. В. Чоконаи.

Возникновению классицизма в венгерской литературе способствовала не только ориентация Ф. Казинци на немецкие образцы, но и увлечение античностью, характерное для культурной жизни Венгрии конца XVIII в. Пропагандистами наследия античных авторов были Д. Бароти Сабо, Й. Райниш и М. Реваи. Их переводы Горация, Вергилия, других латиноязычных поэтов служили хорошей школой для введения новых размеров в венгерскую поэзию. «Просодическая дискуссия» 80-х годов доказала, что венгерскому языку не чуждо тоническое и метрическое стихосложение.

Бенедек Вираг был первым значительным поэтом, сумевшим привести в соответствие античные стихотворные формы с содержанием идей, усвоенных от классиков, но звучавших актуально в эпоху Просвещения: таких, как самоценность добродетели — основной мерки «достоинства» человека, приоритет рационалистически упорядоченного жизневосприятия, приглушенность субъективного содержания.

Наиболее полно принципы классицизма раскрылись в творчестве Ф. Казинци, эстетические взгляды которого формировались под воздействием И.-И. Винкельмана, И. Г. Гердера, Ф. Г. Клопштока, Х. М. Виланда. С особым вниманием относился он к Гете, следуя ему в поклонении античности. Казинци пошел дальше Бешшенеи в своих требованиях, предъявляемых к новой литературе. Прекрасно ориентируясь в произведениях зарубежных авторов, он считал, что еще не наступило время для развития оригинальной венгерской литературы, и поэтому делал акцент на переводных произведениях. Казинци ратует за «высокий штиль», «возвышенную поэзию» как защиту от «нравственного риторизма» и «разнузданного деспотизма»¹². Его эстетическая программа готовила почву для литературы эпохи реформ — глубоко национальной по содержанию и романтической по мировосприятию. Казинци переводил Мольера, Ларошфуко, Мильтона, Бернса, Стерна, Шекспира. Его перевод «Гамлета» (1790) стал знаменательным событием в театральной жизни страны.

Иную разновидность классицизма, хотя и не развитую в полной мере, можно проследить в поэзии Яноша

Бачани (1763—1845). В страстной, исполненной гражданским пафосом поэзии Бачани утверждает неизбежность революции, призванной ликвидировать социальное неравенство, принести подлинную свободу. Его перу принадлежит знаменитое стихотворение «На перемены во Франции», посвященное взятию Бастилии.

Завершает дворянскую поэтическую школу, опирающуюся на античность, творчество Даниэля Бержени (1776—1836). В его поэзии увековечены события Великой французской революции и наполеоновских войн, запечатлены конкретные факты европейской политической жизни. Бержени — мастер торжественной оды, воспевающей доблести родового дворянства. В его оде «Пештское венгерское общество» нашли выражение боевые и просветительские идеи и передано предчувствие надвигавшейся революции. Для поэзии Бержени характерна эмоциональность, культ формы, чувство тревоги и ожидания смерти, что сближает его с Фосколо и Гельдерлином. Бержени перерос эстетические принципы классицизма. В элегической поэзии заключительного периода его творчества уже заметны элементы романтизма.

Новым шагом на пути формирования национальной литературы явилась программная статья Йозефа Кармана, опубликованная в журнале «Уrania» (1794). В ней выдвинуто требование создания оригинальной литературы, означавшее отход от строгой приверженности логическим правилам, абстрактно-иллюзорным представлениям относительно долга, порядка, закона. Вместо этого заострилось внимание на непосредственности в выражении чувств. Статья Кармана была написана под влиянием немецкого сентиментализма и творчества Гердера. Его программа опередила свое время, хотя и опиралась на литературную практику предшествовавших десятилетий. Взгляды Й. Кармана нашли воплощение в творчестве Чоконаи и Бержени.

Находясь под воздействием гетевского Вертера, Карман создал эпистолярный роман «Дневник Фанни». Это произведение обладает самостоятельной ценностью благодаря психологизму, тонкому воссозданию страданий и переживаний молодой девушки из народа, которую погубило сословное общество.

Венгерская литература эпохи Просвещения выдвинула крупного лирика Михая Витеза Чоконаи (1773—1805). В его творчестве наблюдается своеобразное сочетание различных течений (классицизм, сентиментализм, рококо)

и традиций итальянской песенной лирики, античной мифологии, французской просветительской поэзии. В поэме «Дороття», пронизанной светлым юмором, Чоконаи высмеивает лицемерие, ханжество, прославляет естественные человеческие чувства, простоту и непосредственность.

Комедия Чоконаи «Темпефеи» — острая сатира на венгерское дворянство, его невежество, грубость и консерватизм. Неприглядная картина, нарисованная Чоконаи, подводила читателя к выводу, что главным препятствием на пути общественного прогресса является отсталость, косность господствующего класса.

Творчество Чоконаи представляет демократическое крыло венгерской литературы XVIII в. В нем нашли выражение философские и общественные идеи Просвещения в сочетании с важными вопросами национального и общественного развития страны. Демократизм, народность, стилевое богатство, глубокое философское содержание делают этого поэта-лирика непосредственным предшественником Ш. Петефи.

Новый шаг в развитии венгерской литературы делает Карой Кишфалуди (1788—1830), известность которому принесли в первую очередь исторические драмы «Воевода Штибор» (1818) и «Татары в Венгрии» (1819). Его талант ярко проявился и в комедиях. Современное звучание им придавало столкновение консервативного дворянского мира отцов с представлениями молодого поколения, требующего свободы выбора в жизненном призвании, в любви. Новеллы и стихи К. Кишфалуди печатались в литературном альманахе «Аврора», издаваемом им с 1821 г.

Рост национального самосознания вызвал интенсивное развитие театральной культуры. Венгерский театр эпохи Просвещения с первых шагов своего развития был нацелен на решение тех же общественно важных задач, что и литература. Однако его специфика позволяла делать это с большей эффективностью, поскольку театр мог рассчитывать на широкие слои населения, зачастую неграмотного. Большой популярностью в Венгрии пользовался бродячий театр. Он знакомил публику с произведениями отечественной литературы, храня и культивируя при этом народный венгерский язык. Театр Просвещения поднимал важные политические, эстетические и философские проблемы своего времени.¹³

Мысль о создании венгерского Национального театра родилась в просветительских кругах в 1775 г. Пятнадцать лет спустя Ф. Казинци в предисловии к первому

венгерскому переводу «Гамлета» высказал идею о необходимости создания профессионального театра. В 1807 г. это предложение обсуждалось в Государственном собрании. Через пять лет было принято решение: в столице будут работать две труппы — немецкая и венгерская, каждая будет играть на своем языке. Однако Габсбурги отвергли даже такое компромиссное решение.

Первое светское театральное представление на венгерском языке состоялось в 1784 г. в Буде. Через год возникает Общество венгерских актеров. Главной задачей венгерского театра считалось не развлечение публики, а развитие национального языка — недаром инициатором создания первой профессиональной венгерской труппы был Ф. Казинци. В 1790 г. труппа под руководством Ласло Келемена дала два спектакля, которые были с воодушевлением встречены депутатами Государственного собрания. Была поставлена пьеса немецкого драматурга Брюля «Бургомистр» (в переводе К. Шимаи «Правоверный батюшка»). Через четыре года труппа Келемена распалась. К этому привели постоянные материальные затруднения, непонимание и притеснения со стороны властей. Однако многие ее участники и дальше служили театральному искусству, продолжая выступать на провинциальных венгерских сценах.

В начальный период существования в репертуаре театра преобладали пьесы немецких авторов — датчанина Гольберга и популярного в то время драматурга Коцебу. Среди произведений венгерских авторов следует выделить драмы Бешпенеи «Философ», Вершеги «Мария Сечи», Сентйоби «Король Матяш».

Более благоприятные условия для развития театрального искусства сложились в конце XVIII в. в Трансильвании, отличавшейся относительной самостоятельностью. Благодаря поддержке просвещенной аристократии в 1792 г. в Коложваре была создана труппа под руководством Яноша Патко-Ковача. Ее деятельность проходила довольно успешно — через несколько лет коложварские артисты выступали не только в родном городе, но часто выезжали на гастроли.

Спектакли коложварской труппы посещали все слои городского населения. Проблема языка здесь не стояла так остро, поскольку большинство зрителей говорило по-венгерски.

Репертуар труппы мало чем отличался от репертуара пештской сцены. Правда, коложварцы поставили и не-

сколько пьес Шекспира, в том числе «Гамлета» в переводе Казинци. Особый интерес у публики вызвали постановки комедий Мольера и немецких классиков (Клопштока, Шиллера).

Деятельность коложварской труппы служила наглядным примером важной роли театра в общей системе искусства, боровшегося за создание национальной культуры, отвечавшей требованиям Просвещения. Именно эта труппа начала борьбу за создание Национального театра. Часть ее в 1807 г. переехала в Пешт в надежде привлечь на свою сторону пештскую публику и городские власти. Постановкой пьесы Коцебу «Несчастье — пробный камень натуры» началась вторая жизнь театра столицы. Труппа с успехом выступала в Пеште на протяжении восьми лет. Значительно расширился ее репертуар, возросло мастерство артистов.

Трудно переоценить значение пештской театральной труппы в развитии венгерского театра. В ней шлифовалось мастерство Йожефа Катоны — переводчика, артиста, автора уже упоминавшейся драмы «Банк-бан», до сих пор не сходящей с венгерской сцены. В этой труппе играла одна из выдающихся венгерских актрис Роза Сеппатаки Дерине.

В 1815 г. помещение, в котором шли спектакли труппы, было снесено. Начался новый период в истории театра, связанный с деятельностью бродячих трупп. Пештские артисты переезжают в Мишкольц. Со второй половины 20-х годов по стране разъезжали три профессиональные труппы, заложившие основы тесной связи театра с жизнью, непосредственного общения со зрителем. В эти годы начинается строительство зданий постоянных театров. Первое такое здание было построено в Коложваре в 1821 г., хотя открытия Национального театра пришлось ждать до 1837 г.

Наряду с театром важная роль в формировании национального сознания принадлежит венгерской музыке. В период Просвещения идет ее становление, закладываются основы последующего развития. В первой половине XVII в. центрами музыкальной жизни Венгрии становятся протестантские коллегиумы, в которых воспитывались выходцы из мелкого дворянства. Они придерживались национальных традиций, по своему стилю жизни были тесно связаны с народной культурой. Позже в реформаторских коллегиумах создаются хоры, способствовавшие развитию полифонического церковного пения. Наиболее

значительный сборник этой эпохи — «450 песен» Адама Палоци Хорвата (1813). Наряду с церковными песнями сборники включают народные песни, памятники музыки венгерского рококо.

Характер музыкальной жизни Венгрии в XVIII в. в значительной степени определяли иностранные музыканты, дирижеры, композиторы, выступавшие в придворных театрах богатых аристократов (Эстерхази, Баттяни, Грашалковичи, Эрдеди). Нередко они принимали активное участие в формировании венгерской национальной культуры. Так, большинство симфоний Йосифа Гайдна — капельмейстера князя Эстерхази — было создано для его домашнего театра.

Во второй половине XVIII в. происходит постепенное вытеснение старинной венгерской мелодики, появляются песни, обогащенные образцами западноевропейской музыки. Явное влияние так называемой «западной школы» — подражание новым венским песням — породило определенный стиль, представителями которого стали Ференц Вершеги, Ласло Амаде, Игнац Месарош.

Новое музыкальное направление «вербункош» — органический сплав народной венгерской музыки с элементами европейской музыкальной культуры — завоевало широкую популярность в стране. «Язык вербункоша полон символов, образов и оборотов, распространенных по всей стране, более того, сам вербункош является национальным символом. Покровительство вербункошу означало поэтому в то время „присоединение к венграм“», — отмечает Б. Сабольчи.¹⁴

Наибольшего мастерства в создании вербункоша достигли виртуозы-скрипачи, композиторы Я. Бихари, Я. Лавотта, А. Чермак. Яношем Бихари создано свыше 80 произведений в этом стиле. Его музыка отличается смелым полетом фантазии, оригинальными парафразами курцских и народных песен. С его именем связывают появление знаменитого марша Ракоци.

Позже вербункош вошел в камерную, фортепианную, вокальную и сценическую музыку. Некоторые сюиты Лавотты, камерные произведения Чермака исполняются современными музыкантами. Особый блеск придал вербункошу зачинатель чардаша Марк Рожавельди. Ритмы и интонации вербункоша проникли в произведения Моцарта, Гайдна, Бетховена, Вебера, Шуберта, Берлиоза, Брамса.

К концу XVIII в. относятся первые попытки создания венгерской оперы. Это «Герцог Пикко и Ютка Пержи»

Йожефа Худи (1793), «Дердь Черни» Габора Матраи (1802), «Бегство Белы» Йожефа Ружички (1822) и др. Творчество этих композиторов подготовило появление Ференца Эркеля — зрелого мастера, основоположника венгерской национальной оперы.

Важное место в культуре эпохи Просвещения, наряду с литературой, театром и музыкой, занимает архитектура. Несмотря на отсутствие материальной базы, в области архитектуры все больше проявляются амбиции зарождающейся буржуазии, ее стремление к самоутверждению.

Конец XVIII—начало XIX в. характеризуется существованием позднего барокко и раннего классицизма. Продолжается строительство соборов, епископатов, но архитектура все больше приобретает светский характер: возникают общественные здания, городские кварталы. Внешнее и внутреннее оформление зданий становится проще, наблюдается стремление к гармонии, четкости линий. Черты, свойственные европейскому классицизму, здесь смягчены влиянием народного искусства.

Развитие буржуазных отношений, появление зажиточных слоев городского населения меняло вкусы и требования, создавало условия для строительства по европейским образцам. Однако медленное продвижение Венгрии по пути буржуазного развития, относительная изолированность страны от европейских влияний обусловили национальный характер венгерского классицизма. Яркие примеры его — епископский дворец в Секешфехерваре (1798—1801), евангелическая церковь в Пеште (1798—1807) и Дебреценский кафедральный собор (1805—1821). Вариации храмов Якоба Фелнера с двумя фасадными башнями, со своеобразным купольным завершением можно увидеть во многих провинциальных городах Венгрии. Вокруг этих храмов формировались новые центры городов, таких, как Тата, Папа и др.

Пештская евангелическая церковь — ранняя работа Михая Поллака — одного из самых известных представителей венгерского классицизма. После учебы в Вене он путешествовал по Италии, стажировался в Милане, а с 1798 г. поселился в Пеште. Строгое монументальное здание церкви свидетельствует о приверженности архитектора строгим и простым геометрическим формам. Внутренний вид церкви отличается торжественным величием, спокойствием, ее интерьер выражает скорее рациональное, нежели чувственное отношение человека той эпохи к религии. Четкие пропорции, тщательно выполненные детали

делают пештскую евангелическую церковь наиболее значительным творением архитектуры периода классицизма.

Другая замечательная работа М. Поллака — Немецкий театр в Пеште (1808—1812) свидетельствует об оригинальности и самобытности его художественного вкуса.

Епископская резиденция в Секешфехерваре выполнена по проекту неизвестного местного зодчего, основанного на зарубежных образцах. Здание привлекает внимание своими богатыми украшениями. Тяжелые массивные лепки на фронте напоминают позднее барокко.

Дебреценский кафедральный собор — творение Михая Печи — своими монументальными пилонами, приземистыми пропорциями пышно оформленной капители знаменует переходную степень от барокко к классицизму.

В 1808 г. была организована Комиссия по благоустройству Пешта. В нее вошли, помимо чиновников и выборных граждан, ведущие архитекторы страны, что способствовало успешной работе Комиссии по выработке единого стиля в области градостроительства. Комиссия сумела преодолеть цеховую разобщенность и направить деятельность архитекторов на строительство преимущественно общественных зданий.

В архитектурном оформлении Пешта и Буды видная роль принадлежит Михаяу Поллаку и Йожефу Хильду. По проектам Поллака было построено немало дворцов венгерских магнатов и городских зданий. Цепной мост (Ланцхид) и район, прилегающий к нему (проект Поллака), органически вписались в новый облик столицы. Важный комплекс общественных построек первых десятилетий XIX в. можно увидеть в Дебрецене. К большому кафедральному собору примыкает здание реформатской коллегии — работа Михая Печи. Тяжелая массивность позднего барокко здесь сочетается с торжественным, величавым спокойствием раннего классицизма ¹⁵.

Большинство дворцов венгерских вельмож было построено в первой половине XVIII в., преимущественно в стиле барокко. Во второй половине столетия этот процесс замедляется. И все же на рубеже XVIII—XIX вв. имеются значительные достижения и в этой области. Достаточно назвать замок Эстерхази в Кишмартоне (Эйзенштадт). Дворец был построен еще в XVII в., в 1798—1801 гг. его перестроили и значительно расширили. Фасад здания был украшен торжественной колоннадой. Был создан таким образом целый классицистический ан-

самбль, состоящий из дворца, парка и парковых сооружений.

Классицизм нелегко пробивал себе дорогу в Венгрии. Материалы Комиссии по благоустройству Пешта свидетельствуют о том, что большинство жилых домов в то время составляли одноэтажные здания, украшенные барочными лепками Филиппа Брайна, Фиделя Кишемика, Матьяша Зиттербарта — мастеров, не имевших специального образования. Интенсивное строительство многоэтажных зданий началось лишь после 1840 г. Среди построек, сохранившихся и поныне, выделяется дом Семереди (1811) — творение Йозефа Гоффрихтера, а также дом Кардетфера (проект М. Поллака).

В тяжелом положении находилась на рубеже XVII и XVIII вв. венгерская скульптура, что в первую очередь объясняется слабостью национальных традиций. На развитии светской скульптуры отрицательно сказывалось отсутствие серьезных заказов. К концу XVIII в. отечественные скульпторы начинают получать заказы на бюсты и надгробные памятники. Венгерская аристократия, однако, продолжала отдавать предпочтение работам иностранных мастеров, в первую очередь австрийских.

Просветительские рационалистические тенденции привели к появлению новых форм и в этом виде искусства. Заметное оживление наступает главным образом в северных и западных областях страны, меньше пострадавших от турецкого ига. Скульпторы больше внимания уделяют совершенствованию своего мастерства, стремятся получить профессиональное образование. Йозеф Хубер, например, уже не довольствуется знаниями и навыками, воспринятыми от отца, искусного мастера-ремесленника. Он много ездит по Европе, изучает скульптуру в Венской академии, занимается разработкой теории ваяния. Как явствует из матрикулов Венской академии, в период 1790—1830 гг. ваяние здесь изучало двадцать венгерских студентов¹⁶.

Значительное достижение Хубера — тончайшие рельефные украшения дома Хайнриха, богатые скульптурные композиции в доме Вурма, скульптурная группа у колодца, а также украшения на фронтоне дома со стороны Дуная.

Другой выдающийся представитель венгерской скульптуры Просвещения — Леринц Дунайски — первый профессиональный венгерский скульптор. После окончания Венской академии он основал мастерскую в Пеште, пре-

вратив ее в скором времени в процветающее предприятие. Из большого творческого наследия скульптора дошло немногое, частично из-за недолговечности материала (гипс и дерево), с которым он работал. Ему была поручена внутренняя отделка евангелической церкви в Пеште, построенной Поллаком, монументальные золоченые статуи святых для церкви в Кристинавароше. Их отличает тонкая декоративная работа, искусная резьба.

Венгерское изобразительное искусство несколько запаздывает в своем развитии по сравнению с литературой. Отставало оно и от архитектуры, поскольку молодая венгерская буржуазия еще недостаточно окрепла, чтобы ему покровительствовать, а магнаты отдавали предпочтение работам иностранных художников. В конце XVIII в. доминирующее положение продолжает занимать позднебарочная, фресковая живопись. Развитие станковой и монументальной живописи тормозило отсутствие в Венгрии высшей художественной школы. Венгерским же мастерам, не получившим признания на родине, нередко приходилось скитаться на чужбине.

Творчество художников, работавших за рубежом, — важная составная часть венгерского искусства эпохи Просвещения. В свою очередь, немало иностранных художников раскрыли свое дарование, работая в Венгрии. Й. Краккер, И. И. Цимбал и Ф. А. Маульберч оставили яркий след в венгерском искусстве второй половины XVIII в.

Сочетание элементов различных стилевых направлений — характерное явление для творчества Й. Краккера. Ряд фресок был выполнен им в период с 1765 по 1778 г. в Эгере по заказу видного мецената епископа Кароя Эстерхази. Напыщенную барочную динамику в них сменяет ясная повествовательность, подкрепленная элементами документальности.

Одна из характерных работ Краккера — роспись епископской библиотеки в Эгерском лицее. В ее простом и рациональном колорите преобладают черные, бело-серые, ярко-желтые тона. Необычно расположение чинных фигур участников Тридентского собора, выражение их лиц¹⁷.

Видное место в венгерской живописи эпохи барокко принадлежит Францу Антону Маульберчу, проработавшему в Венгрии сорок лет. Маульберч известен здесь прежде всего своими монументально-декоративными росписями, близкими по манере к Тьеполо. Одна из его лучших работ — роспись небольшой церкви в Шюмере близ

Балатона, выполненная в позднебарочном стиле. Для этого художника характерны многофигурные эмоционально насыщенные композиции. Особенно это заметно в средней алтарной композиции, изображающей вознесение Христа. Привлекают своей выразительностью великолепные фрески Маульберча в Фельтороне и Секешфехерваре.

Начиная с 70-х годов стиль Маульберча эволюционирует в сторону большей ясности и рационализма. Страстный динамизм уступает место лаконичным, строгим очертаниям, сдержанным тонам. Изменения в творческой манере Маульберча особенно заметны в его поздних работах, прежде всего в росписи сводов часовни Эгерского лицея. Небесные аллегории художник здесь сознательно заменяет земной реальностью. Противоречие между четкой и ясной формой, отвечающей требованиям Нового времени, и идейным содержанием церковной живописи позднего барокко особо ощутимо в работах Маульберча¹⁸, хотя он был талантливее многих видных мастеров того времени, таких, как Игнац Цимбал, Иштван Дорфмейстер-старший, Франц Сигрист. Творчество иностранных художников было созвучно требованиям и запросам венгерской общности. Они внесли свой вклад в выработку понятия единой общенациональной культуры.

Идеи культурного обновления охватили и некоторую часть высших церковных слоев. На основании договора с епископом Эстерхази Франц Сигрист приступил в июле 1780 г. к росписи актового зала Эгерского лицея. Художник получил задание изобразить в центре плафона Провидение, а вокруг него расположить науки и искусства: Теологию, Юриспруденцию, Философию, Живопись, Скульптуру, Зодчество, Музыку, Географию, Историю, Поэзию, Математику, Ботанику, Механику. В этой работе наиболее выразительно проявилась художественная программа Сигриста, сочетавшая в себе рационализм и классицизм Просвещения. Аллегорический момент композиции усложнен жанровыми мотивами: врачи изображены за операцией, химики — во время опытов, астрономы — перед телескопом. Согласно требованиям заказчика все они изображены в национальных венгерских костюмах. Этот памятник свидетельствует о явной просветительской ориентации светской монументальной живописи.

К концу XVIII в. церковную сменяет станковая историческая, портретная, жанровая и пейзажная живопись.

Распространение просветительских идей в Венгрии способствовало постепенному складыванию понятия еди-

ной культуры. Литература и наука ищут путей для более тесной связи с изобразительным искусством. Этому процессу содействовало обращение к историческим реликвиям (графические изображения короны — символа нации, журнальные иллюстрации заседаний Государственного собрания, коронации и т. д.).

Под влиянием просветительских воззрений меняется и само понимание человека, что незамедлительно проявилось в портрете — богатейшем жанре венгерской живописи. Содержанием портрета становится человеческая личность, независимо от ранга и общественного положения. В портрете преобладает художественная предметность, непосредственность изображения, непринужденность позы, подчеркнута профессия изображаемого лица ¹⁹.

В такой манере выполнены работы Яноша Мартона Штока, Жигмонта Фалуши, Самуэля Хорвата и др. Особенно показателен портрет Казинци, написанный Крейцингером в 1790 г. Художник писал Казинци и позже, когда венгерский просветитель выдвинул свою эстетическую программу обновления языка и литературы.

Невзирая на то что высшее дворянство, магнаты, аристократы продолжали отдавать предпочтение иностранным художникам, в конце XVIII в. значительно расширился круг заказчиков. Городская буржуазия стремилась запечатлеть свое возрастающее влияние в обществе. Важный вклад внесли в венгерское искусство портретисты из окружения Ф. Казинци, который сам тонко понимал искусство, неплохо рисовал. Он покровительствовал талантливому иностранному мастеру Яношу Якабу Штундеру. Следуя примеру Казинци, многие из его друзей начали заказывать свои портреты, создавать галереи.

Популярность портретной живописи способствовала возникновению новых жанров — пастели и миниатюры (Й. Д. Бауэр, Й. Вагнер, Я. Боденер).

Жанровая живопись не обладала богатыми традициями, что замедляло ее развитие по сравнению с портретом. Первым заметным венгерским пейзажистом был Фюлеп Карой Шальхас. По окончании Венской академии он работал преподавателем кафедры рисования в Пеште. Его привлекали идиллические ландшафты, поля, окраины сел с колокольнями, берега речек. Его полотна просты и ясны по композиции. Однако судить о творчестве художника в целом трудно, поскольку картин его сохранилось немного.

Мало сведений имеется о жанристах Венгрии. Изве-

ство, что талантливый трансильванский портретист Янош Мартон Шток создавал гравюры с изображением цыган и крестьян в венгерских национальных костюмах, что батальные сцены к книге «Военные и другие знаменитые события» были написаны дерским художником Жигмондом Фалуши, но разыскать картины этих мастеров пока не удалось. В каталогах нередко фигурируют венгерские натюрморты, но отсутствуют данные об их авторах. Сохранилось несколько натюрмортов Иштвана Вереша, одного из самых интересных венгерских живописцев XVIII в.

Отсутствие единого культурного центра привело к расцвету искусства, развивавшегося в дворянских усадьбах²⁰. Благодаря усилиям венгерского исследователя К. Люки удалось воссоздать общую картину развития светских жанров живописи в различных районах страны, выявить имена целого ряда забытых мастеров: Яноша Якаба Мюллера, Игнаца Гаала, Андраша Петрича, Кароя Арона, Яноша Михая Геса, Ференца Баллаша и др. Несмотря на прогресс в отдельных жанрах, светская венгерская живопись все же не достигла таких успехов, как церковная.

Одной из характерных особенностей эпохи Просвещения было стремление венгерской интеллигенции поддерживать тесные связи с зарубежными учеными, писателями, художниками, музыкантами, невзирая на стремление Габсбургов изолировать венгров от новых культурных веяний. В этот период наиболее интенсивными были связи венгров с австрийской, немецкой и французской культурами. Просветительские идеи проникали в страну в основном через Вену и Польшу.

Активным был духовный обмен между народами, входившими в состав империи, чему способствовала общность исторических путей их развития. Можно назвать немало случаев культурного симбиоза (Матяш Бел — родоначальник языковедения, географических, этнографических и исторических наук, выступал за равноправное использование венгерского, словацкого и чешского языков). Пешт и Буда стали настоящими очагами словацкой культуры. Здесь издавалось большое количество словацких книг и журналов. Певец «славянской общности» Ян Коллар в течение тридцати лет жил в Пеште, Й. Домбровский, Й. Палкович, Ф. Сечени вели интенсивную переписку, излагая свое понимание национальной культуры и путей ее формирования.

Венгерское общественно-культурное движение способствовало национальному пробуждению чешской интеллигенции. Особое место в истории взаимосвязи двух народов занимает так называемая «чешско-моравская миссия», организованная венгерской реформаторской церковью после вступления в силу декрета о веротерпимости.

Под влиянием идей Просвещения в Венгрии активизируется деятельность трансильванской греко-католической церкви, стремившейся создать культурную автономию и ввести образование на родном языке. Латино-венгерский словарь Ференца Паца Париза был использован в качестве образца для создания румынского письма на латинской основе.

Известно, какую видную роль сыграла будайская типография в культурном обновлении разноязычных народов, населявших Венгрию. В Буде и Пеште появляются первые крупные произведения возродившейся сербской литературы, словацкой поэзии, здесь печатаются труды румынских ученых из Трансильвании, доказывавших генетическую связь между даками и румынским народом²¹. В будайской типографии была напечатана первая болгарская книга — «История Болгарии» Атанасия Месковича (1801).

Интенсивными были контакты венгров с южными славянами. В Буде и Пеште обучалось много сербских студентов. Нередки случаи двуязычного творчества. Петар Катанчич — преподаватель археологии Пештского университета — был известным хорватским поэтом. На венгерском и на сербском языках писал поэт Михай Виткович, обративший внимание Ф. Кельчеи на сокровища народно-поэтического творчества южных славян. Под влиянием «Хасанагиницы», переведенной Ф. Казинци в 1789 г., в венгерской поэзии утверждается новая литературная форма в так называемом «славянском стиле».

Следует отметить, что плодотворное сотрудничество венгерского народа с соседними странами, однако, не раз осложнялось национальным антагонизмом, территориальными притязаниями, расхождениями в понимании путей формирования и развития национальных культур.

Венгерские просветители принимали активное участие в культурной жизни России. Достаточно назвать имена таких известных просветителей, как Я. Орлаи, Б. Кукольник, П. Лодия.

Я. Орлаи получил широкое признание в медицинских кругах России. Он был личным врачом императора Алек-

сандра I, являлся членом многих научных обществ России и Германии. В последние годы жизни работал директором Нежинского лицея высших наук. Он поддерживал тесные связи с научным миром Венгрии, информировал венгерских читателей через газету «Мадяр курир» о культурной жизни в России.

Михай Балудянский стал первым ректором Петербургского университета. Прекрасное образование, феноменальная память, талант педагога, знание европейских языков быстро выдвинули его в число передовых ученых. За труд по истории русского финансового дела ему было присвоено звание потомственного дворянина. М. Балудянский входил в круг прогрессивно настроенной интеллигенции, выступавшей за реформы в области просвещения.

Базиль Кукольник преподавал в Петербургском университете римское право, физику и химию. Позже, переехав в Нежин, он работал преподавателем лицея. Здесь вместе с Н. В. Гоголем учился и его сын — Нестор Кукольник, известный в России в середине XIX в. писатель и драматург.

Венгерские ученые избирались почетными членами русских научных обществ. Известный ботаник П. Китайбель, И. И. Винтерл — профессор химии и ботаники Надьсомбатского университета, А. Паристер — ректор Пештского медицинского факультета — были членами Московского физико-медицинского общества, Петербургского общества медицины и естествознания.

Венгерское просвещение — важный этап в развитии национальной культуры венгерского народа, его национального самосознания. В силу сложившихся общественно-политических условий, замедленности буржуазного развития Просвещение здесь выступало менее отчетливо по сравнению с западноевропейскими странами.

Просветительские идеи находили выражение прежде всего в широком движении в защиту национального языка, за развитие новой литературы. Именно литература стала основным средством распространения просветительских идей, выполняя роль выразителя национального самосознания. Она дала поэтов европейского масштаба — Михая Витеза Чоконаи, Даниэля Бержени, прозаиков — Йожефа Кармана и Ференца Казинци.

Характерной особенностью Просвещения стало превращение Буды и Пешта в единый культурный центр

страны, что содействовало объединению разрозненных сил, активизировало общественное движение.

Просвещение стало идейной основой, первым этапом становления национальной культуры. Идеино-художественные достижения той поры способствовали ускоренному её развитию в последующий период и выходу на европейскую арену.

-
- ¹ Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе в эпоху перехода от феодализма к капитализму. М., 1981. С. 53.
 - ² *Kosáry D.* Művelődés a XVIII. századi Magyarországon. Вр., 1983.
 - ³ *Артамонов С. Д., Гражданская З. Т., Самарин Р. М.* История зарубежной литературы XVII—XVIII вв. М., 1973. С. 787.
 - ⁴ *Horváth J.* A magyar irodalom fejlődéstörténete. Вр., 1980. Old. 173—175.
 - ⁵ Цит. по кн.: *Шахова К.* Венгерская литература 20—40-х годов XIX в.: Некоторые идейно-художественные искания. Киев, 1973. С. 5.
 - ⁶ См.: Формирование наций. . . С. 251.
 - ⁷ Цит. по кн.: *Бенце Сабольчи.* История венгерской музыки. Будапешт, 1964. С. 66.
 - ⁸ *Könyv és könyvtár a magyar társadalom életében az állam alapítástól 1848-ig.* Вр., 1963; *Kókay G.* Könyv, sajtó és irodalom a felvilágosodás korában. Вр., 1983.
 - ⁹ *A magyar sajtó története.* Вр., 1979. 194 l.
 - ¹⁰ *Magyarország története. 1526—1790.* Вр., 1958. К. 1. Old. 415.
 - ¹¹ *Magyarország története. 1790—1849.* Вр., 1957. К. 3. Old. 92—93.
 - ¹² Развитие литературы в эпоху формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Романтизм. М., 1983. С. 61.
 - ¹³ История Венгрии: В 3 т. М., 1971/1972. Т. 2. С. 196.
 - ¹⁴ *Бенце Сабольчи.* Указ. соч. С. 55.
 - ¹⁵ *Dercsenyi D., Zádor A.* Kis magyar művészet története. Вр., 1980. Old. 291.
 - ¹⁶ *Magyarországi művészet története.* Вр., 1970. К. 1. Old. 349.
 - ¹⁷ *Тихомиров А.* Венгерское искусство XI—XIX вв. М., 1961. С. 40.
 - ¹⁸ *Гараш Клара.* Живопись в Венгрии в XVIII в. Будапешт, 1967. С. 103.
 - ¹⁹ *A művészet története Magyarországon.* Вр., 1983. Old. 316.
 - ²⁰ *Lyka K.* A táblóbíró világ művészete. Вр., 1981. Old. 488.
 - ²¹ *Káfer I.* Az egyetemi nyomda négyszáz éve (1577—1977). Вр., 1977.

Чешская культура

Эпоха Просвещения на Чешских землях приходится на последнюю треть XVIII—начало XIX в. — период важных экономических преобразований, коренных изменений в сфере общественного сознания и художественной культуры¹.

Просвещение в Чешских землях, входивших в состав Австрийской монархии, носило довольно умеренный характер. Ему было свойственно становление нового философского мировоззрения, художественного мышления, рост естественнонаучных знаний, создание научных и художественных центров, учебных заведений. Независимость от старых феодальных порядков и традиций, освобождение от церковного догматизма проявляется во всех сферах науки, философии, религии, образования, художественной культуры.

Чешские просветители выражали интересы и настроения формирующейся мелкой буржуазии и связанной с нею интеллигенции, демократической по своему происхождению.

Экономическая слабость и несамостоятельность чешской буржуазии, бесправной политически, объясняет ее соглашательство по отношению к правительству. Она не выдвигает самостоятельных требований, удовлетворяется политикой «просвещенного абсолютизма», то есть проводимыми сверху, волей «просвещенного монарха» умеренными реформами, которые облегчали буржуазное развитие, поощряли торговлю и промышленность, ослабляли цензурный гнет, способствовали развитию просвещения и др.

Особую сложность развитию чешской культуры во второй половине XVIII в. придавало то обстоятельство, что существовала определенная нерасчлененность течений общевосточного, местного немецкого и собственно чешского Просвещения².

Просвещение явилось закономерным следствием предшествующего культурного развития чешского народа.

Белогорское поражение 1620 г., совпавшее с кровопролитными событиями Тридцатилетней войны (1618—1648), привело к существенному ослаблению культурной жизни страны, подпавшей под власть Габсбургов. Утрата городами политического влияния, конфискация имущества протестантов, значительная эмиграция привели к изменению социальной базы культуры. Единственным носителем чешского языка остались низшие городские и сельские слои, что, в свою очередь, неблагоприятно сказалось на ее развитии. Достаточно сказать, что всего за несколько десятилетий жестокого иноземного гнета исчезла научная литература на чешском языке. В значительной степени были утеряны достижения культуры гуситской эпохи — одной из самых значительных в истории не только Чешских земель, но и всей Европы, эпохи небывалого расцвета философской и общественно-политической мысли, эпохи, определившей и своеобразие чешского гуманизма, который оставил теоретические сочинения по истории, праву, экономике, естествознанию.

В этот период традиции отечественной культуры поддерживаются чешской эмиграцией в Германии, Польше, Голландии. Ярким представителем эмиграции был выдающийся мыслитель европейского значения и признания Ян Амос Коменский (1592—1670) — автор грандиозной программы создания нового общества на основе всеобщего образования, основоположник современной педагогики, выступавший за демократизацию школьной системы и обучение на родном языке.

Среди деятелей побелогорской эпохи, оказавших активное воздействие на культуру Просвещения, наряду с Я. А. Коменским был Б. Бальбин, трактат которого (на латинском языке) «О счастливом когда-то, ныне же сверхпечальным состоянии Королевства Чешского, в первую же очередь о важности языка чешского или славянского в Чехии, а также о губительных намерениях, направленных на его истребление, и других вещах подобного рода» рассуждение краткое, но правдивое», опубликованный лишь в 1775 г., вызвал огромный отклик на начальном этапе национального движения и стал симптомом оживления земского патриотизма в кругах чешской шляхты и интеллигенции.

Чешская культура Просвещения могла также опереться на народное творчество побелогорской эпохи, отличавшееся

жанровым богатством (эпика, лирика, пьесы, сказки, песни), тематической широтой. Имел заслуги школьный театр, кукольный театр — особо характерная составная часть театральной культуры с середины XVII в.

«Эпоха тьмы», как традиционно называется побелогорский этап исторического и культурного развития Чешских земель, таким образом, не только упадок, ослабление отечественной художественной жизни, но и период медленного, но неуклонного развития чешской культуры, этап, подготовивший необходимые условия для возникновения идеологии и культуры просветительского типа и выработки самосознания формировавшейся чешской нации.

Об устойчивости и органичности связей Просвещения с традициями предшествующей эпохи свидетельствуют такие специфические жанры чешской культуры, как «ярмарочные» песни и пьесы с пением и танцами. Чешские просветители издают и перерабатывают книги для народного чтения (М. В. Крамериус), черпают сюжеты из чешских хроник и летописей (А. Й. Зима, В. Там, М. Штван), произведений народного творчества.

Просвещение в Чешских землях прошло в своем развитии несколько этапов: этап раннего Просвещения, собственно чешское Просвещение конца 70-х—начала 90-х годов XVIII в., период утраты им своих позиций, перехода в начале XIX в. к иным идеологическим концепциям³.

Характерными чертами деятельности чешских просветителей на раннем этапе была критика религиозных предрассудков, суеверий, борьба с церковным фанатизмом, вера в общественную силу науки и морали. Они стремились эмансипировать человеческую личность от засилья феодально-сословных и клерикальных пут, науку — от церковной догматики. Были пересмотрены многие традиционные представления в сфере общественной мысли и культуры. Деятели культуры безоговорочно приняли курс «просвещенного абсолютизма». Для их творчества характерно противоречие между чешским национально-патриотическим содержанием и инациональной (немецкой) языковой формой выражения.

По мере развития идей Просвещения пробуждается внимание деятелей культуры к социально-экономической и национально-патриотической проблематике. В 70—80-е годы преобладающее влияние просветительских идей отмечается во всех сферах духовной жизни Чешских земель. Для этого этапа показательно стремление излагать национально-патриотические идеи на чешском языке.

Усилившееся с начала 70-х годов XVIII в. освободительное движение крестьянства, особенно восстание 1775 г., нанесло крепостной системе в Чешских землях мощный удар. Абсолютистское правительство было вынуждено издать не только известный патент 1781 г., упразднивший прикрепление крестьян к земле и объявивший их лично свободными, но и широко развернуть реформаторскую деятельность, направленную на ликвидацию или хотя бы смягчение отсталой и изжившей себя феодальной системы. Патент 1781 г., один из пунктов которого гласил, что «подданные по желанию могут обучаться ремеслу и искусствам и без специального разрешения. . . искать средства к существованию»⁴, имел немаловажные последствия для становления новой чешской культуры.

Абсолютизм стремился к существенному ограничению автономии церкви, подчинению ее своему контролю, в первую очередь в экономическом и идеологическом плане. Несомненное влияние на общественно-культурные отношения в Чешских землях оказал и декрет о веротерпимости (1781), а также указ о ликвидации монастырей и монашеских орденов. Признание протестантов значительно ослабляло монополию католической церкви. Указ и патент нанесли удар церкви, способствовали духовному раскрепощению. Для чешской культуры значение их состояло в том, что они облегчали обращение к гуситскому прошлому народа, к прогрессивным национальным традициям.

В 80-е годы XVIII в. было ликвидировано около половины всех монастырей, их имущество было конфисковано и передано в так называемый церковный фонд, предназначенный для финансирования светского реорганизованного церковного управления. Здания многих монастырей были отданы под жилые дома, для размещения государственных учреждений, мануфактур, казарм. При этом нередко наносился огромный ущерб культурным ценностям — старые книги и рукописи на аукционах шли по цене бумаги, распродавались картины и ценные предметы церковной утвари. Были разрушены прекрасные пражские барочные памятники, в том числе Вифлеемская часовня, храм Тела Христова на площади Карла и др.

По замыслу Иосифа II светское духовенство должно было, помимо религиозных отправлений и обучения молодежи, выполнять и другие важные задачи — знакомить верующих с официальными указами, предписаниями, вести метрики, в сельской местности — пропагандиро-

вать новые прогрессивные методы хозяйствования, получая при этом твердую плату, что также было нововведением. Духовенство, таким образом, было призвано стать орудием государственной политики. Реформы регламентировали даже частоту и порядок богослужений. Исполнение музыкальных произведений, традиционно сопутствующих службе, резко ограничивалось, как отвлекающее верующих от истинного благочестия. Отменялись многочисленные паломничества, процессии, а также некоторые храмовые праздники, поскольку они «отрывали людей от работы и тем лишали заработка».

Была провозглашена отмена церковной цензуры. Речь шла, разумеется, не о ее ликвидации на практике, однако многие требования были пересмотрены, и в начале 80-х годов это воспринималось как предоставление «свободы» печати. Результаты не замедлили сказаться. На книжном рынке появляется невиданное до того времени количество брошюр, трактатов, меморандумов, проспектов, что в какой-то степени явилось реакцией на предшествующий период вынужденного молчания. В Праге издаются сочинения европейских просветителей, в том числе пьесы Вольтера и Лессинга. Все это подготовило почву для развития художественной прозы, журналистики, для расширения издательской деятельности. Однако вскоре «взрыв» публикаторской деятельности вошел в рамки, будучи естественно ограничен читательским спросом и возможностями сбыта печатной продукции. Недолго продержалась «свобода» печати: специальные указы 1784, 1786 и 1789 гг. все более и более ограничивали ее.

Далеко идущие последствия для чешского народа имели так называемые школьные реформы Марии Терезии и Иосифа II⁵. Они также были связаны с пересмотром отношений церкви и государства в духе «просвещенного абсолютизма». Показательно, что финансовая база для их осуществления была создана за счет ликвидации Иезуитского ордена и конфискации его имущества (1773). Радикальные изменения в обучении и воспитании обуславливались требованиями, предъявляемыми к работникам развивающихся областей промышленности, новым административным кадрам, в которых нуждалось государство, они вызывались и необходимостью повышения образования всего населения. Общественно-экономические потребности обусловили нацеленность школы на решение практических задач — увеличивается число промышленных училищ и школ, курсов прядения и ткачества; на средней

и низшей ступенях обучения расширяется программа по математике и естественным наукам. Несмотря на существование социальных барьеров, ярко выраженный классовый характер школьной системы, реформы в этой области сыграли важную роль в повышении уровня образования населения Чешских земель, в развитии всей чешской культуры.

В особых условиях происходило формирование в Чешских землях национальной интеллигенции, воспитанной в немецких гимназиях, на немецкоязычной научной и художественной литературе, жившей и творившей в городах, где большая часть дворянства и городской верхушки была онемечена, где немецкий язык был провозглашен языком всех государственных учреждений. Все успехи деятелей чешской культуры достигались в трудной борьбе с германизаторскими тенденциями и противодействием государственно-административного аппарата.

Движущей силой развития чешской культуры в этот период был процесс национального обособления от немецкой культуры. В то же время нельзя не видеть и другую сторону этого процесса — в эпоху Просвещения важную роль играл идеологический и культурный опыт европейских народов, шло активное усвоение достижений более развитой немецко-австрийской культуры, в контексте которой проходило становление чешской литературы и искусства.

В годы правления Иосифа II реорганизуются все стороны городской жизни: система городского управления, административного деления, суд. Прага — наиболее развитый в социально-экономическом отношении город — становится одним из самых больших городских комплексов во всей Центральной Европе, вторым по количеству населения городом Габсбургской монархии, значительным промышленным и торговым центром⁶. Меняется его внешний вид. Появляются новые дворцы, здания культурного назначения (Страговская библиотека, 1783; Ностицкий театр, 1781—1783). Закладываются первые общественные парки на склонах Петршина, у Пражского Града, перед Вальдштейнским дворцом. Расширяются и благоустраиваются центральные улицы. Бурная экономическая жизнь разрушает старые крепостные стены и связывает центр города с предместьями.

Для последней трети XVIII в. характерен рост городов (как старых, население которых увеличивалось за счет близлежащих сел, так и новых, возникавших в центрах

новых промышленных областей), укрепление их экономического значения. Хлынувший в 80-е годы в города поток крестьян привел к значительным сдвигам в социальной и национальной структуре городского населения. Чешский облик городам придавали преимущественно широкие городские слои — мелкие торговцы и ремесленники, подмастерья, рекрутировавшиеся из крестьян. Следствием этого стало оживление общественно-культурной жизни чешских городов. Появление периодической печати на чешском языке, создание постоянного профессионального театра, хотя еще и чешско-немецкого, активизация издательского дела, развитие общественных форм культурной жизни — концертов, художественных выставок, рост числа библиотек, читательских клубов, литературных кружков, «бесед», «академий» в Праге, Брно, Оломоуце и других городах — все это свидетельствует о небывалой интенсивности, динамизме культурной жизни Чешских земель в последней трети XVIII в., о переломном характере эпохи, открывающей новый этап культурного развития страны.

Идеи Просвещения далеко не одновременно проявляются в разных областях отечественной культуры. Раньше всего они проникают в науку и публицистику. Возникают первые организации, которые объединяют деятелей науки. Именно в Чешских землях появляются самые ранние на территории Габсбургской империи просветительские организации («Общество неизвестных литераторов». Оломоуц, 1746—1751). Группа просветительски настроенных ученых объединяется в 50-е годы вокруг пражского Карлова университета. Рост научных обществ усиливается в период взлета просветительского движения в Чешских землях в 70—80-е годы.

В начале 1774 г. провозглашается создание «Частного общества наук». Со следующего года оно издает свой научный орган — «Труды», в котором преобладает естественно-научная тематика. В 1784 г. Общество оформляется организационно, получив название «Чешское общество наук», а с 1790 г. — «Королевское чешское научное общество». Критицизм, стремление к научному анализу, систематизации фактов, точной аргументации, расширение научной тематики, пропаганда просветительских взглядов на человека и природу — все это новые ступени развития научной мысли в стране. Члены Общества изучают и пропагандируют философию Лейбница, Ньютона, Вольтера, Канта. На заседаниях Об-

щества ведутся дискуссии о соотношении теоретических исследований и их практического применения, при этом высказываются требования свободы научного мышления. Исходным методологическим пунктом в научных исследованиях становится просветительский рационализм. Он был тесно переплетен с деизмом, с позиций которого предпринимались атаки на принципы и практику католицизма.

Общество имело две секции — математики и естественных наук, а также общественных наук, объединявшую историков и языковедов. Среди членов Общества были видные математики и физики: Й. Степлинг, Я. Тесанек, А. Стрнад, С. Выдра, минералог И. Борн, прославившийся своими резкими выступлениями против церкви (сатирический памфлет «Монахология», 1783). Важное практическое значение имела деятельность видного чешского математика Фр. Герстнера, много сделавшего для подготовки молодых чешских кадров, для развития местной промышленности. Им, в частности, был основан Политехнический институт в Праге (1806).

Больших успехов добились чешские ученые в области медицины. Труды И. Прохазки — выдающегося естествоиспытателя и мыслителя — «О функциях нервной системы» (1784), «Тезисы о физиологии человека» (1797), в которых было развито материалистическое понимание природы и жизнедеятельности человека, получили заслуженную оценку уже при жизни ученого.

В конце XVIII в. Королевское чешское научное общество стало важным культурным центром, в какой-то степени выполнявшим функции первой отечественной Академии наук. Подобные научные объединения организуются и в других городах Чешских земель (например, «Частное общество друзей изучения природы и отечества» Брно, 1800).

Наряду с крупными достижениями в области естественных наук в последней трети XVIII в. важные результаты были достигнуты и в общественных науках, прежде всего в истории и филологии, оказавших воздействие как на характер идеологических представлений, так и на общественное сознание своего времени в целом.

Расцвет просветительских идей, связанных с пересмотром многих традиционных представлений в сфере общественной мысли и культуры, борьба с контрреформацией вызвали к жизни активную историографическую деятельность. При этом собирательство исторических документов, хроник, столь характерное для первой половины

XVIII в., все более уступает место их критическому осмыслению.

На путь научного анализа исторических источников вступил Г. Добнер, который считается первым чешским историографом Нового времени. Монах-пиар, впоследствии ректор пражской коллегии пиаров, он был крупнейшим знатоком истории Чехии. Результатом его работы в пражских архивах стали 6 томов комментария к изданной им же Хронике Гаека (*Venceslai Hajek z Libočan Annales Bohemorum. T. I—VI. Pr., 1761—1782. На латин. яз.*). Труд этот стал поворотным пунктом в отечественной историографии прежде всего потому, что он подрывал основы феодально-клерикальной идеологии. Во введении ко второму тому исследователь изложил свое понимание и принципы написания критических исторических работ, подчеркнул значение источников, в первую очередь грамот, для истинного познания прошлого. «Первейшая обязанность историка, — писал Г. Добнер, — из любви к родине и к науке отринуть все, что было вымыслено более поздним временем и тем оградить народ свой от насмешек чужеземцев»⁷. Большую часть из тысячи собранных им источников по истории Чехии он опубликовал в 1764—1785 гг. под названием «Неизданные до сих пор исторические памятники Чехии». Исправленная и дополненная Добнером Хроника Гаека на долгие годы (в 1819 г. она вышла в новом издании) стала самым значительным трудом по истории Чешских земель для широких масс чешского народа.

Труды просветителей открывали дорогу позитивной оценке тех периодов отечественной истории, которые были враждебны побелогорской контрреформации. В ряде работ этого времени, посвященных гуситскому движению, прежде всего в капитальном труде преподавателя Карлова университета К. Ройко «История Великого собора в Констанце» (Т. I—IV. 1780—1785), Ян Гус рассматривался как предвестник новой эпохи, его учение не только оправдывалось, но и высоко оценивалось.

Следующий шаг в исследовании и защите гусизма сделал Й. Добровский, раскрыв его значение для развития чешского языка и всей отечественной культуры. Подчеркивая самобытность и национальный характер гусизма — «славного периода чешской истории», могучего подъема творческих сил народа, Добровский писал об «оригинальном вкладе» чешского народа в историю («*Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur*». 1791).

Этой же цели — показать давние традиции отечественной науки и культуры, историю ее развития и ее творцов — служило издание капитального биографического словаря «Изображения чешских и моравских ученых и художников» (Т. I—IV. 1773—1782), предпринятое одним из ведущих чешских просветителей — А. Фойгтом вместе с Фр. М. Пельцелем и И. Борном. Словарь включал статьи о чешских либо работавших в Чешских землях историках, ученых-естествоиспытателях, художниках, композиторах. Авторы словаря активно пропагандировали многие важные идеи Просвещения — осуждали темноту, невежество, религиозный фанатизм, демонстрировали приверженность к свободе мысли, совести, веротерпимость. Внимание к современному положению науки и культуры, большое место, уделяемое вопросам чешского языка, общественно-культурной роли городов, — все это делает «Изображения чешских и моравских ученых и художников» серьезным документом общественной мысли эпохи Просвещения.

Среди исторических и историографических работ в последней трети XVIII в. важное место принадлежит славистике. Первым чешским славистом по праву считается Ф. Дурих — автор ряда работ в защиту чешского языка. Его сочинение «*De slavo-bohemica sacri codicis versione dissertatio*» (1777) касалось сложных проблем старославянских памятников и их языка, в частности, старочешского перевода Библии. В предисловии Дурих подчеркивал, что значение труда, предпринятого им по «примеру других развитых народов», он видит в пробуждении интереса соотечественников к родному языку и в его общеславянской направленности.

Активное развитие истории как науки проявляется и в разработке ряда специальных отраслей, в том числе нумизматики (М. А. Фойгт), статистики (И. А. Риггер), истории искусств (Я. В. Длабач), истории права (М. А. Фойгт), не говоря уже об огромной работе по сбору и изданию документов (И. Добровский, Фр. М. Пельцель и др.).

Особое значение в Чешских землях приобрел языковой вопрос. В результате длительного иноземного гнета здесь чрезвычайно сузилась сфера употребления чешского языка, сохранявшегося лишь в деревне и среди мелкого городского люда. Большая часть научной и художественной литературы, а также периодическая печать выходила на немецком языке. И. Добровский выражал серьезные опа-

сения, не стал ли чешский язык мертвым, подобно латинскому и старославянскому языкам.

Ослабление чешской литературно-языковой традиции обусловило повышенное внимание просветителей ко всем вопросам, связанным с развитием родного языка. Тракаты в защиту чешского языка, широко распространенные в этот период и создаваемые по образцу упомянутой выше «защиты» Бальбина, становятся одним из типичных жанров отечественной научно-публицистической литературы. Причем если авторы первых «защит» (на латинском и немецком языках) апеллировали преимущественно к чешской аристократии, то в 70—80-е годы они обращаются к широкому кругу читателей с практической целью — призвать их активно развивать и использовать чешский язык во всех сферах научной и культурной жизни.

По мнению Карела Тама — автора популярной в то время «Защиты языка чешского от злобных его гонителей» (1783), один из главных виновников плачевного состояния отечественного языка и всей современной чешской культуры — католическая церковь. Это ее миссионеры «подобно голодным волчьим стаям мечутся по всей земле чешской и, едва узрев любую чешскую книгу, миглом хватают и не заглянув в нее, не поняв в ней ни слова, вырывают насильно из рук — о, жалость! растерзают, обесчестят, в огонь бросят и превратят в прах!»⁸

Наряду с языковыми «защитами» немалую часть апологетической литературы в 70—80-е годы представляют труды в защиту древней чешской литературы и культуры. Фр. Прохазка — преподаватель классических языков, хранитель библиотеки Карлова университета — сделал попытку в хронологическом порядке проследить развитие чешской культуры, в первую очередь литературы («Рассуждение о судьбах свободного искусства в Чехии и Моравии, столетие за столетием», 1782), подчеркивая при этом высокий уровень образования и состояния отечественной культуры в период гуманизма.

Жанр «защит», представляющий собой важную часть чешской просветительской литературы, подготовил появление в первой половине XIX в. антологий о славянских языках (Й. Добровский), а также сборников оригинальной чешской и переводной славянской поэзии (В. Ганка, Я. Коллар, Фр. Л. Челаковский и др.). Помимо этой популяризаторской ветви, «защиты» в немалой степени способствовали созданию фундаментальных лингвистических трудов (Й. Юнгман, П. Шафарик, Фр. Палацкий).

В конце XVIII в. появляются многочисленные учебники чешского языка, принадлежащие перу Фр. Я. Томсы (1782), К. Тама (1785), Фр. М. Пельцеля (1795), Я. Неедлы (1804) и других деятелей культуры. Зачастую в области лингвистики решались проблемы, имевшие важное значение для судеб всей чешской культуры.

С этой точки зрения исключительна роль крупнейшего ученого эпохи Просвещения Йозефа Добровского (1753—1829) — филолога, историка, «патриарха чешской славистики».

Энциклопедизм, острый критический ум, склонность к систематике, анализу позволили ему добиться выдающихся успехов в ряде важнейших областей отечественной культуры. В своей деятельности Добровский исходил из потребностей современной ему чешской культуры, так как считал, что «сегодня, в ясный полдень, когда заря просвещения осветила ярким пламенем все, что ранее было скрыто» главная задача исследователя — изучение современного состояния науки и искусства⁹. Это определило характер журналов Добровского («Чешская литература на 1779 год», «Чешская и моравская литература на 1780 год»), на страницах которых публиковались статьи по вопросам языка, искусства, литературы, политической истории, естественных наук, давалась информация о современной культурной жизни Чешских земель.

Й. Добровский разработал первую научную периодизацию отечественной литературы, на которую впоследствии будет опираться Й. Юнгман в своей «Истории чешской литературы», а вслед за ним и другие деятели национального возрождения.

Критический метод лег в основу его изучения источников. Вершиной этой работы стал анализ старых чешских легенд, опубликованных ученым под общим названием «Критические попытки очищения древней чешской истории от позднейших вымыслов» (1803).

Й. Добровский явился основоположником научного изучения славянства, славистики как науки. В 70-е годы XVIII в. вопросы истории славян, старославянского языка, анализ старых славянских текстов, характерные для трудов славистов типа Ф. Дуриха, уступают место рассмотрению современного положения славянских народов. Новая ориентация славистики во многом была связана с разворачиванием освободительного движения в землях Австрийской империи, населенной преимущественно славянскими народами, с развитием идеи славянской вза-

имности, которая будет играть значительную роль в культуре чешского национального возрождения.

Эпоха Просвещения привнесла много нового в развитие культурных контактов Чехии и Западной Европы, чехов и славян. Значительно активизируются чешско-русские культурные связи, уходящие корнями в глубокую древность.

В конце XVIII в. достигают больших масштабов контакты в области музыкальной культуры. На сценах театров Москвы и Петербурга было поставлено несколько мелодрам И. Бенды («Ариадна на Наксосе», 1779; «Медя», 1781; «Деревенская ярмарка», 1784), П. Враницкого («Оберон», 1798), Фр. Блимы («Старинные святки», 1800). Русская периодика этого времени содержит многочисленные данные о музыкально-педагогической, творческой и исполнительской деятельности чехов в России.

Интересной страницей истории чешско-русских театральных связей является деятельность в Москве на рубеже XVIII—XIX вв. группы К. Штейнберка — чешского публициста, драматурга (автора исторической пьесы «Емельян Пугачев», 1777), активного участника пражской театральной жизни. Все это свидетельствует о довольно интенсивных чешско-русских культурных связях в эпоху Просвещения.

Пребывание в Чешских землях русских войск под водительством Суворова (1799) усиливает интерес просветителей к русскому языку. Крамериус считает нужным подчеркнуть в своей газете, что русские — «эти героические славяне» — с чехами «почти один язык имеют». На рубеже XVIII—XIX вв. выходят первые пособия и учебники русского языка, в том числе «Новое пособие, как легче понимать русскую речь» Добровского (1799), «Русско-чешское правописание» А. Пухмайера (1805). В Праге и провинции возникают кружки по изучению русского языка. Пребывание в Петербурге и Москве Й. Добровского и И. Штернберга (1792—1793), знакомство с памятниками древнерусской и древнеславянской письменности, установление личных контактов с деятелями русской культуры (все это нашло отражение в книге Добровского «Литературные известия о путешествии в Швецию и Россию» и в трудах Штернберга) сыграли важную роль в развитии чешско-русского научного сотрудничества, в эволюции чешской общественной мысли в целом¹⁰.

Последняя треть XVIII в. — важный этап в развитии чешско-словацких научных и художественных связей,

Этническая близость этих народов, растущие общественные взаимосвязи, осознание общей культурной традиции создали естественные условия для их сотрудничества в области культуры. В 1801 г. в Прешпурке (Братислава) был создан «Институт чехословацкого языка и литературы», а несколько позже — кафедра «чехословацкого» языка при лицее, где успешно разрабатывались вопросы развития чешского языка, являвшегося в то время и языком словацкой письменности. Словацкие просветители принимали участие в чешской культурной жизни, например, в альманахах А. Пухмайера участвовали Ю. Палкович, В. Таблиц. Идея общего чехословацкого национального движения, ставшая составной частью общественной жизни того времени, поддерживалась представлениями Й. Добровского о единой «чехословацкой ветви могучего славянского древа».

Важным фактором формирующейся национальной культурной жизни чехов был подъем в области издательского дела, книжной торговли. Развитие книгопечатания уже не ограничено Прагой, но включает и другие города — Брно, Градец Кралове, Мост, Индржихув Градец¹¹.

Значительно расширяется в последней трети XVIII в. сеть общедоступных библиотек, охватывающая в эти годы чешскую и моравскую провинцию. В описанных исследователями городских, школьных, церковных и частных библиотеках представлены издания «Чешской экспедиции» М. В. Крамериуса, альманахи А. Пухмайера, книги Ш. Гневковского, В. Неядлы, «Стихотворения...» В. Тама. Список подписчиков на альманах В. Тама (из ста приведено 70 имен) позволяет судить о социальном положении читателей чешских книг. Это образованные слои: духовенство, студенты, учителя, актеры, книготорговцы¹².

Особой популярностью в Праге и других городах Чешских земель пользуются так называемые моралистические еженедельники («Die Unsichtbare», 1770—1771 и др.), характерные для немецкой просветительской публицистики и рассчитанные на развлечение и воспитание читателя. В отличие от немецких журналов им было свойственно скорее наставление, а не сатирическое обличение. Наряду с нравоучительными статьями, картинками из современной городской жизни, в них были представлены, хотя и не регулярно, прозаические произведения современных отечественных авторов. Большое место литература заняла в специальном журнале «Neue Literatur» (1771—

1772), в задачи которого, по словам издателей, входило также систематическое рецензирование новых чешских книг и постановок пражских театров.

Условия для возникновения журналов на чешском языке в это время не были благоприятными. За весь период Просвещения не возникло ни одного значительного чешского литературного журнала, а такие народно-воспитательные издания, как «Учитель лиду» (1786—1788), «Месични спис к поучени и обвеселени обецнего лиду» (1787), «Чески поутник» (1801—1802), по существу, содержали переводы материалов современных немецких журналов. Тираж газет также был немногочисленным. В конце 1771 г. издатель единственной чешской газеты жаловался цензурной комиссии на отсутствие подписчиков и просил разрешения прекратить убыточное издание. Положение изменилось через десять лет — в 1782 г. вновь начали выходить «Пражске ческе новины».

Редактор газеты Матей Вацлав Крамериус (1753—1808) был видным деятелем Просвещения. Его «Книга Иосифа», в основе которой лежала брошюра немецкого просветителя А. Зитте, должна была разъяснить широким чешским слоям суть реформ, устраняющих привилегии церкви. Подобно многим современникам он видел силу, способную реализовать его программу, в просвещенном монархе.

Многие энтузиасты чешского языка и литературы группировались вокруг первого национального издательства — «Чешской экспедиции» Крамериуса (1790). Его продукция — публицистические, научные (главным образом филологические) и художественные произведения на родном языке — получала все большее распространение не только на территории Чешских земель, но и в Словакии. Первоначально тираж изданий не превышал 500—1000 экземпляров, но затем стал быстро увеличиваться. Издание книг (за 20 лет Крамериус выпустил более ста книг на чешском языке) было рассчитано на широкие народные слои. В их воспитании, образовании он видел путь к устранению общественных недостатков, неудовлетворительного состояния современной чешской культуры. Крамериус призывал чехов «как можно больше внимания уделять отечественной литературе и изыскивать любые возможности учиться чешскому языку»¹³.

Крамериус был одним из первых чешских театральных критиков. В своей газете он рецензировал все постановки на родном языке, акцентируя внимание на просветитель-

ском характере чешского театра, на его значении для развития отечественного языка и литературы. Затрагивая одним из первых вопрос о путях и формах распространения ценностей культуры, их восприятию читателями, М. В. Крамериус высоко оценивал значение газет для просвещения народа, формирования национального самосознания. Приступая к изданию своей газеты, он писал: «Газеты — не что иное, как хроники и летописи, которые для потомков навечно пишут и издают. . . Мне нет необходимости говорить подробно, как была бы полезна для моих дорогих чехов, моравян и словаков газета, написанная на чешском языке»¹⁴.

Деятельность Крамериуса, направленная на развитие чешской литературы и языка, организация первого чешского книгоиздательства, сыгравшего большую роль в объединении деятелей национальной культуры, работа по изданию газеты, знакомившей читателей с историей и культурой зарубежных народов, прежде всего славянских, выступления в защиту «свободы разума и мысли», за культуру, очищенную от религиозных догм, связанную с жизнью широких народных слоев, базирующуюся на родном языке, — все это делает его одной из центральных фигур общественно-культурной жизни Чехии эпохи Просвещения.

На страницах газет и журналов, выходящих в 70—80-е годы XVIII в., все большее место начинает занимать критика. И хотя еще нельзя говорить о широкой пропаганде сведений о литературе, изобразительном искусстве, театральном мастерстве (это станет характерной чертой художественной культуры лишь с 20-х годов XIX в. — со времени деятельности Й. Кр. Хмеленского), в эпоху Просвещения критика впервые обращает внимание на такие вопросы, как национальный характер искусства, значение языка в развитии отечественной культуры, место отдельных видов искусства в культуре, наследие и современность, восприятие западноевропейской и славянских культур, взаимоотношение чешского и немецкого искусства — все то, что составляло содержание художественной мысли последней трети XVIII — начала XIX в.

Отличительной особенностью художественной критики этого времени является внимание к конкретным проблемам развития чешского искусства, его общественной роли. Больше она занималась его эстетической стороной (исключение здесь составляли вопросы просодии). На это обратил внимание К. Сабина. В середине XIX в. в статье «Влияние

чешского театра на развитие драматической литературы» он подчеркивал, что чешская критика прошлого века «не выполнила, к сожалению, своей задачи по отношению к эстетическим потребностям народа».¹⁵

Другой характерной чертой чешской художественной критики этого периода было ее пристальное внимание к сценическому искусству. Зачастую именно в связи с театром делались выводы о характерных особенностях всей чешской культуры Просвещения. Тем самым мысли чешских просветителей о театре отражали более общую картину эстетических представлений того времени.

Задачи театра формулируют как его создатели (братья Тамы, П. Шедивы), так и критики (В. Стах, М. В. Крамериус, В. Мелезинек), т. е. существует уже определенная группа лиц, анализирующих состояние сценического искусства. При этом критика на этом этапе удовлетворяется констатацией заслуг театра в развитии языка, в воспитании народа. Также как и в оценке литературы, эстетическая сторона театрального искусства почти не принимается во внимание. Й. Добровский — строгий судья и высший авторитет в области чешского литературного языка, одобряя в целом «беседы со сцены с теми слоями нашего общества, которые лишены возможности посещать немецкий театр», высказывал обоснованные претензии к художественной стороне современного чешского сценического искусства¹⁶. С конца 90-х годов театр уступает свое место в художественной критике поэзии и прозе.

Если чешская научная литература эпохи Просвещения могла гордиться рядом крупных ученых европейского уровня, то развитие отечественной художественной литературы этого времени шло гораздо скромнее. Это был, собственно, начальный, подготовительный этап становления новой чешской литературы, язык которой развивался в основном за счет научной литературы и публицистических жанров.

В то же время перед художественной литературой стояли весьма сложные и важные задачи. «Шел процесс формирования литературного языка, выработки литературной техники, выделения художественной литературы из малочисленной прежде синкретической письменности, становление светского литературного художественного мышления, формирования поэзии, прозы, драматургии и различных жанров в каждом из этих родов литературы, освоение богатств национального и инославянского фольклора, овладение опытом более развитых европейских ли-

тератур и т. д.», — пишет С. В. Никольский об обилии задач, которые приходилось решать новой чешской литературе¹⁷.

Помимо переводов и адаптаций, составляющих едва ли не большую часть литературного творчества, просветители активно прибегают к переизданию чешских книг побелогорского времени. Одним из первых к этому приступил Фр. Прохазка, стремясь «вознаградить чешский народ за болезненные потери», к которым привела деятельность «фанатиков-миссионеров». Только за один 1786 г. он опубликовал 13 старочешских книг, среди них «Далимилову хронику», дневники путешественников («Отрывок из хроники Московской», путешествие «Префата из Влканова из Праги в Венецию и Палестину в 1546 году») и др. Каждая из них снабжена обширным предисловием, проникнутым патриотическим духом. Путем Прохазки, как уже отмечалось, следовал и М. В. Крамериус.

Переиздание чешских книг и рукописей свидетельствовало о глубоких корнях отечественной культуры, ее высоком языковом уровне. Оно выполняло в какой-то степени и функции языковых «защит», поскольку для переиздания выбирались книги в первую очередь так называемой велеславинской эпохи (писатель, переводчик и издатель Даниэль Адам из Велеславина жил во второй половине XVI в.), считавшейся «золотым веком» чешского языка.

Несмотря на важность этих публикаций, они, естественно, не могли заменить современные произведения с актуальной тематикой.

Ряд отечественных писателей в своем оригинальном творчестве опирается на распространенный в эти годы жанр «рыцарской повести», привлекающей их занимательной фабулой, полной драматических сцен, характером героя — мужественного и предприимчивого, эмоциональностью языка, взволнованными диалогами. «Разбойники» Шиллера и «Гёц фон Берлихинген» Гете были тем живым материалом, который служил им для многочисленных подражаний. Жанр этот модифицируется в чешской среде — действие повестей, как правило, переносится в чешские замки, действующие лица получают чешские имена. И хотя, разумеется, нельзя говорить о воссоздании исторической атмосферы, оригинальные патриотические повести, созданные в конце XVIII в., представляют собой начальный этап чешской исторической прозы, развитие которой было успешно продолжено в первой половине

ХІХ в. В. Кл. Клицперой, Й. К. Тылом и другими авторами.

Наряду с этим главным направлением в чешской прозе — литературой для широких масс, существовала и другая тенденция — направленная на создание произведений, которые могли бы удовлетворить требовательный вкус образованного читателя. Я. Рулик в трактате «Слава и превосходство чешского языка» (1792) предлагает приступить к написанию книг «научных и возвышенных», зрелых в художественном отношении, способных достойным образом представить отечественную литературу перед другими народами. Эту же тенденцию можно проследить в работах К. Тама и М. В. Крамериуса, однако на этапе Просвещения она осуществляется в основном за счет переводов классики мировой литературы и находит отражение преимущественно в двух видах чешской художественной литературы — в поэзии и драматургии.

Поэзия становится предметом особого внимания, что соответствует апологетическому характеру движения за повышение уровня чешского литературного языка. Поэзия — «язык богов», как любят подчеркивать просветители, призвана была стать одним из доказательств способности чешского языка создавать разнообразные жанры и формы, не уступающие литературным формам других народов, обладавших развитой художественной культурой. По сравнению с прозой поэзия ставила перед собой более серьезные художественные задачи.

Значительным событием в поэзии стал выход в свет в 1785 г. двух книжек альманаха В. Тама «Стихотворения. . .» («*Vápně v řeči vázané*»), включающих переводы, современные оригинальные произведения и стихотворения авторов предшествующего периода. И статья В. Тама, предосланная первой книжке альманаха, и сам материал отчетливо свидетельствовали о борьбе за светское мышление, о стремлении к развитию чешского поэтического языка.

В середине 90-х годов в чешской литературе выступила группа поэтов, объединившихся вокруг Антонина Пухмайера (1769—1820). Характер поэзии Пухмайера и его школы определяли просветительские устремления. Свою задачу они видели в создании новой чешской поэзии, национальной системы стихосложения, выработке литературной техники. В поэтические сборники школы (1795, 1797, 1798, 1802, 1814) включались произведения наиболее значительных чешских поэтов (Пельцель, Шедивы,

Вавак), словаков, которые писали по-чешски (Лешка, Палкович, Таблиц), а также большой группы переводчиков и критиков.

Значительную роль в поэзии играло сатирическое начало, хотя сатирические жанры в чешской литературе не представлены столь полно и ярко, как, например, в польской, где сатира наложила отпечаток на характер всей литературы. Для творчества Ш. Гневковского — представителя школы Пухмайера — характерен жанр комической баллады и бурлеска, в которых высмеиваются невежество, религиозные и сословные предрассудки, слепое следование иноземным обычаям. В основу его героической поэмы «Девин» была положена легенда о «девичьей войне», почерпнутая из Хроники Гаека и неоднократно служившая литературным материалом для прозаиков, поэтов и драматургов в первой половине XIX в.

Решающую роль в борьбе за художественный уровень чешской литературы, за эстетические критерии искусства сыграла дискуссия о просодии, начатая И. Добровским в журнале «Чешская литература за 1786 год». Он пытался повернуть поэзию от искусственного подражания латинской метрической системе к силлабо-тоническому стихосложению, принципы которого не противоречили бы характеру чешского языка, воспитательным задачам современной литературы. Свою программу он дал в статье-послесловии «Чешская просодия» к книге Фр. М. Пельцеля «Принципы чешской грамматики» (1795). Эта программа была принята пухмайеровцами, которые были признательны Добровскому за «открытие новых правил» просодии, «вытекающих из характера нашего родного языка». Вплоть до 20-х годов XIX в. вопросы стихосложения остаются главной темой теоретических дискуссий о характере и целях чешской литературы.

Что касается драматургии эпохи Просвещения, то ее резонанс был обусловлен скорее не ее художественными достоинствами, а общественной значимостью театра, на сцене которого ставились пьесы драматургов-просветителей. Творческая энергия Просвещения с наибольшей полнотой проявилась именно в сфере театра, который выдвигается в эти годы на первый план в развитии чешской культуры. Профессиональный чешский театр сложился как проводник просветительских задач, важных общественных идей. Осуществление этих функций облегчало то обстоятельство, что театр как «кафедра проповедника» (Лессинг) признавался и высоко оценивался в конце

XVIII в. и «сверху», Иосифом II, видевшим в нем важное средство идеологического воздействия на широкие народные слои.

Чешский театр собрал вокруг себя значительный коллектив авторов, переводчиков, актеров, критиков¹⁸. Деятельность нескольких театральных сцен («Боуда», «У Гиберну» и др.), немалое число оригинальных и переводных пьес (И. Добровский пишет в 1792 г. о трехстах, К. Там в 1805 г. — уже о тысяче пьес), место, уделяемое на страницах прессы всем вопросам, связанным со сценическим искусством, свидетельствуют о значительной роли, которую играет театр в тогдашней общественно-культурной жизни страны. Расширяется география чешского театрального движения. В последней трети XVIII в. спектакли на чешском языке идут на сценах театров Брно, Оломоуца и других городов.

Значительную часть репертуара театра 70—80-х годов XVIII в. составляли пьесы с сюжетами из отечественной истории: «Либуше, первая княжна и прорицательница в Чехии» Штернберга; «Власта и Шарка», «Набожный Вацлав, чешский воевода», «Иржи из Подебрад» В. Тама; «Олдржих и Божена» А. Й. Зимы; «Ян Жижка из Троцнова» Я. Тандлера и др. Пьеса с пением М. Стуны «Крестьянское восстание в Чехии» (1786) напоминала зрителям о недавних событиях 1775 г.

Об исторических пьесах, широко представленных на чешской просветительской сцене, можно судить по единственной дошедшей до нас «патриотической оригинальной драме в пяти действиях» А. Й. Зимы «Олдржих и Божена», которая была опубликована в 1789 г. (кстати, это была первая вышедшая из печати чешская пьеса). В основе драмы лежал известный и популярный в XVIII в. сюжет Далимиловой хроники о том, как чешский князь Олдржих взял в жены деревенскую девушку. Драматург заимствовал из Хроники не только имена действующих лиц и фабулу, но и целые отрывки. Однако в это «историческое» содержание был вложен современный смысл. Драма пронизана просветительскими идеями, антифеодальным, демократическим духом. Князь Олдржих называется в пьесе «просвещенным властителем», верность крестьян противопоставляется вероломству шляхты, отрицаются сословные различия и т. д. Обращаясь к знати, Олдржих заявляет: «Молчите лучше о вашей знатности! Разве крестьянин не такое же божье творение, как князь, правитель и помещик?»¹⁹

Пьеса стала одним из программных произведений чешской литературы Просвещения.

Значительную часть репертуара чешского театра, особенно в 90-е годы, составляли пьесы с пением и танцами, фарсы, сказочные и волшебные пьесы, столь характерные для театра венских предместий — репертуара, которому чешский театр будет следовать и позже, в течение первой половины XIX в. Оригинальные пьесы П. Шедивого, созданные в этом жанре, — «Мясные лавки» (1796) и «Пражские пивовары» (1795) представляли собой выразительные, сатирически окрашенные сценки. Сценический успех этих произведений объясняется их ярким колоритом, остроумным и злободневным диалогом. Изображение жизни пражских ремесленников и торговцев, из среды которых вышел сам Шедивы, — это уже путь к драматургии 20—30-х годов XIX в., прежде всего к пьесам В. Кл. Клицперы и Й. К. Тыла («Фидловачка»).

В эти же годы на чешский язык переводятся (а некоторые и идут на сцене «Боуды») произведения мирового классического репертуара: «Макбет», «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Король Лир» Шекспира, «Скупой» Мольера, «Эмилия Галотти» Лессинга, «Разбойники» Шиллера.

Просветительский этап в развитии театра завершает работа П. Шедивого «Краткое рассуждение о пользе, которую может иметь постоянный и хорошо организованный театр» (1793). Этим трактатом, являющимся, собственно, вольным переложением известной статьи Шиллера «Какое воздействие может оказать хорошо организованный постоянный театр» (1787), но воспринимаемым в тогдашних условиях как оригинальное исследование, Шедивы ратует за создание стационарной, отделенной от немецкой, собственно чешской сцены как необходимого условия успешного развития отечественной театральной культуры.

На взгляды и творчество чешских просветителей опираются деятели национального театра XIX в.

Одной из специфических черт чешской театральной культуры на этапе Просвещения был ее музыкальный характер. Популярность музыкально-драматических жанров — мелодрам, пьес с пением и танцами, пантомим, «зингшиллей» — драматических произведений с большими вставками текстов для вокального исполнения — позволяет исследователям констатировать как преобладание музыкального репертуара на сценах чешского театра этого времени, так и тот факт, что он имел «большее зна-

чение для будущего развития национальной театральной культуры по сравнению с репертуаром драматургическим»²⁰.

Интересуется музыкальной культурой чешская эстетическая мысль эпохи Просвещения. Работы Яна Длабача «Опыт указателя замечательных музыкантов», «О музыкальных инструментах славянских народов, в особенности чехов» (1788), проникнутые живым национальным сознанием, свидетельствовали о богатых и давних традициях чешской музыки.

Центром подготовки профессиональных музыкантов в Чешских землях была Музыкальная академия в Праге, созданная еще в 1713 г. Общественные концерты академии, в которых принимали участие пражские и приезжие музыканты, пользовались большой популярностью в течение всего XVIII в. В 80—90-е годы их программы становятся богаче и разнообразнее. Наряду с выступлениями музыкантов на «академиях» (как тогда назывались эти публичные концерты) читались стихи, оды, исполнялись песни. В 1787 г. на двух таких «академиях» выступил Моцарт, а в 1795 г. — Бетховен, также неоднократно посещавший Прагу, ставшую к концу века одним из крупнейших центров европейской музыкальной культуры.

В 1803 г. в Праге было основано «Общество вспомоществования вдовам и сиротам артистов-музыкантов» («Социета»), развернувшее активную публикаторскую деятельность. «Ассамблеи» Общества означали начало регулярной концертной жизни Праги. В 1808 г. возникла первая профессиональная организация музыкантов — «Общество содействия развитию музыкального искусства в Чехии», что свидетельствовало о больших социальных сдвигах в этой области культуры. Консерватория (1811) подняла художественный уровень музыкальной жизни в Чехии.

Большое значение для развития чешской музыкальной культуры имела деятельность канторов²¹ — музыкантов, выполнявших при храмах обязанности органистов и обучавших одновременно музыке детей в школах. Нередко они были выходцами из крестьянской среды и являлись хранителями и защитниками демократических традиций народного музыкального творчества. С канторской средой непосредственно связаны лучшие представители национальной музыкальной культуры. Среди них можно назвать много талантливых чешских композиторов и исполнителей: Я. Рыбу, В. В. Машека, А. Й. Воланека и др.

На развитие музыкальной культуры Просвещения несомненное влияние оказали также чешские композиторы и исполнители, работавшие за рубежом. Й. Мысливечек, почти вся жизнь которого прошла в Италии, где было поставлено около тридцати его опер; Фр. Бенда — создатель мелодрам и опер, сыгравших важную роль в развитии европейского музыкального театра; Я. Л. Дусик — пианист, органист, автор многочисленных концертов и оркестровых произведений; Фр. Мича — музыкант-виртуоз, а также многие другие музыканты, сохранявшие национальные черты чешской музыкальной культуры, в то же время оказывали активное воздействие на формирование европейской музыкальной классики.

Неотделимо от музыкально-театральной культуры Праги последней трети XVIII в. творчество Моцарта. В 1787 г. композитор дирижировал одним из спектаклей «Свадьбы Фигаро». В том же году с огромным триумфом в Праге прошла премьера «Дон Жуана». Праге и пражанам, музыкальность которых неоднократно отмечал композитор, он посвятил ряд своих произведений.

Большие сдвиги происходят в годы Просвещения в области изобразительного искусства. Начало деятельности «Патриотического общества искусства» (1796) знаменовало новый этап в организации всей художественной жизни страны. Общество основывает первую публичную картинную галерею. По его же инициативе в 1799 г. начинается свою деятельность Академия художеств. Учреждение Академии художеств явилось крупным общественным событием. Оно означало появление художественного центра, оживившего всю культурную жизнь Чешских земель, заметно стимулировавшего активность художественной мысли.

В то же время эпоха Просвещения означала определенный перелом в развитии чешского изобразительного искусства: оно лишилось щедрых покровителей — церкви, монастырей, потерявших в результате осуществления йозефинских реформ значительную часть своих богатств и утративших в немалой степени свое экономическое и политическое влияние. Экономическая слабость дворянства и буржуазии, не занявшей еще ведущего места в культурной жизни страны, также не способствовала развитию изобразительного искусства в последней трети XVIII в.

В живописи Просвещения доминируют два жанра — исторический (графический цикл из чешской истории Л. Кола 1788 г. типичен для творчества художников-

просветителей) и пейзаж. Основу национальной традиции в области пейзажной живописи составляют циклы ведут и топографических зарисовок, над которыми работала целая плеяда отечественных художников — Фил. и Фр. Гегеры, Л. Кол, К. Постл, А. Пухерна.

Творчество Я. К. Яна — портретиста, иллюстратора и графика; Л. Кола — графика, пейзажиста, интересно работавшего в жанре архитектурной живописи, педагога; К. Постла — пейзажиста, автора исторических композиций и ряда других чешских художников свидетельствует об укреплении национальной традиции в области изобразительного искусства, постепенном отказе от религиозной тематики, широком распространении светских, бытовых сюжетов.

К концу XVIII в. художники начинают уделять внимание чешскому театру. Показательны в этом отношении деятельность и творчество Йозефа Платцера, который принимал активное участие в становлении отечественного театра, работая как декоратор. Й. Берглер, возглавлявший Академию, был одним из немногочисленных иллюстраторов антологий чешской поэзии и пьес (до нас дошли его иллюстрации к драме Ш. Гневковского «Девин»).

Йозефинские реформы, затронувшие все области художественной жизни Чешских земель, вызвали важные перемены в архитектуре и градостроительстве. В Праге было учреждено земское управление по строительству и архитектуре, в ведении которого находились все вопросы, связанные, в частности, с планировкой нового типа городов-курортов (Франтишкове Лазне, 1791; Марианске Лазне, 1792; Карловы Вары, 1800), городов-крепостей (Йозефов, Терезин, 1780), а также с гражданским строительством, в том числе разработкой проектов городских доходных домов. С развитием городского строительства значительно расширяется область заказов. На порталах домов (домовой знак на малостранском доме «У крестьян» с фигурами трех крестьян Й. Малинского), в скульптурных ансамблях (надгробие епископа Кригера с фигурой нищего, фонтан работы Ф. Ледерера) появляются первые сюжеты из жизни простых людей. Традиции этих скульпторов, в первую очередь Йозефа Малинского, будут успешно продолжены В. Прахнером и Й. Мыслбеком в XIX в.

Годы Просвещения отмечены интенсивным развитием художественных ремесел, прежде всего производства фарфора. Открываются новые отечественные предприятия (Прага, 1791; Славков, 1792; Клаштерец, 1794; Бржезова,

1803), изделия которых завоевывают заметное место на европейском рынке.

Традиционное для Чешских земель стекольное дело на рубеже веков переживает кризис, медленно овладевая технологией изготовления хрусталя, в большом количестве ввозимого из Англии. Новым в этой области стало производство изделий из матового стекла с цветной росписью эмалью (мастерская Фр. Эгермана в г. Новы Бор).

Произведения чешской художественной литературы, театра, изобразительного искусства в эпоху Просвещения созданы, как правило, в рамках относительно четкого направления — классицизма, важнейшего творческого метода выражения просветительских идей. О синхронности «между процессом разложения и отмирания барокко в основных сферах культуры и распространения новых, просветительских представлений» в Чешских землях в 70—80-е годы пишет А. С. Мыльников²². Об этом свидетельствует рационализм, требование четкой языковой, стилистической и стихотворной формы, верность искусству нормативному и дидактическому, доступность и ясность изложения произведений эпохи Просвещения, а также те образцы мировой литературы, которые переводятся либо служат для подражания. Ш. Гневковский, перечисляя «образцы», которым он следует в своем творчестве, называет Вольтера, Виланда, Бюргера, Лессинга, поляков — Князьнина, Карпиньского.

Следует подчеркнуть, что в отдельных видах искусства — при всей их общности и взаимосвязи — новые художественные идеи проникают не сразу. Наиболее выразительные классицистические формы представлены в чешской поэзии (школа Пухмайера). Драматургия этого периода также отстаивала методы и приемы классицистической драмы. Пьесам, идущим на чешской сцене в конце XVIII в., присущи гражданственность тем, логическая ясность действия, рационализм. Спектакли уже не стремятся поразить зрителя сценическими эффектами, как это было свойственно театру барокко. Важным моментом спектакля становятся выразительно стилизованные костюмы, подчеркивающие социальную характеристику фигур. Переход от патетической декламации и риторики к характерному исполнительству, большей естественности исполнения также говорит о новых тенденциях в области сценического искусства.

Победа классицизма в архитектуре приходится на пер-

вое десятилетие XIX в. Классицистические ансамбли возводятся не только в Праге, но и в других городах Чешских земель — в Чешских Будеевицах, Литомышле, которые перестраиваются после больших пожаров. В это время создаются первые теоретические труды в области архитектуры и градостроительства, пропагандирующие классицизм (М. Бруст. «Практическое руководство по строительству и архитектуре жилых зданий». Прага, 1801). Традиционные для классицизма тенденции проявляются также в художественном оформлении печатной продукции просветителей.

Однако художественная программа чешских просветителей не сводилась полностью к эстетике классицизма. Ими учитывались и завоевания барокко, и открытия преромантизма, и влияние сентиментализма. «Совмещение» стилей на этапе Просвещения — явление закономерное и типичное не только для чешской культуры. Многие нормы классицизма — наряду с преромантическими, а зачастую и явными романтическими чертами — сохраняются и позже, в первые десятилетия XIX в., хотя чешский романтизм как творческий метод и стиль складывается в художественной культуре лишь в 30—40-е годы XIX в.²³

Своеобразный переходный характер носила чешская культура первых двух десятилетий XIX в. В это время происходят важные изменения в духовной, в том числе в художественной, культуре: меняются эстетические вкусы, наблюдается переориентация национально-освободительного движения, переход от идеологии просветительского типа к выработке национальной идеологии. Духовный климат рубежа столетий оказал воздействие на идейные и художественные искания нового поколения деятелей культуры, во главе которого стоит Йозеф Юнгман (1773—1847).

Свою деятельность Юнгман начал в духе программы предшественников — чешских просветителей XVIII в., в первую очередь Добровского, но вскоре он отходит от нее, подвергает ее критическому анализу и выдвигает — уже в середине первого десятилетия XIX в. — новую концепцию, важным элементом которой становится наполнение искусства национальным содержанием, оригинальность, высокий художественный уровень, «классичность», «совершенство» всех явлений отечественной культуры. Источники национального «духа» Юнгман и его сторонники видят в чешском языке, национальном прошлом, славянской идее, позволяющей представить чехов как

часть великой славянской общности со своими специфическими чертами характера, которая рассматривается как один из источников национального эстетического чувства. Новое поколение художественной интеллигенции расходится с просветителями при решении вопроса об адресате художественного творчества, определении путей развития чешского литературного языка, просодии, места фольклора в современной культуре и др.

Оно уже не связывает судьбы чешской культуры с просвещенным правителем или дворянством. Если для просветителей последней трети XVIII в. народ был объектом заботы, то теперь в нем видят творца культурных ценностей, основного носителя национального сознания. Скепсису Добровского юнгмановцы противопоставляют свою веру, воодушевление, смелые взгляды на перспективу развития отечественной литературы и искусства, в первую очередь они считают необходимым добиваться такого уровня развития чешского языка, чтобы «каждый культурный чех мог читать чешскую художественную литературу и познавать мир путем чтения чешских специальных книг»²⁴.

В отличие от просветителей, питавших веру в возможность привлечения на свою сторону дворянства, Юнгман заявлял, что основой жизнеспособных сил нации является крестьянство, оставшееся верным народному языку и обычаям: «Не будем стыдиться крестьян — они наши сограждане, наши братья. Если мы хотим быть лучше их, будем их примером».²⁵ Эта демократическая позиция, безусловно прогрессивная для своего времени, имела важные последствия для ориентации всего чешского общественного движения.

Дискуссия, развернувшаяся в 20-е годы по вопросам стихосложения, также продемонстрировала серьезные расхождения между юнгмановцами и просветителями конца XVIII в. Уже с середины первого десятилетия XIX в. Й. Юнгман («Непредубежденное мнение о чешской просодии», 1804), В. Стах («Старый сборник стихотворений для разумного времяпрепровождения», 1805) и другие деятели культуры выступили против реформы Добровского и его последователей — поэтов школы А. Пухмайера. Они отдают предпочтение метрическому стиху как наиболее удачному инструменту поэзии, выражающему дух «национального гения». Обоснованную поддержку новое направление получило в программной статье Ф. Палацкого и П. Шафарика «Начала чешской

поэзии, особенно просодии» (1818), проникнутой пафосом полемики со своими предшественниками. Это была прямая критика в духе юнгмановской программы недостаточно высокого, по мнению авторов, эстетического уровня чешской литературы, главным образом поэзии, не соответствующего современным литературным потребностям и стремлениям: «Деятели Просвещения. . . страждущему от голода и жажды народу своему не могли предложить ничего, кроме слабых рифм»²⁶. «Тогда (в конце XVIII в.) господствовал у нас период восхваления, ибо повсеместно считалось, что все, что ни выйдет из типографии на свет божий, надобно хвалить, ежели мы хотим дожидаться чешских книг в достаточном количестве»²⁷, — вторит Палацкому и Шафарику родоначальник чешской художественной критики Й. Кр. Хмеленский, выдвинувший в 20-е годы XIX в. требование объективности, действительного характера критики, противопоставивший критерию «общественной пользы» эстетические критерии в оценке литературы и искусства.

Итак, юнгмановцы, выдвигая свою художественную программу, исходят из опыта предшественников — чешских просветителей последней трети XVIII в., однако многое подвергают осуждению: прежде всего, недостаток «национального духа», внимания к художественной стороне творчества, оригинальности; следование правилам и образцам, свойственным «чистому» классицизму, преобладание дидактической функции искусства. Тем не менее художественная и идейная программа просветителей сохраняет свою действенность еще долгое время, входя составной частью в новую культуру — культуру XIX столетия.

Такова была картина развития культуры эпохи Просвещения — начального этапа чешского национального возрождения в ее наиболее важных, на наш взгляд, проявлениях. Она отвечала эволюции общественной мысли, испытавшей воздействие западноевропейского Просвещения. Деятели чешской культуры предприняли первые попытки теоретического осмысления и систематизации духовного наследия прошлого. Заметную автономию обрели научные, социально-политические исследования. Труды чешских просветителей в области истории, языкознания, славистики заложили фундамент чешской культуры. Одной из важнейших становится идея интенсивного освоения творческого опыта современных европейских народов, приобщения Чешских земель к общеевропейским достижениям.

Связь культуры чешского Просвещения с европейской проявляется не только в наличии многочисленных переводов и адаптаций произведений западных и славянских авторов на чешский язык, тесных контактах с деятелями культуры этих стран, но прежде всего в общем характере перемен, нацеленных на выход Чешских земель из состояния отсталости, в общих антифеодальных тенденциях ее развития, разворачивании национального движения, широко распространении просветительских идей, росте национального самосознания, возникновении новых форм общественно-культурной жизни, художественных и научных достижениях, не в последнюю очередь и в общей стилевой эволюции творчества.

Однако при наличии общих черт в культурном развитии западноевропейских стран и Чешских земель следует подчеркнуть самобытность чешского Просвещения. Утрата независимости в начале XVII в., замедленность социально-экономического развития, онемечивание, последовательно проводимое властями, обусловили специфику восприятия и преломления на чешской почве идей Просвещения. Особое внимание, уделяемое развитию национального литературного языка, место публицистики и театра в общественно-культурной жизни, сознательная ориентация деятелей культуры на вкусы и интересы широких кругов, наконец, переходный характер завершающего этапа — все эти характерные черты чешского Просвещения оказали несомненное воздействие на последующее развитие национальной чешской культуры.

-
- ¹ *Kočí J.* České národní obrození. Pr., 1978. S. 81—82; Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. М., 1980. С. 167—169; *Мыльников А. С.* Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977; *Он же:* Культура чешского Возрождения. Л., 1982. С. 33—73.
 - ² *Мыльников А. С.* Культура чешского Возрождения. С. 34.
 - ³ *Он же.* Эпоха Просвещения в Чешских землях. С. 51.
 - ⁴ Цит. по кн.: *Kočí J.* Op. cit.
 - ⁵ *Кузьмин М. Н.* Школа и образование в Чехословакии. М., 1971. С. 53—60.
 - ⁶ *Praha národního probuzení.* Pr., 1980. S. 8.
 - ⁷ Цит. по кн.: *Dějiny české literatury.* Sv. 2. Pr., 1960. S. 34.
 - ⁸ Цит. по кн.: *Kočí J.* Op. cit. S. 162.
 - ⁹ *Dobrovský J.* Sborník studií. Pr., 1953. S. 305.
 - ¹⁰ *Мыльников А. С.* Культура чешского Возрождения. С. 78—79.
 - ¹¹ *Strejček J.* Jak se probouzel Jindřichův Hradec. Jindřichův Hradec, 1930. S. 14.
 - ¹² См.: *Kočí J.* Op. cit. S. 192.

- ¹³ Цит. по кн.: *Novotný J. M. V. Kramerius. Pr.*, 1973. S. 47.
- ¹⁴ *Ibid.* S. 55.
- ¹⁵ *Sabina K. Vzpomínky. Pr.*, 1973. S. 39.
- ¹⁶ Josefa Dobrovského korespondence. D. IV: Vzájemné listy J. Dobrovského a J. Ribaye z let 1783—1810. Pr., 1913. S. 55.
- ¹⁷ *Никольский С. В.* Чешская литература в контексте славянских литератур эпохи национального возрождения // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982. С. 100.
- ¹⁸ См.: *Титова Л. Н.* Чешский театр эпохи национального возрождения (конец XVIII—первая половина XIX в.). М., 1980. С. 32—43.
- ¹⁹ *Zítna A. J. Oldřich a Vožena. Pr.*, 1940. S. 84—85.
- ²⁰ *Dějiny českého divadla. Sv. 2. Pr.*, 1969. S. 81.
- ²¹ *Бэлза И. Ф.* Очерки развития чешской музыкальной классики. М.; Л., 1951. С. 108—110. *Он же:* Театральная культура западнославянских народов и роль музыки в ее развитии // Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. М., 1976. С. 26—27, 33—34.
- ²² *Мыльников А. С.* Эпоха Просвещения в Чешских землях. С. 171.
- ²³ *Никольский С. В., Соколов А. Н., Стахеев Б. Ф.* Некоторые особенности романтизма в славянских литературах: Докл. IV Междунар. съезда славистов. М., 1958. С. 22—23.
- ²⁴ Цит. по кн.: *Havránek V. Studie o spisovném jazyce. Pr.*, 1963. S. 196.
- ²⁵ *Voj o obrození národa. Výbor z díla J. Jungmanna / Usp. F. Vodička. Pr.*, 1948. S. 57.
- ²⁶ *Palacký F., Safárik P.* Počátkové českého básnictví, obzvláště prozódie. Pr., 1818. S. 15.
- ²⁷ *Chmelenský J. K. Sebrané spisy veršem i prozou. D. V, sv. 1. Pr.*, 1870. S. 318.

Словацкая культура

Несмотря на разительную неравномерность социально-экономического развития отдельных областей лоскутной империи Габсбургов, единство исторических процессов со всей очевидностью начинает заявлять о себе с последних десятилетий XVIII в., которые становятся рубежом новой истории даже для таких отсталых ее окраин, как Словакия. К моменту, когда процесс разложения феодализма, постепенного утверждения капиталистической формации и связанный с этим процесс складывания наций принял отчетливые формы, Словакия являлась одним из наиболее слабых звеньев империи во всех отношениях — экономическом, социальном, политическом, правовом, культурном. Однако в сфере конституирования нации словаки в сравнительно короткий период преодолевают последствия многовековой отсталости — у наиболее бесправных народов кристаллизация нации происходит интенсивнее. Применительно к Словакии речь может идти почти исключительно о *психологическом осознании* себя нацией, проявлением чего стала словацкая культура. Таким образом, историческая специфика генезиса словацкой нации обусловила особую роль культуры, выдвинув ее на первое место по выполнению общественно-национальной функции. У народа, лишенного иной возможности представлять себя на общественном форуме, именно в области культуры, в борьбе за ее национальную значимость находили свое выражение глубинные процессы формирования нации. Причем авангардную роль в становлении национальной культуры играла литература. Литература была универсальна по охвату общенациональных задач, по содержанию в ней именно *национального* начала, включая историческое национальное самосознание. В недрах литературы складывалась национальная общественно-политическая программа, национально-освободительная идеология, вырабатывались идейные и эстетические представления о характере, формах и путях развития национальной куль-

туры в целом. В ней в наибольшей степени учитывался исторический опыт духовного развития словацкого народа. И, что особенно важно, литература же на стадии Просвещения и далее была наиболее авторитетным репрезентантом национальной художественной культуры.

К исходу эпохи феодализма словаки оказались в довольно парадоксальной исторической ситуации. С одной стороны, именно на их территории сложились сравнительно благоприятные условия для развития капиталистического способа производства и капиталистического хозяйственного уклада. С другой стороны, полное национальное бесправие в Венгерском королевстве и господство феодально-крепостнической системы лишали словаков почти всякой возможности социально-экономического прогресса.

В самом деле, территория компактного расселения словаков — Северная (или Верхняя) Венгрия с ее богатыми природными ресурсами (залежи меди, серебра, серы, лесные массивы) и более высокой плотностью населения (вследствие турецкого нашествия в Задунавье) — была экономически более освоенной и развитой, чем другие области Венгрии. После окончания разорительных куруцких войн в словацких деревнях ширится производство изделий ручного ремесла для продажи (полотно, кружева, сельскохозяйственные орудия, гончарная посуда, доски и драпка, мельничные жернова и др.). Восстанавливается горнорудная промышленность: к середине XVIII в., например, на Словакию приходилось 12 % мировой добычи меди; образуются первые мануфактуры (суконные, бумажные, кожевенные, керамические). В словацких же областях вследствие немецкой колонизации было расположено наибольшее число (более двух третей) самоуправляющихся — горнорудных и королевских свободных — городов и жило более половины аристократических семейств старой Венгрии (в частности, в Братиславском и четырех прилегающих комитатах — около 7000, тогда как в южных Придунайских областях, так называемой Дольной земи, около 100). И наконец, здесь находились значительные по тому времени культурные центры Венгрии — с высшими учебными заведениями (университет в Трнаве, первая в Европе Горная академия в Банской Штявнице), типографиями (в Трнаве и Кошице), театром (Братислава).

Правда, к последней четверти XVIII в. культурная ситуация в этом районе несколько меняется. Братислава

(по-немецки Пресбург, по-венгерски Пожонь) теряет свое значение административного центра, который переносится в Буду (Будин). Туда же переводятся Трнавский университет и коронационные атрибуты венгерских королей (в 1784 г.), до тех пор хранившиеся в братиславском соборе св. Микулаша. Все это вызвало отток из Западной и Средней Словакии венгерского административного персонала и университетской элиты. К тому же и многие аристократические семейства — покровители искусства и литературы, переносят свои резиденции поближе к столице и в столицу, жизнь в их пышных усадьбах и дворцах Северной Венгрии замирает, принимает «сезонный» характер. Экономический же подъем, который был целью правительственных реформ Иосифа II в 80-е годы, не имел настолько широкого размаха, чтобы серьезно изменить политическую и общественную жизнь в этой части империи Габсбургов. Совершающиеся в стране социальные сдвиги прежде и более всего нашли отражение в росте самосознания передовых представителей словацкого общества, оппозиционных настроений, направленных против феодального абсолютизма.

Для словацкого народа все эти внешние перемены в общественно-политическом и культурном облике края имели, конечно, свое значение, хотя и далеко не столь заметное, как для правящих наций — немецкой и венгерской. Словацкое население Северной Венгрии состояло в основном из крестьян (до 90 %), лишь менее 10 % словаков жило в городах и местечках, и то преимущественно на положении городских низов. Но именно из городов и местечек вышло 55 % интеллигенции, так или иначе проявившей себя в какой-либо сфере национально-патриотической деятельности, тогда как из сельской среды — только 45 %¹.

Между тем на первых стадиях процесса формирования нации и национальной культуры громадная роль принадлежала интеллигенции, которую в рассматриваемый период представляло почти исключительно духовенство и учителя в школах различных ступеней, в большинстве своем тоже церковных. Интеллигенция с XVII в. вследствие контрреформации делилась на два лагеря — католиков и протестантов-евангеликов, так же по двум руслам шло и развитие национальной культуры и литературы. Однако оба лагеря с энтузиазмом встретили идеи йозефинизма, и «просвещенный абсолютизм» на какое-то время стал их общей внеконфессиональной идейной платформой.

Словацкая литература стремится своими средствами помочь осуществлению хотя бы тех реформ, которые были начаты Марией Терезией и затем продолжены Иосифом II. Наибольшее значение из них для словаков имел закон об отмене крепостного права (тогда не осознавалась его изначальная непоследовательность и половинчатость, главное, что он облегчал освобождение крестьянина от личной зависимости и открывал возможность для перехода в другие социальные слои) и патент о веротерпимости, позволивший большой группе интеллигенции протестантского (евангелического) вероисповедания включиться в активную культурную деятельность — в частности, издавать первую словацкую газету («Прешпурске новины», 1783—1787), журнал «Старе новины литерниго умнени» (1785—1786), организовать Научное общество (1785), открыть школы, добиться впоследствии учреждения чехословацкой кафедры при Братиславском лицее и т. д.

Начало двуединого процесса — формирования нации и национальной культуры в Словакии условно можно датировать выходом первой книги на словацком языке: в 1782 г. католический священник Йозеф Игнац Байза издал в Братиславе «Первую книжку различных стихотворений» на западнословацком диалекте. Байза (1755—1836) не приводит мотивов своего обращения к простонародному языку, но несколько эпиграмм на плачевное состояние словацкой речи свидетельствуют о намерении молодого поэта испытать родной язык на сложных метрических формах, что было типично для представителей и других «возрождающихся» литератур — чешской, венгерской. В 1783 г. Байза издает уже первый роман на словацком языке — «Юноши Рене приключения и испытания», в предисловии к которому прямо декларирует свое принципиальное отношение к проблеме языка письменности. Он обвиняет «предков» за то, что они предали забвению родную речь, «не пестовали и не совершенствовали ее по примеру других народов». И потому он решил вернуться ² к «родной речи словаков, которая ближе всего разуму», чтобы побудить других «хотя бы придерживаться родного языка, который доныне на последнем месте среди других [языков], хотя и не его в том вина. . .»³. В 1787 г. в публицистическом сочинении «Закон о содержании фараров» Байза еще более откровенно аргументирует свою патриотическую позицию в отношении родного языка: «. . . пусть словацкий народ видит, что и его речь, как бы это ни было трудно на первых порах, обладает всеми данными для литературы;

поэтому пусть он восстанет из праха и возьмется за дело, чтобы не одалживаться чужими книгами, если можно иметь свои»⁴.

Впоследствии Й. И. Байза называл себя «будителем словаков» и с полным основанием утверждал, что он «первым прорубал дорогу словацкому языку». Действительно, он первым выразил назревшую потребность и сложившуюся решимость к обособлению словацкой культуры. Уже в 1787 г. католик Антон Бернолак (1762—1813) выступает с научно обоснованной (в отличие от стихийно-дилетантского подхода Байзы) кодификацией словацкого литературного языка на основе западнословацкого диалекта, наиболее освоенного в культурной словацкой среде Братиславы и близлежащей Трнавы. Бернолаковчина, как называли этот язык, была поддержана патриотически настроенной словацкой интеллигенцией католического вероисповедания.

Переход письменности на национальный, словацкий язык свидетельствовал о решительном отторжении словацкого элемента от общего этнического конгломерата Венгрии. Совершившие этот переворот деятели национального возрождения субъективно использовали язык прежде всего как главный признак нации и лишь в малой мере осознавали его значение как национальной культурной традиции. Даже в ближайшей по времени ретроспективе — вплоть до последней четверти XVIII в. — культура носила сословно-элитарный характер. Благодаря введению национального языка письменности — вместо латинского и немецкого — культура объективно начинает утрачивать свою элитарность, расширяя в социальном отношении и сферу воздействия, и источник смысловых инспираций. Обращение к народному языку, доступному самым широким массам, диктовалось у просветителей интересами пропаганды знаний, борьбы со старыми формами мышления. Литература сразу же встала на службу актуальным общественно-политическим задачам своей эпохи.

Почти все первые литературные произведения на бернолаковчине излагали программу нового, в духе «просвещенного века» общественного устройства, новых принципов взаимоотношения социальных групп, народов, религий, властей и подданных, новых форм хозяйствования и бытового уклада жизни — сообразно тем переменам, которые вошли в эту жизнь вместе с политическими реформами в духе просвещенного абсолютизма, с усилением

светских начал в образовании и культуре, с введением критерия полезности и рациональности в организацию труда крестьянина и ремесленника, торговца и предпринимателя. Эта программа, в особенности во всем, что касалось рабской зависимости труженика от господина, верующего — от религии и служителей церкви, зависимых народов — от господствующих, нередко выходила за рамки предлагаемых йозефинизмом общественных преобразований, отличалась гораздо более радикальным подходом к решению многих социально-политических задач, более острой критикой не только феодально-крепостнического режима, но и всей системы гнета, беззакония, сословного неравенства, привилегий знати и паразитизма монастырей, насаждаемого церковью религиозного догматизма и фанатизма, предрассудков и суеверий, невежества. Она пронизана живым сочувствием к тяжелой судьбе простого человека-труженика.

В своем творчестве словацкие писатели ставили перед собой не литературные (а тем более общие художественные) задачи, а общественные, стремясь содействовать преодолению экономической и культурной отсталости своего народа, нести в массы свет знаний, помогать народу разумнее строить свою жизнь. Просветительство, понятие разумности, рациональности трактуется в произведениях Юрая Фандли (1750—1811), Самуэля Тешедика (1742—1830) на специально хозяйственные темы прямолинейно и однозначно. Практически-прикладное содержание значительно преобладает над художественным в единственном произведении этого начального периода, претендующем на художественность, — романе Байзы «Юноши Рене приключения и испытания».

Правда, в изданном в 1783 г. первом томе романа писатель все-таки в большей мере проявил свои художественные амбиции. Сюжет романа — путешествие знатного юноши Рене в сопровождении своего учителя ван Стипхоута по землям мусульманского Востока (Триполи, Каир), знакомство с его экзотическими нравами и обычаями, необычайные и часто опасные приключения — явно был рассчитан отнюдь не на поучительное, а на занимательное чтение. Но Байза в 1785 г. написал продолжение, которое, однако, церковная цензура издавать запретила (впервые роман был издан полностью лишь в 1955 г.) из-за «вредного» содержания. Здесь писатель живописует уже не вымышленные, утрированные «восточные» чудеса, а «испытания» Рене в современной автору, реальной

Венгрии: он видит деспотизм помещиков, произвол властей, беззаконие, нужду и изнурительный труд крестьянина.

Для решения социальных, нравственно-воспитательных и образовательных задач словацкие просветители бернолаковского течения использовали литературу в тех жанровых и стилевых формах, которые были ближе всего к научной: наука, по живой еще традиции научного гуманизма, считалась творчеством более высокого достоинства, чем художественная литература. Элементы художественного оформления общественно важного содержания черпались из арсенала классической (т. е. античной) или классицизирующей современной литературы ионационального происхождения, популярной в образованных кругах. В частности, роман Байзы был стимулирован популярным в XVIII в. романом Франсуа Фенелона «Путешествие Телемака» (1699), который за 20 лет (1750—1770) был издан в Кошицкой типографии шесть раз (трижды — на латинском и трижды — на венгерском языке). Неоднократно он был издан на немецком языке (в Вене, Линце и т. д.). Сохранился и рукописный экземпляр перевода «Телемака» на «словацкий» (т. е. чешский, но заметно словакизованный) язык, сделанного в 1778 г. неким Элеком в г. Жилина⁵. Не исключено, что подражать знаменитому роману Байзу побудило не столько авторское тщеславие, сколько стремление вызвать интерес к словацкому языку и тем способствовать развитию словацкой литературы. Во всяком случае, именно таков смысл языковых мотивировок, которыми словацкие авторы считают нужным снабдить едва ли не каждое свое творение. В первом произведении на бернолаковчине — просветительно-публицистическом «Доверительном диалоге между монахом и дьяволом о самом начале, о стародавних временах и нынешних переменах в монастырях» (1789) его автор, Ю. Фандли, говорит: «Я писал эту книжку для наших молодых священнослужителей, питомцев прешпурских, которые при чтении с похвальным тщанием поправили во многих местах мой неискusstный слог в соответствии с правилами нового правописания нашего славного словацкого народа, чтобы в наш просвещенный восемнадцатый век подобно иным языкам и наша исконная родная речь, замечательная по своей выразительности, правописанию и благозвучию, из глубокого мрака наконец-то на свет вышла»⁶.

Байза в своей второй стихотворной книге — «Словац-

кие двойные эпиграммы — тоническо-рифмованные и силлабо-метрические» (1794) — ставит перед введенным им языком и эстетические задачи, о чем прямо заявляет в эпиграфах к «тоническо-рифмованным»:

Покажи, Аполлон Парнасский,
что горазд ты и в речи словацкой
и что стих в этой речи в рифму
услышим из уст твоих мы,

затем к силлабо-метрическим эпиграммам:

Пускай, о музы, услышит почтенная словацкая публика,
что силлабо-метрические стихи можете вы и на ее языке
слагать ⁷.

Однако при всех своих благородных намерениях и искренней преданности родному языку, интересам родной литературы бернолаковцам и Байзе (он не переходил на бернолаковчину и пользовался «своим» словацким) не удалось достичь сколько-нибудь заметных художественных высот. Исключение составил только роман Байзы «Юноши Рене приключения и испытания», не утративший художественной ценности до наших дней. Впрочем, бернолаковцы в массе своей (а они составляли довольно многочисленную группу: основанное ими в 1792 г. в Трнаве «Словацкое научное товарищество» через три года насчитывало около 450 членов) тяготели не к художественному творчеству, а к научной или практической (просветительской) деятельности. В католическом русле словацкой культуры литературными задатками обладали только Байза (да и то лишь в прозе) и в какой-то степени Юрай Фандли, применительно к которому можно, однако, говорить лишь об элементах художественности в сочинениях практически-прикладного назначения. В 1789 г. Фандли восторженно приветствовал наступление «просвещенной эры»: «Братья! помните, что в страшное время, в мрачную пору жили до нас наши словаки. Ныне для нас занимается заря просвещенной эры. Так давайте постараемся посредством нашей речи, сочинений, изданий книг наш народ, наше племя, потомков наших если не до золотого, то сперва хотя бы до серебряного века возвысить» ⁸. Однако очень скоро эти радужные надежды потерпели крах. Напуганные Великой французской революцией власти поспешили свести на нет реформы Иосифа II, и вместо просвещенного абсолютизма воцарилась реакция, начались гонения на любое проявление критики общественных порядков и даже упований на какие-либо свободы. Обста-

новка особенно ухудшилась после раскрытия в 1794 г. заговора «венгерских якобинцев», среди которых оказалось и несколько представителей словацкой интеллигенции, в частности, идейный вождь их, Йозеф Гайноч (1750—1795), происходил из семьи словацкого евангелического священника. Видную роль играл и бывший депутат венгерского сейма 1790—1791 гг. от Оравского комитета Франтишек Абаффи, автор словацкой парфразы французского революционного гимна «Марсельезы». В программных документах «венгерских якобинцев», наряду с проектом различных буржуазно-демократических реформ, содержался и проект переустройства Венгрии в независимую федеративную республику народов, причем Словакия должна была получить статус самоуправляющейся области.

Австрийские власти самым жестоким образом расправились с прогрессивно-демократической интеллигенцией (которая, впрочем, не была никак связана с народными массами), многие причастные к этому движению были в мае 1795 г. казнены, другие на долгие годы брошены в тюремные казематы. Эти события произвели, по-видимому, глубокое впечатление на мыслящую часть общества: несмотря на то, что расследование и судебный процесс по этому делу велись в строжайшей тайне, некоторые сведения долетели даже до захолустных уголков Словакии⁹.

Расправа над якобинцами послужила поводом для ужесточения режима в стране. В обстановке жестокого преследования за малейший намек на «крамолу» словацкая литература лишилась и тех немногих возможностей влиять на общественное сознание, которые она только-только начала осваивать. Несомненно, именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что на смену открытой публицистичности, общественно важной проблематике, реагированию на общественно-политическую «злобу дня» в литературе на передний план выходят вопросы эстетические, поиск и выработка художественных принципов творчества, новых способов выражения патриотической идеи. Эта направленность становится характерной чертой прежде всего в протестантской среде, которая пользовалась в качестве литературного чешским языком (так называемой «библичтиной»), языком Кралевской библии).

Евангелическая интеллигенция не принимала в расчет бернолаковцев с их языковой реформой: для этой ветви

словацкой культуры, представлявшей образованную верхушку словацкого общества ¹⁰, на первых порах (с 80-х годов) оказалось достаточно возможности легально выступать с публикациями по проблемам евангелической церкви, создавать научные и просветительские объединения, открывать свои школы с обучением на «родном» языке. Литературная продукция протестантской, или «чешско-словацкой», ветви по традиции ориентировалась целиком на Прагу, литературные амбиции выражались в стремлении блюсти чистоту «библичности» и доказывать, что «музы», выражаясь слогом Байзы, могут слагать стихи по-чешски. Для этой ветви словацкой литературы большое значение имела реформа Й. Добровского в области просодии (1795 г.) ¹¹, которая получила поистине революционизирующий резонанс в чешском стихосложении: Добровский первым обосновал необходимость строить версификацию в строгом соответствии с акцентно-фонетическими законами чешского языка, которому органичнее всего подходил силлабо-тонический принцип. Как известно, эта реформа была поддержана кружком поэтов пухмайеровской школы (в альманахах А. Пухмайера на рубеже столетий сотрудничали и словацкие поэты). Для будущего не только чешской, но и словацкой поэзии реформа просодии оказалась важной в двух отношениях. Во-первых, она развенчала принцип школярского версификаторства, когда в угоду классическим античным канонам с чешским языком обращались почти так же, как с мертвой латынью, произвольно устанавливая качество стопы. Решающей в стихосложении она сделала живую речь (в противовес застывшей книжной библичтине) и тем самым, во-вторых, объективно повышалась роль ее главного носителя — простого народа. Это открывало простор для вторжения демократической стихии в художественную ткань и в содержание поэзии. Разумеется, процесс этот был длительным, новый принцип просодии служил лишь одним из факторов демократизации поэзии, подготовленной более глубокими социально-историческими предпосылками, но он безусловно ускорял, облегчал проявление объективной тенденции к общей демократизации всей формирующейся чешской культуры. Действие этого фактора сказалось уже в поэзии пухмайеровских альманахов.

Сам А. Пухмайер ориентировался на «высшие» слои чешского общества, сознательно культивируя отшлифованный, очищенный от малейших примесей «вульгарного» элемента поэтический стиль, чтобы приблизить его вку-

сам избранной публики, «внушить уважение и интерес к чешскому языку у высших слоев». Его соратник Шебестиян Гневковский представлял более демократическое крыло чешской поэзии, с той же принципиальностью отвергая зависимость от вкусов «высших слоев», которые «слишком преуспевают ныне в том, что противно чешскому делу»¹². При единстве общей патриотической, просветительской направленности, стремлении вывести поэзию из заколдованного замка средневекового аскетизма и религиозной схоластики к родникам живого человеческого чувства в чешской поэзии намечается некоторая дифференциация в установках на ту или иную читательскую среду. Обозначившееся вслед за реформой Добровского демократическое течение в сравнительно недалеком будущем вышло на тот магистральный для чешской поэзии путь развития, на котором сформировалось творчество Ганки и Линды, Челаковского и Эрбена.

Но дифференциация в чешской поэзии косвенным образом содействовала, как это ни покажется парадоксальным, постепенно углублявшемуся обособлению словацкой поэзии (на чешском языке) от чешской. Ориентация на живую речь и демократическую среду с логической закономерностью приземляла полет поэтического воображения, обращала его к национальной почве, способствовала — наряду с другими факторами роста национального самосознания — уяснению специфичности исторических обстоятельств и самобытности культурных традиций, которые так или иначе определяли творчество словацких поэтов в прошлом и преломляются в характере современной словацкой литературы.

В известной мере это сказалось в поэтическом сборнике Юрая Палковича (1769—1850) «Муза со словацких гор» (1801), который явно свидетельствует о сознательном стремлении автора вписаться в современный чешский литературный контекст: в духе пухмайеровской школы Палкович применяет силлабо-тонику и посредством нее создает модификацию классического (античного) стиха и его же строфической формы. Впервые в словацкой поэзии здесь проявляются анакреонтические мотивы — прославление весны, любви, радости жизни — и человеческих добродетелей: своеобразная смесь чувственного и рассудочного начал, в чем угадывается прообраз будущей классицистской поэзии. В то же время толкование назначения поэта как «служителя муз» воспринимается как пережиток галантной поэзии рококо. В сборнике выделяются новизной

темы и внутреннего содержания вводное стихотворение «Видение Добромысла» с элементами субъективной рефлексии и «Ода на гору Синец» с мотивом воспевания родной природы — один из первых признаков «местного», конкретного патриотизма, который сыграет немаловажную роль впоследствии, на этапе преромантизма и романтизма.

Симптом классицистской тенденции выражается у Палковича и в соблюдении иерархии стилей в зависимости от адресата и жанра. Так, если поэзия «Музы со словацких гор» выдержана в «высоком» стиле, при тщательном соблюдении норм правильного литературного чешского языка, то фарс «Два удара и три оплеухи» (1800), в котором воспроизводится комическая ситуация и персонажи из простонародной среды, написан стилем «низким», словакизованным чешским языком.

Но более наглядное выражение тенденция к обособлению словацкого литературного творчества от чешского получила в поэзии и историко-литературной деятельности Богуслава Таблица (1769—1832), создавшего своего рода историко-литературный труд «Памятники чешско-словацких поэтов или стихотворцев, которые либо родились на Венгерской земле, либо по крайней мере в Венгрии жили» (1806—1812). Первоначальный замысел — дополнить «Историю чешского языка и литературы» Й. Добровского сведениями о чешской письменности в Словакии — в процессе работы все ощутимее обретал национально-патриотический смысл: представить словацкую письменность (собственно, поэзию) на широком историческом отрезке — с XVI по XVIII в. — как самостоятельный вклад словаков в общую сокровищницу литературы на чешском языке. Правда, он последовательно именует этот язык «словацким», «родным» и каждому из представляемых стихотворцев ставит в особую заслугу прекрасное знание, любовь к своей «родной речи» — вслед за многими своими предшественниками в поэзии, которые удостоверяли свое авторство подписью: «Сии стихи сложил по-словацки такой-то». Даже мысли ни о каком другом литературном языке у Таблица еще не брезжило, настолько представление об отечественной письменности исторически срослось с чешским языком, которым писали многие поколения образованных и просто грамотных словаков.

■ Таблиц построил свои «Памятники» как собрание более или менее обстоятельных жизнеописаний деятелей евангелической церкви, занимавшихся сочинительством, — по большей части это сочинения религиозно-церковного

содержания, а также различные стихотворения светского характера «по случаю». Понимание того, что эта поэзия родилась все же в иной, нежели чешская, среде, проявляется уже в первом разделе (1806): галерею поэтов XVI в. Таблиц предваряет краткой характеристикой народнопесенного творчества словаков, отмечая как одну из своеобразных черт любовь словаков «всех сословий» к песне, заложенную в характере народа предрасположенность к песенному (и даже просто к поэтическому) творчеству, исключительное богатство и разнообразие народных песен, сопровождающих простого человека всю его жизнь с самого раннего детства, на всех поворотах его судьбы. В первую очередь он подчеркивает эмоционально-праздничную сторону бытования словацкой фольклорной песни, в которой находит свое выражение и способность находить прекрасное в обстановке повседневной жизни, и потребность скрасить эту повседневность. Таблиц приводит и несколько образцов народной песни с указанием конкретной местности, где та или иная песня получила распространение, но — в литературно-письменном оформлении, т. е. в «переводе» на чешский язык, а народные формы сохраняет лишь в тех случаях, когда их письменный эквивалент нарушает рифму или ритмический строй народного стиха.

Эти и некоторые другие особенности «Памятников» свидетельствуют о том, что и в вопросе литературного языка, и в подходе к народному творчеству Таблиц еще стоял на позиции элитарного сознания предшествующей эпохи, не допускавшей мысли о его самостоятельной эстетической и общекультурной ценности. . . Мало того, Таблиц, по сути дела, не усматривает принципиальной разницы между народной и книжной поэзией (разве что в смысле «малоценности» первой) и по этой причине, по-видимому, даже не считает возможным привести образцы народной поэзии в их исконном, изустном виде.

В собственной поэзии Таблиц представляет собой более разностороннее — тематически и эстетически — явление, чем Палкович. Он также ориентируется на школу Пухмайера, отдает щедрую дань анакреонтическим мотивам — в несколько приглушенной тональности воспекает «тихие радости» бытия. Однако он же и более последовательно вводит тему патриотической привязанности к родному краю, к родной речи и культуре — как и Палкович, не столько в эмоциональном, сколько в рассудочном ключе.

Несмотря на более высокий по сравнению с Палкови-

чем художественный уровень, поэзия Таблица явно проигрывает на фоне ведущих поэтов пухмайеровской школы, хотя в истории словацкой литературы его творчество представляет собой вершину просветительской поэзии. Он пишет дружеские поэтические послания, мадригалы, классицистические оды («Ода на дуб») и элегии («Смерть Адониса»), лирику анакреонтическую, в духе рококо и сентиментализма («Свободный выбор», «Жизнь после временной смерти»), пасторали («Пастушья песнь», «Милюнова роща»), морализаторские баллады, эпиграммы и бурлески. Жанровому многообразию сопутствует столь же широкий спектр стихотворных размеров и рифм: Таблица стремился к расширению и обогащению художественного арсенала поэзии. Во имя этого же он переводил на чешский стихи немецких (Шубарт, Фосс, Коцебу), французских и английских (Шекспир, Юнг, Голдсмит, Перси) поэтов. Сильную сторону его поэзии составляют патриотические мотивы, осмысленные — впервые в словацкой поэзии — с позиций общеславянского единства. Таблица вводит собирательный образ Славии — всего славянства (ода «Славия, венком украшенная»).

Таблица издал своего рода антологию словацкой поэзии XVIII в. — «Словацкие стихотворцы» (в двух книгах, 1805, 1809), — дотоле не публиковавшейся, причем включил в нее два анонимных произведения — «О Якубе Суровце разбойнике» и «О Яношике разбойнике» — в собственной обработке по-чешски. Стиль первого свидетельствует о том, что его автором был человек из образованной среды, начитанный (встречаются литературные реминисценции, резко выделяются вставки подлинных народных збойнических — о благородных разбойниках — песен). Фольклорное происхождение второго несомненно и с точки зрения стиля и поэтики, а главное — из-за образа Яношика, который выступает здесь как сознательный и убежденный противник помещиков и защитник интересов крепостного мужика. Публикация этого произведения, в комментарии к которому Таблица подробно и без тени осуждения збойничества рассказывает уже ставшую легендарной историю Яношика, положила начало яношиковской традиции в словацкой литературе.

В первые десятилетия XIX в. средоточием словацкой культурной жизни становятся региональные объединения патриотически настроенной интеллигенции. В 1810 г. по инициативе Б. Таблица было образовано «Научное общество Банской [горнопромышленной] области» (суще-

ствовало до 1832 г.), которое преследовало многообразные цели: всестороннюю краеведческую и этнографическую деятельность, изучение народных культурных традиций, составление сводной картины экономической жизни края, сбор и сохранение старинных рукописных и книжных памятников и т. п. Но прежде всего — подъем культурного уровня народных масс, борьбу с невежеством, предрассудками, распространение основ агрономических и медицинских знаний, — что и явилось основным содержанием деятельности Общества.

Более солидно было поставлено дело в «Научном обществе Малогонтском» (1808—1842), которое сделало основной упор именно на научную деятельность и практической культурно-просветительской работой в массах не занималось. «Малогонтское общество» издавало свой ежегодник «Solennia», составляемый преимущественно из научных докладов на годичных общих собраниях. Круг научных занятий общества был весьма широк — философия, педагогика, социология, география, история, естественные дисциплины. Ежегодник в той или иной мере, под тем или иным углом зрения выражал отношение к идеям выдающихся мыслителей других стран (Лессинга, Гердера, Руссо, Вольтера и т. д.). Выходил он незначительным тиражом (300—400 экземпляров) и рассылался «в дар» по библиотекам, а также деятелям культуры и науки по всей империи. «Малогонтское общество» приобрело авторитет и за пределами Словакии, о чем свидетельствуют, например, регулярные рецензии на «Solennia» в некоторых чешских, австрийских, германских научно-публицистических изданиях.

Литературным проблемам подобные «Научные общества» (а их по стране было более десятка) внимания не уделяли. Однако в среде гуманитарно-филологической интеллигенции назревала серьезная обеспокоенность современным состоянием словацкой литературы (представленной, по сути дела, редкими единичными изданиями произведений Ю. Палковича и Б. Таблица), ее отставанием от более развитых литератур соседних народов, оторванностью от проблем реальной действительности, неспособностью служить злободневным общественным запросам и задачам. Разумеется, эта обеспокоенность была обусловлена более глубокими причинами социально-экономического и общественно-политического порядка. Перед литературой встал вопрос: в каком направлении развивать художественное творчество, чтобы оно выражало потребности и

интересы национального коллектива? Одним из первых новый подход к общественным явлениям и художественным принципам выразил Павел Йозеф Шафарик (1795—1861) в своем поэтическом сборнике «Татранская муза с лирой славянской» (1814).

В стихотворении «Видение Славомила» он подробно и страстно развивает мысль о высоком назначении искусства. По мнению молодого поэта, искусство должно обогащать человечество, народы, каждого отдельного человека, должно не только являться органической составной частью жизни общества, но и играть в нем руководящую роль, «изменять судьбу человека к лучшему», служить человеку «опорой и лекарством спасительным».

Несколько позже, учась в Йенском университете, он берется переводить драму Шиллера «Мария Стюарт» и комедию Аристофана «Облака» и в качестве вводной статьи к переводу пишет трактат «Об Аристофане и его „Облаках“» (1817), в котором развивает свои литературно-эстетические взгляды, полемически направленные против следования классицистическим канонам: «Соразмерять творение самобытного духа, плод независимого, свободного творчества затверженными литературой правилами — все равно что делать все сапоги на одну колодку». Будет лучше, продолжает он, «до тех пор, пока мы из личинки не вылупимся, предать забвению всяческие правила изящных искусств и довериться лишь своему непосредственному чувству». В его оценке комедии Аристофана «Облака» ощутима установка на связь искусства с жизнью, на его активное участие в том, что требуется формирующейся нации: «. . .она доставляет удовольствие не только своим сочным, искрящимся, неподдельным комизмом; она пронизана чистым, свободным духом любви к отечеству, стремлением к правде, сплочению и согласию»¹³. Он иронически относится к теоретизированию вокруг искусства: «Теорию жаль! часто без искусства оказывается».

Тем не менее по возвращении из Иены в Братиславу он издает именно теоретическую работу (совместно с Ф. Палацким) «Основы чешского стихосложения, прежде всего просодии» (1818), на первый взгляд противоречащую предыдущему ироническому замечанию, поскольку речь в ней идет о необходимости перевода поэзии на метрическое стихосложение на смену введенной Й. Добровским силлаботонике. Однако значение «Основ. . .» отнюдь не в этой наивной попытке канонизировать одни принципы стихосложения и развенчать другие, вопрос о стихосложении

защипает в ней не первостепенное место. Главное значение этой работы — в стремлении найти путь к преодолению застоя в литературе, продиктованном настоятельной необходимостью создать полноценную национальную литературу; в том, что здесь во главу угла выдвинуто требование повышения ее художественного уровня и одновременно насыщения ее общественно значимым, гражданским, патриотическим содержанием. И еще одна новая черта: вводится понятие о назначении, миссии поэта, на которого возлагается ответственность за судьбы своего народа, за развитие его духовной жизни, искусства. Такое отождествление личности писателя (поэта, по терминологии того времени) с жизнью национального коллектива, полностью отсутствующее, например, у Палковича или Таблица, логически предполагает высокую требовательность к труду любого деятеля культуры и высокие критерии оценки художественного творчества как в настоящем, так и в прошлые эпохи. Шафарик ратует за такое искусство, которое было бы плодом творческой работы «гения Чехии» и следовало бы высоким принципам художественного совершенства. Во имя этого возвышенного идеала грядущего века национальной литературы он резко отрицательно отзывался о всей чешской литературе (в особенности о ремесленной поэзии современных рифмоплетов, изготовляющих различные «воспевания»): «. . .найди мне среди тысяч и тысяч стихотворцев чешско-словацких, начиная мастером Далмиллом, а коли хотите, то начиная даже с „Господи, помилуй“ и кончая новейшим стихоплетом, найди мне хоть одного Гомера или Петрарку, или Камюэнса, или Мильтона, или Клопштока чешского? Так нет же и нет, и требовать смешно; покажи мне хоть что-нибудь, чем гордилось бы отечество и чему завидовали бы иноземцы, и я за панесенное гению родины оскорбление готов принять кару как за измену отчеству». В этих словах выражено желание поднять литературу до уровня мировой классики: «Вершина поэтического Гения должна быть вершина классическая!»¹⁴

Именно этот смысл «Основ. . .» Шафарика—Палацкого, а не противоречивая «метрическая иллюзия» (противоречие между возвышенной целью и примитивным средством), вызвал большой резонанс в литературных кругах и Чехии, и Словакии. «Основы. . .» знаменовали собой вступление в литературу нового поколения и начало второго этапа просветительского становления национальной словацкой культуры, охватывающего 20—30-е годы XIX в.

В этот период в словацкой идеологической жизни на первое место выступает необходимость активного утверждения национального бытия словаков, консолидации национально-патриотических сил, способных противостоять натиску усиливающегося австро-венгерского гнета. На передний план в литературе выдвигается гражданско-патриотическая тема. Литература обращается не только к отечественному читателю, но берет на себя роль рупора нации на международном форуме, адресуясь к общественному мнению других народов. Отсюда ее двоякая функция: национально-воспитательная и национально-оборонительная. Сфера социального воздействия литературы, несмотря на продолжающееся разделение на «бернолаковскую» и «чешско-словацкую» ветви, расширяется, распространяясь на прогрессивно настроенные и патриотические слои не только в Словакии, но и в Чехии.

Консолидирующие основы в идеологии национального возрождения стимулируют обращение словацкой творческой интеллигенции к идее славянского единства. Представление о родственных связях словаков с другими славянскими народами, особенно с русским народом, повышало чувство национальной гордости и уверенности в будущем.

Из патриотических культурных организаций в этот период наиболее заметную роль сыграло «Общество чехо-словацкого языка и литературы», созданное в 1828 г. при чехословацкой кафедре Братиславского лицея. Культурно-просветительская и творческая деятельность будителей — протестантов и католиков — протекает теперь уже не столь обособленно, а в 1834 г. в Пеште по инициативе бернолаковцев возникает первый католическо-протестантский «Кружок любителей языка и литературы словацкой» со своим изданием — альманахом «Зора» (три книги, 1835, 1836, 1840), в котором публикуются произведения на обоих литературных языках, на бернолаковчине и на чешском.

В словацкой культуре появляется тенденция включать в категорию национальной культуры устное народное творчество.

Прозвучавшая в «Основах. . .» Шафарика идея высокой гражданской миссии литературы и ее равнения на высокохудожественные образцы мировой классики указывала путь к развитию высоких жанров литературы. При отсутствии национальных традиций словацкая литература стремится синтезировать общеевропейский опыт (от античной литературы до славянского фольклора). В Словакии по-

являются в переводах «Поэтическое искусство» Буало (Б. Таблиц, 1831), «Мышеида» Красицкого (С. Рожнаи), фрагменты из произведений Камюэпса, Мильтона, Клопштока, Вергилия, Гомера, Ломоносова.

Новым словом не только в словацкой, но и чешской культуре явился изданный в Праге в 1821 г. поэтический сборник Яна Коллара (1793—1852) «Стихотворения». Сборник содержал 86 сонетов любовного и патриотического содержания, оды, элегии, афористические двустишия. В своих стихах Коллар поднимал важные проблемы — будущее родного угнетенного народа, гражданский долг перед родиной, пути ее освобождения. Вершиной гражданской лирики поэта стало не включенное (по цензурным соображениям) в книгу, но ходившее в списках стихотворение «Патриот». Взяв распространенный в то время в чешской литературе жанр патриотической элегии, он существенно изменил его, введя элементы одического стиля, пронизав элегию пафосом протеста против угнетения. Образ родины отождествляется здесь с понятием славянства, а патриотизм — с идеей верности делу борьбы за свободу. Да и сам пафос протеста, жажда действия, борьбы против угнетения, готовность отдать жизнь «за отчизну и род» никогда ранее не встречались в словацкой поэзии. Большой интерес представляли также его любовные сонеты. По искренности и теплоте чувства его сонеты превосходили все, что писалось на эту тему в чешской литературе, не говоря уже о словацкой. Прекрасен был их язык, музыкален стих с точными звучными рифмами.

Сонеты вскоре послужили основой для главного произведения Яна Коллара — поэмы «Дочь Славы». В 1824 г. под этим названием он издал лиро-эпическую песнь из трех частей и вступления, состоящую из 151 сонета. В 1832 г. вышло ее второе издание — уже пять песен в 615 сонетах. При жизни поэта она издавалась еще дважды — в 1845 г. и 1852 г. — и в последней редакции содержала 645 сонетов. По своему характеру «Дочь Славы» является патриотическо-дидактической поэмой, отмеченной чертами национальной эпопеи. Сюжет и собственно эпическую основу произведения составляет воображаемое путешествие лирического героя по землям западных славян. Повсюду он видит страшные последствия угнетения и ограбления славян другими народами, вспоминает о героическом прошлом славянства, полном страданий и мужественной борьбы против иноземных захватчиков. Коллар создает идеализированный образ славян — на-

рода доброго, умного, справедливого. Понятия «родина» и «народ» для него нерасторжимы. Это делает его патриотизм более широким, всеобъемлющим и подводит читателя к пониманию главной идеи произведения — идеи славянской взаимности, к мысли, что только объединившись славяне смогут противостоять натиску чужеземцев: «Будем целое, а не осколки, будем или все, или ничто».

Ненависть Коллара к феодальному порабощению личности вылилась у него в протест против всякой тирании, само понятие свободы поэт связывает с понятием человечности, гуманности:

Тот лишь достоин свободы, кто ценит свободу другого.
Тот, кто рабов заковал, сам по душе своей раб!

Перевод С. Шеринского

Герой поэмы «Дочь Славы» — идеальный образ патриота-славянина — вдохновлял многие поколения чехов и словаков в борьбе против национального и социального гнета. Колларовские идеи гуманизма, сплочения славянских народов в борьбе против угнетения распространились во многих славянских странах.

Тенденции классицизма, которому Коллар с годами отдавал все большее предпочтение, нашли своеобразное преломление в творчестве писавшего на бернолаковчине Яна Голлы (1785—1849), в его одах, элегиях, пасторалях и поэмах, которые представляют собой иной, чем «Дочь Славы», тип национально-героической эпопеи.

В творчестве Голлы, следовавшего традициям Бернолака, нашла продолжение и развитие тяга к национальному самоопределению словацкого народа. Утверждение национального бытия словаков становится исходным пунктом всех его произведений, основанных исключительно на словацком материале. Цельная патриотическая концепция наиболее полно раскрыта в героических эпопеях Голлы. Она обращена к героическому прошлому родного народа, к легендарной древности («Слав», 1839) и в особенности к эпохе Великоморавского княжества («Сватоплук», 1833; «Кирилломефодиада», 1835). Голлы поэтизировал словацкую историю и ее героев. Недостаток исторических сведений он возмещает поэтическим вымыслом. Всю свою эрудицию в области истории, этнографии и мифологии и все жизненные наблюдения он использует для создания монументального представления о словаках как свободолюбивой, высокоморальной и поэтической нации. Каждая из его поэм (в меньшем масштабе это повто-

ряется в одах и элегиях) призвана всем своим строем, чеканной медью классического стиха и величавой образностью, взятой из арсенала античности, возвеличить и героизировать словацкий народ. Тема героической борьбы словаков за свободу, против иноземного гнета, тема свободы, высокий накал патриотических чувств обеспечили произведениям Голлы широкую популярность в среде свободомыслящей интеллигенции и авторитет патриарха словацкой поэзии.

Своеобразное преломление национально-патриотическая проблематика получила в творчестве родоначальника словацкой драматургии Яна Халупки. Этот род литературы в Словакии до 30-х годов не развивался. Более или менее серьезную роль в культурной жизни словацких городов театр начинает играть только в 30-е годы: в 1830 г. по инициативе патриотически настроенного словацкого мецената — книготорговца и книгоиздателя Г. Фейерпатаки-Белопотоцкого в г. Липтовский Микулаш возникла первая любительская труппа, вскоре словацкие любительские спектакли начали ставить в Братиславе и Мартине.

Ян Халупка (1791—1871) явился создателем отечественного репертуара словацких любительских сцен (были популярны также пьесы чешского драматурга Клицперы). Халупка во многом следовал традициям чешской драматургии, в том числе Клицперы. Он писал комедии и фарсы, его пьесы — «Коцурково, или Как бы нам в дураках не остаться» (1830), «Все наоборот, или Тесношилова Аничка женится, а Гонзик выходит замуж» (1832), «Трясогузка» (1835) и др. были очень популярны. В них запечатлен мещанский быт современной писателю провинциальной городской среды. В преобладающем большинстве его комедий основной конфликт состоит в столкновении патриотически настроенной интеллигенции с отщепенцами из среды мелкой буржуазии и мелкого дворянства. Источником комизма служат нелепые ситуации, в которые попадают отрицательные персонажи из-за своего сословного чванства, невежества, стремления подражать «высшему обществу». Конфликт пьес Халупки имеет под собой реальную основу: зажиточная часть мещанства быстро онемечивалась или омадьяривалась, видя в этом признак приближения к господствующему классу. В бытовых зарисовках, в характеристиках персонажей комедий Халупки немало жизненно достоверных, типичных деталей, характеристика отрицательных персонажей — своекорыстных обывателей — в лучших пьесах (например, в «Коцурково»,

эпиграфом к которому он поставил строку из Горация: «Что смеешься, ведь о тебе речь») поднимается до социально-сатирического обличения. В 30—40-е годы комедии Халупки имели широкий общественный резонанс, Коцурково стало нарицательным определением мещанско-филлистерской среды.

Спектаклем по этой пьесе начала свои выступления и первая словацкая любительская труппа в Лицтовском Микулаше. Сам факт ее появления свидетельствовал о том, что в словацкой культуре заявляет о себе стремление вовлечь в орбиту своего влияния более широкие круги словацкого общества — ведь сфера ее действия остается еще очень узкой. Вот что писал по этому поводу в 1832 г. автор «Музы со словацких гор» Ю. Палкович: «Венгерские книги покупают и богатые господа, словацкие же — преимущественно духовенство и школьные учителя, некоторые мещане, низшее дворянство и простой народ, просвещение, пользу и благо которого прежде всего и более всего имеют в виду наши сочинения. . . Вообще нас всего горстка, и всякий, кто хоть немного имеет дело со словацкой литературой, прекрасно знает, что поддерживающие нас исчисляются не тысячами, а едва лишь сотнями»¹⁵.

Однако если говорить о чтении, то оно далеко не ограничивалось лишь произведениями словацких писателей. Во-первых, как своя, отечественная воспринималась здесь чешская литература и чешская периодика. Во-вторых, доступно было чтение немецких и венгерских книг в оригинале. И наконец, еще имела хождение и разнообразная, более всего — философская, научная и церковнорелигиозная литература на латинском языке. «Латинский язык не был „мертвым“ языком, так как еще до середины XIX столетия он являлся *разговорным* языком мелкого дворянства и образованных слоев старой Угрии, и само существование большого количества латинских *сочинений* свидетельствует о том, что в Угрии латынь понимали, писали на ней и говорили»¹⁶.

Впрочем, не только образованных, но даже элементарно грамотных людей в Словакии в первой половине XIX в. было менее трети населения¹⁷. Среднее, а тем более высшее образование получали считанные единицы. Как правило, образование «завершалось» приходской школой 1-й, в городках — 2-й ступени, уровень обучения в большинстве школ, особенно католических, был крайне низок. Недаром Ян Халупка дал такое сатирическое описание «школы в Коцуркове»: «В углу у двери стояла бочка

с капустой и трепалка; в другом углу — огромное корыто, верней сказать, корытище, на стенах развешана кухонная утварь, потому что школа была одновременно и кухней. Когда я вошел, пани учительша как раз делала галушки и бросала их в котел. Один мендик [церковный служка. — И. Б.] тер хрен, второго оседлал пятилетний учитель первенец. Сам пан учитель, с трубкой в зубах и в пательной рубашке, точил бритву, собираясь бриться, но куда его ветераны, как он выражался, писали, а новички складывали слоги. Под лавками раздавалось какое-то хрюканье. Там были два поросенка, которые кормились чем бог послал» и т. д.¹⁸ Но даже и подобные школы не всякая сельская община была в состоянии содержать. Правда, для евангелических школ, особенно в городах, более характерен был учитель широко образованный, полиглот, нередко самостоятельно занимающийся научным или научно-популяризаторским творчеством, интересующийся литературой.

Как форма проведения досуга в учительско-духовной среде были распространены и занятия собственно литературным творчеством. Эти любительские сочинения, предназначавшиеся, по-видимому, для узкого дружеского круга, носили подражательный характер и, как правило, не издавались.

Однако изредка среди них встречаются произведения, которые по своим идейно-художественным особенностям не уступают современной им печатной литературе, а то и превосходят ее. Наибольший интерес представляет, пожалуй, историческая драма «Райнога, збойницкий гетман». Ее автор, Штефан Петруш (1783—1831), в бытность свою католическим священником в Черном Балоге изучал историю освоения этого района, условия и образ жизни его населения. Материал этих изысканий лег в основу научного сочинения на латинском языке, а также вдохновил написание пьесы «Райнога, збойницкий гетман»¹⁹. Своим объемом она выходит далеко за рамки театральной пьесы: 345 страниц рукописного текста (5 актов, 23 картины). Несмотря на чересчур длинные монологи, действие драмы протекает напряженно и динамично, изобилует неожиданными (но всегда логически оправданными) поворотами. Действие пьесы отнесено к 1670 г., к антиавстрийскому заговору Вешшеленьи, но Петруш толкует этот известный в истории Венгрии эпизод совершенно произвольно (смещена и хронология). Райнога, предводитель благородных разбойников, оказывается гра-

фом Имре Текели, который в знак протеста против причиненного ему лично зла укрывается в словацких горах со своей верной дружиной (в нее входят и дворяне, но костяк составляют выходцы из словацких низов) и образует «Горскую республику». Под пером Ш. Петруша Имре Текели предстает борцом против несправедливого к трудовому люду феодального строя. В драме прославляется свободная от неравенства и угнетения жизнь збойников, главный герой и его сподвижники ратуют за идеалы свободы, равенства, братства, за свободный труд, за достоинство человеческой личности независимо от социального положения. Интересны речевые характеристики действующих лиц: представители высшего сословия говорят на чешском, сильно словакизованном, а простой народ — на народном словацком, конкретно, на диалекте Верхнего Погронья. В сценах празднества збойников много подлинных народных песен из збойничьего фольклора о борьбе против помещиков. Развязка драмы благополучна: Райноге-Текели удается добиться от австрийского императора «конституции», открывающей возможность устроить жизнь в этом крае согласно утопическо-социалистическим принципам свободы и справедливости.

История пьесы неизвестна. Написана она в 1823 г., как значится на титульном листе. Можно предпологать, что с ней был знаком драматург Ян Халупка: в его комедии «Коцурково. . .» предводитель збойников носит похожее имя — Грайнога, а отец Я. Халупки поддерживал дружеские отношения с Ш. Петрушем.

В противоположность драме «Райнога, збойничий гетман» оставшиеся в рукописи и в безвестности пьесы учителя Яна Фукса (1817—1874) явно предназначались для сценического воплощения. Комедия «Ибикова смерть» (1837) пародирует «классицистическую» трагедию, остроумно обыгрывая ее канонические приемы, и в то же время под маской «античных» имен высмеивает нравы современного Коцуркова. Драма «Недоверчивый испанец» (1839), напротив, написана в серьезной тональности. В построении пьесы, в развитии конфликта, в стиле, в характеристике действующих лиц чувствуется знание современной европейской драмы (например, Шиллера), театра, условий сцены. Действие происходит в средневековой Испании, в основе интриги — любовь, ревность, сословные конфликты в среде придворной знати.

Возможно, у автора, молодого учителя, не нашлось средств издать свои пьесы. Вообще издание словацких

книг в материальном отношении целиком зависело от частной благотворительности. Немногочисленные словацкие меценаты сделали достоянием общественности целый ряд значительных явлений словацкой культуры, из своих, в сущности, скромных средств субсидировали некоторые культурные начинания и тем самым внесли неоценимый вклад в дело развития словацкой национальной культуры. Так, каноник Юрай Палкович (1763—1835) способствовал выходу в свет шеститомного «Словаря словацкого чешско-латинско-немецко-венгерского» (1825—1827) Л. Бернолака, финансировал издание двух книг переводов на бернолаковчину античных поэтов — Вергилия, Феокрита, Гомера, Овидия, Горация («Различные стихотворения героические, элегические и лирические», 1824 и «Энеида» Вергилия, 1828), осуществленных Я. Голлы, а также его поэм «Сватошлук» и «Слав».

Мартин Гамульяк (1789—1859), юрист по образованию, сделавший карьеру на государственной службе, был издателем сочинений П. Й. Шафарика (в частности, «Истории славянских языков и литератур», 1826), Б. Таблица, Я. Коллара и в особенности Я. Голлы: благодаря ему вышло первое в Словакии прижизненное собрание сочинений Я. Голлы в 4-х томах (1841—1842).

Гашпар Фейерпатаки-Белопотоцкий (1794—1874), мелкопоместный дворянин по сословному и предприниматель по социальному положению, свою коммерческо-предпринимательскую деятельность целиком поставил на службу словацкой культуре. Он был книгоиздателем (издал все пьесы Я. Халушки, а также собственные переводы из Мольера, Гольдони, Коцебу и педагогическо-просветительские книги — «Азбука для мальчиков» и «Азбука для девочек», 1830) и вел книжную торговлю, сеть которой распространил почти на всю Словакию, организовывал общества трезвости, воскресные школы, любительский театр, в котором исполнял чуть ли не все театральные функции: формировал репертуар, обеспечивал всю техническую сторону дела (помещение, костюмы, декорации), был режиссером и исполнителем. Большое значение имел издаваемый им «Новый и старый патриотический календарь» (1830—1853) — одна из самых популярных книг среди словацкого населения всех слоев (сначала выходил тиражом 6000, вскоре — 10 000 экземпляров, доходил и до 14 000), служившая проводником национально-патриотических взглядов. Г. Фейерпатаки-Белопотоцкий основал первую словацкую народную библио-

теку (1829), призванную приобщать к чтению словацких книг самые широкие народные массы.

Для этой цели было явно недостаточно произведений, рассчитанных в первую очередь на образованного читателя с развитым литературным вкусом. Первые попытки ввести в обиход беллетристику с ориентацией на вкусы мещанства и простого народа сделал поэт Ю. Палкович: в 1808 г. он издал в переводе на чешско-словацкий популярный немецкий роман «Достопамятные приключения графа Бенёвского», в 1825 г. — произведение в жанре путешествия «Колумб, или Открытие Вест-Индии» немецкого писателя И. Г. Кампе и др. В 30-е годы подобного рода произведения стали появляться и на отечественной почве. К ним, в частности, можно отнести повести словацкого юриста Антона Отмайера (1796—?, после 1860 г.) «Страна счастья, величия и изящных искусств» (1835), «Мина, или Тайная любовь» (1836), «Матильда, или Искренняя любовь» (1839) и «Жюфка и Вацлав, или Постоянство в любви» (1840). Отталкиваясь от образцов бидермейеровской беллетристики, Отмайер стремился преодолеть ее прямолинейную назидательность, предельно усложнил интригу, отводил большую роль элементам таинственности. При крайней бедности отечественной традиции художественной прозы произведения Отмайера означали определенный шаг вперед в овладении приемами занимательного повествования.

Со второй половины 30-х годов процесс кристаллизации национально-патриотической идеологии заметно ускоряется. В общеевропейской предреволюционной атмосфере, подогреваемой антифеодальными крестьянскими выступлениями в стране (наиболее сильным был так называемый холерный бунт в Восточной Словакии в 1831 г.) и обострившимися национальными противоречиями, патриотическая деятельность словацкой интеллигенции приобретает все более явные черты социально-политического движения антифеодальной и демократической направленности. Оно послужило важнейшей основой для стирания конфессиональных противоречий. Культурно-просветительская и творческая деятельность евангеликов и католиков протекает теперь уже не столь обособленно. В 1834 г. в Пеште образовался первый католическо-протестантский «Кружок любителей языка и литературы словацкой», в котором ведущую роль играли Я. Коллар и М. Гамульяк. В альманахе этого кружка «Зора» (четыре книги; 1835—1836, 1839—1840), выходившем тиражом

500 экземпляров, публиковались произведения и на бернолаковчине, и на чешском языке. Здесь появлялись стихотворения Коллара, повести Отмайера и больше всего — поэзия Голлы, его «светские песни» — пасторали, идиллии.

Вообще альманах стал самой распространенной формой издания текущей словацкой литературы, заменяя периодический общественно-литературный журнал. Ю. Палкович издавал на чешском альманах «Татранка» (1832—1847), послуживший вскоре трибуной выступления молодых литературных сил, студентов кафедр чешско-словацкого языка и литературы в Братиславском лицее (Ю. Палкович возглавлял эту кафедру).

Параллельно с «Зорой» в Банска-Бистрице выходил альманах «Гронка» (1836—1838, три книги) на чешском языке. Издавал этот альманах Карол Кузмани (1806—1866), младший современник Коллара и Голлы, по своим философско-эстетическим воззрениям и литературным вкусам предтеча поколения, в 40-е годы радикально реформировавшего словацкую культуру. Альманах был призван представлять новейшие тенденции в литературной жизни Словакии и за ее пределами, стимулировать прогресс отечественной культуры. Многие из того, что Кузмани публиковал в «Гронке», действительно стало вехой в истории словацкой культуры. В частности, здесь увидели свет трактат Я. Коллара «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836), получивший известность во всем славянском мире, «Ода к молодости» А. Мидкевича, фрагменты из произведений А. С. Пушкина, из «Гамлета» Шекспира, сочинения молодых словацких поэтов — будущей литературной смены. В «Гронке» Кузмани выступает страстным пропагандистом поэзии К. Г. Махи, недооцененного в чешской литературной среде.

Увлечение поэзией мятежного романтика Махи на первый взгляд неожиданно, поскольку вкусы образованных патриотических кругов явно склонялись к литературе, возрождавшей национальную героиню (Коллар, Голлы), исполненной патриотического пафоса, содержащей прямую апологетику славянства. Однако культ Махи в Словакии по-своему симптоматичен. В атмосфере осложнившихся общественных конфликтов бунтарское по духу, обостренно-драматическое мироощущение поэзии Махи нашло благодатную почву для восприятия. Интерес к поэзии Махи свидетельствовал о созревании бунтарских

настроений, о стремлении идти в выражении патриотических чувств дальше апологетики национального бытия. Ощущалась и потребность увидеть в литературе образец духовно и эмоционально яркой личности современника.

Во второй половине 30-х годов средоточием культурной жизни Словакии становится Братислава, где обстановка в наибольшей степени способствовала активизации национальной деятельности — прежде всего на базе студенческого Чехословацкого общества, образованного в 1828 г. в Братиславском лицее. Общество становится очагом пропаганды самых разнообразных знаний о славянстве и школой морально-этического и национального воспитания.

Видную роль в Обществе играл Александр Врховский (1812—1865), по замыслу которого Чехословацкое общество должно было стать центром движения молодежи всей Словакии, способствовать созданию подобных организаций в других городах и руководить их деятельностью. Врховский пропагандировал идеи активизации широкого национально-социального движения крестьянства и в этих целях создал тайную политическую организацию «Взаимность» (1837—1840).

Активизация национально-патриотической деятельности, охватывавшей в эти годы все более широкие круги словацкого общества и постепенно приобретающей программный характер, послужила могучим импульсом для новых идейно-эстетических исканий в сфере творчества и — что особенно важно — помогла создать организационные и материальные предпосылки для развития других сфер культуры, помимо литературной.

¹ *Tibenský Ján*. Dejiny Slovenska slovom i obrazom. D. 1. Martin, 1973. S. 211.

² До тех пор в письменности католики пользовались латынью, евангелики — чешским; и те, и другие использовали в качестве литературного также немецкий и венгерский языки.

³ *Jozef Ignác Bajza*. Príhody a skusenosti mladíka Redého. Br., 1970. S. 324.

⁴ *Bernolákovské polemiky*. Br., 1966. S. 13.

⁵ Рукопись находится в Литературном архиве Матицы Словацкой (LAMS.V.478) в г. Мартин.

⁶ *Bernolákovské polemiky*. S. 15.

⁷ *Ibid.* S. 13.

⁸ *Tibenský Ján*. Op. cit. S. 216.

⁹ Свидетельством этому служит, в частности, хранящийся в LAMS. С.93 рукописный список участников заговора с указанием принципов конспиративной организации, структуры тайного общества.

- ¹⁰ См. Dejiny Slovenska I. Br., 1961. S. 452.
- ¹¹ См. Dějiny české literatury II. Pr., 1960. S. 72.
- ¹² Ibid. S. 75.
- ¹³ Zborník Šafarikovský. Prešov, 1961. S. 82, 83.
- ¹⁴ Там же. S. 86.
- ¹⁵ *Chmel R.* Literárne vzťahy slovensko-maďarské. Br., 1973. S. 69, 71.
- ¹⁶ Literárnohistorický sborník. Turč. Sv. Martin, 1944. S. 55
- ¹⁷ См.: *Кузьмин М. П.* Школа и образование в Чехословакии. М., 1971. С. 152—159.
- ¹⁸ Literárnohistorický sborník. S. 28.
- ¹⁹ Рукопись пьесы была обнаружена в LAMS только в 1953 г. До сих пор не опубликована.

Хорватская культура

В середине XVIII в. земли, населенные хорватами, находились в составе разных государственных образований. Хорватия, Славония и Далмация входили в Венгерское королевство и принадлежали Австрийской империи. Пограничная с Османской империей Хорватско-Славонская Краина (Военная Граница) и включенные в наследственные земли Габсбургов Приморье с крупным торговым портом Риека (Фиуме) как особые административные единицы управлялись непосредственно из Вены. Прибрежной Далмацией (на северо-запад от Дубровника) с островами и частью Истрии владела Венецианская республика. Политической самостоятельностью пользовалась, признавая верховную власть султана, лишь Дубровницкая республика (город с ближайшими окрестностями).

В феодальную эпоху на территории современной Хорватии сложилось несколько обособленных культурно-исторических областей, отличавшихся не только диалектами письменного народного языка — наиболее распространенными были штокавский (основная часть Далмации, Дубровник, Славония) и кайкавский (центральная Хорватия с г. Загребом), но и типом культурного развития, характером литературно-художественных традиций и связей. Этноним «хорват», «хорватский» свои современные объем и значение приобрел в середине XIX в.¹ В рассматриваемый период он применялся только к ограниченному региону кайкавского наречия, в то время как остальное население — штокавское — именовалось «иллирийским» при сохранении локальных названий народа и языка — «словинец», «словинский» в Далмации и Дубровнике, «славонец», «славонский» — в Славонии. Особенность исторического развития хорватов в значительной мере обусловила специфику первого этапа формирования их национальной культуры.

Этот этап охватывает десятилетия от первых проявлений национального самосознания в хорватской литературе

в середине XVIII в. до начала 30-х годов XIX в., когда в рамках идеологии и программы хорватского национального возрождения (иллиризма) развернулась широкая, целенаправленная деятельность по созданию единой национальной культуры на базе общего для всех хорватов литературного языка.

Основное содержание хорватского историко-культурного процесса во второй половине XVIII—первой трети XIX в. определяет взаимодействие национально-патриотических и просветительских идей, постепенно переработанное в движение за политическое и культурное возрождение народа. В силу неравномерности экономического развития отдельных областей, различий в социальной и этнической структуре населения, своеобразия культурного облика предшествующей эпохи признаки зарождения национальной культуры обнаруживались в них не одновременно и в разной последовательности.

Хорватская культура принадлежит к тому типу культур Центральной и Юго-Восточной Европы, которые пережили европейское Возрождение. В конце XV—первой половине XVI в. и хорватских городах-коммунах Адриатического побережья — Задаре, Шибенике, Трогире, Сплите, Хваре (венецианские владения) и Дубровнике выдвинулась целая плеяда основоположников светской литературы на народном языке; в сочинениях научного характера возобладал итальянский². Ремесло, зодчество, живопись, искусство книжной миниатюры далматинских городов (включая Дубровник) были составной частью общеевропейской ренессансной культуры. Сложившаяся здесь система светского образования просуществовала в основных чертах до XIX в.: существовали свои «латинские» школы с преподаванием «семи свободных наук» в монастырях, городские «латинские» школы и начальные «школы счета».

Эпоха ренессанса, а затем барокко, особенно ярко представленного в культуре Дубровника XVII в., наложила существенный отпечаток на культурное развитие южных хорватских областей в последующие столетия, определив их коренное отличие в исходной стадии формирования национальной культуры от других хорватских областей. К середине XVIII в. далматино-дубровницкий регион обладал важнейшей предпосылкой национальной культуры — многовековой, непрерываемой традицией отечественной литературы. Длительное время культура Дубровника и далматинских городов развивалась в русле

общеевропейских течений, опираясь на художественный опыт Италии, который в эпоху ренессанса и барокко был решающим. В эпоху Просвещения ведущая роль перешла к иным национальным культурам, но для хорватской части Адриатики Италия оставалась главным проводником новых философских и эстетических идей. Под ее воздействием во второй половине XVIII в. сформировалась школа классицизма в Дубровнике и появились черты предромантизма в духовной жизни далматинских городов.

Во второй половине XVIII в. Дубровник оставался центром гуманистической образованности. Окончание Дубровницкой коллегии (с середины XVII в. в руках иезуитов, после роспуска ордена перешла к пиаристам) давало выпускникам возможность поступления в учебные заведения этих орденов в Италии, что в конечном счете открывало пути к церковной, научной и преподавательской карьере. Не находя применения своим силам на родине, многие ученые родом из Дубровника оставались после получения образования в Италии.

Один из крупнейших представителей европейской науки XVIII в. дубровчанин Руджер Бошкович (1711—1787) обучался в Римской коллегии иезуитского ордена, с 1735 г. преподавал там. С 1750-х годов он становится восторженным почитателем Ньютона, запрещенного в иезуитских учебных заведениях. Странник аналитического (индуктивного) и экспериментального методов, Бошкович в многочисленных работах по прикладной математике, астрономии, оптике, геодезии стремится преодолеть механицизм науки XVII в. и найти качественное объяснение физических явлений. В классическом труде «Теория естественной философии, сведенная к единому закону природных сил» (1758) на основе ньютоновского понятия силы и анализа бесконечно малых величин он выдвигает идеи, предвосхитившие научные открытия XX в. в области теории относительности и квантовой физики. Во время заграничных путешествий (в 1759—1763 и 1769 гг.) Р. Бошкович знакомится с новейшими течениями европейской научной мысли, становится действительным членом академий и научных обществ ряда западноевропейских стран, по возвращении занимает университетские кафедры в нескольких городах Италии (в том числе на территории Австрийской монархии), пропагандируя в своей преподавательской и исследовательской деятельности новейшие достижения. Ученый с мировым именем, проработавший всю жизнь вдали от родины, Бошкович оставался патрио-

том родного города. Он не переставал гордиться культурными традициями Дубровника, ссылаясь на своих знаменитых предшественников — математика М. Геталдича, физика С. Градича, упоминал уникальные антикварные и нумизматические коллекции, собранные дубровчанами, и с болью отмечал отставание научных знаний в Дубровнике от развития современных естественных наук³.

Не только научный, но и литературный авторитет Р. Бошковича — отличного латиниста и члена римской Аркадии — оказал огромное влияние на работавших в Риме соотечественников. Среди них — философ и церковный деятель Б. Стей (1714—1801), математик и знаток древностей Р. Кунич (1719—1794), ученик последнего Б. Джаманич (1735—1820). Не составляя объединения по типу «академий» XVII в. или кружков эпохи Просвещения, это поколение дубровницкой интеллигенции образовало круг единомышленников, мировоззрению и общественной деятельности которых, при всех конфессиональных ограничениях, были свойственны национально-просветительские черты. Сохраняя тесные контакты с родиной, ученые и поэты из Дубровника способствовали распространению среди соотечественников естественнонаучных и гуманитарных знаний, привлекали и поддерживали отечественные таланты. Им принадлежит заслуга в подъеме новолатинской поэзии, которая стала главной представительницей литературного классицизма в Дубровнике во второй половине XVIII—первой трети XIX в.

Бошкович ввел в дубровницкую литературу жанр дидактической поэмы научного содержания — «О затмении Солнца и Луны» (1735, второй, расширенный вариант — 1760) на латинском языке. Он оценил первые научные и литературные труды Б. Стея, вышедшие в Дубровнике (стихотворное изложение философии и физики Декарта на латинском языке, 1744), помог ему перебраться в Рим и покровительствовал в годы обучения в коллегии. Бошкович убедил Стей отказаться от картезианских взглядов и обратиться к более современной философии Ньютона. Результатом научного и поэтического содружества Р. Бошковича и Б. Стей явились «Десять книг новейшей философии в стихах» (три тома, 1755, 1760 и 1793), где Б. Стей представил теорию всемирного тяготения и основные положения ньютоновской «Оптики», сопроводив их собственными математическими выкладками, теоремами и доказательствами. На самостоятельную научную ценность последних неоднократно указывал Бошкович. Пер-

вые два тома поэмы вышли с его введением, обширными комментариями и дополнениями (работа над третьим томом осталась незавершенной).

В мировоззрении Р. Бошковича отразились противоречия дубровницкой культуры его времени, славной своими традициями, но уже отстававшей от развивающейся под знаком Просвещения культуры других европейских народов. Глубокий, оригинальный мыслитель и светски образованный человек, Бошкович заинтересованно следил за научной жизнью западноевропейских стран; познакомившись в Париже с Д'Аламбером, признал «высокий дух» энциклопедистов и вместе с тем не одобрял их антиклерикальные выступления, скептически относился к материализму, до конца дней сожалел о судьбе иезуитского ордена. Вопреки тенденции к созданию национальных научных школ, Бошкович, не отказываясь от родного языка в устной речи и частной переписке, упорно ратовал за сохранение латыни в качестве международного языка науки.

Со времен гуманизма в Дубровнике не иссякал интерес к античным писателям. Греко-римских классиков хорошо знали в оригинале, переводили, комментировали. В XVIII в. культ античности поддерживался образовательной системой иезуитов, с которой так или иначе были связаны все представители научного и литературного мира Дубровника. В научном и художественном освоении античного литературного наследия вплоть до конца XVIII в. преобладают традиционные формы. Для дубровницких литераторов — аристократов-любителей или лиц духовного звания абсолютным критерием поэтического мастерства оставалось владение классической латынью и античной стихотворной техникой. Показательна в этом отношении деятельность работавших в Риме дубровницких классицистов — преподавателей древних языков и риторики Р. Кунича и Б. Джаманича (в 1783 г. вернулся в Дубровник), осуществивших перевод на латинский язык: первый — «Илиады» (1776), второй — «Одиссеи» (1770) Гомера; им принадлежат также переводы на латинский древнегреческой буколической поэзии (Феокрит, Гесиод). В Дубровнике переводами античных писателей (Анакреона, Овидия, Горация, Вергилия) на родной язык занимались близкие этому кругу литераторы Й. Бетондич (ум. 1764), Л. Бунич (ум. 1778), Ф. Соркочевич (ум. 1771); позднее значительный вклад внес переводом полного окупа Вергилия и лирики Горация Дж. Хиджа (1752—

1833). Труды дубровницких классицистов стали основой первых национальных изданий римских классиков, вышедших в середине XIX в.

Однако принятая в Дубровнике переводческая практика обладала некоторыми особенностями, которые ограничивали общенациональное значение этих работ. Дубровницкие литераторы, как правило, не придерживались размера подлинника, употребляя для передачи классического гекзаметра рифмованный стих далматино-дубровницкой поэзии (8-, 12-, 14-сложный), приспособлявая к местной традиции также передачу античных имен, реалий и пр. Перед ними не стояла задача выработки какой-либо новой эстетической концепции путем освоения античного наследия. Здесь всегда была жива традиция латинского стихосложения, не претерпевшая на протяжении столетий существенных изменений. И во второй половине XVIII, и в первой трети XIX в. поэты Дубровника писали по-латыни послания, оды, элегии, а Дж. Растич (1755—1814) — сатиры. Эти жанры культивировались и на народном языке.

Из современных писателей дубровчане читали французских просветителей (Вольтера, Руссо; Ф. Соркочевич переводил «Дух законов» Монтескье на итальянский) и английских сентименталистов (Стерна, Эдисона), однако для перевода на родной язык предпочитали итальянских драматургов (трагедии С. Маффеи и П. Метастазियो, комедии К. Гольдони)⁴. Некогда богатая театральная культура Дубровника исчерпывается во второй половине XVIII—первой трети XIX в. отдельными любительскими представлениями на народном языке (при участившихся гастролях итальянских бродячих трупп) и небольшим числом рукописных переводных пьес.

Творчество на народном языке в этот период значительно уступало прошлому и в количественном, и в качественном отношении. Национальная жанровая система дубровницкого классицизма бедна, в ней отсутствуют эпические виды поэзии, проза и драматургия; не было создано и национального басенного жанра. Тенденция «латинизации» всего литературного процесса пронизывала даже те его формы, которые были вызваны новыми, предромантическими веяниями. Так, один из последних представителей дубровницкой литературы донационального периода — Дж. Ферич (1739—1820, преподаватель дубровницкой коллегии, затем священник) составил на латинском языке стихотворный сборник басен по «иллирийским» народным

пословицам (1794). Приведенные в оригинале в качестве эпитафии, они привлекли внимание немецкого историка И. Миллера, готовившего новое издание гердеровых «Народных песен»⁵. Ферич откликнулся на его послание латинской эпистолой, где описал народную игру на гуслях и «коло», а также переложил латинским гекзаметром несколько народных песен. Его «сентиментальное» путешествие по живописным окрестностям Дубровника с описанием местных обычаев и исторических реликвий (1803) также сочинено на латинском языке.

Культурную жизнь Дубровника в конце XVIII—первых десятилетиях XIX в. характеризует интенсивная деятельность по собиранию литературной старины, которая является непреходящей гордостью самих дубровчан и вызывает все больший интерес со стороны ученых-филологов и образованных читателей других стран. Появляются критические, основанные на изучении рукописей, переиздания писателей прошлого («Осман» И. Гундулича, 1826). Используя рукописные и печатные материалы XVI—первой трети XVIII в., пиарист Ф. М. Аппендини (1768—1837, с 1792 г. преподаватель, затем ректор дубровницкой гимназии) создал первое фундаментальное исследование по культурной истории Дубровника «Исторические и критические заметки о древностях, истории и литературе Рагузы» в двух книгах на итальянском языке (1802—1803). Археологические и исторические разыскания Аппендини уже в то время вызвали критическое отношение в европейском славяноведении (в частности, со стороны Й. Добровского), однако вторая часть труда, насыщенная библиографическим материалом, не одно десятилетие спустя ценилась в качестве основного источника для изучения истории дубровницкой литературы. Аппендини восторгался богатством и древностью «иллирийского» наречия, которое считал одним из четырех основных славянских наречий (наряду с русским, польским и чешским), и написал новую (после А. Деллабеллы, 1728) грамматику дубровницкого литературного языка (1808). Названные работы дополнились изданием фундаментального трехязычного (латинско-итальянско-хорватского) словаря францисканца Й. Стулли (1810).

С перемещением морских путей на океанские просторы приморская Далмация в течение XVII—первой половины XVIII в. приходит в упадок. Внутренние районы опустошают набеги османов. Венецианские власти

круто проводят политику денационализации, сознательно сдерживая социальное и культурное развитие далматинских городов. Образованный слой все более обособляется от народа, усваивая язык и манеры господствующей нации. Расположенная за пределами узкой полосы приморья континентальная, аграрная часть Далмации, напротив, оставалась до середины XVIII в. областью традиционной народной культуры, наряду с которой существовала лишь церковная и околоцерковная литература. Единственными представителями образованности в этой среде были местные священники, в обязанности которых входило также содержание церковно-приходских школ, и францисканские монахи. Они вели начальное обучение на народном языке, создали первые народные учебники («Арифметика» М. Зоричича, 1766), являлись авторами религиозно-дидактических книг для народа.

Именно здесь, на стыке двух пластов демократической культуры — подлинного народного творчества и «литературы для народа» — в середине XVIII в. возникли произведения, обозначившие начало нового этапа в развитии хорватской культуры: «Цвет беседы народа и языка иллирийского, или же хорватского» (1747) Ф. Грабоваца (1695—1750) и «Приятная беседа народа словинского» (1756) А. Качича-Миошича (1699—1760). Оба писателя-францисканца следовали религиозно-просветительским традициям ордена, однако их книги выходят за рамки конфессиональной письменности благодаря проявлению национального самосознания.

Заслуга Грабоваца состоит в создании исторической народной книги, выполнявшей одновременно и познавательную и национально-будительскую функцию. Сказания в стихах и прозе о древней истории Далмации и о битвах с османскими завоевателями в XVI—первой половине XVIII в. пробуждали у читателей чувство глубокой гордости за предков. Былое величие родины выступало резким контрастом к ее современному состоянию: «Границы Далмации бывали то шире, то уже, но никогда не были такими тесными, как ныне». В стихотворении «Слава Далмации» писатель обращается к родине с призывом воспрянуть от векового сна, а в стихотворении «О характере и нравах хорватов» корит их за пороки, которые, по его мнению, и привели отечество в упадок: «Кабы хорваты дружны были, горькой чаши бы не пили». Воспевание героического прошлого, призыв к единению

(«иллирийский, словинский и хорватский — это все один язык, хотя и три имени»), как и доступная форма изложения («беседа» на родном языке) становятся первыми проявлениями зарождающейся национальной литературы⁶.

А. Качич-Миошич указывает в предисловии к своему труду на отсутствие книг о героическом прошлом «народа словинского» на его языке, но при этом говорит о живой памяти народа, запечатлевшей в устном предании и песне великие деяния предков. Устное народное творчество впервые воспринимается им как фактор сохранения национального самосознания в условиях поражения¹. Один из образованнейших людей своего времени и горячий патриот, Качич-Миошич попытался соединить устное предание с научными данными из исторических трудов на латинском и итальянском языках. Из них составил обширный научный комментарий к песням, а отдельные темы использовал для сочинения собственных песен в народном духе. Во втором издании он отделил хронографический материал от песен, и книга стала отныне поэтическим сборником, а на основе исторической прозы возникла популярная книга для чтения по истории «Ковчег» (1760).

«Приятная беседа народа словинского» — первая поэтизированная история югославян — охватывает период от первых королей Далматинской Хорватии (IX—XI вв.) до битв с турками в течение XVI—XVII вв., описания которых составили основную ее часть. Поскольку книга предназначалась «для бедных крестьян и пастухов народа словинского», в ней не было «ни риторики с поэзией, ни витиевато-возвышенного слога»⁷. Благодаря простому и ясному языку, близкому народной речи, книга Качича-Миошича первой в регионе далматино-дубровницкой литературы начала прокладывать дорогу к массовому читателю по всему ареалу сербскохорватского языка, сыграв заметную роль в интеграционном языковом процессе. В то время как дубровницкие писатели XVIII в. все больше замыкались в кругу стереотипных образов и приемов, унаследованных от эпохи расцвета, Качич-Миошич открыл новый источник поэтического вдохновения в произведениях устного народного творчества.

Особую роль в развитии хорватской культуры второй половины XVIII в. сыграло широко известное в оригинале, а также в немецком, английском и французском переводах «Путешествие по Далмации» (1774) итальянского ученого-натуралиста аббата А. Фортиса, давшего

не только географическое описание прибрежной, островной и материковой Далмации, но и разнообразные сведения о быте и нравах далматинских крестьян. Поклонник Руссо, Фортис, описывая домашний уклад «морлаков», их обряды, игры, развлечения, взаимоотношения с соплеменниками и ивородцами, неизменно противопоставляет современным европейцам чистый, нравственно прочный патриархальный мир «естественного» народа — любознательного и простодушного, доброжелательного и талантливого как в материальной (особо хвалит искусную вышивку), так и в духовной культуре. Фортис застал в Далмации живую традицию устного творчества. Он неоднократно упоминает о приверженности народа к своим героическим сказаниям, описывает десятисложный стих и манеру исполнения юнацких песен. Он сравнивает их с гомеровскими и оссиановскими и в доказательство древней силы языка и поэтического искусства приводит в оригинале параллельно с итальянским переводом народную балладу о Хасанагинице. Со времени этой публикации сербскохорватская устная поэзия вливается в европейскую культуру предромантизма. В переводе Гете песня выходит в «Народных песнях» Гердера (1778), а после включения ее в сборник сербских народных песен В. Караджича (1814) — в многочисленных переводах крупнейших поэтов европейского романтизма.

Книга Фортиса вызвала активизацию просветительских и предромантических идей в литературной жизни далматинских городов, пробудила у хорватской интеллигенции интерес к этнографии и фольклору. Студент-медик Падуанского университета И. Ловрич (ум. 1777) в «Заметках о путешествии по Далмации Альберто Фортиса» (1776, на итальянском языке) старается дополнить и уточнить наблюдения путешественника над природой и народным бытом Далмации. Он обличает суеверие народа и невежество духовенства, но при этом приводит много фактического материала, касающегося народных верований и обрядов. С глубоким пониманием человека, выросшего в народной среде, Ловрич рассуждает о народных песнях, подчеркивая в них «силу народной фантазии» и выразительность «иллирийского» языка. Молодой писатель-патриот нетерпимо относится к попыткам венецианцев истолковать в пренебрежительном смысле наименование «морлаки», «гайдуки», «ускоки». Рассказ о яркой, исполненной героическими подвигами и превратностями судьбе гайдука С. Сочивицы, завершающий книгу,

убедительно раскрывает благородные цели и широту души народных мстителей. Жизнеописание гайдука стало прообразом хорватской романтической повести.

Ю. Баямонти (1744—1800) — хорватский литератор и композитор из Сплита (врач по профессии), сопровождавший Фортиса в поездках по Далмации, развил идею итальянского писателя о сходстве песенного творчества «морлаков» с гомеровской поэзией в статье «О морлакизме Гомера» (1797, на итальянском языке), включившись таким образом, в актуальную для литературно-художественной мысли европейского предромантизма полемику вокруг «гомеровского вопроса». Вопреки классицизму, предромантизм возродил античное представление о Гомере как народном певце-импровизаторе. Разделяя эту точку зрения, Ю. Баямонти выделяет в сербскохорватском эпосе те черты, которые присущи устной поэзии всех народов, прежде всего повторы — постоянные эпитеты, словесные формулы приветствия, прощальных слов, просьб, одинаковые стихи для описания сходных действий (поединки и пр.), особо отмечает высокое искусство импровизации у народных исполнителей.

Начальный этап национального пробуждения в венецианской Далмации носил ярко выраженную фольклорную окраску. Интерес к народному творчеству, которое со временем будет осмыслено как основа национальной культуры, претерпел с середины до конца XVIII в. заметную эволюцию от наивного подражания народной песне к первым достоверным фольклорным записям (Ю. Баямонти). Но и тот и другой путь приобщения к народной поэзии был плодотворен для подготовки национального возрождения. Соединив фольклорную традицию с авторитетом письменного слова, «Приятная беседа» А. Качича-Миошича стала первой светской книгой для народного чтения. Она была популярна среди огромных масс народа и поддерживала на протяжении десятилетий любовь к героическому прошлому родины. Как литературное произведение, сборник положил начало весьма распространенному в последней четверти XVIII в. индивидуальному сочинительству «под эпос», породив огромное количество исторических песен — конкретных откликов на военные события, которые чаще всего были связаны с антитурецкими войнами — главной темой классического эпоса. С другой стороны, интерес к народному творчеству со стороны образованных слоев помог восстановить контакт с современной европейской культурой, где к концу

столетия широкий размах приобретало собирание и изучение народно-поэтического наследия разных народов. Записи народных песен (пусть немногочисленные и несистематизированные), работы о них, доказывающие тождество местной народной традиции с народной поэзией мира в ее высших образцах, в частности, гомеровским эпосом, содействовали пробуждению национальной гордости и служили целям национального возрождения.

Изобразительное и музыкальное искусство второй половины XVIII в. в южных хорватских землях уступает по своему художественному и общественному значению литературе. Если в письменных памятниках уже с середины столетия намечаются тенденции, предвещающие национальное возрождение, а историко-филологические работы итальянцев заметно раздвигают горизонт хорватских культурных связей, то изобразительное искусство и архитектура, требующие значительных материальных затрат, отмечены за последние полвека существования Дубровницкой республики и владычества Венеции в Далмации чертами длительного застоя. В приморских городах Далмации почти не велось монументального строительства. Здесь не было условий для помпезно-декоративного искусства позднего барокко, принципы барочной архитектуры проявились скорее в скромных культовых постройках в сельской местности и на островах, а также во внешнем убранстве подвергавшихся реставрации старых зданий романского, готического или ренессансного стиля⁸. В переплетении элементов разных стилевых эпох сохранилось своеобразие далматинского зодчества, основной чертой которого стал традиционализм, поддерживаемый поколениями местных мастеров. Среди них — И. Мацанович (1727—1807), построивший приходские церкви в Нережицах на о-ве Брач (1750), в Каптел-Штафиличе (1765) и Милне (1787) близ Трогира, а также новые хоры трогирского Кафедрального собора (1770)⁹.

Дубровник, приобретя за последнюю треть XVII—первую треть XVIII в. ярко выраженные барочные черты (Кафедральный собор, собор св. Влаха — покровителя Республики, иезуитская коллегия с церковью, построенные по проектам итальянских зодчих), в последующие десятилетия также не находит средств для сооружения и украшения крупных объектов. Не имея крупных заказов, мельчали некогда прославленные мастерские по обработке камня — местного строительного и художественного материала. Работы далматинских мастеров

(в основном культового назначения) не выдерживали конкуренции с готовыми изделиями из мрамора, которые в больших количествах ввозились из Венеции. Из художественных ремесел, характерных для барокко, расцвет переживает лишь резьба по дереву (богато украшенный алтарь церкви св. Андрии на о-ве Раб, 1765; резные скамьи и кафедра собора на о-ве Корчула работы мастера В. Тирони с о-ва Брач, 1795—1796). Под напльвом барочного венецианского серебра угасает ювелирное мастерство, державшееся старых ренессансно-готических образцов¹⁰.

В Далмации и Дубровнике хранились произведения живописи прошлых веков, имелись значительные художественные коллекции. Однако на всем протяжении XVIII в. эти области не выдвинули ни одного знаменитого художника. К концу столетия наметились пути возрождения отечественной школы. Они были связаны с деятельностью дубровницких литераторов и стилистически ознаменованы усвоением художественных принципов классицизма.

В 1784 г. молодой, одаренный П. Катушич (1767—1788) при содействии Б. Стея добился стипендии Дубровницкой республики для получения художественного образования в Италии. Он занимался в Риме у А. Марона — воспитанника римских неоклассицистов. Однако по болезни через два года был вынужден вернуться на родину. Из небольшого наследия П. Катушича (из шести работ сохранилась лишь первая — «Голова девушки») особую историко-культурную ценность представляет серия выполненных с натуры портретов его знаменитых современников — Б. Стея, Р. Кунича, Б. Джаманича. И хотя, по критическому замечанию Аппендини, в творческой манере Катушича сохранялся «устаревший, наивный стиль, который с большим трудом поддается исправлению благодаря основательному изучению античности»¹¹, его полотна открывали новый период развития хорватской живописи. П. Катушич заложил основы местной школы портрета.

Другой дубровницкий стипендиат — Р. Мартини (1771—1846) также обучался под покровительством Б. Стея в мастерской Марона. По возвращении на родину (1795) он продолжил начинание Катушича, запечатлев облик Дж. Растича, Ф. М. Аппендини, А. Казначича и других представителей дубровницкого общества рубежа веков, дал первые образцы женского портрета. Наряду

с возросшим профессиональным мастерством Р. Мартини стремится к индивидуализации образа, остро схватывает, порой прибегая к гротеску, отличительные черты внешности (портрет Дж. Растича) и умеет передать особенности душевного склада реального лица. Живостью и теплотой отмечен акварельный поясной портрет П. Ф. Паписа, изображающий молодого человека с открытым, умным взглядом, излучающим внутреннюю энергию, — единственное сохранившееся в подлиннике произведение художника в портретном жанре.

В развитие дубровницкой школы живописи внес вклад итальянский художник К. Реджо (?—1813), работы которого, созданные в первое десятилетие XIX в., завершили галерею деятелей культуры Дубровницкой республики последнего периода ее истории. Им был написан портрет литератора Л. Стулли (1801). По его же заказу художник выполнил ряд копий с портретов дубровницких писателей XVIII в. (в том числе с трех ныне утраченных работ Катущича).

Музыкальная жизнь Дубровника и городов Далмации во второй половине XVIII в. по-прежнему была связана в основном с католической церковью и культурой полифонического стиля. Область бытования светского музыкального искусства, возникшего в эпоху Возрождения, к этому времени значительно сузилась. Оно постепенно утрачивало самобытный характер, сдавая творческие позиции в развивающихся жанрах, например, музыкальной драме, которая была носителем одноголосого мелодического стиля. Более плодотворно интонационные сдвиги и формообразующие процессы, характерные для западноевропейской музыки того времени, отразились в инструментальных жанрах. Игра на различных инструментах прочно входила в быт местной аристократии и горожан; в приморских городах всегда проживало немало итальянских музыкантов, дававших частные уроки. Уровень подготовки любителей был достаточно высок: при необходимости их охотно приглашали для участия в профессиональных оркестрах оперных спектаклей итальянских трупп, а также в торжественных мессах и при важных церемониях.

В городах Далмации, особенно в Дубровнике, сохранились традиции домашнего музицирования. Любители — и композиторы, и исполнители — культивировали светские виды вокального и инструментального творчества и таким образом служили проводниками новых эстетиче-

ских веяний. В творчестве Л. Соркочевича (1734—1789) и его сына А. Соркочевича (1775—1841) большое значение имели опыты овладения формирующимися в эпоху классицизма жанрами сольной сонаты и симфонии¹².

Как и в других сферах культуры, много талантливых музыкантов из Далмации и Дубровника работало за пределами родины. Ярким представителем европейского исполнительского искусства второй половины XVIII в. был скрипач-виртуоз Я. Ярнович (1745—1804), концертировавший с 1770-х годов по городам Европы, в том числе в Петербурге, автор скрипичных концертов, сонат, квартетов и симфоний. Характерной чертой музыкальной культуры Далмации и Дубровника того времени является проникновение в композиторскую практику элементов далматинского и славянского фольклора («Славянская песня» Л. Соркочевича, «Рондо в славянском стиле» как часть сонатного цикла А. Соркочевича, русские темы с вариациями и полонезы в скрипичных концертах Ярновича).

В годы наполеоновских войн прекратили свое существование Венецианская (1797) и Дубровницкая республики (1808). Бывшая венецианская Далмация и Дубровник составили вместе с частью словенских и хорватских земель «Иллирийские провинции» Французской империи с центром в Любляне (1809—1813). Непродолжительное французское правление оказало позитивное воздействие на культурную жизнь Далмации и Дубровника, выполнив некоторые задачи просветительского этапа национального возрождения. Была проведена реорганизация учебных заведений всех ступеней: школы переданы в ведение гражданских властей, сокращены уроки вероучения и расширено преподавание светских дисциплин, разрешено обучение на родном языке с обязательным изучением современных языков — французского и немецкого; в крупных городах открылись хорватские гимназии и лицеи (Копар, Риека, Дубровник, Задар, последний имел статус университета). Еженедельник «Кральски Далматин» (1809—1814) — официальный орган французской администрации, выходивший в Задаре в итальянской и хорватской редакциях, стал первым в хорватских землях периодическим изданием на народном языке.

Оказавшись после Венского конгресса (1815) в Австрийской империи, эти области переживают спад литературной, научной и художественной жизни. Однако по существу завершив во второй половине XVIII в. многовековой

путь своего самостоятельного развития, культура Далмации и Дубровника послужила важной отправной точкой в становлении у хорватов культуры нового исторического типа. С одной стороны, ее богатое наследие стало источником отечественной культурной традиции, выполняя роль национальной классики. С другой стороны, благодаря живым связям с Италией Далмация и Дубровник были главным проводником новых идейно-эстетических тенденций — просветительского классицизма и сентиментализма, своеобразие которых в южнохорватских областях определялось их обращением к народно-поэтическому творчеству.

Для хорватских земель на севере вторая половина XVIII—первая треть XIX в. были ознаменованы важными социальными сдвигами, связанными с развитием капиталистических отношений. Экономический и духовный подъем Хорватии и Славонии в этот период, можно сказать, прошел два этапа: до 1790 г. он связан с реформами «просвещенного абсолютизма» в Австрийской монархии; на втором в условиях реакционной политики Франца I происходит созревание идеологических предпосылок хорватского национального возрождения — иллиризма.

Существенный вклад в этот процесс на первом этапе внесла Славония, освобожденная в 1699 г. от двухсотлетнего османского владычества. С тех пор опустошенные и заброшенные после длительных войн земли находились в руках колонистов — немецких и венгерских дворян. Крестьянские волнения потребовали некоторого упорядочения аграрных отношений (урбарий Марии Терезии 1755 г.), но они не могли изменить их крепостнического характера. На территории Военной Границы крестьяне-общинники были лично свободны, хотя несли военную службу и работали на строительстве дорог и укреплений. Переустройство Границы в середине XVIII в. сопровождалось введением всеобщей воинской повинности и усиленной германизацией местного населения: первоначально здесь были только немецкие школы, запрещалось ношение национальной одежды, служащие славянского происхождения могли назначаться лишь на низшие офицерские должности. Вместе с тем здесь с большей последовательностью проводились экономические преобразования, направленные на подъем сельского хозяйства (введение технических культур, картофеля, улучшение пород скота), ремесла и торговли, а также школьные реформы.

В середине XVIII в. Славония, подобно материковой

Далмации, представляла архаичный тип культурного развития, основными компонентами которого были традиционно-народная и церковно-феодалная культура. Лишь в 60-е годы XVIII в. здесь складывается светская литература на народном языке. Связанная с задачами хозяйственного и культурного преобразования края, она с самого начала приобрела сатирическую и дидактическую направленность.

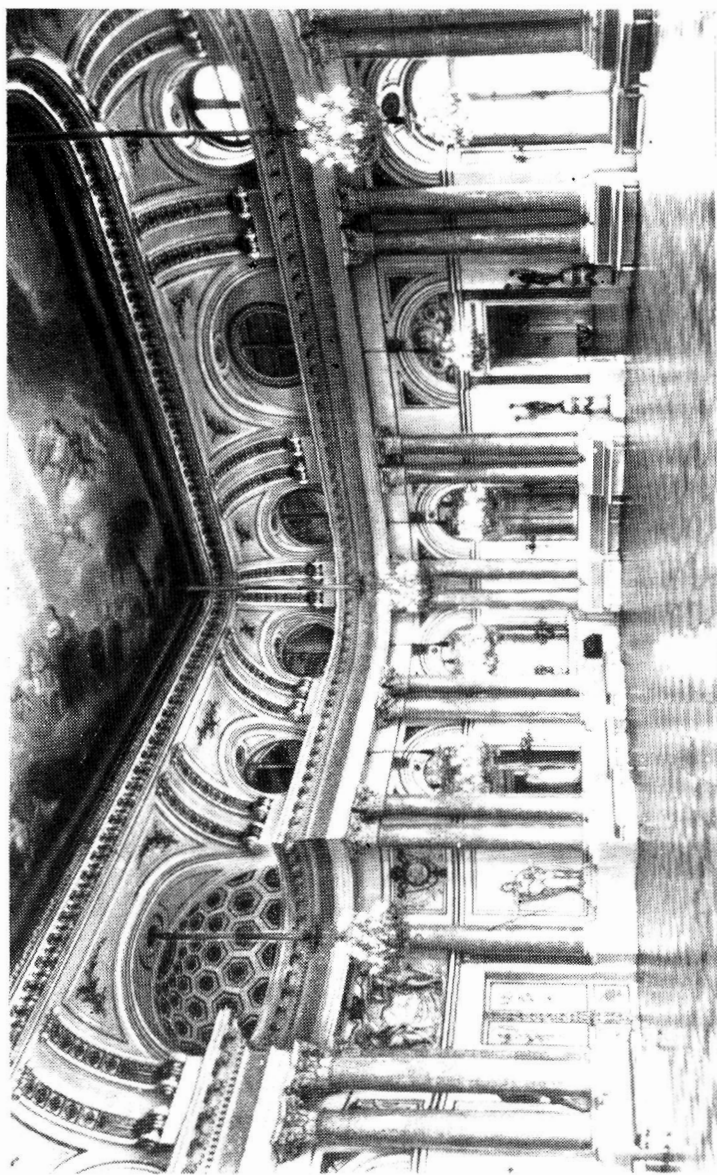
Крупнейшим представителем национального просветительства в Славонии стал М. А. Релькович (1732—1798). Сын хорватского офицера с Границы, он начал службу рядовым, офицером участвовал в Семилетней войне. Оказавшись в прусском плену, Релькович познакомился с «просвещенной» страной, «ухоженные города и села» которой разительнo отличались от разоренной родины, что и побудило его взяться за перо. Свое главное сочинение — поэму «Сатир, или Дикий человек» (Дрезден, 1762, расширенное издание — 1779, Осиек) писатель открыто поставил на службу прогресса, призывая земляков устранить с его пути все «сучья и камня» — пережитки прошлого¹³.

Релькович убежден, что все плохое в нынешней Славонии идет от османских завоевателей. Он верит, что просвещение и правильное воспитание приведут Славонию к благоденствию. Поэтому он особо отмечает отсутствие в Славонии школ и гражданских книг, поголовную неграмотность и отвращение к учению, косность семейного уклада. Как истинный просветитель, писатель осуждает вредные, с его точки зрения, народные обычаи и обряды, оставшиеся от «варварских» времен. Он выступает горячим поборником преобразования отсталого хозяйства Славонии, осуждает соотечественников за примитивные методы землепользования, сам дает немало практических советов и наставлений. Несмотря на негативное отношение ко многим сторонам народной жизни, писатель в полной мере проявил в поэме и патриотические чувства, и демократические убеждения. Критикуя патриархальный быт славонцев с позиций «просвещенного» человека, он никогда не забывает о своем кровном родстве с ними («мои дорогие братья»), хочет вернуть своим сочинением долг «милому Отечеству». Писателю чужд дух народной старины, но он не может не признать поэтической одаренности народа (упоминает как особо любимые в народе песни о Кралевиче Марко) и сам слагает поэму десятистишием, дабы его «наука» была понятна любому пахарю.

Возрождая литературный прием А. Качича-Миошича в иной региональной среде, Релькович использует его для передачи реалистически-бытового содержания. Таким образом, Далмация и Славония отметили начальный этап становления национальной культуры созданием светской литературы на народном языке. Независимо от того, обращалась она к историко-патриотической тематике или к современной жизни, ее фундаментом служило устное народное творчество, противостоявшее церковной идеологии и письменности. Сходство историко-культурного процесса в этих областях обуславливалось общностью самого фольклорно-языкового наследия — наличием свойственной штокавскому ареалу сильной эпической традиции¹⁴.

В своем дальнейшем социально-экономическом развитии Славония все больше сближалась с центральной Хорватией, участвуя в образовании национального рынка, расширении мануфактурного производства, повышении товарности сельского хозяйства, сделала заметный шаг в развитии светского образования и культуры. Об этом свидетельствует и дальнейшая деятельность Рельковича, неизменно направленная на решение просветительских задач. Отметив в «Сатире» отсутствие грамматики и правил правописания, он сочинил «Новую славонскую и немецкую грамматику» (1767), практическую ценность которой в условиях двуязычия Военной Границы подтвердили ее второе и третье издания (1774, 1779). Выполненные Рельковичем переводы пособия по разведению овец (с немецкого, 1776) и учебника «О возникновении естественного права» (с латинского, 1795) способствовали разработке специальной (сельскохозяйственной и юридической) терминологии в рамках складывавшегося в Славонии на штокавской основе литературного языка. Релькович, писавший исключительно на родном языке, стал также зачинателем художественного перевода, оставаясь и в этом виде творчества верным избранному пути: «поучать, развлекая». Он составил по разным источникам сборник притч и афоризмов «Обо всем» (1795), издал перевод басен Эзопа (1796), подготовил перевод Федра и индийских басен «Панчатантры».

Благодаря творчеству Рельковича область, где письменность до середины XVIII в. ограничивалась конфессиональными потребностями, выдвинулась на первый план национального литературного развития. Его последователем выступил А. Благоевич (ок. 1746—1797). Будучи

Варшавский замок. Бальный зал. Арх. Д. Мердини

*А. Лебрен.
Портрет
Станислава Конарского.
1770—1782 гг.
Бронза*

*З. Фогель.
Библиотека Залуских.
Акварель*

*М. Баччарели.
Казимеж Великий, выслушивающий просьбы крестьян.
1785—1786 гг.*

*П. Крафт.
Портрет Игнация Красицкого.
Ок. 1795*

Франц Сюзерст.
Роспись актового зала Эгерского лицея.
1780

CSOKONAI
VITÉS NEMÉLY
POÉTAI MUNKÁI
KIADTA
MÁRTON JÓSEF.

II. KÖTET
ANAKREONI DALOK.
A' TAVASS.

*Титульный лист
поэтического сборника М. В. Чокони*

PANNÓNIAI
FENIKSZ

avagy

HAMVÁBÓL FEL-TAMADOTT
MAGYAR NYELV

MELLYET

IRT

D. DECSY SÁMUEL.

E' Konyvnek az ára 1. forint.

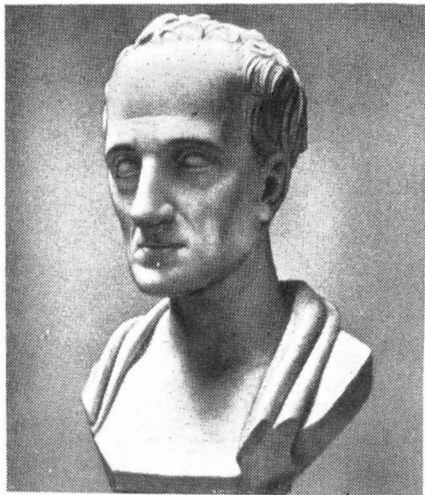

B E T S B E N

Nyomtattatott Nemes TRATTNER JANOS
TAMÁS Könyv-nyomató Műhelyében

MDCCXC

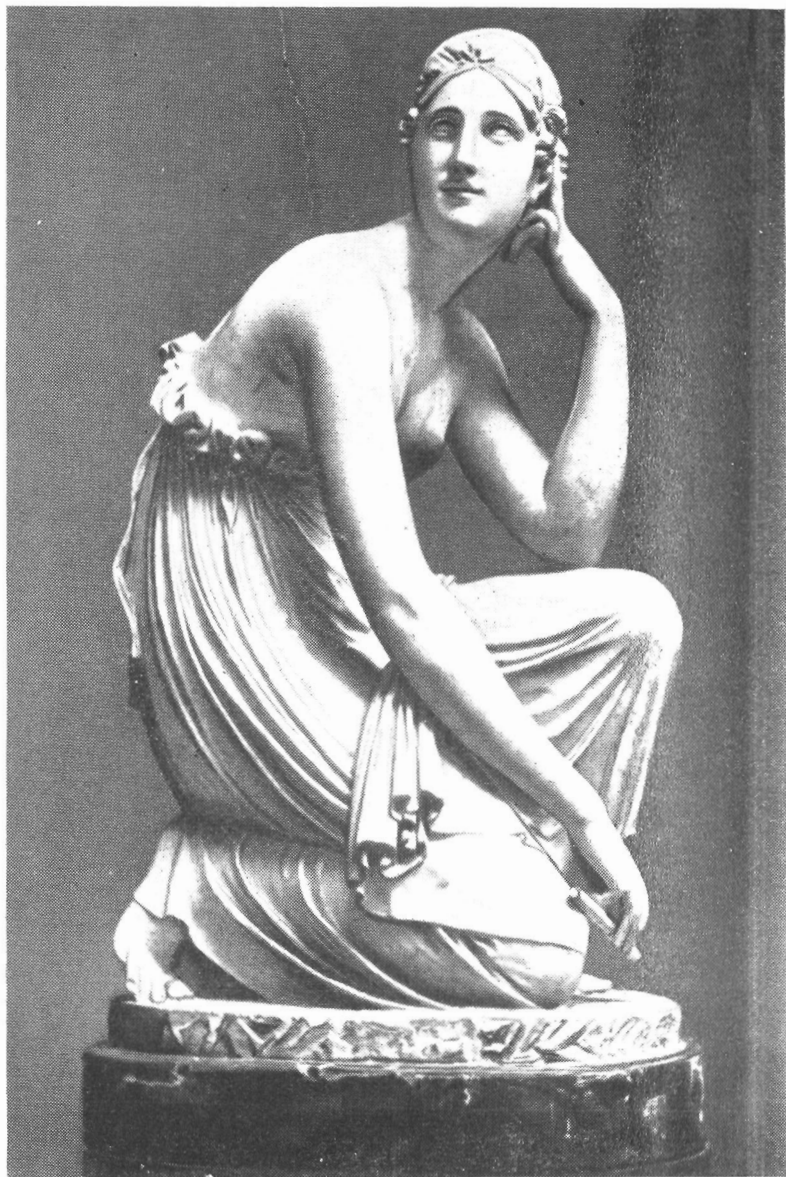
*Титульный лист
одного из первых венгерских журналов «Феникс»*

*И. Ференци.
Портрет
Ференца Казинци*

Йозеф Добровский

И. Ференци. Пастушка

*В «Чешской экспедиции» М. В. Крамериуса.
Рис. А. Кашпара*

→
*Иллюстрация к трагедии Я. Н. Штепанека «Бржетислав I».
1809*

*Й. Ридел.
Портрет
Карела Игнаца Тама*

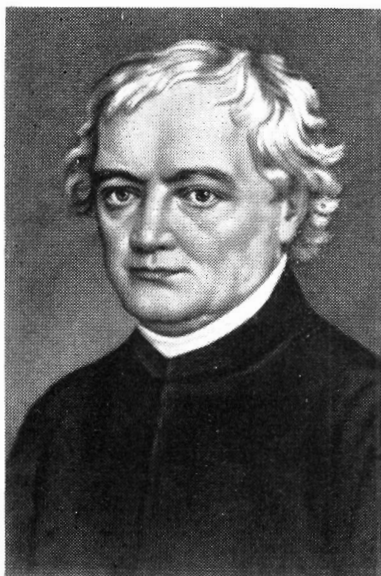

Юрай Палкович

Павел П. Шафарик

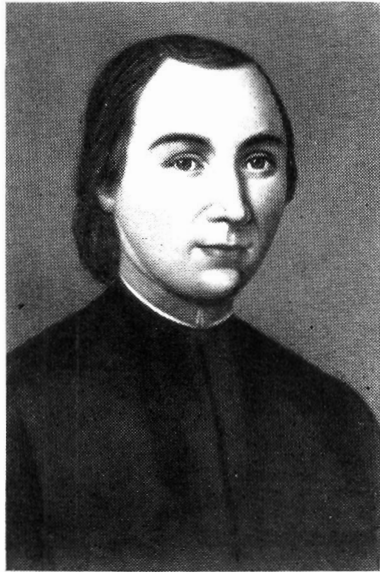

Ји Коллар

Ји Голуб

Лит. Бернолак

Юрай Фандли

*Дворец Драшковичей-Елаичей.
Вторая половина XVIII в.*

Книга записей славянского Свато-Миклашского Театра с 10 июля 1830 г.

IGROKAZ.

Izpelyan vu Zagrebu, dana 1vog^a Martiuſſa, 1802.

VU KRALEVSZKOM KONVIKTUSSU

NAZLOBA

MED

BRATMI.

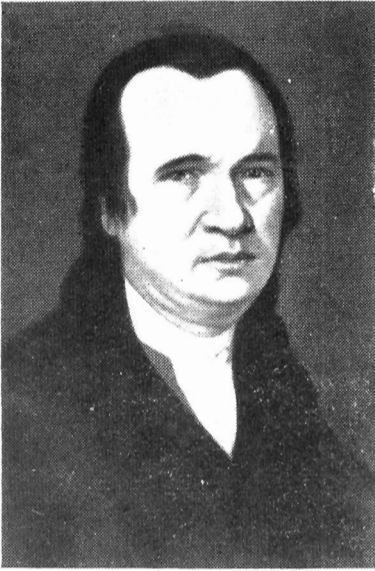
VU V. POKAZEH.

OSZOBE IGRAJUCHE;

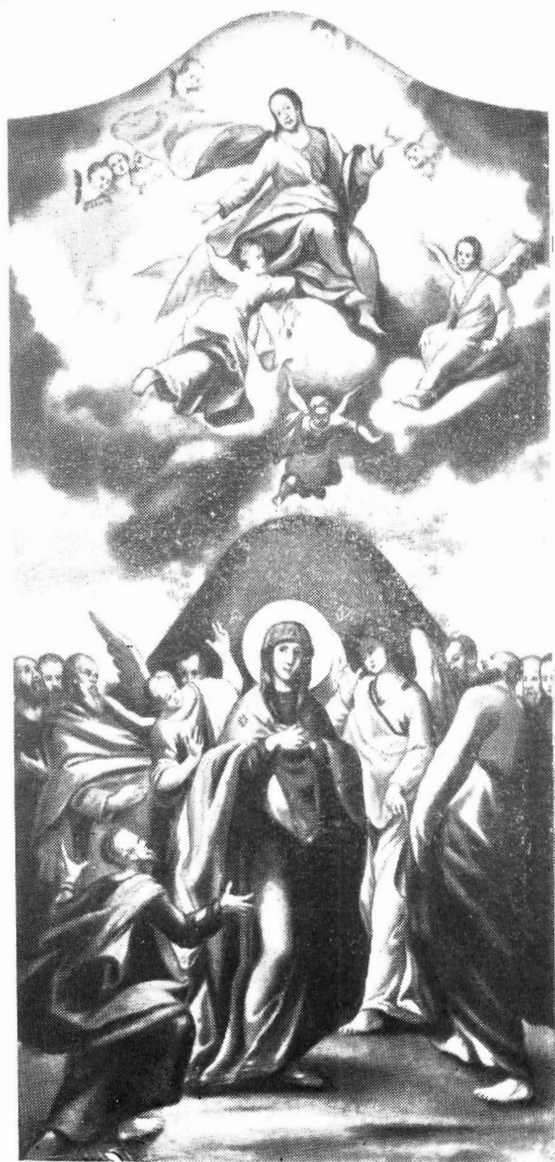
Anton Shikkich, negdaſſni Ladle Kapitan, Jofeph Shikich, Maltar pri Mofztu,	} Dvojki	. . . Joannen Kifs.
		. . . Emericus Farkas.
Miroſzlav, Jofepha Shikicha Szin		Franciſkus Raizner.
Prilizavec, Antona Shikicha Goz- podar		Antonius Czappau.
Bogudrad, Plebanus onoga meſta		Carolus Gregurich.
Mirokovich, jeden Prokurator		Jofephus Suvich.
Zrimnovich, jeden Mladi Groff.		Ludovicus Terputecz
Andras, Jof. Shikicha stari Szluga		Franciſcus Praunſperger.
Shimon, Ant. Shikicha Szluga mornar. . .		Joannes Markovich.
Savel, Chlſmarzki Detich		Stephanus Chunchich.
Jedan Apatekarzki Dechak		Ladislauſ Terputecz

*Афиша школьного спектакля Загребского конвикта.
1802 г.*

Досифей Обрадович

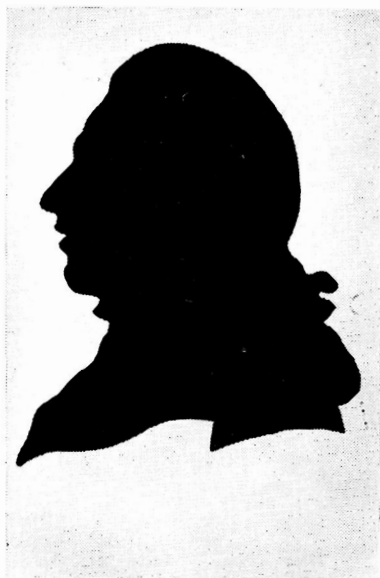

*Сигизмунд (Жига)
барон Цойс*

*Теодор Димитриевич Крачул.
Вознесение. 1780 г.*

Валентин Водник

Антон Линхарт

Матей Рашикар

*Дворец Грубера
в Любляне*

*Ф. Робба.
Фонтан с аллегориями рек Крайны. 1751 г.*

ПЕРВОЕ ОУЧЕНІЕ
ХОТЯЩЫМЪ ОУЧИТИСЯ КНИГЪ ПИ-
смены Славѣнскими, называемои.

Б У К В А Р Ъ.

Оз многими полезными ѿ потрібными

Наставленіи ми,

по которима возможно въ крат-
комъ времени ѿрока, не токмо Церко-
вныа, но ѿ Гражданскіа

Славѣнскаго Писаніа

совершенну читати обѣчати; къ прамомъ
Кѣопознанію ѿ Кѣопочитанію наставити; ѿ къ по-
натію разныхъ въ Гражданскомъ житіи нужд-
ныхъ вещей приобсѣти:

И Ж Д Н Е В Н І Е М Ъ

Г. МАРКА ФЕОДОРОВИЧА
Благара родомъ ѿзъ Разлога.

ВЪ ВЪННѢ,
при Г. СТЕФАНѢ^У НОВАКОВИЧѢ,
ѿзъ Славенно-Серпской, Валахійской ѿ Во-
сточныхъ Пзыкъѿзъ Привагег. Тѣпографіи
I 7 9 2.

Автопортрет попа Пуцко из с. Мокреш,
1796 г.

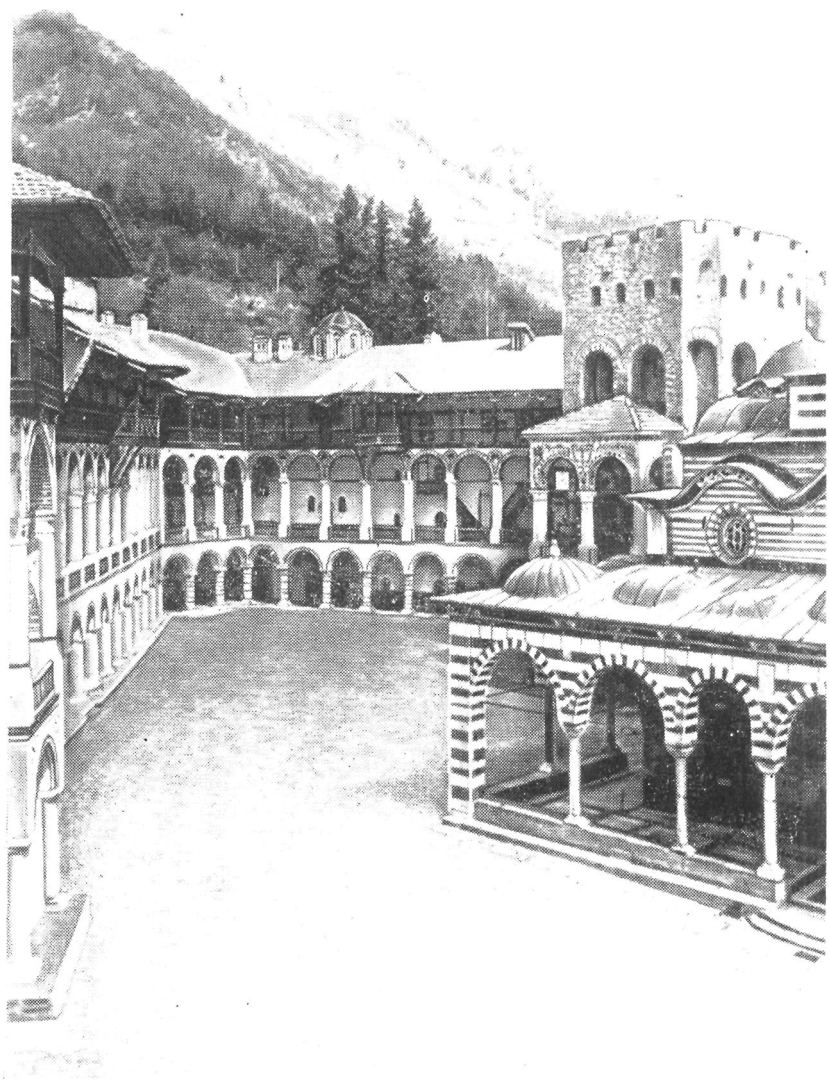
Автопортрет Софронія Врачанскаго.
 1806 г.

*Портрет Софрония Врачанского.
1812 г.*

*Рильский монастырь
Сирова башня XIV в.*

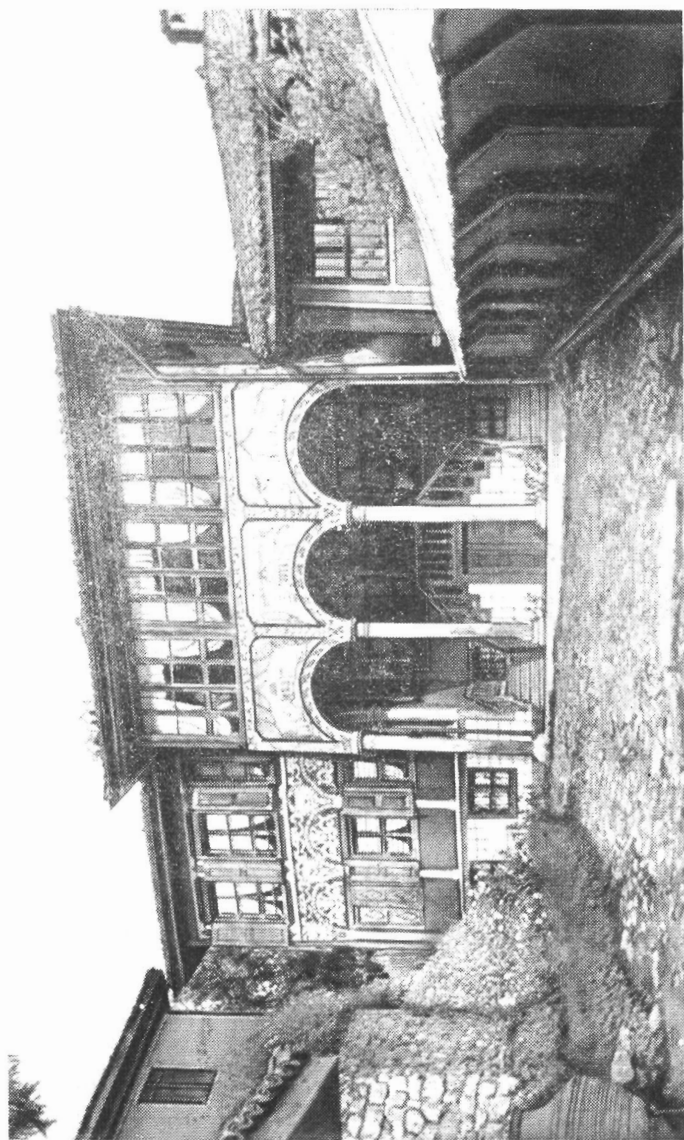

Болгарская домашняя утварь XIX в.

→
*Захарий Зограф.
Тодор Доганов и его мать Рада.
Распись стены церкви св. Богородицы
в Рильском монастыре*

На стана нубрвѣжа пшѣнжѣдѣи ѣ кѣлѣри о сѣлѣ колѣриѣ
ѣ двѣдѣлѣх. дѣтѣмъ нѣмѣи сѣо ѣ. вѣдѣ нѣлѣриѣ сѣо ѣ. двѣдѣлѣ
нѣ сѣоѣ кѣлѣриѣ. нѣлѣриѣ сѣо ѣ нѣдѣмѣ ѣдѣлѣвѣно
нѣз сѣоѣнѣ 1897.

Дом торговца Луки Ослекова в Коприштице, 1842 г.

Иисусъ говоритъ ученикамъ своимъ.

Вид Акрополя

Вид афинских домов у подножия Акрополя

служащим иллирийской, затем венгерской канцелярии в Вене, он хорошо знал положение дел в Славонии и в большой поэме «Поэт-странник, или Некоторые события до и после путешествия Иосифа II по Славонии» (1771), написанной также десятисложником, повторил описание родного края десять лет спустя после выхода в свет «Сатира». Он отметил некоторые перемены к лучшему: оживление торговли и ремесла, появление гражданских школ и светских книг, но в отличие от предшественника показал и тяжелую картину помещичьего произвола. В предисловии к переводу французского романа Г.-Ф. Куайе «Чинки, или Кохинхинские события, другим землям поучительные» (1771) он подчеркивает важность переводных книг не только для просвещения народа, но и для улучшения самого языка; развитый, нормированный язык является, как он считает, необходимым условием процветания страны.

Затрагивая в своих произведениях проблемы общественного звучания, просветители Славонии начали борьбу с феодально-клерикальным сознанием, стремились воспитать в читателе прежде всего гражданина и патриота. С этой целью они использовали демократическое наследие античной литературы (сатиры, басни), произведения европейской литературы и устное народное творчество. Опираясь в оригинальных сочинениях и переводах на народную речь и стих, они расширяли сферу распространения родного языка, разрабатывали его выразительные свойства, доказывали тем самым возможность создания литературного языка на народно-разговорной основе.

Под влиянием просветителей в религиозно-поучительной литературе Славонии оформилось течение, представители которого — иезуит А. Капичкич, священники В. Дошен и А. Иваношич, францисканец М.-П. Катанчич — ставили перед собой также общественные и художественные задачи. Потребности культурного подъема пострадавшей от османского ига родины побуждали их обратить особое внимание на темноту народных масс. В 60—70-е годы XVIII в. издается значительно больше книг для народа и в них находят отражение национально-будительские мотивы.

В. Дошен в поэме «Дхо гор» (1767) высоко оценивает М. Рельковича за нелицеприятную критику славонских обычаев, защищает писателя от нападков клеветников и невежд (поводом послужил анонимный памфлет некоего францисканского монаха против «Сатира»), сам приводит

красноречивые примеры отсталости и нищеты народа. Писатели этого круга поддерживают представления о героической эпохе славянской древности, о родстве славянских племен. «А еще страна наша зовется Славонией, Словинией, язык наш — иллирийский, словицкий, славонский . . .» по имени, взятому от «славы», ибо предки наши, назывались они славонцами или иллирийцами, в давние времена героической своей славой другие народы превозмогали и превосходили»¹⁵, — писал А. Канижлич.

Общность диалекта обусловила преемственность в Славонии южной поэтической традиции. Однако если просветители использовали опыт далматинца Качича-Мюннича в овладении народным стихом, то католические писатели восприняли и развили на местной почве художественные достижения идейно близкого им дубровницкого барокко (поэма А. Канижлича «Святая Розалия», 1780), придерживались принятой в далматинско-дубровницкой художественной поэзии версификации. Младшее поколение этих писателей усваивает на рубеже XVIII—XIX вв. принципы классицизма. М.-П. Катанчич, труды которого по античной археологии и топонимике Паннонии (на латинском языке) высоко ценились вплоть до середины XIX в., известен и как новолатинский поэт — автор од, посланий, элегий, эпиграмм (сборник «Fructus anclimnales» — «Осенние плоды», 1791). В «Кратком суждении об иллирийском стихосложении» (на латинском языке), предисловии второй части, он пытается обосновать для хорватской поэзии силлабический принцип и дает в пример несколько эклог («пастушеских бесед»). Деятели иллиризма, особенно в первые годы движения, высоко ценили литературно-языковые достижения писателей-штокавцев Славонии.

Финансовые и административные реформы 1740—1750-х годов, открывшие путь для промышленного развития наследственных земель, подрывали устои феодализма в экономике Хорватии. Более развитой частью северных хорватских земель было Приморье, где Риека (Фиуме), имея с 1717 г. статус свободного города, уже в первой половине XVIII столетия превратилась в крупнейший австрийский порт на Адриатике. В 1750 г. здесь было основано первое на хорватских землях промышленное предприятие — сахарорафинадный завод имперского значения. В Приморье появляется небольшой слой местной буржуазии. Однако вследствие долгой изоляции Приморья от остальных хорватских территорий формирова

ние национальной культуры здесь относится лишь ко второй половине XIX в.

Для центральных областей Хорватии особое значение имели аграрные реформы 1760—1770-х годов, создавшие более благоприятные условия для развития товарного хозяйства. Города Вараждин (одно время — административный центр с местопребыванием хорватского сабора), Карловац, ставший свободным городом в 1777 г., и Осиек в Славонии стали перевалочными пунктами для транзитной торговли и дали толчок формированию национальной буржуазии.

Экономический подъем и усилившиеся с середины века контакты с внешним миром способствовали изменению образа жизни господствующего класса. Земельная аристократия проводит большую часть года в городах, которые становятся средоточием общественной и культурной жизни. «Французская» мода властно меняет одежду и внешний облик горожанина, его домашний уклад и светские развлечения. Новым потребностям общества отвечает складывающаяся в городах светская культура — художественная литература, периодическая печать, театр. Ее язык — немецкий, официальная латынь остается языком администрации, науки и «ученого» общения.

Реформы и просветительский дух эпохи вызвали в Хорватии пробуждение общественно-политической мысли. Радикальным сторонником системы «просвещенного абсолютизма» выступил загребский каноник А. Крчелич (1715—1778) — ректор иезуитской коллегии в Вене, советник Марии Терезии. Убежденный в прогрессивности проводимых преобразований, он старался использовать централизаторские устремления венского правительства для объединения хорватских земель. В это время усиливается интерес к отечественной истории и литературной старине («Предварительные замечания о королевствах Далмации, Хорватии и Славонии», 1770, и рукописный труд «Очерки о писателях королевства Славонии с XIV по XVII в.» А. Крчелича на латинском языке), зарождается (на базе латинской традиции) мемуарный жанр, обретающий черты актуальной полемической литературы нового времени. «Анналы, или История с 1748 по 1767 год к сведению потомков» (на латинском языке) А. Крчелича свидетельствуют о недовольстве культурным состоянием страны, удаленной от духовных веяний современной Европы. Писатель видит главную причину отсталости Хорватии в засилье церкви, подвергает критике образова-

тельную систему иезуитов, не дающую иных знаний, кроме латыни.

Важным фактором секуляризации хорватской жизни в последней четверти XVIII в. служила реформа школы, пошатнувшая неограниченную власть церкви в области народного просвещения. Сложившаяся к тому времени образовательная система в Хорватии и Славонии включала церковноприходские школы и гимназии, принадлежавшие орденам иезуитов, паулинов и францисканцев. В 1750—1760-е годы появились первые учебники на кайкавском наречии («Арифметика хорватская», 1758 и учебник грегорианского пения, 1760, М. Шилобода). Рангу высшего учебного заведения соответствовали старшие классы (философия и теология) иезуитских коллегий в Загребе и Пожеге (Славония); последняя называлась «академией» и пользовалась правом присуждения ученых степеней.

С ликвидацией иезуитского ордена (1773) была проведена реорганизация школьного дела. На Военной Границе по «Всеобщему школьному уставу» (1774), действовавшему в австрийских наследственных землях, были основаны тривиальные (начальные), главные (с тремя классами) и нормальные (т. е. образцовые, с четвертым классом для подготовки учителей) школы с немецким языком преподавания. Хорватия, Славония и Приморье (в 1779—1787 гг. Северинская жупания) образовали загребский учебный округ в соответствии со школьным уставом 1777 г., действовавшим в землях венгерской короны. Контроль за работой учебных заведений осуществляла подчиненная сабору школьная комиссия во главе с прогрессивно настроенным Н. Шкрлецем. К 1785 г. в загребском округе было 44 начальные школы и 6 гимназий¹⁶, где значительную часть учащихся составляли дети горожан и крестьян. Сохраняя латынь в качестве языка обучения (родная речь допускалась лишь на начальной стадии), устав 1777 г. расширил преподавание естественных предметов в школах всех ступеней, способствовал стабилизации учительской профессии, положил начало изданию нормативных учебников и методических пособий, из которых многие переводились на народный язык — кайкавское наречие в Загребе и штокавское в Славонии. В 1776 г. загребская главная гимназия, дополненная философским и юридическим факультетами (по два года обучения на каждом), получила название Королевской академии наук; теологические дисциплины были переведены в семинарию. К середине 1780-х годов относится возникновение специальных учеб-

ных заведений, главным образом рисовальных школ (в Загребе, Риеке, Осиеке), сыгравших положительную роль для развития художественных ремесел.

Заметную роль в культурной жизни северных хорватов во второй половине XVIII—первой трети XIX в. играл школьный театр. Как составная часть учебной программы иезуитов и паулинов он существовал и в Пожеге (на латинском языке) и в Осиеке (где играли в основном по-немецки), но лишь в Загребе приобрел черты национального искусства. В заградской иезуитской коллегии представления на народном языке, наряду с латинскими и реже — немецкими, устраивались с 1760-х годов. Перевод Й. Зибенга с латинского трагедии французского аббата Ш. де ля Рю о древнегреческом царе Лисимахе («Лисимакуш», 1768) стал первым драматургическим текстом на кайкавском диалекте. К раннему периоду хорватского школьного театра относятся также две агиографические драмы: «Святой Бернард» К. Бедековича (1778, на латинском языке; 1815 — кайкавский перевод Й. Врачана) и первая пьеса, сочиненная на кайкавском диалекте, — «Святой Алексей» Т. Брезовачкого (1786).

В начале XIX в., в период расцвета хорватского школьного театра, с полной силой развернулся комедикографический талант Т. Брезовачкого (1757—1805). Спектакли устраивались ежегодно в заградской семинарии в 1791—1811 гг. (затем возобновились в 1826—1834 гг.), а также периодически в Дворянском конвикте, открытом в 1796 г. Здесь была поставлена его комедия «Матьяш — чародей-ученик» (1804). С помощью школяра Матьяша, якобы овладевшего тайными науками, автор разоблачает распространенные в крестьянской и ремесленной среде предрассудки, оставшиеся от средневековья верования в «чудеса», оборотней и ведьм, получение золота от нечистой силы и т. д., а также сословные пороки: невежество и пьянство ремесленников, праздность и спесь дворян. С симпатией писатель изображает крестьян, которые своим трудом всех кормят и одевают.

Пьеса Брезовачкого представляет собой переход от школьной драмы XVIII в. с ее морализацией и назидательными «примерами» к драматургии Нового времени. В образе Матьяша видны черты героя просветительской комедии, которые развиваются в следующей комедии — «Диогенеш, или Слуга двух потерянных братьев» (издана в «новой редакции» Т. Миклоушича в 1823 г.). Сентиментальная история о двух разлученных братьях сочетается

и здесь с фарсовой линией «матъяшевских» проделок, раскрывающих пороки разных сословий и чинов хорватского общества.

С конца XVIII в. театр на кайкавском диалекте развивается в условиях существования профессионального светского театра на немецком языке, имевшего в 1797—1834 гг. постоянную сцену — «Театр Амаде». Сохраняя специфику исполнения (в семинарском театре в отличие от иезуитского не было женских ролей), зрительского состава (в основном духовенство, хотя на спектаклях присутствовали также знатные люди города и родственники учащихся) и воспитательных задач (в первую очередь — религиозных), он приспособлялся к современным формам театрального искусства. На его сцене шли пьесы исключительно светского содержания, главным образом мещанские драмы, заимствованные из репертуара выступавших в Загребе австрийских трупп. Сохранилось около 40 рукописных кайкавских переработок пьес А. Коцебу, А. Иффланда, К. Эккартсгаузена и других популярных в то время авторов.

Многолетняя практика школьного театра поддерживала издательскую деятельность Т. Миклоушича (1767—1853) — последнего крупного представителя и популяризатора кайкавской литературы. Помимо сохранения литературного наследия (переиздания «Лисимакуша», «Матьяша», публикация «Диогенеша»), Миклоушич выпустил в свет литературные опыты современников, в частности, комедию М. Яндрича «Любомирович, или Истинный друг» (1821). В пьесе, которая является переработкой комедии К. Гольдони, сохранены женские роли. Следующий шаг в освобождении кайкавской драматургии от условностей школьной сцены сделал Я. Ловренчич из Вараждина, который издал комедии «Родня» (1822) по А. Коцебу и «Рок над сословием и родом» (1830) по К. Эккартсгаузену. Ловренчич ставит перед собой не только дидактические, но и патриотические задачи. Обращаясь к «возлюбленному любителю отечества», он сознательно отказывается в театре от «высокого слога», ибо рассчитывает на «простых горожан», которым пока недоступна «просвещенная речь». Себя он относит к числу «истинных патриотов», которые стремятся «возвеличить родной язык»¹⁸.

Драматургия оказалась наиболее развитой частью хорватской художественной литературы на кайкавском диалекте. При всей ограниченности сферы бытования она

способствовала развитию и общественному признанию народного языка. Постепенно в ней происходило накопление светских элементов, она раньше других видов литературного творчества обратилась к современному европейскому опыту, отражала жизнь демократических городских сословий. В дальнейшем кайкавский диалект уступил свои позиции в литературе и на сцене, но меткая, выразительная народная речь комедий Т. Брезовачкого обеспечила им постоянное место в классическом отечественном репертуаре Хорватского национального театра.

После 1790 г., наряду с усилением клерикализма (школы возвращены под надзор духовенства, восстановлены монашеские ордена), особую остроту в хорватской жизни приобрел языковой вопрос. Обеспокоенные германизаторской политикой Иосифа II, который ввел немецкий язык в качестве официального и на территории Венгерского королевства (1784), хорватские сословия пошли на сближение с венгерским дворянством. Сохранив латинский язык в качестве официального, они согласились на введение в хорватские школы венгерского — сначала как факультативного (1790), а с 1827 г. — как обязательного предмета. Потребности защиты родного наречия вызвали появление публицистики, которая была представлена не только специальными брошюрами, но и в виде «предисловий», «слов», «обращений» в других изданиях. Судьба народного языка волновала людей разных чинов и званий, подчас весьма далеких от литературы. Так, карловацкий экономист Й. Шипуш в предисловии к книге «Основа хлебной торговли» (1796) подчеркивал, что отсутствие у хорватов нормированного языка сдерживает их развитие. Путь к созданию единого языка для хорватов, словенцев и далматинцев он видел в избрании одного диалекта, правила произношения и письма которого стали бы обязательными для всех. Будущий участник иллиризма каноник А. Миханович в брошюре «Слово Отечеству о пользе письма на родном языке» (1815) аргументирует преимущества живых языков над мертвыми, а родного — над чужим как в приобретении практических знаний, так и в научной, литературной деятельности. В конце XVIII — первых десятилетиях XIX в. предпринимаются попытки создания некоторых институтов национальной культуры: университета и национального музея с библиотекой на базе загребской Королевской академии (библиотека стала в 1818 г. публичной), издания хорватской газеты (пропе-

ния 1792, 1814, 1818 гг.), собрания памятников народного творчества.

Литературное творчество развивается в основном в религиозно-дидактическом $\frac{3}{4}$ направлении. В поддержании национальных чувств у широких слоев народа определенную роль сыграли календари, выходявшие на кайкавском диалекте с 1780-х годов, а на штокавском (для славонцев) — с первого десятилетия XIX в. Одной из главных своих задач составители «дневников» считали пропаганду родного языка; именно «любовь к родине и желание возвеличить родной язык» побудили Т. Миклоушича к изданию «Столетнего календаря» (1819)¹⁹. Помимо «полезного» содержания (сведения по астрономии, прогноз погоды, распорядок полевых и домашних работ, советы по уходу за скотом и пр.), в каждом календаре имелось приложение для «приятного чтения». Представленные в нем поэзия и проза отражают общее состояние кайкавской литературы того времени. Календарная проза не выходит за рамки церковно-проповеднической литературы (рассказы о фантастических приключениях монахов, о вероотступниках, раскаявшихся грешниках и всякого рода «чудесах»). В стихотворениях чаще всего варьируются барочные мотивы суетного света, переменчивости судьбы и равенства всех в загробной жизни. Лишь в 1820-е годы стали появляться вольные переводы сентиментальных повестей из немецких календарей.

В жанре развлекательно-поучительной «книги для народа» создано и «Собрание разных вещей, служащих к пользе и увеселению» (1821) Т. Миклоушича — единственное крупное произведение в прозе на кайкавском диалекте. Автор знакомит читателей с древнейшей историей хорватов и всех славян, которых считает потомками иллирийцев; наивная этимология славян и Славонии от «славы», а не латинского «склаво» служит не только возвеличению предков, но и защите национального достоинства. Говоря о «типографиях, писателях и книгах державы хорватской», Миклоушич восхваляет быстрый ум и разнообразные таланты предков, называет старопечатные хорватские книги. В его справочнике писателей преобладают кайкавцы, хотя есть и дубровчане, далматинцы, славонцы.

Ограниченность литературной продукции и малочисленность читающей публики убеждали дальновидных представителей кайкавской письменности в слабости родного наречия, его неспособности обеспечить культурную

жизнь складывавшейся нации. «Загребское наречие само по себе слишком бедно и неприспособлено, чтобы самому, без помощи других, стать когда-либо литературным языком», — писал переводчик вольтеровской «Генриады» (1826) Ф. Штрехе²⁰. Поскольку Хорватия в экономическом и административном отношении (включая и церковное управление) была связана со Славонией, то в первую очередь были предприняты попытки сближения кайкавского наречия со славонским говором штокавского диалекта. Эта тенденция встретила ожесточенное сопротивление Т. Миклоушича, усмотревшего угрозу для родного наречия, которое он считал «исконно хорватским».

Наиболее радикальную реформу кайкавского письма предложил будущий глава иллирийского движения Л. Гай в «Краткой основе хорвато-славянского правописания» (1830). Исходя из опыта современных славянских языков, он предлагает отказаться от лишних букв, не отвечающих хорватским звукам, и ввести для обозначения шипящих и мягких согласных диакритические знаки. В начале 30-х годов проблема литературного языка выходит на первый план и в политических сочинениях — программных документах иллиризма. И. Деркос в брошюре «Гений Отечества над спящими своими сыновьями» (на латинском языке, 1832) и Я. Драшкович в «Диссертации» (на штокавском диалекте, 1832) призывают во имя объединения принять в качестве основы общехорватского литературного языка штокавский диалект как самый распространенный и обладающий художественной традицией.

С 80-х годов XVIII в. в складывающемся хорватском обществе утверждаются новые формы музыкальной и художественной жизни. Проживающие в хорватских городах немецкие и чешские хористы с участием хорватов-любителей исполняют для публики крупные хоровые сочинения (реквиемы, мессы), дают уроки музыки в богатых семьях, выполняют обработку музыкальных произведений (оркестровка и пр.). Все чаще в Загребе, Карловаце, Вараждине гастролируют итальянские оперные труппы, музыкальные спектакли («зингшпили») идут также на сцене загребского немецкого театра. С образованием в 1827 г. музыкальных обществ в Загребе и Вараждине устраиваются первые публичные концерты инструментальной и оркестровой музыки, открываются музыкальные школы.

Меняется облик северохорватских городов. Наряду с церковно-монастырскими и крепостными постройками

XVII—XVIII вв. все большее место в городском пейзаже занимают гражданские объекты. Часть средств для возведения общественных зданий поступает из фондов упраздненных орденов. Частные дома знати приобретают парадный вид, приспособляются для светских дворянских увеселений (театральные спектакли, балы-маскарады, музыкальные и танцевальные вечера). Как и в других хорватских землях, барокко до конца столетия остается главным стилиобразующим фактором в зодчестве и особенно культовой живописи, но при этом скромные, непритязательные формы предшествующего периода образуют обилием декоративных элементов — лепнины, пластики, резьбы по дереву, чугунного литья (дворец Оршичей-Раухов в Загребе). Новые классицистские веяния раньше сказываются в произведениях художественного ремесла (часы, подсвечники и другие предметы интерьера в стиле ампир появляются почти одновременно с европейскими), а также в планировке парков (английский парк епископской резиденции при М. Врховаце).

Хорватская живопись этого периода, при относительно высоком по качеству импорте произведений искусства из Австрии, представлена художниками скромного дарования, большей частью анонимными. Важным сдвигом в развитии изобразительного искусства в северных землях было появление в первые десятилетия XIX в., наряду с традиционными заказчиками — католической церковью и дворянством, — представителей национальной буржуазии, все более укрепляющей свои экономические и общественные позиции. Недостаточно сильные, чтобы в целом определять развитие архитектуры, живописи, скульптуры, представители бюргерства своими заказами оставили след лишь в бытовом и портретном жанре. Потребности третьего сословия в предметах искусства обслуживали в первую очередь заезжие мастера (австрийские немцы), многие из которых подолгу работали и затем оседали в хорватских городах (портреты вараждинского торговца В. Гортана и его жены работы А. Келлера). В начале 30-х годов появляются местные художники, получившие профессиональные навыки будучи подмастерьями, а также в рисовальных школах. По своему социальному положению они принадлежали к сословию ремесленников и, как правило, совмещали занятия живописью с выполнением культовых заказов или малярных работ. Недостаток художественного образования компенсировался природным талантом, что придавало их творчеству само-

бытную, «наивную» манеру (Ф. Хамерлич из г. Карловац — учитель В. Караса).

Для хорватов вторая половина XVIII—первая треть XIX в. — переломный период, по которому проходит водораздел между культурой феодальной эпохи и национальной культурой буржуазного общества. Несмотря на сохранявшуюся в течение всего рассматриваемого периода региональную раздробленность, историко-культурный процесс в хорватских землях имел общие тенденции: секуляризация литературного и художественного творчества, овладение современным опытом европейской культуры, обращение к отечественному народно-поэтическому и литературно-художественному наследию. Представители хорватской культуры (за исключением Дубровника) в той или иной степени стали осознавать историческое отставание своего народа, отмечая неудовлетворительное состояние его письменного языка и определяя пути преодоления его диалектной раздробленности. Укрепляющиеся при переходе к буржуазным отношениям экономические связи содействовали более интенсивному обмену культурными ценностями в пределах всей национальной территории. Сближение региональных культур в этот период шло в направлении от более богатых традициями южных областей (Далмация и Дубровник) к северу — Хорватии и Славонии. Важным моментом эволюции культурного сознания было включение далматинско-дубровницкой литературы XV—первой трети XVIII в. в фонд общехорватского культурного наследия. Таковым постепенно стал осознаваться и героический эпос, отсутствовавший в кайкавской диалектной сфере. В первой трети XIX в. намечается смещение культурных центров на север: Загреб как центр национальной консолидации хорватов становится к началу 30-х годов средоточием общественной и культурной жизни. Затем он выступает главным организатором национального культурного сотрудничества, центром формирования единой национальной культуры.

¹ *Grafenauer B.* Hrvati: Ime // Enciklopedija Jugoslavije. T. 4. Zagreb, 1968—1969. S. 37.

² *Голенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI веков. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

³ *Marković Z.* Rudje Bošković. Knj. I, II. Zagreb, 1961.

⁴ *Kombol M.* Povijest hrvatske knjižvnosti do preporoda. Zagreb, 1961. S. 340.

- ⁵ Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 182—183.
- ⁶ Grabovac F. Cvit razgovora naroda i jezika iliričkoga aliti rvackoga. Zagreb, 1951. S. 199, 206. (Stari pisci hrvatski; Knj. 30).
- ⁷ Kačić-Mlošić A. Razgovor ugodni naroda slovinskoga. Zagreb, 1956. S. 27, 30.
- ⁸ Karaman Lj. Pregled umjetnosti u Dalmaciji. Zagreb, 1952.
- ⁹ Fisković C. Ignacije Macanović i njegov krug // Prilozi povijesti umjetnosti u Dalmaciji. Split, 1955.
- ¹⁰ Prijatelj K. Umjetnost XVII i XVIII stoljeća u Dalmaciji. Zagreb, 1956.
- ¹¹ Appendini F. M. Noticije istorico-critiche sulle antichità storia e letteratura de' Ragusei. Knj. I, II. Ragusa, 1803. S. 214.
- ¹² Andreis J. Povijest hrvatske glazbe. Zagreb, 1974. S. 123.
- ¹³ Reljković M. A. Djela. Zagreb, 1916. S. 16. (Stari pisci hrvatski; Knj. 23).
- ¹⁴ Крауцое Н. И. Сербскохорватский эпос. М.: Наука, 1985.
- ¹⁵ Pjesme A. Kanižlića, A. Ivanošića, P. M. Katančića. Zagreb, 1940. S. 27. (Stari pisci hrvatski; Knj. 26).
- ¹⁶ Cuvaj A. Gradja za povijest školstva kraljevina Hrvatske i Slavonije od najstarijih vremena do danas. Sv. I, II. Zagreb, 1910.
- ¹⁷ Baltić N. Povijest hrvatskoga kazališta. Zagreb, 1978.
- ¹⁸ Lovrenčić A. Rodbinsztvo. Varaždin, 1822.
- ¹⁹ Mikloušić T. Stoletni kalendar. Zagreb, 1819.
- ²⁰ Strehe F. «Predgovor» iz «Henrijade» // Gradja za povijest književnosti hrvatske. Knj. XII. Zagreb, 1933. S. 211.

Сербская культура

XVIII в. в истории сербского народа знаменовался существенными сдвигами в общественно-экономическом развитии, зарождением капитализма в недрах феодальной формации и складыванием нации. Составной частью этих процессов было формирование сербской культуры нового исторического типа. Хотя перемены в духовной жизни сербов наметились ранее, с 80-х годов XVIII в. они стали особенно заметными. Период с начала 80-х годов XVIII в. до Первого сербского восстания 1804—1813 гг. был стадией Просвещения в развитии сербской национальной культуры¹.

Во второй половине XVIII в. сербы населяли земли, которые входили в состав Австрийской монархии, Османской империи и Венецианской республики. На протяжении веков народ подвергался чужеземному угнетению. В разных землях были неодинаковыми уровень экономического развития, классовая структура общества, положение сербов в составе соответствующих государств, условия общественной жизни и состояние культуры.

Более благоприятные условия для социального, культурного развития сербов сложились в Австрийской монархии, куда масса сербского населения переселилась с Балкан в 1690 г., получив при этом определенные «привилегии». Однако Габсбурги, стремясь укрепить свое господство, свели их в конечном итоге к ограниченной церковно-школьной автономии. В силу более высокого уровня общественной жизни сербов в Австрийской монархии, нежели в Балканах, а также относительной близости к Западной Европе, переживавшей «век Просвещения», новые явления в культуре зародились и развились первоначально у сербов под властью² Габсбургов.

Во второй половине XVIII в. в Австрийской монархии заметно³ окрепла сербская буржуазия, разбогатевшая на торговле между Австрией и Турцией, между Западом и Востоком. Зажиточные торговцы активно участвовали

в городской жизни, выступали основателями школ, покровительствовали искусству. Важной чертой развития сербской буржуазии в габсбургском государстве были ее тесные связи, деловые, личные и родственные, с торговцами в Сербии.

Началось складывание в особый социальный слой немногочисленной сербской интеллигенции. Обучаясь в протестантских лицеях, учебных заведениях Вены, а также в университетах Юго-Западной Германии с их свободомыслием, сербская интеллигенция в Австрийской монархии отличалась высоким образовательным уровнем. Она становилась важным фактором общественной жизни своего народа.

Особенностью социальной структуры сербов была малочисленность дворянства в их среде в Австрийской монархии и полное его отсутствие в землях под властью Порты. Зато огромным влиянием пользовалась у сербов в габсбургском государстве православная церковь, она была одним из оплотов феодализма. В то же время в условиях национального угнетения Карловицкая митрополия выступала формой общественно-политической организации православного населения, осуществляя его ограниченную автономию. На Балканах, где во главе православной церкви стояло греческое фанариотское духовенство, сербские сельские священники по образу жизни были близки к крестьянству ².

Особенности политического положения и социального развития сербов оказали влияние на культурный процесс.

В первые десятилетия XVIII в. у сербов в Воеводине * так называемая профессиональная культура носила по преимуществу церковный характер. Она отвечала задаче идеологического воздействия православной церкви на традиционное общество. Сербская литература, создававшаяся здесь, существовала в рукописном виде. Ее составляли главным образом богослужебные и проповеднические сочинения. В этих условиях важную роль играли русские печатные книги, церковные и светские, особенно учебники. Они были источниками знаний и опорой в деле сохранения этнической индивидуальности сербов. Широкое воздействие на массовое сознание оказывала церковная живопись ³.

* Так с 1848 г. именовался комплекс исторических областей на юго-востоке Австрийской империи — Бачка, Бараня, Банат и Срем.

На Балканах в условиях произвола, грабежей и насилий османов церковная культура с ее культом средневековой сербской государственности теплилась в старых разграбленных монастырях и редких действующих церквях. И в Далмации под венецианской властью ее очагами также были православные монастыри и сельские церкви.

Но был и другой социальный слой культуры — народный. В противовес письменности, которая у сербов в результате турецкого нашествия в течение веков находилась в упадке, устное народное творчество развивалось в идейном и художественном отношении. Это объяснялось отсутствием на Балканах сербской аристократической культуры, консервацией здесь патриархальных устоев жизни, удаленностью от центров Запада и Востока с их культурными влияниями, и, как следствие всего этого, — живучестью идеалов героического эпоса. Сербский фольклор отличался богатством и свежестью народного языка, выразительностью образной системы, высокой художественностью⁴. В первой половине XVIII в. в связи с австро-турецкими войнами шло массовое переселение народа, а вместе с ним и наиболее известных певцов-сказателей из турецких провинций в Срем⁵. Это способствовало оживлению фольклорной среды в Воеводине.

Фольклорные произведения бытовали не только в простом народе, но и среди сельских священников, монахов, учителей. А. Пишчевич, сын сербского писателя и офицера, переехавшего в Россию, вспоминал, как в 1783 г. в Шклове он оказался в обществе сербов, среди которых был монах, прибывший из Австрийской монархии. Собравшиеся пели сербские песни, «к которым присовокупил монах одну весьма жалостную о падении Сербского царства и рассказывал сие происшествие так, как будто бы он сам был оному очевидцем»⁶. Фольклор содействовал сохранению в памяти сербов их истории. Народные эпические песни легли в основу рукописного прозаического сказания о Косовской битве, известного как «Житие князя Лазаря», и Трionoшской летописи. Фольклорная традиция стихийно пронизывала письменную литературу сербов.

40—70-е годы были временем вызревания глубоких перемен в сербской культуре. С 1741 г., когда появилась первая светская печатная книга, созданная в Воеводине, по 1780 г. сербская печатная продукция, включая оригинальные и переводные сочинения, составила 135 книг не только церковного, но и светского содержания⁷.

Крупной личностью той поры был Захария Стефанович Орфелин (1726—1785). Учитель, а затем чиновник при церковных сановниках, он был человеком разносторонних интересов. З. Орфелин выступил зачинателем разных видов культурной деятельности у сербов, был поэтом, историком, рисовальщиком, гравером по меди, каллиграфом, педагогом, журналистом, популяризатором естественнонаучных знаний⁸.

Орфелин написал несколько поэтических сочинений, в том числе «Плач Сербии» (Венеция, 1762—1763). Он издал один выпуск первого на славянском юге журнала «Славено-сербский магазин» (Венеция, 1768) и положил начало выходу сербских календарей. Орфелин был первым сербом, опубликовавшим ряд учебных книг. Но его главным трудом была знаменитая двухтомная «История о житии и славных делах великого государя императора Петра Первого» (Венеция, 1772). Свои основные произведения он издал анонимно. В этом проявилась недостаточная смелость автора и его зависимость от церковных кругов.

З. Орфелин впервые в сербских условиях выразил идею светской культуры, рационалистический принцип «общей пользы» как основы деятельности. В «Представлении Марии Терезии» (1778), не предназначавшемся для печати, он, поддерживая церковную политику императрицы, подверг резкой критике положение в православной церкви и образ жизни высшего духовенства. Идеи Орфелина имели значение в истории развития общественной мысли сербов, но тогда они не стали фактором социальной жизни.

С именем Орфелина связаны первые публикации литературных произведений на народном сербском языке. В середине XVIII в. у сербов функционировали три типа литературного языка: язык светской русской литературы XVIII в., церковнославянский язык русской редакции и народный сербский⁹. На практике они обычно в чистом виде не выступали. Определяющее значение в литературно-языковом развитии сербов имели русский литературный и церковнославянский языки. З. Орфелин ощутил необходимость языковых перемен в сербской литературе как потребность разных «стилей» для различных литературных жанров. Он же положил начало переходу к гражданскому шрифту в печати, введенному в России Петром I.

В середине XVIII в. наметилось оживление сербской литературы. Социально-экономические сдвиги, зарождение нового мироощущения в сочетании с европейским

влиянием дали толчок развитию светской литературы, появлению в ней новых жанров. Освоение ею формы романа связано с именем Павла Юлинца, серба по происхождению, находившегося на русской дипломатической службе. Человек с тонким литературным вкусом, он перевел на церковнославянский язык (Вена, 1777) философско-исторический роман французского писателя Ж. Ф. Мармонтеля «Велизарий» (1767). Это было первое обращение сербов к западноевропейской художественной литературе. Правда, Юлинец из-за строгости австрийской цензуры исключил из романа XV главу о веротерпимости, за которую в свое время автор подвергся преследованию Сорбонны, и использовал при издании церковную азбуку. Роман пользовался у сербов большим успехом¹⁰. Это было свидетельством формирования у сербских читателей нового литературного вкуса.

Слабая попытка светского поэтического творчества была предпринята патриаршим секретарем П. Ненадовичем в «Стематографии» (1744). Значительная роль в развитии поэтических жанров принадлежала З. Орфелину. Он ввел в сербскую литературу оду, типичную для классицизма, сонет, эпиграмму. Они были заимствованы из русских источников.

Зарождалась поучительно-моралистическая литература. В 1777 г. в Вене вышло «Руководство к честности и правости», переведенное с немецкого на церковнославянский язык А. Деметровичем Секерешем. Оно неоднократно переиздавалось в дальнейшем.

Светская тема проникла и в сербскую живопись, получив выражение прежде всего в портрете. Отход от средневековых традиций и восприятие барокко были характерны для южнославянского графика Х. Жефаровича, художников Н. Нешковича, Т. Крачуна, Т. Илича Чешляра, Ст. Тенецки и других. Черты барокко окрасили и церковную живопись.

Наметившиеся изменения в общественном сознании проявились также в пробуждении интереса к истории сербов. В 1765 г. П. Юлинец издал «Краткое введение в историю происхождения славено-сербского народа» с целью утверждения прошлого сербов.

Все эти культурные явления стали предвестником Просвещения.

Последние десятилетия XVIII в. в культурном развитии сербов были отмечены принципиальными и необратимыми сдвигами в творческой сфере, складыванием обще-

национальных форм распространения достижений общественной мысли и художественной практики, появлением новых черт в рядовом сознании, правда, пока только образованных слоев населения. Свидетельством культурного подъема сербов был выпуск печатной продукции. В период с 1780 по 1800 г. вышло более 250 сербских книг, преимущественно светских, из них 187 — в последнее десятилетие XVIII в., что составило почти половину всех изданий этого столетия¹¹.

Культура формировавшегося капиталистического общества характеризовалась прежде всего новым классовым содержанием. Важнейшим его показателем на стадии Просвещения было начавшееся оформление буржуазного мировоззрения как системы. Однако при исторически возрастающей роли в национальной культуре буржуазного фонда она включала также народный социальный слой, в котором выражались стремления, чаяния и нравственный идеал трудящихся масс. Под влиянием капитализма наметились изменения и в церковной культуре.

Центральной фигурой сербского Просвещения и одной из наиболее значительных личностей в истории сербской культуры в целом был Досифей Обрадович, мыслитель, писатель, педагог¹².

Димитрие Обрадович (ок. 1740—1811), в монашестве Досифей, вырос в селе Чаково * (Банат) в семье скорняка и мелкого торговца. Рано осиротев, он учился ремеслу, затем был монахом. Однако проснувшаяся жажда знаний побудила его в 1760 г. бежать из монастыря. Сняв монашескую одежду, Обрадович слушал лекции в лучших германских университетах Галле и Лейпцига. Он долго жил в Вене, Париже и Лондоне, получая средства частными уроками и распродажей своих книг. Благодаря настойчивости, неустанному труду и неодолимой тяге к знаниям Обрадович достиг европейского уровня образованности. Он не был связан государственной или церковной службой, и это обеспечило ему свободу действий и творчества.

Во время Первого сербского восстания, положившего начало ликвидации феодальных отношений в Сербии и ее освобождению от османского ига, Обрадович переехал в Белград. Здесь он был членом Правительствующего совета, содействовал укреплению русско-сербского во-

* Теперь в составе Румынии.

енно-политического союза и закладывал основы новой культуры.

Убеждения Д. Обрадовича сформировались на основе достижений сербской общественной мысли, под влиянием русской духовной жизни и западноевропейского Просвещения. Социальные корни мировоззрения Обрадовича были связаны с интересами буржуазии и отчасти крестьянства. Он прошел сложный путь идейного развития, от монашеского аскетизма до философии Просвещения, все глубже проникаясь интересами широких слоев народа. Его переезд в Белград был свидетельством принятия им на склоне жизни сербской революции. Предпосылкой этого был демократизм его убеждений.

Д. Обрадович впервые выступил в печати в 1783 г. как убежденный сторонник идей Просвещения. В Лейпциге он издал свои важнейшие сочинения: «Письмо Харалампию», где сформулировал программу литературно-просветительской деятельности, «Жизнь и приключения Димитрия Обрадовича, нареченного в монашестве Досифеем, им самим написанные и изданные» (Ч. I—1783, Ч. II—1788), «Советы здравого разума» (1784) и «Басни» (1788). В Вене в 1793 г. вышла его книга «Собрание разных правоучительных вещей на пользу и увеселение», в 1803 г. в Венеции — «Этика». После смерти Обрадовича его ученик П. Соларич издал подготовленную писателем в 1806 г. вторую часть «Собрания» под названием «Мезимац» * (Буда, 1818).

Хотя необходимость обновления культуры ощутил еще З. Орфелин, первым среди сербов осознал актуальные задачи в этой области и на практике решил или наметил их решение Д. Обрадович. Еще при жизни писателя влияние его личности испытали наиболее образованные сербы. Ближайшим соратником Обрадовича был Павле Соларич, писатель и популяризатор естественнонаучных знаний. Единомышленниками Обрадовича были Атанасие Стойкович (1773—1832), ученый, один из лучших поэтов сербского классицизма, видный прозаик; Йован Мушкаирович (1743—1809), первый серб-адвокат, человек широких литературных интересов, собиратель и издатель сербского фольклора. Идеиную близость к Обрадовичу проявлял Эмануел Янкович (1758—1791), в круг интересов которого входили медицина, физика, философия, логика, история, литература, издательское дело, театр,

* В переводе с сербского — младший, любимый сын.

изобразительное искусство, музыка. Под влиянием взглядов Обрадовича развивалось творчество художников Стефана Гавриловича и Арсение Теодоровича (ок. 1768—1826). Произведения Обрадовича намного пережили писателя и получили известность у других народов.

Представители сербского Просвещения выступали носителями буржуазного сознания с большей или меньшей долей демократизма¹³. Буржуазный характер их убеждений проявлялся прежде всего в освоении ими в соответствии с потребностями национального развития идей западноевропейского Просвещения. Это касалось в первую очередь рационализма. Критическая философия в сербских условиях была призвана обосновать подход новых общественных сил к феодальным порядкам и освящавшей их православной церкви как к институтам, противным «здравому разуму», вдохновляла на борьбу против национального угнетения.

Философские взгляды деятелей сербского Просвещения были эклектичными. Они стояли на позиции деизма — примирения разума и веры. Составной частью философии свободной мысли были новые этические нормы. Обрадович выдвинул принцип «общей пользы» как мерило нравственности.

С позиции рационализма представители Просвещения подвергли критике православную церковь и существующую религию. Центральное место в просветительской деятельности Д. Обрадовича, Й. Мушкатиновича, Э. Янковича, А. Стойковича занимала борьба против суеверия, предрассудков и невежества.

Теоретической основой социологических взглядов Д. Обрадовича выступала «естественно-правовая» доктрина. Она была направлена против феодальных привилегий, конфессиональных гонений и национальной приниженности. В политическом отношении сербские мыслители были сторонниками «просвещенного» абсолютизма. У Обрадовича эта позиция сочеталась с идеей ограничения монархизма «твердыми» законами. Подобно другим представителям Просвещения в Австрийской монархии Д. Обрадович, Й. Мушкатинович, Э. Янкович поддерживали политику Иосифа II. От них оставалась скрытой ее противоречивость: наличие в ней буржуазных тенденций заслоняло ее направленность на сохранение феодализма и утверждение господства Габсбургов над подвластными народами.

Д. Обрадович первым из сербских мыслителей обратил

внимание на социальную сторону действительности. Всеми помыслами и деятельностью он был повернут к крестьянству. «Я долгое время жил среди крестьян, да и мои прародители со стороны отца и матери были крестьяне, — писал он, — поэтому они для меня родные, милые и дорогие, и я стремлюсь, насколько могу, быть им полезным»¹⁴. В этих словах проявился демократизм замечательного просветителя, его гордость принадлежностью к простому народу и горячее участие в его судьбе. Однако Обрадович был еще далек от понимания существа социальной проблемы, сводя все к вопросам развития морали и повышения нравственности. Путь к ее решению крестьянство в Сербии на практике показало в ходе всенародного восстания 1804—1813 гг.

Труды и деятельность передовых представителей культуры были проникнуты национальным самосознанием. В 1787 г. в предисловии к переводу комедии К. Гольдони «Торговцы» Э. Янкович, мотивируя выбор сербского, а не церковнославянского языка для перевода, писал: «... Я не славянин, а серб, и пишу не для славян, а для сербов»¹⁵. Национальное самосознание становилось фактором развития сербской культуры на народном языке.

Д. Обрадович выдвинул идею национальной свободы. Думая об освобождении сербов от османского ига, он полагался при этом на внешнеполитическую активность Австрии и России. Когда началось Первое сербское восстание, Обрадович связал дело ликвидации османского господства уже с действиями самого народа. Истинного союзника самостоятельной Сербии он видел в лице России.

В центре внимания Д. Обрадовича было развитие сербской национальной культуры. Он дал теоретическое обоснование насущных проблем культурного развития и наметил конкретные пути их решения. Программа Д. Обрадовича состояла в освобождении культуры от церковной опеки и ее развитии на светских началах, отказе от разноязычия в литературе и переходе ее на народный язык, ориентации культуры на широкие слои народа. Эта программа была призвана стать идеологическим оружием новых общественных сил в борьбе за переустройство жизни на «разумных» началах.

Прогрессивная сербская общественная мысль, прежде всего система взглядов Д. Обрадовича, сочетала умеренность философского и теоретико-политического осмысления действительности и демократизм в постановке вопросов развития национальной культуры. Это объяснялось усло-

виями жизни сербов в Австрийской монархии и влиянием более напряженной ситуации на Балканах.

С новым миропониманием было связано начавшееся отделение научного мышления от теологического. Деятели Просвещения придавали исключительное значение развитию науки, считая ее основой благоденствия народа.

Со второй половины XVIII в. у сербов стали развиваться естественнонаучные знания. Начало научным публикациям положил Орфелин, поместив в «Вечном календаре» (Вена, 1783) переводную заметку «О создании мира». В 1787 г. в Лейпциге вышло «Физическое сочинение» Э. Янковича, кандидата медицины, члена Галльского научного общества. Труд Янковича был написан на сербском языке.

В области естественных наук работал и А. Стойкович, закончивший знаменитый Геттингенский университет. Он был членом Йенского общества естествоиспытателей и Чешского ученого общества. Стойкович поддерживал связи со многими видными учеными и писателями, в том числе с Добровским, Шлёцером и др. В 1801—1803 гг. он выпустил три тома «Физики» на народном языке. Это дало основание Обрадовичу назвать его в письме «рода своего просветителем»¹⁶. В 1803 г. Стойкович был избран профессором физики Харьковского университета и переехал в Россию.

В 1804 г. в Венеции П. Соларич, опираясь на европейскую научную литературу, выпустил «Новое гражданское землеописание». К этому изданию был причастен и Обрадович.

На стадии Просвещения естественнонаучные знания у сербов представляли собой не только заимствования из западноевропейской науки, но и самостоятельное осмысление природных процессов.

Общественная потребность осознания своей этнической индивидуальности, исторического прошлого в связи со складыванием сербской нации вызвала к жизни ряд исторических сочинений. Крупнейшим среди них был четырехтомный труд Й. Раича (1726—1801) «История разных славенских народов наипаче Болгар, Хорватов и Сербов» (Вена, 1794—1795). Архимандрит — непререкаемый авторитет в области православия у сербов — Раич был церковным писателем, историографом и одним из наиболее значительных сербских поэтов XVIII в.

Труд Й. Раича представлял первое систематизированное сочинение, в котором раскрывалось прошлое не только

сербов, но и соседних с ними славянских народов¹⁷. Раич не имел твердых исторических знаний, концепции и не владел критическим методом. Но он преодолел феодально-церковный провиденциализм, который объяснял исторические явления божественным промыслом, и рассматривал их как следствие определенных внешних и внутренних причин. Раич воспринимал человеческое общество как органическое целое. С помощью исторического материала он пытался привлечь общественное внимание к судьбам сербского народа, пробудить в нем патриотические чувства и уверенность в будущем.

Труд Раича, проникнутый сознанием величия сербского прошлого, оказал большое влияние на сербов. Он стал главным источником исторических знаний в конце XVIII—первой половине XIX в. Политические деятели искали в нем историческую аргументацию своим идеям, поэты и драматурги — мотивы, темы и сюжеты для художественных произведений.

Первым среди сербов вопрос о научном подходе к освещению истории поставил Обрадович в главе «Об изучении истории» во второй части «Собрания разных правоучительных вещей на пользу и увеселение». Историография становилась орудием формирования сербского национального самосознания.

Возраставшие потребности сербского общества в грамотных людях, реформа школы в Австрийской монархии обусловили рост учебной литературы. К началу XIX в. вышло значительное число оригинальных и переводных учебников, руководств и пособий в разных областях знаний.

Рационалистическое осмысление мира, отличный от христианской аскетической морали взгляд на человека и его предназначение на земле, осознание связи искусства с реальной жизнью, наконец, мощное европейское влияние — все это определило новый тип художественного познания и раскрытия действительности.

В период Просвещения сложилось понимание важной общественной роли искусства и прежде всего литературы. Оптимистическое мироощущение, отражавшее способность новых общественных сил преобразовать жизнь, пробуждение интереса к личности обусловили расширение тематики, обогащение жанрового состава сербской литературы, освоение ею принципов общеевропейских художественных направлений. К этому вели и внутренние законы ее развития.

Хотя зарождение художественной литературы нового типа у сербов относилось к 70-м годам XVIII в., именно Д. Обрадович стал подлинным зачинателем сербской литературы нового времени с точки зрения ее тематики, идейного содержания, языка, художественных приемов и концепции личности.

Своим творчеством Обрадович был обращен к широким массам сербского народа. Он считал, что именно для крестьян писатели «должны много стараться и трудиться, потому что в каждом народе крестьян большинство и сверх большинство»¹⁸. Приверженность рационалистической философии с ее культом совершенного разума, с одной стороны, и ориентация писателя на крестьян, которые нуждались в доступных их сознанию книгах, — с другой, обусловили народный язык произведений Обрадовича и преимущественно назидательный характер его творчества.

Ставя перед литературой воспитательные задачи в соответствии с идеалами Просвещения, писатель поднял в своих произведениях широкий круг вопросов: о смысле жизни, моральной ценности личности, нравственных устоях общества, любви мужчины и женщины, взаимоотношении поколений, связи человека с природой и др. При этом он стремился преодолеть сухость дидактизма с помощью эпистолярной формы повествования, включения диалога, поэтических описаний природы, юмористических элементов и передачи переживаний своего «чувствительного» сердца. Эти приемы, хорошо знакомые европейскому читателю, были новыми для сербской литературы.

Д. Обрадович написал ряд оригинальных произведений, среди которых была автобиография «Жизнь и приключения. . .» Вместе с тем существенное место в его творчестве занимали переводы и вольные пересказы (или адаптации).

В работе над дидактическо-морализаторскими произведениями Обрадович опирался на немецкую, английскую, французскую, итальянскую популярную литературу. В сборник басен писатель включил прозаические переводы и переработки басен античных и западноевропейских авторов — Эзопа, Федре, Лессинга, Лафонтена и др. В области художественной прозы Обрадович познакомил сербских читателей с двумя повестями Ж. Ф. Мармонтеля, открыв для национальной литературы жанры малой эпики. Сербского писателя привлекало творчество Г. Э. Лессинга — борца за свободу разума против давле-

ния клерикальной реакции. Обрадович называл его «просвещенной Германией великим просветителем»¹⁹. В 1793 г. он перевел раннюю комедию Лессинга «Дамон». Писатель стремился познакомить сербских читателей с известными и притом доступными их сознанию произведениями западной литературы.

Хотя Обрадович выступал в печати преимущественно в прозе, он продолжил развитие жанровой формы оригинальной патриотической песни: в 1789 г. написал сочинение «Песня об избавлении Сербии», в котором прославлялись победы русского и австрийского оружия в войне против османской Турции, в 1804 г. приветствовал начало освободительного восстания поэтическим произведением «Песня на восстание сербов».

Творчество Д. Обрадовича означало серьезный шаг в направлении демократизации сербской литературы и ее самостоятельного развития. Оно намечало в ней сентименталистскую и просветительно-реалистическую художественные тенденции.

В 80-е годы XVIII в. у сербов появилась публицистическая литература, подвергавшая критике церковь. Й. Мушкатирович в книге «Краткое размышление о праздниках» (Вена, 1786), выступая против «невежества и суеверия», убеждал в необходимости сокращения церковных православных праздников. Переводились также произведения, направленные против католической церкви.

В связи с критикой церкви, феодального уклада и морали развивалась и сатира. Первым сатирическим произведением явился «Маленький букварь для взрослых детей» (Вена, 1792) М. Максимовича. В «Букваре», составленном на народном языке, легко и остроумно подвергались осмеянию монахи и церковная знать. Обличение монашества рождало литературу, подготовлявшую почву для реализма XIX в.

Э. Янкович, переведя на «просто сербский» комедию Гольдони «Торговцы», положил начало светской драматургии нового типа у сербов²⁰. Руководствуясь принципом «общей пользы», Янкович хотел, по его словам, способствовать просвещению соплеменников, их знакомству с произведениями, которые способны воспитывать вкус и поднять нравственность. Сербский писатель видел достоинство пьесы Гольдони в том, что она изображает подлинную жизнь. Янкович сознательно ориентировался не на малочисленную образованную сербскую публику, а на торгово-ремесленный слой.

В 1789 г. писатель выпустил на народном языке нраво-учительную пьесу-диалог «Злой отец и непослушный сын» (малоизвестного немецкого автора Ф. К. Штарка) и комедию «Благодарный сын» популярного в то время Й. Я. Энгеля в адаптации. Обращение к переводам и адаптации сочинений второстепенных европейских авторов объяснялось как невзыскательным вкусом сербов, так и популярностью некоторых из этих писателей в свое время.

В 1799 г. сербская художественная литература обогатилась переводом на народный язык «Робинзона Крузо», выполненным Н. Лазаревичем. Роман имел большой успех у сербских читателей.

Следуя советам «благоразумного мужа Досифея Обрадовича», Б. Мразович (1756—1829 г.) перевел на «чисто сербский» язык четыре выпуска «Поучительного магазина для детей» (Вена, ч. I — 1787, II — 1793, III—IV — 1800), сочинение французской писательницы А. М. Ле Пренс де Бомон. Оба перевода были сделаны с немецкого языка.

Последние десятилетия XVIII в. были отмечены в сербской поэзии утверждением классицистических форм. Буржуазному мироощущению того времени были чужды причудливая игра светотени, вычурность и недосказанность барочной поэзии. Оно требовало четкости, ясности, известной торжественности формы, которая представляла в классической декорации и обновленном стихосложении античной поэзии.

Античную метрику в сербскую поэзию ввел А. Везич. Его книга «Краткое написание о спокойной жизни» (Вена, 1788) стала первым печатным стихотворным сборником у сербов. Законченные принципы классицизма в сербской поэзии получили выражение в сочинении А. Стойковича «На смерть бессмертного Иоана Раича» (Буда, 1802 г.)²¹.

Особое место в сербской литературе XVIII в. заняла аллегорическая поэма Й. Раича «Бой змея с орлами» (Вена, 1791). Написанная по следам военных событий на Балканах, она воспевала победы русской и австрийской армий над Турцией. Поэма благодаря антиосманскому пафосу, народному языку и классическим символам стала значительным явлением новой сербской литературы. В рассматриваемое время, переходное по своему общественно-экономическому содержанию, в условиях национального гнета место книги в культурном процессе не всегда определялось четкой и зрелой просвещенческой позицией автора, хотя это имело первостепенное значение.

В исключительных случаях играла роль объективная направленность произведения, которая в конечном итоге находилась в связи с мировоззрением писателя, отражая противоречия и неразвитые черты его мысли.

Наиболее значительные в истории сербской культуры произведения были написаны на народном языке. Но в рассматриваемое время сохранялось многоязычие сербской литературы. Разными типами языков пользовались в своем творчестве А. Стойкович, Г. Терлаич (Трлаич).

Г. Терлаич (1766—1811) получил образование в Венском университете. Переехав в конце XVIII в. в Россию, он продолжал участвовать и в процессе развития сербской культуры. Терлаич был профессором всеобщей истории Педагогического института в Петербурге, затем профессором Харьковского университета. В 1801 г. писатель перевел на церковнославянский язык роман М. М. Хераскова «Нума Помпилий, или Прозвешающий Рим» (1768), проникнутый рационалистическими идеями. Терлаич был видным поэтом классицистического направления. Его деятельность способствовала укреплению светской линии в русско-сербских литературных отношениях.

Под влиянием развития сербской нации, основу которой составляло крестьянство, растущего интереса к народному творчеству в Европе прогрессивные сербские писатели стали сознательно опираться в своем творчестве на фольклор. Стремление быть понятным и близким народу определило широкое использование Д. Обрадовичем в своих сочинениях фольклорного материала. Наряду с пониманием ценности этических норм народа, воплощенных в фольклоре, рождалось сознание и его эстетической значимости.

По совету Обрадовича Й. Мушкатинович издал первое фольклорное собрание «Притчи, или по-простому пословицы, также сентенции или речения» (Вена, 1787). Это не было в строгом смысле собрание сербских народных пословиц, так как в него вошли и переводные, в частности, русские пословицы, а также изречения из священного писания и античных классиков²². Сборник Мушкатиновича занял достойное место в истории сербской фольклористики как свидетельство пробуждения общественного интереса к народному творчеству.

В последние десятилетия XVIII в. значительно вырос авторитет сербской литературы. Увеличилось число сербских писателей и их творческая продукция. Главенствующее место в литературном процессе заняли светские

лица, представители первого поколения национальной интеллигенции. Развитие сербской литературы определяли писатели, движимые идеалами Просвещения, выступившие за единый язык на народно-речевой основе во всех родах и жанрах литературы и утверждающие соответствующие новому времени художественные формы.

Благодаря деятельности этих писателей, и прежде всего Обрадовича, сербская литература, обогащенная в жанрово-тематическом и художественном отношении, заявила о себе как литература идейно зрелая, выражавшая национальные интересы.

Рационализм явился философской основой классицизма в сербском изобразительном искусстве. Зачинателями нового направления выступили художники С. Гаврилович (полотна «Муций Сцевола», «Королева Тимирида с головой Кира») и А. Теодорович²³.

А. Теодорович учился в Вене в Академии художеств. Здесь он поддерживал контакты с Обрадовичем. Неудивительно, что зрелым произведением художника стал портрет Обрадовича (1794 г.). В нем автор воплотил идеал человека Просвещения, проявив новый подход к живописной композиции. Полотно было выполнено в спокойных тонах, дышало умиротворением, достоинством и гармонией. Кисти Теодоровича принадлежали также портреты Й. Раича и других современников. Художник внес элементы классицистического стиля и в церковную живопись. Творчество Теодоровича явилось вехой в развитии сербского изобразительного искусства; оно утверждало светское направление в живописи, раздвигало рамки классицизма пробивавшимися реалистическими тенденциями. Теодорович оказал большое влияние на сербских художников.

Перестройка художественного сознания в других сферах искусства протекала у сербов значительно медленнее.

В атмосфере общественного подъема и реформ «просвещенного» абсолютизма в области немецкого театра оживилась сербская театральная жизнь. В традиционном школьном театре зарождались новые явления. Школьные представления все чаще давались на языке сербов. Репертуар наряду со сценами на библейские темы включил классицистическую комедию, эклогу, пьесы сентиментального характера. Новые стилевые черты проникали и в театры при дворах владык и домах меценатов²⁴.

Конец XVIII в. был отмечен подъемом градостроительства в Воеводине и Сербии. В оформлении порталов

и звонниц церквей еще использовались элементы барокко. Зато гражданская архитектура, особенно в городах Воеводины, была более восприимчивой к повпештвам²⁵.

В последних десятилетиях XVIII в. в художественном творчестве сербов, отмеченном новым видением мира, проявились все три свойственные Просвещению тенденции: классицистическая, сентименталистская и просветельско-реалистическая. На стадии Просвещения создавались также произведения в духе барокко (позднего рококо), но этот стиль угасал, переплетаясь с классицистическими нормами. Эклектизм, переходные формы, взаимопроникновение стилей, были характерной чертой сербской художественной культуры той поры.

При всей жанрово-стилистической неразвитости и недостаточной еще самостоятельности новое сербское искусство, отражая жизнь с позиции прогрессивного эстетического идеала, оказывало воздействие на общество в соответствии с потребностями восходящих социальных сил.

На стадии Просвещения ускорилось формирование национальной общности культуры сербов при ее классово неоднородности. Национальное самосознание пронизывало творчество прогрессивных деятелей. Характерной чертой исторического развития сербов было присущее им в течение веков сознание религиозной общности и бытование этнонима «сербы». С развитием нации прогрессивная общественная мысль пришла к иному пониманию общности сербов. «Весь народ одного рода и языка, — писал Обрадович, — подобен единому телу. . .» Не религиозная, а языковая и родовая общность была для него основой национальной цельности, ибо «религия и вера могут измениться, а род и язык — никогда»²⁶. Такой взгляд на национальную консолидацию был характерен для передовых западноевропейских мыслителей.

Одним из проявлений процесса формирования национальной общности сербской культуры было стремление общественных деятелей к созданию общепринятого нормированного литературного языка. Это было потребностью складывавшейся нации. Разность языков мешала также разработке стилистической языковой системы. Но среди писателей не было единства в понимании путей достижения общего литературного языка.

Дальновидные современники сознавали необходимость расширения общественных функций народного языка. Первым теоретически обосновал целесообразность и возможность перехода сербской литературы на народный

язык Д. Обрадович. Он и на практике утверждал это, хотя язык его сочинений наряду с народной основой содержал и незначительные книжные элементы, славянизмы. У Обрадовича были последователи. В конце своей жизни писатель мог с удовлетворением отметить, что он «имел радость дожить и увидеть, что и другие начали делать то же самое»²⁷.

По многие сербские писатели видели основу языкового литературного единства в так называемом славяно-сербском языке. Будучи сложной и неустойчивой смесью церковнославянских, русских и сербских элементов, он был порождением переходной поры и отражал ее в лингвистическом отношении. Славяно-сербский язык эволюционировал в направлении увеличения в нем сербских речевых элементов²⁸. С лингвистической точки зрения «средний» путь содержал рациональное начало. Однако условия общественного развития сербов были таковы (господство православной церкви, использовавшей церковнославянский язык как символ своего положения, необходимость подъема культурного уровня крестьян, которым были чужды как церковнославянские, так и русские речевые элементы), что славяно-сербский язык не мог в полной мере обеспечить потребности общественного прогресса.

Немногие писатели на рубеже XVIII—XIX вв. отстаивали развитие сербской литературы на церковнославянском языке. Наиболее убежденным и активным поборником этого пути был Г. Терлаич.

К началу XIX в. сербская литература почти полностью перешла на гражданскую азбуку. Но правописание оставалось неустойчивым и архаичным. Церковная кириллица сохранила свои позиции в церковной литературе.

На стадии Просвещения у сербов стали складываться общенациональные формы культурной жизни. Однако распространение культурных достижений наталкивалось на государственные границы, которыми была разделена территория расселения сербов, и на противодействие со стороны феодальных инонациональных сил. Анархия, произвол и деспотизм в землях под властью Порты вообще исключали общественную деятельность.

Важная роль принадлежала периодической печати. Орфелин положил начало сербской журналистике. Его «Славено-сербский магазин» был составлен по образцу русской литературно-научной периодики. В «Магазине» были представлены поэзия и проза, статьи на историче-

ские и сельскохозяйственные темы. Это были оригинальные, принадлежавшие Орфелину, переводные или переработанные им материалы. Журнал содержал обзор новейших книг.

Для издания периодической политической печати требовались капитал, типографская база, читательская публика, разрешение высоких властей. Такое положение в сочетании с ужесточившейся в Австрийской монархии цензурой создавало немалые трудности. Поэтому первые сербские газеты были недолговечны ²⁹.

Леопольд II в условиях подъема венгерского национально-освободительного движения, стремясь противопоставить ему сербов, сделал последним ряд уступок, в том числе разрешил издание сербской газеты. Ее издателем стал Маркидес Пульо, греческий патриот, писатель, владелец типографии. Газета «Сербския новини» (1791—1792) выходила на смешанном языке и печаталась церковным шрифтом. Она издавалась в условиях, когда печать была поставлена в полную зависимость от полицейских и военных властей. Газета носила информативный характер, сообщая читателям известия, почерпнутые из австрийских газет, и лишь изредка сведения о культурной жизни сербов.

Стефан Новакович, бывший секретарь Карловицкой митрополии, издавал в Вене газету «Славеносербския ведомости» (1792—1794), которая выходила на языке с большей долей народных речевых элементов и печаталась гражданским шрифтом. По содержанию она была близка к первой сербской газете. В ней много внимания уделялось иностранным известиям, заимствованным из австрийской официальной печати, иногда сообщались вести из краев, где жили сербы. В виде исключения в ней помещались литературные произведения. Однако и эта газета должного успеха не имела. Сказались как неподготовленность читательской публики, так и слабость самой газеты в условиях цензурных запретов.

Несмотря на кратковременность существования, первые сербские периодические издания сыграли существенную роль в приобщении сербских читателей к регулярным национальным публикациям, в распространении политической информации, разного рода знаний и достижений национальной художественной мысли. Они влияли на формирование сербского общественного мнения.

Сербы в Австрийской монархии безуспешно пытались добиться от венских властей разрешения иметь свою

типографию. Они были вынуждены довольствоваться услугами типографий в Венеции, Лейпциге и Вене. Типография Курцбека, основанная в 1770 г. в австрийской столице, пользовалась монополией печатания книг кириллицей в государстве.

В 1792 г. С. Новакович приобрел у Курцбека типографию, однако она осталась в Вене. Здесь были напечатаны 67 сербских книг, в том числе «Собрание» Обрадовича, «История» Раича, сочинения Максимовича, Мразовича, Терлаича и др. Здесь же печатались «Ведомости». Но в 1795 г. Новакович, терпя материальный ущерб, продал типографию в Буду, где она слилась с типографией университета. Сербь вновь остались без издательской базы ³⁰.

Трудности с типографиями обусловили сохранение у сербов до конца XVIII в. рукописной традиции. Во второй половине столетия в рукописной литературе преобладали поэтические сборники. Широко переписывалась также учебная литература.

Новый облик получила книготорговля. Хотя продолжалась традиционная продажа книг на ярмарках, главная роль в доведении книги до читателя перешла к «книжным» торговцам. В 1790 г. Э. Янкович открыл в Нови Саде книжный магазин. В 1804 г. Обрадович, С. Гаврилович и несколько торговцев в Воеводине составили товарищество по распространению сочинений самого Обрадовича и Соларича ³¹. Но развернуть свою деятельность им, по-видимому, не удалось.

В 70-е годы в рамках реформы начального образования в Австрийской монархии подверглись реорганизации и сербские основные школы, которые были поставлены под контроль светских властей. Была введена единая программа. В числе прочих эта мера преследовала задачу устранения русского влияния на сербскую школу, которое распространялось через русских учителей и школьные учебники. В 1791—1792 гг. сербская буржуазия при поддержке митрополита основала в Сремски Карловцах гимназию. Тем самым в Воеводине было положено начало формированию национальной системы среднего образования. На Военной Границе были преимущественно немецкие школы, которые австрийские власти использовали в германизаторских целях ³².

Иная ситуация была в Сербии. По свидетельству В. Караджича ³³, здесь в конце XVIII в. на 100 сел не всегда имелась одна школа. Кто хотел стать попом или

монахом, обучался грамоте в монастырях и у сельских священников. В отдельных нациях имелось по школе с учителем, которого содержали окрестные крестьяне. Процесс обучения здесь мало отличался от монастырского. Неудивительно, что на тысячу сербов, исключая священников и монахов, едва приходился один человек, который умел немного читать.

В период Просвещения у сербов важным культурным центром оставались Сремски Карловцы, столица православной митрополии в Австрийской монархии. Но на рубеже XVIII—XIX вв. наметилось возвышение Нови Сада, который становился средоточием сербской светской культуры.

Для сербов в силу неблагоприятных условий исторического развития значение культурных центров имели также города за пределами территории их основного расселения — Вена, Пешт, Триест. Здесь имелись колонии сербских торговцев, оказывавших материальную поддержку национальным начинаниям, издавались книги и газеты, сосредоточивалась сербская интеллигенция, училась молодежь, жили и трудились видные представители сербского Просвещения.

В Сербии города были опорными пунктами османского господства. В условиях постоянных ограблений и унижений сербы в подавляющей массе жили в селах, вдали от городов и важных дорог. Центрами общественной жизни служили крупные старинные монастыри. Самыми известными из них были Студеница, Дечани и Раваница. В праздники в отдельных монастырях собиралось по несколько тысяч человек из разных краев Сербии, из Боснии и Герцеговины. В такие дни в монастырях шла бойкая торговля, народные певцы под гусли пели песни. Тут встречались знакомые, совершались разного рода сделки, велись неторопливые разговоры, устраивались смотрины³⁴.

Своего рода культурным центром Западной Сербии был Трношский монастырь, который в конце XVIII в. поддерживал связь с Карловицкой митрополией. Монастырь чтит традицию сербской государственности. Именно здесь возникла «Трношская летопись». В монастырской школе получил начальное образование Вук Караджич. В условиях турецкого господства православные монастыри и церкви играли в сербском обществе связующую роль, притом их контакты выходили за границы Османской империи.

Государственные границы, национальный гнет, режим насилия в османских провинциях затрудняли формирование национальной общности сербской культуры. Тем не менее растущие экономические связи Воеводины и Сербии, учащавшиеся контакты между сербскими торговцами с той и другой стороны Савы и Дуная создавали основу для него. Широкое участие сербов из Сербии и из Воеводины в австро-турецкой и русско-турецкой войне 1787—1791 гг., миграция населения в зависимости от движения войск, переселение народных певцов-сказителей — эти стороны народной жизни создавали ту социальную и психологическую атмосферу, без которой нельзя представить осмысление деятелями Просвещения неразрывности судеб всех сербов.

Национальная сербская культура складывалась в борьбе с феодальной идеологией, местной ограниченностью, традиционализмом рядового сознания, путем преодоления национальной приниженности.

Высшее православное духовенство в Воеводине во главе с властным карловицким митрополитом С. Стратимировичем было идейным противником Обрадовича. Церковь неистово отстаивала феодальную элитарную культуру, позиции церковнославянского языка как символа господства служителей культа в сербском обществе. Она охраняла и насаждала теологическую литературу, литургическую поэзию, религиозную живопись.

При всей остроте идеологической борьбы взаимодействие разных социальных компонентов в культуре сербов в переходный исторический период от феодализма к капитализму, в условиях национального угнетения было сложным. Под влиянием требований времени шла частичная перестройка феодальной культуры, которая тем не менее и в новых условиях была нацелена на воспроизводство, хотя и несколько преобразованного, традиционного общества.

Отдельные представители сербского духовенства и дворянства проявляли интерес к народному творчеству и в поэзии обнаруживали классицистическую ориентацию. Сам Стратимирович, поклонник Оссиана, в анонимно опубликованном сочинении «Любосава и Радован, или Песни нравоучительные по начину простонародных сербских песней» (Буда, 1800) использовал фольклорные традиции. Это была внешняя стилизация, объяснявшаяся стремлением возродить сербскую «древность».

Сербские митрополиты поддерживали развитие школь-

ного дела, проявляли усилия для организации сербской типографии. В 1796 г. митрополичья библиотека в Сремски Карловцах была открыта для публичного пользования. Однако высшее духовенство стремилось при этом подчинить сербскую культуру церковному контролю. Воспитанию молодежи в традиционном духе, упрочению православия должны были служить богословская школа в Сремски Карловцах, основанная в 1794 г., и клерикальные школы при епископиях. Тем не менее эти школы с церковнославянским языком преподавания противостояли германизации сербов и давали определенные знания.

Во второй половине XVIII в. под влиянием новых общественных потребностей исторически сложившаяся система культурных связей сербов с другими народами претерпела существенные изменения. Расширился спектр контактов, и, главное, стала меняться их социальная основа. Ранее религиозный фактор имел решающее значение в культурном взаимодействии сербов с другими народами. Отныне на смену ему выдвинулся принцип соответствия идей, которые заимствовались, стадии и уровню общественных потребностей, а для искусства — и принцип общности художественного метода. Взамен церковных расширялись светские культурные связи. В землях под властью Порты при патриархальных устоях жизни контакты под эгидой православия сохраняли еще не только культурное, но и политическое значение.

Передовые сербские деятели прежде всего воспринимали идеи и культурные достижения западноевропейского Просвещения³⁵. Неблагоприятная общественная ситуация усиливала избирательный принцип при восприятии ими европейской культуры. Ее освоение проходило путем идейных заимствований и создания на их основе самостоятельных произведений, а также литературных переводов, переработок и адаптаций.

С развитием капитализма и наций ширились и крепились общественные связи между народами. Особенность этого процесса у сербов состояла в повышенной роли субъективного фактора — сознательного стремления представителей Просвещения к обогащению и приумножению национального культурного достоинства путем освоения мировых культурных достижений с целью подъема интеллектуального и нравственного уровня народа. В свою очередь, в европейском литературном и научном мире

пробуждался интерес к новым культурным явлениям у сербов и их фольклору.

Изменение характера традиционных контактов наглядно проявилось в сфере русско-сербских культурных взаимоотношений. Они имели многовековую историю и были связаны с этническим родством, единоверием и известным сходством судеб двух народов. Русское влияние было подавляющим в середине XVIII в. Во второй половине века Габсбурги провели ряд мероприятий с целью его ослабления. Но несмотря на чинимые прешаствия, русско-сербские культурные контакты углублялись: наряду с развитием традиционных, набирали силу новые их формы ³⁶.

Активно поддерживала связи с Россией православная церковь. В условиях чужеземного угнетения, особенно на Балканах, они не только сохраняли для сербов значение опоры в защите их этнического бытия, но имели и политический смысл.

Однако перспективы развития русско-сербских культурных отношений были связаны со светскими формами. Важную роль играло распространение книг, светских изданий. Укреплению русско-сербских контактов весьма содействовал З. Орфелин. Новый импульс они получили благодаря деятельности Д. Обрадовича и его единомышленников.

В свою очередь, в России вышли с некоторой языковой правкой наиболее значительные произведения сербской историографии — сочинение Орфелина о Петре I (1774) и первый том «Истории» Раича (1795). В 1806 г. в связи с повышением интереса общественности к сербам, поднявшимся на борьбу против власти Порты, были изданы анонимно стихотворение Обрадовича «Песна о избавлению Сербии, сочинено в Белеграде» и его вольный перевод на русский язык. Ряд сербов переехали на постоянное жительство в Россию и включились в ее государственную и культурную жизнь, не порывая связей с родиной. В 1804 г. А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев, в то время студенты Геттингенского университета, ставшие в дальнейшем известными в России людьми, совершили путешествие с научно-познавательными целями по славянским землям. Они были в Сремски Карловцах, где общались со Стратимировчем, секретарем митрополита и поэтом Л. Мушицким, другими образованными сербами. В Триесте они посетили Обрадовича, который подарил им некоторые из своих книг. «Это неординарный человек» —

так выразил свое впечатление от встречи с Обрадовичем Кайсаров в письме Мушицкому³⁷.

Русский культурно-исторический опыт по ряду аспектов был особенно близок сербам. В условиях национального угнетения Россия морально и материально поддерживала культурное развитие сербского народа. Поэтому связи с Россией, изменявшиеся с течением времени, имели особое значение в процессе формирования сербской национальной культуры.

К началу XIX в. сербская культура поднялась на более высокий уровень развития. Расширились сферы культурной жизни сербов, выдвинулись крупные личности, творчество которых было значимо и для других народов. Были заложены основы национальной культуры. Ее главным показателем при неоднородности классового содержания было зарождение буржуазного мировоззрения. Социально-экономические потребности обусловили развитие научной мысли. Художественное сознание, движимое новыми социальными идеалами, осваивало эстетические принципы современных стилевых течений в Европе. Стало отчетливым преодоление провинциализма и формирование национальной общности культуры сербов. Расширились связи сербской культуры с другими культурами восточно- и западноевропейского регионов. Прогрессивные общественные силы подчинили эти контакты задаче духовного обогащения и самоутверждения сербской нации.

В начале переходного от феодализма к капитализму периода в сербском обществе еще господствовала феодальная церковная культура. Вместе с тем он был отмечен отходом от церковной традиции, нарастанием борьбы между исторически отжившей культурной системой и складывавшейся культурой нового исторического типа. Началась перестройка рядового сознания сербов, правда, пока только верхних и средних слоев общества.

Историческое значение стадии Просвещения в культурном развитии сербского народа состояло в духовной подготовке общества к решению глобальной проблемы перехода от феодальной формации к капиталистической и борьбе за национальное освобождение.

¹ О периодизации и месте культуры сербского Просвещения в европейском культурном процессе см.: *Лециловская И. И.* Культура Просвещения в Центральной и Юго-Восточной Европе // *Вопр. истории.* 1985. №. 1.

- 2 Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ II. С. 1085 и след.
- 3 История Югославии. М., 1963. Т. 1. С. 298 и след.; *Бошков М.* Руска штампана књига у нашем XVIII веку // *Годишњак Филозоф. фак. у Новом Саду.* 1973. Књ. XVI/2.
- 4 *Кравцов Н. И.* Сербскохорватски епос. М., 1985; *Голенищев-Кутузов И. Н.* Эпос сербского народа. М., 1963.
- 5 *Самарџић Р.* Век просвећености и српски преображај // *Летопис Матице српске.* Нови Сад, 1976. Књ. 417, св. 3.
- 6 Жизнь Александра Пушкина, им самим описанная. 1764—1787. Ч. 1 // *Чтения Об-ва истории и древностей Российских.* 1885. Кн. 1. С. 30.
- 7 *Толстой П. И.* К историко-культурной характеристике «славяно-сербского» литературного языка // *Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1977. С. 275.
- 8 Об Орфелине см.: *Коларић М.* Захарија Орфелин — цртач, калиграф, бакрорезац // *Зб. Матице српске. Сер. друштв. наука.* Нови Сад, 1951. N 2; *Бошков М.* Захарија Орфелин и књижевност руског просветитељства // *Зб. за славистику Нови Сад,* 1974. № 7.
- 9 *Толстой П. И.* Литературный язык у сербов в конце XVIII—начале XIX века // *Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков.* М., 1978.
- 10 *Скерлић Ј.* Сабрана дела. Т. IX. Београд, 1966. С. 245—247.
- 11 См.: *Толстой П. И.* Литературный язык у сербов. . . С. 271.
- 12 Жизни и деятельности Д. Обрадовича посвящена большая научная литература: *Костић М.* Доситеј Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX века. Београд, 1952; *Деретић Ј.* Доситеј и његова доба. Београд, 1969; *Стојановић М.* Доситеј и антика. Београд, 1971; *Стојковић А.* Философски погледи Доситеја Обрадовића. Београд, 1980 и др.
- 13 Об идейной позиции представителей сербского Просвещения см.: *Лещиловская И. И.* Сербское Просвещение. Люди и идеи // *Балканские исследования.* М., 1984. Вып. 9.
- 14 *Обрадовић Д.* Сабрана дела: В 3 књ. Београд, 1961. Књ. 2. С. 277.
- 15 Цит. по кн.: *Скерлић Ј.* Сабрана дела. Т. IX. С. 180.
- 16 *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Књ 3. С. 268.
- 17 *Самарџић Р.* Писци српске историје. Књ. 2. Београд, 1981.
- 18 *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Књ. 2. С. 281.
- 19 Там же. Књ. 1. С. 407.
- 20 О творчестве Э. Янковича см.: *Маринковић Б.* Твораштво по сродности или Емануил Јанковић // *Годишњак Филозоф. фак. у Новом Саду.* 1972. Књ. XV/I.
- 21 *Павић М.* Историја српске књижевности класицизма и предромантизма: Класицизам. Београд, 1979. С. 113, 245, 263—266.
- 22 Об Й. Мушкатиновиче и его собрании см.: *Шаулић А.* Јован Мушкатиновић — први скуплач српских народних пословица // *Јужнословен. филолог.* Београд, 1955/1956. Књ. 21.
- 23 О сербском изобразительном искусстве конца XVIII—начала XIX в. см. в кн.: *Коларић М.* Класицизам код срба: 1790—1848. Београд, 1965; *Медаковић Д.* Српска уметност у XVIII веку. Београд, 1980; *Алешина Л. С., Јеорская Н. В.* Искусство Югославии: Очерки. М., 1966.
- 24 *Томандл М.* Српско позориште у Војводини. Књ. 1. (1736—1868). Стари Бечеј, 1953.
- 25 Класицизам код Срба: Грађевинарство. Београд, 1966.

- ²⁶ *Обрадовић Д.* Указ. соч. Књ. 2. С. 440; Књ. 1. С. 65.
- ²⁷ Там же. Књ. 2. С. 277—278.
- ²⁸ *Гудков В. П.* Книжно-письменный язык у сербов в XVIII—начале XIX в. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 141.
- ²⁹ *Крстић В.* Историја српске штампе у Угарској (1791—1914). Нови Сад, 1980.
- ³⁰ *Гавриловић Н.* Историја ћирилских штампарија у Хабсбуршкој монархији у XVIII веку. Нови Сад, 1974.
- ³¹ *Костић М.* Доситеј Обрадовић у историској . . . С. 84—85.
- ³² Историја српског народа. Књ. 5. Д. 2. Београд, 1981. С. 36.
- ³³ *Караџић В.* Сабрана дела. Књ. 8. Београд, 1969. С. 175, 176.
- ³⁴ Там же. С. 162, 171.
- ³⁵ О связях сербской культуры во второй половине XVIII в. с западноевропейскими культурами см.: *Костић М.* Доситеј Обрадовић. . . С. 118, 119—123; *Јаварек В.* Доситејево интересовање за дела енглеских моралиста XVII и XVIII века // *Ковчежић.* Књ. 4. Београд, 1961. С. 5—14; *Кићковић-Пејаковић С.* Енглеска књижевност у Срба у XVIII и XIX веку. Београд, 1973; *Паковић М.* Историја. . . С. 54 и сл.
- ³⁶ *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 183 и след.
- ³⁷ *Јагич И. В.* Новые письма Добровского, Кошцара и других юго-западных славян // Сб. ОРЯС. СПб., 1897. Т. 62. С. 697.

Словенская культура

Большая часть словенских земель начиная с XIII в. входила в состав коронных владений Габсбургов, а именно в провинции Штирия, Каринтия и Крайна. В Крайне население в подавляющем большинстве было словенским, в Штирии и Каринтии словенцы составляли приблизительно одну треть. Кроме того, словенцы жили в Истрии, Приморье, Прекомурье, Венецианской Словении. Во всех этих областях наряду со словенцами проживали немцы, итальянцы и венгры.

Словенские земли были захвачены немцами еще в VIII в. Формирующийся класс словенских феодалов частью погиб в период завоевания, а частью слился с немецкими феодалами. Поэтому в словенских землях в средние века феодалы были немцами (частично, в южных районах — итальянцами) по национальности, а крестьянство и низшие слои горожан — словенцами. Религиозная, художественная, политическая литература, исторические хроники, документация по языку были латинскими или немецкими, а по содержанию выражали взгляды немецкого господствующего класса.

Хранителями и создателями словенской средневековой культуры являлись крестьяне, передававшие из поколения в поколение песни, предания, сказы, обычаи, тип одежды и жилища. Таким образом, на территории расселения словенцев одновременно развивались немецкая феодальная культура и словенская крестьянская. Первая вполне соответствовала европейскому уровню, вторая вплоть до XVI в. даже не имела своей письменности. Обе культуры не развивались полностью изолированно, в определенной степени взаимно влияли друг на друга.

С укреплением городов в словенских землях, как и в других землях Средней Европы, начала распространяться реформация. Словенские протестанты П. Трубар, Ю. Далматин, А. Богорич перевели на родной язык и напечатали ряд религиозных сочинений, создали первую

словенскую грамматику, словенский алфавит (богорицицу). Их деятельность по созданию словенской литературы была насильственно прервана в начале XVII в. контрреформацией.

Становление словенской национальной культуры тесно связано со словенским возрождением, явившимся продуктом зарождения и постепенного развития капиталистических отношений. Словенское возрождение имело свои характерные черты, определявшиеся особенностями социального и политического развития словенцев. Отсутствие у словенцев дворянства, единственно политически полноправного класса в феодальном обществе, обусловило также полное отсутствие у них политических прав. Это задерживало формирование словенского национального самосознания. Мешала ему и политическая, экономическая и языковая раздробленность словенских земель. В течение многих веков словенцы жили в разных провинциях с их особыми административно-политическими учреждениями, собственными провинциальными экономическими рынками, особыми диалектами (последних еще в XX в. насчитывается 46). Такое положение способствовало росту провинциального патриотизма. Вплоть до середины XIX в. многие славянские жители Каринтии и Штирии называли себя словенцами (виндами), а жители Крайны — крайнцами. Замедленные темпы формирования словенского национального самосознания сказывались на развитии словенской культуры.

То, что дворянство и высшие городские слои были немецкого или итальянского происхождения, оказало влияние на характер словенской интеллигенции. Она формировалась из представителей крестьян, бедных и средних горожан, которые в условиях феодального строя легче всего могли получить религиозное образование. Поэтому большая часть образованных словенцев являлись лицами духовного звания. Светская интеллигенция, обычно формировавшаяся из представителей привилегированных сословий, в словенских землях была немецкой или итальянской по национальности, образованию и самосознанию. Именно священники начали просветительскую деятельность среди словенцев и только в 80-х годах XVIII в. к ним присоединились некоторые представители светской интеллигенции. Этот факт, несомненно, влиял на формирование словенской культуры в течение всего периода Просвещения.

К середине XVIII в. просветительские идеи достаточно широко распространились в Центральной Европе, в том числе и в Австрии. Немецкие просветители вели упорную борьбу за права немецкого языка, ибо сначала он не занимал главенствующего положения в Габсбургской монархии: языком науки была латынь, в театре, высшем обществе пользовались итальянским и французским языками. Во второй половине XVIII в. в немецких землях большую роль играло литературное течение «Бури и натиска», важнейшими представителями которого были Гете, Шиллер, Лессинг, Гердер. Они страстно протестовали против гнета феодальных властей, симпатизируя борьбе простых людей против несправедливости и тирании. Крупнейшие деятели немецкой культуры — Гердер, Аделунг, Шлёцер, Шиллер оказали значительное воздействие на словенских будителей. Важную роль в формировании взглядов последних сыграли идеи французских просветителей: энциклопедистов, Вольтера, Руссо.

Немецкое Просвещение не обошло стороной словенские земли, где во второй половине XVIII в. жили и действовали некоторые австрийские просветители. В 50—60-е годы в Идрии работал сначала врачом, а затем преподавателем идрийской горной школы Иоганн Антон Скополи. Он издал несколько работ об Идрийском руднике, о болезнях, характерных для идрийских рудокопов. Скополи объехал всю Крайну, изучая ее природу. В 60-е годы были изданы его книги на латинском языке о растительном мире и насекомых Крайны.

Не менее знаменитым ученым был преемник Скополи в должности врача Идрийского рудника Балтазар Хаквет, прослуживший в Идрии семь лет. Затем он работал вплоть до 1787 г. в Люблянском лицее в качестве профессора анатомии, физиологии, хирургии и акушерства. Помимо медицины, Хаквет интересовался ботаникой и минералогией. Он издал в 1781 г. в Лейпциге четыре книги о природе Крайны. Хаквет являлся членом Академии оперозорум, а после ее распада — Общества сельского хозяйства и полезных искусств.

Коллегой Хаквета по Люблянскому лицее был иезуит Габриел Грубер, разносторонне образованный человек. В 1769—1784 гг. он являлся профессором кафедры гидравлики и механики, организованной по инициативе Общества сельского хозяйства и полезных искусств. По его проекту в 1772—1782 гг. выкопали канал, с помощью которого осушили болото вокруг Любляны. Гру-

бер проявил себя и как способный архитектор, построив одно из красивейших зданий города¹. Деятельность австрийских просветителей, живших в словенских землях, оказала определенное воздействие на словенских просветителей.

Истоками формирования словенской национальной культуры явились словенская крестьянская культура, деятельность словенских протестантских писателей и их последователей, европейское Просвещение. Нельзя недооценивать и такой важный фактор, как католическая церковь, влияние которой на словенскую культуру было довольно заметным.

Эпоху словенского Просвещения можно разделить на три этапа. Первый приходится на конец 60-х—начало 80-х годов XVIII в. Среди отдельных представителей образованных словенцев, прежде всего лиц духовного звания, пробуждается интерес к словенскому языку и культуре. Именно они явились зачинателями словенского возрождения. Этот этап был как бы преддверием словенского Просвещения.

Второй длился с начала 80-х годов (учреждение Академии оперозорум) до 1814 г., когда в словенских землях было восстановлено австрийское владычество после победы над наполеоновской Францией. В центре его — деятельность кружка Цойса, заложившая основы многих областей словенской культуры и представлявшая собой высший взлет словенского Просвещения.

Третий этап охватывает 1814—1830 гг. Это период реакции в австрийских землях, безраздельного господства меттерниховского режима. Такое положение не могло не отразиться на деятельности словенских просветителей, которая стала приобретать некоторые консервативные черты. Так, большим влиянием среди словенских культурных деятелей в то время пользовалось янсенистское духовенство. В литературе вновь стали преобладать сочинения на религиозные темы. Но и в эти годы в развитии словенской культуры наблюдалось известное движение вперед, в частности, значительно расширилась территория распространения просветительских идей, которая захватила и словенские земли Штирии и Каринтии.

В начале XVII в. словенская книжная традиция была прервана контрреформацией. Спустя несколько десятилетий некоторые словенские священники вновь стали издавать книги на словенском языке. Первым таким трудом, вышедшим в 1672 г., стал сборник, включавший переводы

на словенский язык Евангелия, катехизиса, церковных песнопений. Он был создан деканом Люблянского епископства Я. Л. Шенлебенем. До конца XVII в. вышло в свет еще несколько подобных книг.

В конце XVII в. каноник из Нового Места Матия Кастелиц составил латинско-словенский словарь. Рукопись была дополнена и подготовлена к изданию монахом Франциском Ксаверием, трудившимся в дискальцеатском монастыре в Любляне. Франциск Ксаверий написал также несколько проповедей на словенском языке, оставшихся, как и словарь, неизданными². Капуцин Ипполит подготовил латинско-немецко-словенский словарь, оставшийся в рукописи. В предисловии он выражал недовольство тем, что молодые священники в своих проповедях нередко искажают родную речь, заимствуя слова из немецкого языка³. Ипполиту удалось издать несколько религиозных сочинений на словенском языке, а также словенскую грамматику XVI в., написанную А. Богоричем⁴. Грамматика Богорича была переиздана в 1758 г. в Целовце (нем. — Клагенфурт) каринтийскими иезуитами. Так с конца XVII в. постепенно начала возрождаться словенская письменная традиция, прерванная контрреформацией.

Непосредственным предшественником деятелей словенского возрождения был Янез Жига Попович (1705—1774), ученый, возглавлявший в 1753—1766 г. кафедру немецкого языка в Венском университете. Он прекрасно знал славянские языки и в своем сочинении «Исследования моря» (1750) указывал на важность для филологов их изучения. Культурную отсталость южных славян Попович объяснял многовековой борьбой, которую они вынуждены были вести против турок. Попович выступал за создание единого латинского алфавита для славян и даже пытался предложить свой вариант его.

Матия Кастелиц, Франциск Ксаверий, Ипполит, Янез Попович оказали заметное влияние на первых словенских просветителей. Рукописное наследие Матии Кастелица и Франциска Ксаверия было использовано Марко Похлином, взгляды Поповича во многом воспринял Ерней Кочитар.

Начальным рубежом словенского национального возрождения принято считать 1768 г. — год выхода в свет «Краинской грамматики» августинца Марка (в миру — Антона) Похлина. В предисловии к книге Похлин призывал соотечественников изучать родной язык. «Не сты-

дители своего родного языка, — писал он, — ведь он не так плох, как думают». Взгляды Похлина на литературный язык были далеки от взглядов современных ему филологов. Как и немецкий ученый XVII в. Ю. Г. Шотелиус, он считал, что грамматика должна определять нормы литературного языка, быть кодексом правильной речи. В основу своей грамматики Похлин положил говор люблянских горожан⁵. Помимо грамматических правил, Похлин уделял внимание в своей книге и поэтике — своду норм сложения стихов на словенском языке. Похлина не интересовала идейная направленность поэзии, ее стиль, а лишь чисто формальные моменты: долготы и краткость слогов, стопы, цезуры и т. д. Он советовал словенским авторам брать пример с античных поэтов и даже приводил перечень античных богов, которым дал словенские имена⁶. На поэтику Похлина оказали большое влияние барочные поэтики XVII в. немца М. Опица и чеха В. Росы⁷.

Кроме грамматики Похлин издал на словенском языке несколько агиографических сочинений, латинско-немецко-словенский словарь (1781) и биографический словарь словенских писателей (на латинском языке). Он подготовил также первую историю Крайны на словенском языке — «Краинскую хронику», где вновь призвал земляков писать на родном языке, а не на немецком и латинском, на которых и так написано много книг.

В 1773 г. вокруг Похлина в монастыре августинцев образовался кружок лиц, желавших изучать словенский язык и содействовать развитию словенской литературы. К этому кружку принадлежали августинец Феликс Дева, студент богословия Янез Михелич, преподаватель гимназии Мартин Наглич, советник граф Йоганн Эдлинг, гимназисты Валентин Водник и Йожеф Закотник⁸. Закотник стал первым собирателем словенских народных песен религиозного содержания. В 1775 г. Похлин был переведен в Венский монастырь, где пробыл шесть лет.

В эти годы разворачивается деятельность собрата Похлина по ордену Антона Феликса Дева, ставшего инициатором создания и основным автором первых трех сборников словенских стихов светского содержания. Они вышли в 1779, 1780 и 1781 гг. под названием «Писанице од лених уметност» («Альманах прекрасных искусств»). Четвертый сборник остался в рукописи. Кроме стихотворений самого Дева, альманах содержал стихи Похлина, Водника, Михелича, Наглича. Все произведения были написаны в духе «Поэтики» Похлина. Наиболее интерес-

ными в этом отношении являлись стихи Дева, барочные по форме (оды, элегии, басни). В них присутствовали мотивы одиночества, жажды общения с природой, зачатки любовной лирики, сатира, античные сюжеты, восхваление политики Иосифа II и т. д. Дев был автором либретто оперы «Белин» (Аполлон), в котором он воспользовался рекомендациями Похлина относительно переделки имен греческих богов на словенский лад⁹. В «Белине» четко прослеживается влияние поэзии венского поэта Метастазियो, известного своими аллегорическими постановками на мифологические сюжеты¹⁰.

Из круга поэтов «Писаниц» выделялся Валентин Водник, который опубликовал в них пять стихотворений. Два из них — «Довольный крайнец» и «Клек» — написаны под влиянием словенских народных песен¹¹.

Деятели, группировавшиеся вокруг Похлина и Дева, были еще тесно связаны со средневековой традицией. Они довольно слабо восприняли господствовавшие в то время в Европе просветительские идеи, поэтому их деятельность, будучи по своей сути национальной, то есть буржуазной, по форме принадлежала к предыдущей, феодальной эпохе, не выходя за рамки барокко. Разносторонняя деятельность Похлина и Дева не была по достоинству оценена современниками из кружка Цойса, так как казалась последним слишком примитивной.

В 1777 г. в Каринтии иезуит Ожбалът Гутсман издал свою словенскую грамматику. Труд Гутсмана, в котором он опирался на грамматику Богорича, высоко оценивался и современниками, и последующими поколениями ученых. В 1789 г. вышел в свет немецко-словенский словарь Гутсмана, в котором он показал себя хорошим знатоком как книжного, так и народного разговорного языка¹². Деятельностью Гутсмана заканчивается первый этап словенского Просвещения.

40—80-е годы XVIII столетия были в Австрии годами так называемого просвещенного абсолютизма. Мария Терезия и Иосиф II осуществили ряд экономических, политических и культурных реформ, которые создавали благоприятные условия для развития капиталистических отношений в стране. Реформы Иосифа II, подорвавшие влияние католической церкви, нашли поддержку в одном из течений католицизма, получившем название янсенистского. Янсенисты признавали необходимость подчинения духовенства государству, выступали за веротерпимость. Главой австрийских янсенистов был люблянский епископ

Карл Герберштейн. Поэтому в Крайне янсенизм среди духовенства был довольно распространенным явлением. Янсенисты сыграли определенную роль в словенском Просвещении.

Важное значение для поднятия культурного уровня населения австрийских земель, в том числе словенцев, имела школьная реформа. До середины 70-х годов XVIII в. низшая, средняя и высшая школы в Австрии находились в руках церкви. Реформа передавала образование под надзор государства. И хотя духовенство сохраняло известные позиции, особенно в низшей, сельской школе, контроль за обучением находился в руках государственных чиновников. В австрийских землях вводилась всеобщая обязательная школьная повинность. Новая школа должна была развеять «мрак невежества» и предоставить «каждому образование, соответствующее его сословию»¹³.

В Крайне проведение школьной реформы возглавил граф Иоганн Эдлинг, который собрал вокруг себя группу лиц, сочувствовавших реформам Иосифа II. Это были первые словенские просветители, не принадлежавшие к духовному сословию.

Следует отметить, что чиновничество на втором этапе словенского Просвещения стало важной социальной базой словенского национального движения. Во 2-м томе «Опыта истории Крайны» А. Линхарта приводится список лиц, купивших первый том. По данным словенского историка А. Гспана, среди них было 63 чиновника, 28 священников, 16 дворян, 7 лиц свободных профессий, 4 предпринимателя, 2 торговца, 1 ремесленник¹⁴. Чиновники, таким образом, составляли больше половины читателей книги, написанной одним из ведущих просветителей того времени. Доля духовенства и особенно горожан была значительно скромнее.

В 1779 г. директор люблянской нормальной школы Блаж Кумердей при энергичной поддержке графа Эдлинга создал просветительское общество *Akademia oreozorum* — Академию деятельных, просуществовавшую до 1783 г. В нее вошло 15 человек, позже число ее членов возросло до 23. Целью Академии провозглашалось изучение истории, словенского языка, поэзии, ораторского искусства, медицины, юриспруденции. В состав ее, кроме Кумердея, вошли другие деятели словенской культуры, в том числе М. Похлин, Ю. Япель, А. Линхарт. Ю. Япель при участии Кумердея осуществил издание нового перевода библии на словенский язык, при этом авторы использовали перевод

библии протестанта Далматина. Этим как бы подчеркивалась преемственность между новыми словенскими писателями и словенскими реформаторами.

После распада Академии оперозорум словенские просветители сгруппировались вокруг барона Жиги Цойса. Это был кружок словенской интеллигенции, объединявший людей, хорошо знакомых с творчеством европейских просветителей и по многим вопросам разделявших их взгляды. Они сочувствовали идеям Руссо, французских энциклопедистов, Гердера, Шлёцера, Аделунга.

Видными членами кружка Цойса были Б. Кумердей, А. Линхарт, В. Водник, позднее — Е. Копитар. Сам Цойс — богатейший помещик Крайны, владелец рудников — проявлял пристальное внимание к словенскому языку и фольклору, собирал словенские народные песни шуточного содержания — поскочицы, материально поддерживал культурные акции словенских просветителей. Цойс прекрасно знал словенский язык, имел дар поэта, неплохо разбирался в истории, минералогии.

Члены кружка Цойса много сделали для становления различных областей словенской культуры. Особое внимание они обращали на развитие словенского литературного языка. Уже при создании Академии оперозорум Кумердей придавал важное значение развитию отечественного языка, ставил задачу подготовки словенско-немецкого словаря¹⁵. Члены кружка Цойса критиковали грамматику Похлина, так как ее автор не учитывал труд Богорича и взял за основу речь горожан, а не крестьян — хранителей чистого народного языка¹⁶.

Кумердей предпринял попытку создать новую словенскую грамматику. Начал ее писать он как грамматику «славянского» языка, ставя перед собой задачу помочь каждому, кто знает хотя бы одно славянское наречие, легко научиться и всем остальным. Позже под влиянием Цойса и Линхарта он стал переделывать ее в чисто словенскую грамматику. Его труд включал главу о словенском стихосложении. Суть словенской поэзии он видел в языковом и мелодическом воплощении «привлекательного и развлекательного»¹⁷. Работа Кумердея не была напечатана, но ею пользовались впоследствии В. Водник и Е. Копитар.

Большое значение для развития Просвещения в словенских землях имела деятельность Кумердея как инспектора народных (начальных) школ и директора Люблянской нормальной школы, считавшейся одной из лучших

в государстве. В 1773 г. он представил австрийскому правительству «Патриотический проект, как успешнее всего обучать крайнское население чтению и письму», в котором предлагал ввести обучение на родном языке, создав для этого словенские учебники. Кумердей сам положил начало выполнению своего проекта, издав словенско-немецкую хрестоматию и сборник упражнений (перевод с немецкого)¹⁸.

Наиболее яркой личностью в кружке Цойса был, несомненно, Антон Томаж Линхарт (1756—1795), сын радовлицкого ремесленника. Он получил образование сначала в люблянкой иезуитской гимназии, затем в Вене. В 1780 г. Линхарт приехал в Люблянну, полный просветительских идей и преклонения перед деятельностью Иосифа II. В своей речи на заседании Академии оперозорум (1781) он заявил: «Сейчас мы можем мыслить свободно, ибо имеем на престоле Иосифа»¹⁹. К словенскому национальному движению Линхарт сначала оставался равнодушным. Первые его произведения — трагедия «Мисс Дженни Лав» и сборник стихотворений «Цветы из Крайны» — вышли в свет на немецком языке. В них, особенно в трагедии, отразились гуманистические идеи автора, его ненависть к произволу и угнетению, чувствовалось влияние молодых немецких литераторов — участников движения «Бури и натиска»²⁰. Встреча с Цойсом пробудила у молодого писателя интерес к словенской культуре.

Первое время Линхарт работал в архиве люблянского епископа — янсениста Карла Герберштейна. С 1786 г. он стал школьным инспектором Верхней Крайны, а с 1791 г. — секретарем губернии. Вместе с Кумердеем Линхарт активно проводил в жизнь школьную реформу. Ему удалось добиться роста числа начальных школ в своем округе с 12 до 39. Как и Кумердей, Линхарт выступал за обучение детей на словенском языке. При поддержке просветительского Общества сельского хозяйства и полезных искусств, образованного вскоре после ликвидации Академии оперозорум, он предпринял попытку создать научную библиотеку в Любляне на основе книг из хранилищ распущенных монастырей. Этого удалось добиться только в 1791 г. Благодаря хлопотам Линхарта в Люблянском лицее в 1788—1791 гг. были восстановлены двухгодичные высшие курсы философии и теологии, ликвидированные властями в первой половине 80-х годов²¹.

Главным делом жизни Линхарта стало написание истории словенцев. Работа вышла на немецком языке в двух

томах под названием «Опыт истории Крайны и других южнославянских земель Австрии» (1788, 1791). Труд Линхарта, по словам Э. Карделя, призван был доказать, что словенский народ имеет право на место под солнцем²². Линхарт первым из словенских просветителей заявил о том, что словенцы и краинцы — один народ. Уже в объявлении о выходе своей книги, помещенном в «Лайбахер Цайтунг» 17 августа 1786 г., он утверждал: «Народ, который живет в Южной Австрии между Дравой и Адриатическим морем, принадлежит к великому и известному племени славян и представляет по своему языку и происхождению одну и ту же народную ветвь, которую только случайно делят на краинцев и виндов (т. е. словенцев. — *И. Ч.*)»²³.

В предисловии к первому тому «Опыта истории Крайны» Линхарт писал, что поставил перед собой цель «проследить через бесконечную цепь событий путь человечества в этом маленьком уголке Европы». При этом он пояснял, что предполагает написать историю не только провинции Крайны, но всех южных славян Австрии, живущих на территории от Сербии и Далмации до Тироля и Баварии и от Истрии до реки Муры в Штирии. Линхарт подчеркивал, что в основе его периодизации истории — не правления тех или иных монархов и не смена религий, когда-либо существовавших в указанных областях, но движение народов, населявших их в различные времена.²⁴ Уже сам принцип изложения исторических событий, провозглашенный словенским просветителем, свидетельствовал о его полном разрыве с традицией феодальной историографии. С просветительских позиций подходил Линхарт и к историческим трудам своих предшественников, отмечая у них отсутствие критичности, пристрастность. Он пытался расширить круг источников, привлекая наряду со старинными хрониками эпиграфику, данные языка и этнографии.

Первым среди словенских национальных деятелей Линхарт высказал антифеодальные идеи, подчеркнув в своей книге, что словенские крестьяне питают вражду к немецкому дворянству. «Опыт истории Крайны» вполне соответствовал уровню развития европейской науки того времени. На Линхарта оказали большое влияние исторические труды крупнейших европейских просветителей — Вольтера, Руссо, Шлёцера, Аделунга. Особое значение для него имело знакомство с книгами немецкого историка К. Г. Антона, исследовавшего историю лужицких сербов. В 1789—1793 гг. Линхарт вел с ним активную переписку.

В письме к своему другу М. Куральту Линхарт подчеркивал, что в трудах Антона его привлекает использование немецким ученым в качестве источника языка и этнографии славян²⁵.

Линхарту принадлежит заслуга создания первых драматических произведений на словенском языке: «Жупанова Мицка», в основе которой лежала комедия немецкого писателя Й. Рихтера «Сельская мельница», и «Веселый день, или Матичек женится» — переработка пьесы П. О. Бомарше «Женитьба Фигаро». Обе комедии были приспособлены к словенским условиям — их действие перенесено в словенские земли, крестьяне и слуги получили словенские имена, дворяне — немецкие. Произведение Бомарше было основательно переработано Линхартом, 14 сцен написано заново. Сохранив антифеодалную направленность пьесы «Женитьба Фигаро», Линхарт в своем «Матичеке» выразил протест против национального гнета. В сцене судебного разбирательства он показал не только произвол дворян над крестьянами, но и полное пренебрежение онемеченного чиновничества к словенскому языку. Садовник Матичек выступал в пьесе не только как борец против феодальных порядков, но и как защитник национальных прав словенцев, требуя, чтобы ему зачитали приговор «по-краински». Здесь Линхарт недвусмысленно выступал против указа Иосифа II, провозглашавшего немецкий язык единственным административным языком Австрии²⁶.

Линхарт, как и Цойс, активно участвовал в деятельности различных просветительских обществ Любляны, немецко-словенских по своему составу. Он был членом Общества сельского хозяйства и полезных искусств, которое выделило средства для напечатания его «Опыта истории Краины». Активно сотрудничал он и в Обществе любителей театра.

Много сделал для развития словенской культуры Валентин Водник (1758—1819). Он происходил из зажиточной крестьянской семьи, учился в люблянкой иезуитской гимназии. В гимназические годы посещал кружок Похлина, написал ряд стихотворений, которые были помещены в «Писаницах». Водник был довольно образованным человеком, знал несколько языков. «Краинскому меня научила мать, — писал он в своей автобиографии, — немецкому и латинскому — школа, итальянскому, французскому и славянским — мое собственное старание»²⁷. После выхода в свет «Писаниц» Водник долгое время не участвовал в об-

щественно-культурной жизни. Только в 1794 г. под влиянием Цойса и Линхарта он возвратился к просветительской деятельности, взяв на себя редактирование словенского календаря для крестьян, выходявшего в 1795—1806 гг. Помимо календаря, Водник с 1797 г. издавал первую газету на словенском языке — «Лубланске новице». Она выходила сначала два, затем один раз в неделю и предназначалась для интеллигенции. В ней помещались статьи о внутренней жизни Краины и других земель Австрийской монархии, заметки об экономике, различного рода объявления, иностранная хроника, стихи, юмористические рассказы. Газета прекратила свое существование через четыре года, не сумев собрать необходимое число подписчиков. В 1798 г. Водник оставил место священника и стал преподавателем люблянской гимназии.

Наиболее интенсивно педагогическая деятельность В. Водника развернулась в период существования Иллирийских провинций (1809—1813). Они были образованы из австрийских земель, отошедших по Шенбрунскому договору 1809 г. к Франции, и включали почти все словенские земли (без Штирии и Целовецкого округа Каринтии), часть Хорватии, Далмацию с Дубровником, Истрию. Французские власти провели там ряд буржуазных реформ, в частности, отменили патримониальный суд и цехи, ввели словенский язык в низшие школы и некоторые учреждения. Этим на сторону французов была привлечена часть местного дворянства, буржуазии, духовенства, некоторые национальные деятели, в том числе и В. Водник. Он стал директором гимназии и ремесленной школы, инспектором народных школ. Водник издал несколько учебников на словенском языке, в том числе первую словенскую грамматику, написанную по-словенски. Будучи лицом духовного звания, он не написал ни одного религиозного сочинения, кроме школьного катехизиса. С 1804 по 1806 г. Водник интенсивно работал над созданием немецко-словенского словаря, собрав для него около 140 тысяч словенских слов. И хотя ему не удалось издать свой словарь, его материалы были использованы позднее в словарях М. Цигале (1860) и М. Плетершника (1894—1895) ²⁸.

Водник стал первым словенским поэтом. Он начал писать стихи еще гимназистом в кружке Марко Похлина. Затем под влиянием народных песен и советов Цойса, призывавшего его писать «в народном духе и для народа» ²⁹, Водник стал использовать в своих стихах народ-

ные мотивы и народный песенный стиль. Богатое стихотворное наследие Водника включает стихи сатирические, бичующие пьянство и паразитизм, оды, прославляющие Наполеона («Иллирия возрожденная»), Габсбургов («Иллирия возвеличенная»), произведения, в которых он выступает против немецкого угнетения («Немецкий конь и крайнская кляча»). Его личные переживания отражены в стихотворениях, посвященных природе. Дарование Водника было довольно скромным, мир мыслей и чувств провинциальным, близким мыслям и чувствам обычного человека³⁰. Сборник стихов Водника «Поэтический опыт», вышедший в свет в 1806 г., стал важной вехой в развитии словенской литературы.

Деятельность членов кружка Цойса стала высшим достижением эпохи словенского Просвещения. Этому благоприятствовали внешние обстоятельства, в частности, те реформы, которые проводились в период просвещенного абсолютизма Иосифа II и позднее, во времена владычества Наполеона. Эти преобразования создали возможность сравнительно свободного выражения взглядов.

Для деятелей первых двух периодов словенского Просвещения было характерно понимание близости словенцев другим славянским народам. Оно основывалось на научных взглядах того времени, которые заключались в том, что славяне являются единым народом с единым языком, делящимся на ряд наречий. Такого мнения придерживались крупнейшие ученые конца XVIII—начала XIX в., немцы И. Г. Гердер и И. К. Аделунг, чех Й. Добровский, словенец Е. Копитар, русский А. Х. Востоков. Имелись и политические причины того, что словенские просветители активно подчеркивали близость словенцев к славянам и прежде всего к русским, единственному славянскому народу, сохранившему свою независимость, создавшему могущественное государство. Словенские национальные деятели как представители небольшого народа, не имевшего исторических традиций собственной государственности и только приступившего к созданию собственной национальной культуры, черпали в сознании языковой и этнической общности с другими славянами силу для борьбы за свои национальные права.

Уже Гутсман называл словенцев «несчастной ветвью славянского языкового древа», обосновывая право словенцев развивать свой язык тем, что родственные им народы занимают обширную территорию от Северного до Адриатического моря³¹.

Члены кружка Цойса делали из языкового и этнического родства славян еще более далеко идущие выводы. Б. Кумердей на заседании Академии оперозорум в 1779 г. заявил: «Народ, от которого мы исходим, — самый презираемый в так называемом цивилизованном мире, только блестящие деяния наших родных братьев русских могут это презрение до некоторой степени парализовать»³². А. Линхарт в «Опыте истории Крайны» подчеркивал, что «ни один народ не заслуживает такого внимания историка, философа и политика, как славяне»³³. Поскольку славянское население в Австрийской монархии составляет большинство, считал Линхарт, она может по праву называться, как и Россия, славянским государством³⁴. В «Лубланских новицах» Водник знакомил словенцев со славянами и русскими. В одной из статей он указывал, что «краинцы являются частью великого славянского народа, который в настоящее время живет на территории от Триестинского моря до Ледовитого в Московии. . . и от Богемии до Камчатки»³⁵. Позднее, в июне 1799 г., когда русские войска проходили через словенские земли для борьбы с наполеоновской армией, Водник опубликовал в «Лубланских новицах» статью, посвященную русским. «Теперь мы видим воочию, — говорилось в ней, — каких мы имеем великих братьев в мире, сохранивших в чистоте наш славянский язык. К нему мы должны приближаться, если хотим усовершенствовать свой язык. Мы должны учиться у них, как защищать свою страну от врагов»³⁶.

Пребывание в 1799 г. в словенских землях войск Суворова, а в 1810 г. — моряков Сенявина оказало определенное влияние на развитие национального самосознания словенцев. «Они с сего времени как бы пробудились ото сна, — вспоминал один из русских офицеров, В. Броневский, — вера, язык и сходство нравов польстило их народной гордости. Для них нет ничего приятнее, как говорить о России, о нашем государстве, правительстве и о счастье быть русским»³⁷.

Во время войны 1812 г. большинство словенских просветителей с симпатией следило за борьбой русского народа с армией Наполеона и горячо приветствовало победу России над Францией. Такие настроения были характерны, в частности, для словенских деятелей Штирии и Каринтии Я. Примица, У. Ярника, М. Шнайдера³⁸.

Интерес и симпатии к России в конце XVIII—начале XIX в. словенцы выражали довольно открыто, поскольку

Австрия в это время находилась в союзнических отношениях с русским правительством, ведя совместную борьбу с наполеоновской Францией. Отношение к славянам и особенно к России наложило отпечаток на развитие словенской культуры. Так, призыв Водника изучать русский и другие славянские языки, использовать их словарный запас при формировании словенского литературного языка не был простой декларацией. При создании первой словенской грамматики на словенском языке Водник активно заимствовал русскую грамматическую терминологию. В свой немецко-словенский словарь, оставшийся в рукописи, он включил множество русских, чешских, хорватских, серболужицких слов, часть из которых до сих пор сохранилась в словенском языке ³⁹.

Разгром наполеоновской Франции, установление в Австрийской монархии реакционного меттерниховского режима привели к резкому ухудшению политической обстановки в словенских землях. Просветительские идеи преследовались властями, которые справедливо видели в них источник революционных настроений. В это время центральной фигурой словенской культуры стал выдающийся ученый-славист Ерней Копитар (1780—1844). Его деятельность началась в кружке Цойса, домашним учителем и секретарем которого он был некоторое время. Многие идеи членов кружка были им восприняты и переработаны. Е. Копитар считал себя последователем Гердера, Шлёцера, Аделунга и особенно основоположника славистики Й. Добровского. С последним он переписывался многие годы и с гордостью называл себя его учеником. В 1808 г. Копитар уехал из Любляны в Вену, где с 1810 г. и до смерти был цензором сначала славянских, а затем греческих и румынских книг, одновременно являясь скриптором венской придворной библиотеки.

Деятельность Копитара-филолога завершила целый этап в развитии словенского литературного языка. В своей «Грамматике славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии», вышедшей на немецком языке в 1809 г., Копитар вслед за Линхартом провозглашал славянский язык этих провинций одним и тем же языком. В предисловии к работе он подчеркивал, что, хотя славяне Каринтии и Штирии называют себя словенцами и виндами, а жители Крайны — краинцами, «язык, одежда, образ жизни один и тот же как у виндов, так и у краинцев» ⁴⁰. В первой части «Грамматики» Копитар дал обзор всех славянских племен и их языков согласно классификации Добровского.

Он акцентировал внимание на том, что южные славяне первыми приняли христианство благодаря деятельности немецких и итальянских монахов и особенно двух греков — Кирилла и Мефодия. О последних Копитар писал с большой теплотой, подчеркивая, что они вели проповеди на славянском языке. Он восхищался их азбукой — кириллицей, где каждому звуку соответствовала одна буква. И все же Копитар считал, что латиница имеет преимущество перед кириллицей, так как ею пользуются все европейские народы и она облегчает «общение и сближение с другими образованными европейцами»¹¹. Поэтому Копитар призывал Добровского создать для славян такую латинскую азбуку, которая имела бы все достоинства кириллицы. К тому же Копитар ратовал за введение у славян латиницы, опасаясь, что введение кириллицы приведет к усилению влияния православия и России. А к России он относился с неприязнью, видя в ней главного соперника Австрии на Балканах. Копитар мечтал о том, чтобы австрийское правительство создало славянский университет в Вене, который стал бы центром австрославянской культуры. По мнению ученого, это помогло бы Австрии привлечь внимание балканских славян.

Грамматика Копитара явилась первой грамматикой словенского языка, а не отдельных его наречий, как это было раньше. Хотя Копитар был решительным сторонником фонетического правописания, за которое ратовал Аделунг, он не смог осуществить его в словенской грамматике из-за большого количества словенских наречий. Поэтому Копитар вынужден был придерживаться этимологического принципа правописания.

Копитар считал все славянские языки диалектами единого славянского языка, однако он стоял за развитие литературы на этих диалектах. Впоследствии они, по мнению Копитара, должны были слиться в одну славянскую литературу, а славянские диалекты — в единый славянский язык. Этому должен был способствовать общий для славян латинский алфавит. Добровский не откликнулся на призыв Копитара. Его идеи восприняли молодые словенские филологи — священники Ф. Метелко и П. Дайнко. В 1824 г. Дайнко издал свою грамматику, отражавшую особенности штирийского диалекта, со своим алфавитом. Через год вышла грамматика Метелко, ученика Копитара, основанная на крайском диалекте. Метелко создал свой алфавит с двенадцатью новыми буквами. Таким образом,

к началу 30-х годов книги в Словении печатались на трех алфавитах: богоричице, метелчице и дайнчице.

Подробно своим современникам, Копитар отводил литературе и искусству большую роль в деле просвещения народа. Считая словенский язык недостаточно развитым, он полагал, что для словенской литературы (как и других славянских литератур) фольклор важнее художественных произведений, создаваемых отдельными писателями. Поэтому он с восторгом отзывался о народной сербской поэзии. Прежде чем приступить к развитию своей художественной литературы, достойной стать вровень с европейской, словенцы должны, по его мнению, очистить свой литературный язык от иноземных (немецких и итальянских) слов, заменяя их взятыми из словенских диалектов или других славянских языков, в первую очередь старославянского. Последний он считал прямым предшественником словенского языка. Призывая писателей прислушиваться к языку крестьян, Копитар рекомендовал не избирать для переводов труды немецких литераторов, ибо таким образом германизмы могут попасть в словенские книги. Для успешного развития словенского литературного языка Копитар считал необходимым создать полный словенский словарь и учредить кафедру словенского языка при богословской семинарии⁴². На данном же этапе Копитар предполагал ограничиться написанием для народа книг практически-нравоучительного содержания, а также сбором и изданием фольклора. Программа Копитара стала знаменем словенских янсенистов в 10—20-е годы XIX в. Она вполне устраивала и правительственные круги, ибо такая литература не грозила политическими осложнениями. После 1813 г. словенское Просвещение со своим сугубо утилитарным, нравоучительным характером стало приобретать консервативные черты.

Одним из главных проводников программы Копитара в словенских землях был священник Матевж Равникар, преподаватель Люблянского лицея. «Романы и другие поэтические творения, — писал он в 1824 г., — . . . одно из самых действенных . . . средств деморализации не только молодежи, но и целых народов»⁴³.

В 1817 г. Равникар издал свой перевод на словенский язык книги К. Шмида «Повести из священного писания для молодежи». Ему удалось при содействии Копитара добиться создания в Люблянском лицее кафедры словенского языка, первым профессором которой стал молодой янсенист Метелко.

Некоторые янсенисты признавали ограниченность литературной программы Копитара. Так, Метелко в 1818/19 учебном году читал лекции о словенской поэзии, где называл ее «одним из благороднейших средств, с помощью которых происходит совершенствование языка»⁴⁴, ибо поэзия придает ему гибкость и нежность, учит писателей употреблять красивые слова, делает речь благозвучной, обогащает ее. Метелко считал, что словенский язык, мелодичный по своей природе, более пригоден к поэтическому творчеству, чем латинский, французский и немецкий языки. Лекции Метелко во многом основывались на поэтике Кумердея, с рукописью словенской грамматики которого он был знаком. Среди слушателей Метелко был и Матия Чоп, будущий теоретик словенского романтизма.

В начале 20-х годов многие ученики лицея в Любляне увлекались стихами. Осенью 1824 г. три молодых священника — Янез Циглер, Ксавер Андриолли и Игнац Хольцапфель попросили разрешения у местных властей на издание научного журнала «Славиня». В нем предполагалось публиковать статьи по истории, географии, естествознанию, филологии, этнографии, педагогике и т. д. Власти были готовы разрешить журнал, но люблянские янсенисты дали такую характеристику просителям, что венский министр полиции рекомендовал отвергнуть ходатайство⁴⁵.

В Штирии и Каринтии словенская литература развивалась более свободно, не стиснутая узкими рамками янсенизма. В 1810 г. в Граце студент-юрист Янез Примциц создал Словенское общество, целью которого было изучение славянской истории, географии, этнографии, литературы. В 1811 г. Примциц стал профессором словенского языка в Грацком лицее. Он пытался связать обучение молодежи словенскому языку с обучением словенской поэтике, поскольку был уверен, что «поэзия является первым условием высокой культуры»⁴⁶. Примциц сам писал стихи, переводил на словенский язык Гомера и Эзопа, Гете и Шиллера.

Деятельность Штефана Модриняка, последователя «веселого певца Словенских гор» — словенского поэта-священника Л. Фолькмера, также протекала в Штирии. В своих стихах Модриняк воспевал свободу, любовь к женщине. Они не могли быть напечатаны, так как автор был священником, но некоторые из них распространялись в рукописях, например, стихотворение «Молитва словенской богине», представлявшее собою восхваление богини мудрости Афины Паллады. К ней поэт обращается с просьбой

содействовать просвещению и освобождению славян⁴⁷. Модричак оказал большое влияние на поэта-романтика Станко Врза.

Стихи поэта-просветителя Урбана Ярника, жившего в Каринтии, также приходского священника по своему социальному положению, представляли собою яркий пример поэзии переходной от классицизма к романтизму. С одной стороны, в них сильны правоучительность, пасторальная манера изображения, с другой — уже наблюдаются сентиментальная чувствительность, интимное отношение к природе, любовные мотивы. По своей тематике стихи Ярника чрезвычайно разнообразны. В них нашли свое отражение патриотические, антимилитаристские, моралистические, любовные, шуточные, эпические, космическо-религиозные настроения. Форма стиха была заимствована им у словенских народных песен — поскочиц⁴⁸. Элементы предромантизма заметны и в поэзии каринтийца М. Шнайдера.

Штирийские и каринтийские поэты раздвинули рамки словенской литературы, своим творчеством они противостояли попыткам Копитара и янсенистского духовенства ограничить ее созданием лишь религиозно-правоучительных произведений. Их деятельность подготовила почву для расцвета романтизма в 30-е годы.

Театральные представления в словенских землях известны с конца XVII в. Они давались студентами иезуитского коллегия, чаще всего из бедных семей. В основе пьес лежали исторические, библейские, мифологические сюжеты («Мария Стюарт», «Давид» и т. д.). Представления чаще давались на латинском, иногда на словенском языке. Так 6 февраля 1670 г. на словенском языке игралась пьеса «Рай». Представления на евангельские темы происходили во время мистерий в Новом Месте, Кране, Шкофье Локе, Целье. Здесь соперниками иезуитов выступали капуцины. В 1773 г. после запрещения ордена иезуитов австрийские власти запретили и мистерии.

Однако театральная жизнь в Любляне не замерла. Во второй половине XVIII в. наряду с итальянскими оперными труппами в городе гастролировали и немецкие артисты. В 1776 г. в Любляне был открыт Сословный театр на 800 мест. На его сцене в 1779—1783 гг., а также в 1786—1788 гг. выступала знаменитая театральная труппа Э. Шиканедера⁴⁹. Она ставила не только оперы, но и драмы. В репертуаре труппы были пьесы Лессинга, Гете, Шиллера, Шекспира⁵⁰. Под влиянием немецкого театра

интерес к драматическим постановкам стали проявлять и словенские национальные деятели, рассматривавшие театр как одно из наиболее важных средств воспитания народа.

В 1786—1787 гг. А. Линхарт основал Общество любителей театра. Членами Общества на сцене Сословного театра было поставлено несколько спектаклей на немецком языке. По некоторым сведениям, Общество носило масонский характер. Средства, получаемые от представлений, предназначались для бедных. В начале 90-х гг. Общество распалось. По-видимому, это было связано со смертью Иосифа II и начавшимися гонениями на масонов. В числе его членов, кроме Линхарта и его жены, были врач, владелец суконной фабрики, три адвоката, граф Ф. Гогенварт и др. Именно для этого Общества и были написаны две комедии Линхарта — «Жупанова Мицка» и «Веселый день, или Матичек женится».

Обе комедии были изданы в 1790 г. А уже 28 декабря 1789 г. в Сословном театре состоялось представление «Жупановой Мицки». В театре присутствовало 650—700 человек. На следующий день в люблянской газете «Лайбахер цайтунг» была помещена небольшая восторженная рецензия о постановке. В ней восхвалялись члены Общества любителей театра, которые «положили основание усовершенствованию своего родного языка и приспособили его также и для сцены». Месяц спустя после представления 26 января 1790 г. Линхарт описал Антону свои впечатления об отношении публики к постановке: «С радостью я увидел, что те самые славяне, которых уже столько веков подвергают германизации, еще ощущают себя славянами и горячо привазапы к своему языку, обычаям, происхождению»⁵¹.

Вторая пьеса Линхарта, «Матичек женится», тоже, по-видимому, готовилась к постановке. Во всяком случае, для нее писал музыку Новак. Прекращение деятельности Общества друзей театра, наступление реакции в Австрийской монархии сделали эту постановку невозможной. Развитие словенского театра было прервано на несколько десятилетий вплоть до 1848 г. Но основы, заложенные Линхартом, способствовали в дальнейшем его успешному развитию.

Музыкальная культура в словенских землях имела давние традиции. Речь идет не только о народных песнях, которые бытовали среди крестьян и низших слоев городского населения, но и о музыке, удовлетворявшей вкусам

средних и богатых горожан, дворянства. В XVII—первой половине XVIII в. в Любляне, а также в некоторых других городах (Мариборе, Птуе, Радгоне, Целье) существовали цехи скрипачей и пиццальников.

Церковная музыка находилась на более высоком уровне развития. Особенно славился музыкантами Люблянский иезуитский коллегий, а также хор иезуитской церкви св. Якоба (Любляна). Нередко иезуиты и другие религиозные ордена привлекали для больших мистерий городских музыкантов из цехов скрипачей и пиццальников.

В начале XVIII в. в Любляне была организована Академия филармоникорум — общество, объединявшее любителей музыки из дворян и высших слоев городского населения. Она действовала по примеру подобных же обществ во Флоренции, Болонье, Вероне. Филармонисты исполняли мессы, оратории, инструментальные серенады, симфонические музыкальные произведения в церквях, во время мистерий и лодочных соревнований, проводившихся ежегодно на Люблянице, торжественных приемов важных лиц. Академия филармоникорум укрепила связь словенских музыкантов с музыкальной культурой Западной Европы, прежде всего Италии.

С конца XVII—до середины XVIII в. в музыкальной жизни словенских земель господствовало барокко, которое было характерно как для церковной, так и для светской музыки и не имело ярко выраженной национальной окраски. В 1729, 1752 и 1775 гг. вышли сборники религиозных песен на словенском языке. Смысл издания этих сборников авторы видели в отвлечении народа, особенно молодежи, от пения песен светского содержания⁵².

К началу словенского возрождения все три компонента музыкальной жизни в словенских землях сошли на нет: прекратила свою деятельность Академия филармоникорум, были запрещены орден иезуитов и мистерии, кончили свое существование цехи скрипачей и пиццальников. Зато все большее значение стали приобретать гастроли итальянских оперных трупп. В 30—70-е годы они стали обычным явлением культурной жизни Любляны. Только за один сезон 1776/77 г. итальянские артисты дали в городе 13 оперных спектаклей. С 60-х годов конкурентами итальянских певцов выступили немецкие трушпы, принесшие на люблянскую сцену и оперетту.

В этих условиях предпринимаются первые попытки создания словенской оперы. Регент церковного хора в Камнике Якоб Зупан написал музыку на либретто Ф. Дева

«Белин». Музыка эта не сохранилась, однако известно, что в сочинении Зупана имелись речитативы, арии, хор. Янез Крстник Повак написал музыку в стиле рококо к комедии Линхарта «Матичек женится»⁵³. Обращение композиторов к текстам на словенском языке являлось одним из показателей новых, возрожденческих веяний в музыкальной жизни словенских земель.

«Белин» и «Матичек женится» не были поставлены на сцене. Однако во время представления итальянских опер некоторые арии исполнялись на словенском языке, что вызывало восторженный прием у зрителей. Переводы с итальянского осуществляли два видных словенских просветителя — Ж. Цойс и А. Линхарт⁵⁴.

В 1794 г. в Любляне было основано Филармоническое общество. Ведущую роль в нем играли представители буржуазных городских кругов, дворянство присоединилось к нему позднее. Сначала общество давало концерты для узкого круга любителей музыки: своих членов и приглашенных гостей. С начала XIX в. деятельность его расширяется. Новый слушатель требовал и новой музыки. На концертах Филармонического общества исполнялись произведения Моцарта, Бетховена, Гайдна. Два последних были избраны его почетными членами⁵⁵. В 1819—1820 гг. молодые фольклористы начали записывать мелодии народных словенских песен.

О высоком уровне развития музыкальной культуры в словенских землях свидетельствует успешная деятельность мастеров, изготовлявших музыкальные инструменты, прежде всего органы для церквей, — Янеза Янечека (30-е годы XVIII в.), Янеза Михаела Заеца и Юрия Янеза Эйсела (середина XVIII в.). Особой известностью во второй половине XVIII в. пользовался священник Франц Ксавер Крижмап, создававший органы для церквей Крайны, Горицы, Штирии, Австрии⁵⁶.

Словенские архитектура и живопись в эпоху Просвещения развивались в русле европейского изобразительного искусства, под большим влиянием итальянской и венской школ.

В архитектуре господствовал классицизм со значительной примесью элементов барокко и отчасти рококо. В этом стиле во второй половине XVIII в. были построены церкви в Любляне, Мариборе, Постойне. В Любляне Кафедральный собор, церковь св. Урсулы, храм Креста господня, фонтан, символизирующий крупнейшие реки Крайны, были созданы итальянскими архитекторами. Автором

люблянской ратуши стал местный мастер Грегор Мачек. Из гражданских зданий города наиболее ярко представлял этот стиль дворец Грубера (Груберовы палаты).

В классическом стиле возводились постройки в южных частях словенских земель: на курорте Рогашка Слатина (античный храм над источником) и особенно в Триесте. Во второй половине XVIII в. был создан и осуществлен проект застройки новой части Триеста. Особый интерес представляли здание биржи и церковь св. Антония. Побывавший в Триесте в 1810 г. русский морской офицер В. Б. Броневский так писал о впечатлении, произведенном на него городом: «Наружность домов во вкусе новой архитектуры не уступает лучшим нашим петербургским зданиям. . . Новый город построен вокруг гавани на ровном месте, в нем улицы широки, вымощены плитником и всегда очень чисты»⁵⁷.

Из художников, живших во второй половине XVIII в. в словенских землях, своим незаурядным мастерством выделялся Ф. Брегант — сын столяра из Камника. В центре его внимания всегда находился человек. Интерес представляют портреты Бреганта — самые значительные барочные портреты в Словении. Для них характерна острая манера письма, психологизм⁵⁸. Два видных художника-словенца жили в Вене: Ф. Кавчич и Л. Янша. Первый писал в строго классицистической манере, чаще всего на сюжеты из римской истории, второй изображал на своих картинах пейзажи с руинами, ближе стоял к романтической школе. Они оказали значительное влияние на последующее поколение словенских художников⁵⁹.

Говоря об особенностях развития словенской культуры в период Просвещения, следует отметить, что она формировалась под сильным стихийным воздействием более развитых культур соседних народов — немецкого и итальянского. Вместе с тем словенские будители, опасаясь ассимиляции, сознательно пытались преодолеть их влияние. Это выразилось в борьбе против немецкого засилья, что нашло свое отражение в комедиях Линхарта, некоторых стихотворениях Водника. Даже у Копитара, при всех его верноподданнических чувствах по отношению к Габсбургам, прослеживается это чувство, проявившееся в его борьбе против германизмов в словенском языке. При создании национальной культуры словенские просветители с самого начала старались опираться не только на традиции словенской народной культуры, но и на достижения культур других славянских народов, в том числе русского.

И еще одна особенность характеризовала словенскую культуру (прежде всего литературу) в годы Просвещения: социальные противоречия в ней отразились довольно слабо, за исключением пьес Линхарта практически нигде. Это было обусловлено общей неразвитостью словенского общества в социальном отношении. Классовую базу словенского Просвещения составляли мелкобуржуазные слои города и отчасти деревни. Просветители приравнивались к их уровню и потребностям.

В период Просвещения не все области словенской культуры развивались равномерно. Наибольших результатов добилась литература, вернее, отдельные ее жанры: поэзия, драматургия, журналистика. Определенные успехи были достигнуты и в деле создания словенской науки (история, филология), национального образования. В театре и музыке были сделаны только первые шаги на пути к созданию национального искусства. Архитектура и живопись развивались в европейском контексте. И все же можно утверждать, что именно в период Просвещения были заложены основы словенской национальной культуры.

-
- ¹ *Curkina I.* Jezuit Gabrijel Gruber v Rusiji: Arhivi. Ljubljana, 1981. N 1—2. S. 106.
 - ² *Koruza J.* Spremna beseda // Pisanice od lepeh umetnost. Ljubljana, 1977. S. 6.
 - ³ *Koruza J.* K problematiki slovenskega preroda // Jezik in slovstvo. Ljubljana, 1975/76. N 4. S. 117.
 - ⁴ *Slodnjak A.* Slovensko slovstvo. Ljubljana, 1968. S. 49.
 - ⁵ *Pogačnik J.* Jernej Kopitar. Ljubljana, 1977. S. 99, 132, 136.
 - ⁶ *Koruza J.* Konstituiranje slovenske posvetne književnosti in njenih žanrov // Obdobje razsvetljenstva v slovenskem jeziku, književnosti, kulturi. Ljubljana, 1979. S. 9—10.
 - ⁷ *Slodnjak A.* Slovensko slovstvo. S. 60.
 - ⁸ *Gspan A.* Anton Tomaž Linhart: Njegovo doba, življenje in delo // *Linhart A.* Ta veseli dan ali Matiček se ženi. Maribor, 1967. S. 189.
 - ⁹ *Koruza J.* Spremna beseda. S. 3—22.
 - ¹⁰ *Cenda M.* Slovenski razsvetljenci in Metastasio // Jezik in slovstvo. 1968. N 8. S. 239.
 - ¹¹ *Koruza J.* Spremna beseda. S. 24—25.
 - ¹² *Slodnjak A.* Slovensko slovstvo. S. 61—62.
 - ¹³ *Кузьмин М. И.* Школа и образование в Чехословакии. М., 1971. С. 56.
 - ¹⁴ *Gspan A.* Anton Tomaž Linhart. S. 249—250.
 - ¹⁵ *Koruza J.* Spremna beseda. S. 16.
 - ¹⁶ *Pogačnik J.* Jernej Kopitar. S. 141.
 - ¹⁷ *Slodnjak A.* Slovensko slovstvo. S. 63, 73.
 - ¹⁸ *Koruza J.* Spremna beseda. S. 16; *Плотникова О. С.* Становление словенского литературного языка в период национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1979, С. 340.

- ¹⁹ *Paternu B.* Slovenska literarna kritika pred Levstikom. Ljubljana, 1960. S. 5.
- ²⁰ *Kalan F.* Anton Tomaž Linhart. Ljubljana, 1979. S. 11–13.
- ²¹ *Gspan A.* Anton Tomaž Linhart. S. 229–233.
- ²² *Kardelj E.* Razvoj slovenskega narodnega vorpšanja. Ljubljana, 1970. S. 251.
- ²³ *Gspan A.* Anton Tomaž Linhart. S. 239.
- ²⁴ *Linhart A.* Versuch einer Geschichte von Krain und der übrigen südlichen slaven Oesterreichs. Laybach, 1788. V. 1. S. 3, 9, 12.
- ²⁵ *Linhart A.* Zbrano delo. Ljubljana, 1950. Kn. 1. S. 428.
- ²⁶ *Бершадская М. Л.* Социальная структура словенского и хорватского общества конца XVIII—начала XIX в. в произведениях А. Линхарта и Т. Брезовачкогo // Сов. славяноведение. 1981. № 2. С. 68–70.
- ²⁷ *Valentin Vodnik (Priloga)* // Vodnikov spomenik: Vodnik-album. Ljubljana, 1859.
- ²⁸ *Stabej J.* Nekaj ugotovitev ob popolnem izpisu vodnikova rokopisnega nemško-slovenskega slovarja // Jezik in slovstvo. 1960. N 1–2. S. 42–43.
- ²⁹ *Paternu B.* Slovenska literarna kritika. S. 3–4.
- ³⁰ *Gspan A.* Spremne besede // Izbrane pesmi Valentina Vodnika. Ljubljana, 1958. S. 158–164, 167.
- ³¹ *Domej T.* Slovenska jezikovna misel na Koroškem v 18 st. // Obdobje razsvetljenstva. S. 203; *Matešič J.* O slavenskoj svijesti i njezinoj ulozi v razdoblju slovenskog prosvjetiteljstva // Ibid. S. 375.
- ³² *Kardelj E.* Razvoj. . . S. 253.
- ³³ *Prijatelj I.* Duševni profili slovenskih prepoditelej. Ljubljana, 1935. S. 51.
- ³⁴ *Zwitter F.* Prva koncepcija slovenske zgodovine // Glasnik Muzejskega društva za Sloveniju. Ljubljana, 1939. Zv. 20. S. 365.
- ³⁵ *Vodnik V.* Izbrani spisi. Ljubljana, 1890. S. 47.
- ³⁶ *Vodnik V.* Izbrano delo. Ljubljana, 1970. S. 60.
- ³⁷ *Броневский В. Б.* Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 году. М., 1828. С. 31.
- ³⁸ *Ягви И. В.* Новые письма Добровского, Копитара и других югозападных славян. СПб., 1897. С. 292–293.
- ³⁹ *Jakopin F.* Ruske izposojenke v slovenščini // Jezik in slovstvo. 1975/76, N 4. S. 134–136.
- ⁴⁰ Цит. по кн.: *Петровский Н. М.* Первые годы деятельности В. Копитара. Казань, 1906. С. 119–120.
- ⁴¹ *Kopitar B.* Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark. Laibach, 1808. P. IV–XXVIII.
- ⁴² *Pogačnik J.* Jernej Kopitar. S. 160, 90, 150.
- ⁴³ *Slodnjak A.* Slovensko slovstvo. S. 81.
- ⁴⁴ *Slodnjak A.* Prispevki k poznavanju Prešerna in njegove dobe // Slavistična revija. 1955. N 1/2. S. 24–34.
- ⁴⁵ *Slodnjak A.* Slovensko slovstvo. S. 89–90.
- ⁴⁶ *Koruza J.* Konstituiranje. . . S. 19.
- ⁴⁷ *Slodnjak A.* O dramatičnem razvoju naše romantike // Jezik in slovstvo. 1967. N 2. S. 36–37.
- ⁴⁸ *Barbarič S.* Slovenska razsvetljenska književnost v luči zvrstne poetike // Obdobje razsvetljenstva. . . S. 86–87.
- ⁴⁹ *Cvetko D.* Zgodovina glasbene umetnosti na Slovenskem. Zv. 1. Ljubljana, 1958. S. 194–199, 240–242, 269–270.
- ⁵⁰ *Koruza J.* Začetki slovenske posvetne dramatike in gledališča // Jezik in slovstvo. 1978/79. N 8. S. 258–259.

- ⁵¹ *Gspan A.* Anton Tomaž Linhart. S. 259, 260.
- ⁵² *Cvetko D.* Zgodovina glasbene umetnosti. . . S. 203, 207, 285—286, 189, 201, 278—284, 314—316.
- ⁵³ *Idem.* Odsev razsvetljenstva v glasbi na Slovenskem // Obdobje razsvetljenstva. S. 388—391.
- ⁵⁴ *Idem.* Zgodovina glasbene umetnosti. . . S. 272—273.
- ⁵⁵ *Idem.* Odsev razsvetljenstva. . . S. 393.
- ⁵⁶ *Idem.* Zgodovina glasbene umetnosti. . . S. 310—311.
- ⁵⁷ *Броневский В. Б.* Записки морского офицера. СПб., 1818. С. 204—205.
- ⁵⁸ *Stele F.* Slikar Fortunat Bregant. Ljubljana, 1957. S. 7—14.
- ⁵⁹ *Šumi N.* Likovna umetnost ob koncu 18. stoletja na Slovenskem // Obdobje razsvetljenstva. . . S. 403—406.

Румынская культура

Румынский ученый А. Марино, отдавший анализу различных аспектов культуры интересующей нас эпохи более четверти века, пишет: «Исследование румынского Просвещения существенным образом нуждается в новом и прямом чтении источников. Только глубокое изучение текстов позволит возродить и прояснить целиком проблему румынского Просвещения, которая еще ждет своего истинного синтеза»¹.

Попытка в небольшом очерке представить общую картину румынской культуры эпохи Просвещения все-таки не кажется безнадежной. Во-первых, потому что освещение таких чрезвычайно емких «ипостасей румынского Просвещения» (если воспользоваться выражением О. Пападима²), как литература, театр, а также концепции художественной культуры, было дано в недавних работах Ю. А. Кожевникова и М. В. Фридмана³. Две последние по времени работы, в свою очередь, опираются на более ранние труды известных ученых — Е. Двойченко-Марковой (например, на ее книгу «Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX в.», М., 1966), Е. Д. Левита, А. Х. Корбу и других не упоминаемых здесь авторов. Во-вторых, этому способствуют исследования румынских ученых А. Дуцу и А. Беклеану Янку, которые, в частности, считают Просвещение «переходной эпохой», когда происходит «идеологический синтез тенденций и идеалов» грядущей буржуазно-демократической революции 1848 г., так что «потребности, надежды, точные цели, синтезированные в виде некоторой мысленной модели, проектируются. . . в социальный идеал»⁴. «В румынской культуре Просвещение систематически направляло духовное развитие к революционному 1848 году», — пишет Дуцу, что объяснялось как внутренними закономерностями, так и тем, что «период Просвещения в Юго-Восточной Европе вписывается в эпоху революций»⁵.

Деятели Просвещения лишь намечали основные направления развития и закладывали основания каждого из них. Собственно, развитие и «ветвление» всех намеченных ими направлений начнется позже, в новых общественно-политических условиях. Соответственно мышление румынских просветителей предстает вынужденно экономным, программным, и как увидим ниже, большинство их начинаний либо ограничивалось «извещениями», «прокламациями» и «проектами» создания (обществ, ассоциаций, печатных органов и т. д.), либо, если «извещаемое» все-таки осуществлялось, время его существования, как правило, было весьма непродолжительным.

Переходный характер эпохи наделяет двойкой природой все основные ее характеристики, в том числе культуру и просвещение, что отражено и в самом коренном значении этих ключевых для нашего исследования слов, отнюдь не случайно принятых просветителями для обозначения соответствующих феноменов: *cultura* (рум.) — от *cultus* (лат.): «культура, образ жизни; занятие, изучение», но и одновременно «культ, поклонение; вероисповедание».

Слово «просвещение», давшее наименование всей эпохе и с самого начала преимущественно употреблявшееся, особенно в Дунайских княжествах, в его романоязычном варианте: *luminare* (рум.) — от *luminare* (лат.): «одарять способностью светить; освещать; наделять зрением»; но и одновременно «светильник, светило». В румынском эквиваленте *lumínă* — все то же «просвещение», а также «свет, светило», а выражающий действие и тождественный по написанию, но с другим ударением глагол *lumínă* означает «светить, просвещать». В Трансильвании (или «великом княжестве Ардял») имел также хождение немецкоязычный эквивалент *Aufklärung*: наряду с «просвещением» это также и «объяснение, информация». Прямым и непосредственным объектом (и субъектом!) *luminare* и *Aufklärung*'а был *ум, разум*. Когда же шла речь о языке, нравах, образе жизни, то в ходу было слово *poliereă* — «шлифовка, лощение» и тем самым «просвещение, смягчение» грубых, «варварских» языка и нравов.

Новая культура — это и цель, и средство Просвещения и просветителей; она — образ их жизни с драмой перехода от исходного, привычного ее религиозного уклада и образа мышления (в большинстве своем румынские просветители были высокопоставленными дворянами, служителями культа православного либо католического вероисповеданий) к светским нормам жизни и деятельности, к свет-

скому, рационалистическому мировоззрению и методу мышления.

Для активных участников просветительского движения установление верного соотношения между «культурой реальной» и «культурой возможной»⁶, т. е. между западным Просвещением и формирующейся национальной культурой, национальным самосознанием, видится как требующая решения задача. В. Кьндя, возвращаясь к поставленной тогда проблеме, уже в наши дни формулирует ее в виде «рабочей гипотезы»^{*}, которая еще требует доказательства.

И наконец, о хронологических рамках эпохи. Исходя из принятой здесь концепции, а также учитывая аргументы упомянутых выше двух румынских ученых — А. Дуцу и А. Бексану Янку — в этом очерке в качестве таковых принимаются последняя четверть XVIII—30-е годы XIX в.

Эпоха Просвещения в румынской культуре приходится на время перехода от феодально-крепостнических к новым, капиталистическим отношениям. Эти последние, как правило, проявлялись лишь в виде тенденций во всех сферах человеческой деятельности. В Дунайских княжествах и Трансильвании, как и во всех странах региона, своеобразие этого перехода состояло в том, что он происходил в сопряжении с яростной борьбой против иностранного владычества, за обретение национальной независимости и суверенитета. Доминирующие идеи, принципы, насущные потребности этой борьбы определяли в конечном счете весь процесс зарождения и развития просветительского движения в румынской культуре. С другой стороны, сами эти идеи и принципы в значительной мере порождались общими всем европейским странам идеалами, провозглашенными Великой французской революцией.

Несмотря на замедленное развитие (во многом искусственно вызываемое правителями-фанариотами — ставленниками Порты) нового капиталистического уклада, они все шире и настойчивее прокладывали себе дорогу, подрывая основы феодально-крепостнического строя со всей его культурно-идеологической системой. Это нашло выражение в возникновении и росте добывающей и перерабатывающей промышленности, все большем проникновении товарно-денежных отношений в сельское хозяйство.

^{*} «Влияние Просвещения на форму национального самосознания является допустимой гипотезой»⁷.

Вместе с тем крепостная зависимость, личное рабство, труд бесправного раба не обеспечивали необходимой производительности труда и нужных доходов. Усиливающийся социальный гнет вызывал непрерывные волны крестьянских восстаний. Под давлением этих факторов правящие круги вынуждены были пойти на отмену крепостного права, что было осуществлено декретами господарей в Валахии (1746) и Молдавии (1743), а в 1785 г. — в Трансильвании. Освобожденные без земли крестьяне пополняли и ряды зарождающегося пролетариата, и ряды повстанческих армий, так что революционное движение угнетенных крестьянских масс еще более усилилось. И если в Трансильвании отмене крепостного права предшествовало мощное крестьянское восстание под руководством Хория, Кришана и Клошки (1784), то в Дунайских княжествах, также потрясаемых многочисленными восстаниями, кульминацией крестьянского движения явилось восстание 1821 г. под руководством Тудора Владимиреску — «генеральная респетиция» будущей буржуазно-демократической революции ⁸.

Для развития культуры важны требования, выдвинутые в ходе этих восстаний. Так, в провозглашенном от имени Хория в ноябре 1784 г. ультиматуме были следующие пункты: чтобы впредь не было дворянства, чтобы каждый зарабатывал себе на жизнь собственным трудом; имения и богатства дворян разделить между крестьянами; чтобы знать платила налоги наравне с остальным народом. Помимо того, что эта программа была нацелена на отмену феодального строя, она еще прямо была направлена лично против многих деятелей трансильванского Просвещения из числа высших слоев дворянства и духовенства ввиду их социального положения. Вот почему восстание Хория не вызвало у них ничего, кроме «резких слов осуждения» ⁹, и революционный путь достижения выдвинутых задач был решительно отвергнут в пользу реформистского пути.

Что же касается менее высокопоставленных дворян, клириков и других деятелей «неблагородного» происхождения, которые возлагали большие надежды на путь революционных преобразований, то жестокое поражение этого крупнейшего восстания повергло их в уныние и привело к мысли о безнадежности такого пути, а отсюда — к идее реформизма. Так, по разным, порой противоположным, причинам сложилась единая реформистская платформа просветительского движения, получившего название «Трансильванской школы». Исключением была позиция

одного из корифеев этой школы, Иоана Будай-Деляпу (1760—1820), который вплотную подошел к идее о необходимости революционно-демократических преобразований как единственно возможном и плодотворном способе решения выдвинутых просветительским движением задач и воплотил ее в своей героико-эпической поэме «Цыганиада».

Просветительское движение в Дунайских княжествах характеризовалось по сравнению с Трансильванией гораздо большим радикализмом. Так, в работе многих обществ культурного назначения была, наряду с легальной, и скрытая, подпольная, «якобинская» сторона; значительное распространение получили идеи «якобинца из Молдовы» Ионикэ Тауту, в которых содержалась суровая социальная критика; теория и практика утопического социализма на румынской земле связана с деятельностью Т. Диаманта. Однако и здесь определяющей была реформистская база. Это объяснялось отрицательной реакцией молдавских и валашских просветителей на революционные выступления крестьянства и мелкой буржуазии и прежде всего — на программные положения, выдвинутые в ходе восстания Тудора Владимиреску, содержавшие требования конфискации боярских и монастырских земель и раздачи их крестьянам, отмены боярских привилегий, свободы и равноправия для всех. Вместе с тем, точно так же, как в свое время в Трансильвании, поражение восстания привело к реформизму ту часть просветителей, которая надеялась на победу.

Причиной «реформизации» просветительского движения в Дунайских княжествах явилось и то обстоятельство, что его идейными вождями были Г. Лазэр и Г. Асаки, сформировавшиеся как мыслители под влиянием Трансильванской школы и затем последовательно претворявшие ее идеи в жизнь у себя на родине, соответственно в Валахии и Молдавии.

Ослаблению и подрыву феодальной системы способствовал и ряд внешнеполитических событий. Результатом Кючук-Кайнарджийского мира (1774) явилось установление протектората России и смягчение османского режима в Дунайских княжествах, его регламентация. Ослабление власти, с одной стороны, еще более подхлестнуло размах повстанческого движения, с другой — придало смелости сторонникам реформы, подвигнув их на первые выступления. Во время мирной конференции в Свиштове (1791) валашское боярство в послании к ее участникам потребо-

вало предоставления Валахии государственной независимости. В течение последующих двух десятилетий такие послания направлялись Франции, Австрии, России. В одном из них, адресованном Наполеону, названа даже форма требуемой государственности — «независимая аристократическо-демократическая республика». В Трансильвании те же привилегированные круги знати и духовенства обращались в Вену к Габсбургам, начиная с Леопольда II, с рядом «супплекс либэллюс»'ов — «нижайших прошений», первое из которых относится к 1791 г. В числе авторов этой первой «национальной программы» романоязычного населения Трансильвании (составлявшего 2/3 ее населения и при этом представленного в насчитывавшем 422 депутата Законодательном собрании всего лишь одним голосом¹⁰) имена таких видных просветителей — деятелей Трансильванской школы, как Самуил Мику (1745—1806), Георге Шинкай (1754—1816), Иоан Пиуарю-Молпар, Иоан Будаи-Деляну, Петру Майор (1761—1824).

Итак, цель румынского Просвещения — культура, культурный подъем народных масс, объединение их в единую нацию для завоевания свободы, независимости. Средство: слово, т. е. та же культура. Надо было найти общий язык с народом в прямом и переносном смысле: перейти от лингвистического квадривиума — высокоразвитых, но непонятных массам греческого, турецкого, латинского языков, и народного румынского, того «румынского языка, — пишет П. Майор, — на котором до сих пор мы, как и наши деды, говорили как с другими, так и между собой только о домашних, низких делах»¹¹ и который, как выяснилось, оказался чрезвычайно неразвитым и неприспособленным для перевода шедевров европейской и мировой литературы и для создания собственных оригинальных литературных произведений, отвечающих общепринятым нормам, — перейти к пока неразвитому, но общему для всего народа румынскому языку. Но этот единый румынский язык был осознан всего лишь как вторичный признак более глубоко уходящего в глубь веков генетического, родового единства народа романского происхождения, как отправной пункт «восхождения» к «историческому началу — римской цивилизации».

Поэтому параллельно с разработкой языка и во взаимодействии с ней началась реконструкция исторического прошлого народа на базе нового филологического исследования документов минувших эпох. Язык и литература, история и филология стали для просветителей новой, свет-

ской по своей сущности основой единения народа. Они начинали сменять в этой функции прежнюю многовековую основу такого единства — религию, монолитность которой как раз к этому времени была в корне подорвана. В Трансильвании это было вызвано переходом части романоязычного населения от православной веры к католической и тем самым ее присоединением к Унии. В Дунайских княжествах к власти пришли иноземные угнетатели — фанариоты, ставленники Константинополя, и поскольку теперь православие (ортодоксия) стало отождествляться с ними, и здесь религия из фактора единения превратилась в фактор раскола.

С ослаблением позиций религии место схоластической «науки» постепенно начинает занимать новая, экспериментальная наука и рационалистическая философия. Наконец, искусство, выступавшее как литургическое действо причащения, приобщения (*com-munire*) к догме, лику, писанию, когда творец — автор, художник — это всегда «Апеллес, спрятавшийся за картиной», — искусство отныне становится прежде всего способом сообщения (*com-municare*) — в двух планах: и как средство взаимного общения, диалога творца — писателя, художника, драматурга — с читателем и зрителем, и как источник нового знания о новом мире и новом человеке. Таковы театр и живопись эпохи — с одной стороны, книгопечатание, пресса и школа — с другой.

Нами названы ключевые моменты румынской просветительской программы перехода общества из одной культуры в другую, из одного образа жизни и мышления в другой путем перевода каждого члена этого общества из прежнего, «темного», «варварского» в новое, просветленное, просвещенное состояние ума и нравов. Подобный переход мучителен, сопровождается бесчисленными коллизиями, драмами и трагедиями, всем тем, что в общем виде исследователи эпохи вполне справедливо и точно именуют «кризисами»: общему социальному, экономическому и политическому кризису соответствовали «кризис сознания», «кризис восприятия», «кризис вкуса» и т. д.

Первым пунктом преобразования румынской культуры эпохи Просвещения была необходимость возрождения и «культуризации», «культивирования» языка (в смысле превращения его в соответствующий европейскому уровню культуры язык), что представляется вполне естественным исходя из логики мышления деятелей Просвещения и из самого хода исторического развития эпохи.

Духовными предтечами просветителей были гуманисты и в особенности Д. Кантемир, а также И. Мику и Г. Которя — непосредственные предшественники первого этапа просветительства в румынской культуре, того уникального явления в ее истории, которое получило название Трансильванской школы. Она объединяла два поколения интеллектуалов. К первому, помимо упомянутых выше четырех корифеев школы (как их именуют в румынской научной литературе) — С. Мику, Г. Шинкая, П. Майора, И. Будай-Деляну, также относятся младшие современники, находившиеся под их непосредственным влиянием: И. Пиуарю Молнар, Д. Цикиндял, З. Каракалеки, И. Барак, И. Иоргович и др. Второе поколение составили деятели культуры, хотя и рассеянные по трем княжествам, но объединенные общей просветительской программой и предпринявшие конкретные шаги по ее реализации, — это Ф. Аарон (1805—1887), Д. Божинка (1802—1869), Р. Темпля, К. Диаконович-Лога, Г. Лазэр (1779—1823), Д. Голеску, Б. Парис Мумуляну, Г. Асаки (1788—1869), Дж. Барицю, И. Элиаде Рэдулеску, Я. Вэкэреску и др.

За редким исключением деятели румынского Просвещения были убеждены, что путем улучшения, развития существующей социальной системы и придания ей более современного вида можно достичь ее обновления и подъема, и в первую очередь — добиться национального объединения. Выдвижение на первый план национальной идеи в румынском (как во всем регионе Юго-Восточной Европы) просветительском движении также отличает его от универсальной, общечеловеческой направленности западного просветительства¹².

Идея подъема, пробуждения народа с помощью культуры является первой и по порядку, и по значимости в ряду основных просветительских идей. Она, в свою очередь, основывалась на идее активной культуры, направленной против клерикализма как мировоззрения и идеологии (но не против самой церкви как института, что имело место на Западе); против суеверий, мистики, невежества, — одним словом, против «варварства», причем не просто «варварства», а, по словам Титу Майореску (относящимся примерно к 1820 г., но справедливым для всей эпохи), против «восточного варварства»¹³. Таким образом, речь шла о культуре, стремящейся к достижению прогресса и тем самым претворению в жизнь принятой в качестве идеала европейской ее модели.

«Теперь народы как будто пробуждаются после сна», —

писал в 1808 г. Д. Цикиндял. Возникшая идея «пробуждения» после долгой ночи средневековья была подхвачена, развита и стала одной из ключевых в концепции деятелей румынского Просвещения. Пробуждение после ночи, или зимней спячки, — это весна: «Пришла весна просвещения румынского народа», — провозглашает К. Диаконович-Лога в своем призыве к печатанию румынских книг (Буда, 1821)¹⁴. Этот образ уже с самого начала прочно вошел в язык и мышление интеллектуалов. Еще на взлете либерального просветительства в период перерастания его в революционный папозитизм И. Элиаде Рэдулеску (в предисловии к книге Д. Цикиндяла «Философские и политические поучения морали в баснях». Бухарест, 1838) отмечает: «. . . миновало ночное ненастье, и утро румынизма взойшло с весенним солнцем согревающего XIX век просвещения».

Эти идеи нашли свое отражение уже в XVIII в. в попытках дать определение самого феномена просвещения и таким образом более четко осознать его суть, стоящие перед ним цели и средства их реализации. «Правильное применение мышления и разума, или овладение суждением о вещах, знание наших обязанностей и прав и последующее их подтверждение как посредством исполнения, так и достижением блага как всех в целом, так и каждого индивида в отдельности. . . называется просвещением. . . т. е. успешным продвижением вперед в науках», — пишет в «Наставлении по правильному воспитанию» (Буда, 1830) Дамаскин Божинка. Еще со времен Трансильванской школы просвещение и прогресс — неуклонное изменение и продвижение вперед — неразрывно связаны друг с другом в мышлении просветителей, выступают в качестве синонимов, становясь одновременно и самым общим критерием культуры Нового времени, и для каждого отдельного случая показателем успеха в будничных, повседневных делах. Так, например, директор объединения румынских школ в Ардяле Г. Шинкай дает официальный отчет об их «состоянии, прогрессе и распорядке». Применительно же ко всему просветительскому движению при учете его нижней, исходной границы — почти полном, абсолютном невежестве и забитости широких народных масс, с одной стороны, и программной установки — достичь для всего румынского народа уровня передовых просвещенных народов, «стать европейцами», с другой стороны, — для выполнения столь грандиозной работы необходима была непоколебимая уверенность в ее осуществлении. Такая убежденность и по-

рожденный ею энтузиазм румынских просветителей опирались на веру в то, что существует неотвратимая и все собой определяющая (чему свидетельство — опыт «просвещенных» народов) закономерность прогресса: еще одна характерная черта просветительства¹⁵.

Перечисленные немногие идеи являются определяющими для румынского просветительского движения. Так, раскрывая свое понимание активной роли культуры, И. Пиуарю-Молнар отмечал в 1814 г., что «необходимо научить думать румынский народ. . . и тем самым заложить краеугольный камень лучшей культуры»¹⁶. Четверть века спустя, подчеркивая первостепенную роль философии в интеллектуальном прогрессе, И. Элиаде писал: «С введением Философии будут заложены основания нового стремительного подъема, так как молодежь начинает думать». Тем самым на вопрос: «Как мы можем стать европейцами?» можно будет дать единственный ответ: через просвещение, ибо, как отмечает А. Марино, «европейский идеал образует в княжествах первую форму проявления духа румынского Просвещения». Верно и обратное: «Просвещение является основополагающей идеологией пачал современной румынской культуры и цивилизации»¹⁷.

Наличие «сквозных» идеалов, а также взаимодействие деятелей разных поколений просветителей дает объяснение тому факту, что, несмотря на государственную раздробленность, различия в условиях существования и исходном уровне, румынская культура эпохи Просвещения в Трансильвании и Дунайских княжествах развивалась в общем синхронно и типологически сходно, что и позволяет уже применительно к этому периоду говорить о процессе формирования и становления единой культуры, с общими для всех ее зачинателей проблемами и средствами их решения. На первый план здесь, как было отмечено выше, выступает задача создания единого румынского языка.

Румынский литературный язык формируется во второй половине XVI в. в результате взаимодействия разговорных языков северной части Валахии и граничащего с нею юга Трансильвании¹⁸. Этот процесс нашел отражение в ряде документов исторического и юридического характера¹⁹, а также в балладах, баснях, гайдуцких песнях, сказках и т. д., которые, так же как и другие виды народной культуры — музыка, танец, пластическое, декоративное и прикладное искусства, архитектура и изобразитель-

ное искусство, в большей своей части носили светский характер и потому оставались вне русла официальной религиозной культуры. Теперь же, когда на смену отживающей идеологии приходит новая, светская, все эти накопления выступают на первый план. Что касается литературного языка, то здесь сразу выявилась его неразвитость, «заземленность»²⁰. «В сопоставлении с другими народами и языками, — пишет в своем „Обращении к молодежи, которая заслуживает всяческой похвалы“ (1818 г.) Г. Лазэр, — . . . становится стыдно, что наш народ. . . позволяет себе, чтобы и сам он, и его язык был слабее и ниже, чем другие языки и народы мира»²¹. С сожалением говорит в 1832 г. о «еще не переработанном языке» Г. Асаки, а И. Элиаде Рэдулеску в «Куриерул ромынеск» от 29 апреля 1839 г. пишет, что «румыны еще не обладают достойным языком». Как справедливо подчеркивает А. Марино, процесс складывания национального языка «продлился вплоть до объединения румынских княжеств в 1859—1862 гг. и далее»²². Начало его совпадает с началом самого просветительского движения, когда интерес румынских интеллигентов к «национальному языку» носил не только специально-лингвистический характер, но и был патриотическим и общекультурным, ибо язык рассматривался ими как могучий фактор национального объединения, как неопровержимый аргумент в пользу единого латинского происхождения раздробленного народа.

Возникновение понятий «грамматик-патриот» и «патриотическая грамматика» относится к 1791 г. и характерно не только для Трансильвании, но и для Дунайских княжеств. В понимании просветителей идея «родины» включала идею «национального языка», и поэтому они считали, что любая форма «культивирования» языка в то же время является «культивированием», «культуризацией» народа. Исходя из принципа «язык и нация шагают в ногу», Паул Йоргович в «Замечаниях о румынском языке» (Буда, 1799) излагает некоторую филологическую программу, основанную на чисто национально-просветительских идеях и состоящую в том, чтобы «без усталости трудиться на благо своей нации для приведения языка в лучшее состояние», над повышением «культуры румынского языка». Этот принцип можно считать программным лозунгом деятельности всей Трансильванской школы в области языка. Идентичные тенденции наблюдаются в конце XVIII в. в обоих Дунайских княжествах. Так, например, родоначальник новой румынской поэзии Иенэкицэ Вэ-

кэреску оставляет своим потомкам завет: «Развивайте румынский язык и приумножайте славу родины».

Вплотную с бедностью и неразвитостью румынского языка прежде всех, естественно, столкнулись писатели и переводчики. Первые оказались в незавидном положении, когда творец лишен возможности полностью (и тем самым художественно) выразить свои внутренние побуждения, замыслы и чувства; кроме того, ввиду ограниченных возможностей языка они не были свободны в выборе соответствующего замыслу литературного жанра. Так, автор поэмы «Цыганиада» И. Будаи-Деляну, отмечая, что она «относится к роду поэзии, именуемому эпическим», и потому «требует от поэта полностью и хорошо разработанного языка», с огорчением добавляет: «Недостаточность языка сводит меня с ума».

Работа переводчика была почти тождественна работе писателя, ибо для переводчика она состояла «в борьбе со словом, и зачастую, — как остроумно замечает Л. Блага, — со словом отсутствующим!»²³.

Возникающие в связи с языком задачи решались как писателями и переводчиками, так и коллективными усилиями создаваемых с этой целью обществ, ассоциаций и т. д. «Видя, что все народы Европы давно уже имеют свои словари, и только наш народ лишен книги, которая может быть названа первым звеном в культуре, чувствую себя увлеченным этой высокой целью», — заявляет трансильванец И. Будаи-Деляну, и приступает к составлению «Румыно-немецкого словаря»²⁴. Что касается действий коллективных, то по ту сторону Карпат, в Молдове, Г. Асаки в 1839 г. заложил основу литературного сообщества с целью создания многотомного «Лексикона-разговорника», который мыслился им как «первая книга единой нации»; для его создания он предполагал привлечь «собратьев из всех трех румынских княжеств». Однако это начинание не получило официальной поддержки, поэтому свет увидел только первый выпуск, который и явился первым румынским трудом энциклопедического характера²⁵. В той же Трансильвании еще в 1795 г. в проекте создания «Философского общества румынского народа в великом княжестве Ардял» было, в частности, заявлено о намерении основать периодическое издание «Философские и моральные известия», основной целью которого являлось «совершенствование стиля», т. е. литературного языка²⁶. О «стиле» почти полвека спустя говорит К. Негруцци (в работе «О книге В. Гюго „Мария Тюдор“»,

изданной в 1837 г. в Бухаресте): «Целью культуризации языка является обретение стиля, соответствующего современной цивилизации»²⁷. И хотя на первых порах с созданием упомянутого общества и периодического издания ничего не вышло, идея продолжала жить. В 1808 г. было задумано учредить «Общество по культуризации румынского языка», программа которого была выдержана в типично просветительском духе: «Пока на помощь не придут и другие обстоятельства, мы должны начать с наипервейшего средства, к которому прибегает всякая нация, а именно с культуризации нашего языка, и посредством этого распространять все шире культуру, обретая тем самым влияние и достоинство». Помимо «возвышения нации», это должно способствовать «более интенсивному распространению науки»²⁸. Приведенный текст показывает, как соединение патриотических и просветительских устремлений нашло ясное выражение в идее совершенствования языка.

Не все, однако, было так просто и ясно, как это рисовалось в грандиозных программах. Уже по поводу возможности осуществления самой идеи совершенствования румынского языка просветители вели ожесточенные дискуссии между собой и с иностранными оппонентами. П. Майор (приложение к работе «История начала румын в Дакии». Буда, 1834) отстаивает мысль о необходимости «совершенствования румын в области языка и наук». Другой румынский просветитель — Г. К. Рожа относится к этой идее весьма скептически: «То, что еще не сделано, — замечает он, — не может совершенствоваться!».

Есть в этом вопросе еще и другая сторона. Конечно, как утверждает и доказывает П. Майор, румынский язык — это «европейский язык латинского происхождения» (что является фундаментальным положением всей концепции Трансильванской школы). Но нельзя быть вечно привязанным к своей «пуповине»: в споре четырех языков безусловным победителем должен стать один — национальный румынский язык. И в то же время можно ли отмахнуться от того факта, что, как отмечает И. Будаидеяну, «латинский язык — один из самых ученых и старых языков Европы. . . Он также самый необходимый всему румынскому народу, ибо всякие поучения и всякие самые старые книги составлены на этом всеобщем языке. . . Поэтому невозможно сегодня в Европе найти образованного человека, который не знал бы латинского языка»²⁹. В Дунайских княжествах основным языком науки и куль-

туры был греческий. Значит, что же, создавать два языка, «простой» и «возвышенный»? Вот тут-то и сказалась другая характерная черта просветительского движения — его демократизм. В 1836 г. К. Негруцци писал И. Элиаде: «Упорядочивая язык, тем самым можно наладить духовную жизнь. . . Общий язык является. . . правилом для всех». Резко возражал против создания отдельного научного, элитарного, «педантичного» и недоступного народу языка Ал. Руссо, высказывавшийся против «попыток разделить народ на два языка»³⁰.

В приведенных словах Негруцци обращают на себя внимание два предъявляемых к языку требования: его «правильность» и «всеобщность». Эти требования взаимосвязаны, и в основе их лежит идея, сформулированная В. Погором. По примеру французских просветителей, и прежде всего Вольтера, «Генриада» которого была переведена им на румынский язык, он предлагал устранить провинциализмы и на «академическом» уровне зафиксировать общие нормы румынского литературного языка — задача, которую впервые выдвинул Г. Шинкай в относящейся к 1783 г. работе «Элементы дако-румынского, или валашского, языка». Сделать язык правильным — значит наделить его грамматическими правилами, «выправить» (З. Каракалеки, 1826), предельно уточнить, а значит, утончить, или, в терминах просветительских программ, — «украсить» его, т. е. превратить в истинно художественный литературный язык. В основу предпринятой в этом направлении работы трансильванских просветителей, тон которой задавал С. Мику, легла новая (пришедшая на смену схоластической логике и риторике), рационалистическая логика Лейбница — Вольфа — Баумайстера. Другое направление, родоначальником которого был И. Элиаде Рэдулеску, следовало идеям Кондильяка — Блера — Дестутт де Траси³¹.

В рамках предпринятой просветителями реформы языка лежит и постепенный переход от кириллицы к латинице³². Как отмечает современный румынский культуролог И. Кичимиа, этот переход «потребовал значительных усилий по адаптации румынского языка. . . он породил многочисленные дебаты, комиссии, предложения, но в конце концов удался. . . Румынский язык был единственным [из числа всех европейских языков. — Я. Л.] языком, который претерпел такое изменение, ибо остальные языки сохранили свой традиционный алфавит»³³.

Поднятые лингвистическими штудиями проблемы этно-

Генеза румын привели в рассматриваемую эпоху к становлению и развитию истории и историографии. Новое здесь состояло в постепенном осознании того, что культура, духовная жизнь не есть нечто неизменное, раз навсегда данное, а живой, развивающийся организм. В румынскую историографию начинают проникать категории времени и развития, так что о ней как о науке в современном понимании можно говорить именно начиная с эпохи Просвещения.

Таковой история становится прежде всего благодаря тому, что рассматривается румынскими просветителями как составная часть единой национальной культуры. Поэтому ее этапы начинают определяться не хронологией правления и смены господарей, а возникновением и сменой непреходящих идеалов. Вместо скрупулезной хроники куртуазных перипетий — глубочайшая драма идей — вот чем становится отныне под пером интеллектуала исторический текст, так что порой трудно отличить его от художественного, литературного произведения. Румынская историческая наука свои первые шаги совершает плечом к плечу с филологией, так как основой той и другой является анализ и новое прочтение завершенных прежней культурой «текстов» (не только письменных и литературных, потому слово «тексты» взято в кавычки), которые зафиксированы в различных формах художественных творений прошлого.

Удивительно ли, что деятели румынской культуры эпохи Просвещения выступают одновременно и как историки, и как филологи: сходен и предмет их исследований, и его форма, и тематика трудов. Романские корни румынского народа и латинские — его языка, непрерывность проживания на своей национальной территории, этническое и лингвистическое единство, национальные и социальные права — таковы основные направления исторических и филологических исследований румынских просветителей. Г. Шинкай, будучи автором написанной им при активном содействии С. Мику и других деятелей Трансильванской школы грамматики «Элементы румынского, или валашского, языка» (1780), одновременно являлся и автором исторического труда «Хроника румын и многих иных народов». Перу С. Мику принадлежат также «Краткие исторические заметки о начале и развитии дако-румынской нации», «Краткие сведения об истории румын», «История и деяния и события румын» и др. П. Майор, наряду с историческими работами «Диалог между дядей

и племянником», «История начала румын в Дакии», издает труды о происхождении румынского литературного языка, а также занят составлением четырехязычного «Лексикона, изданного в Буде». И. Будай-Деляну, наряду с «Грамматическими основами румынского, или валашского, языка», пишет книгу «О начале народов Трансильвании». В числе авторов филологических трудов следует упомянуть трансильванцев Р. Темпя, П. Йорговича, валашского просветителя Я. Вэкэреску. В написании исторических трудов пальма первенства принадлежит деятелям культуры из Мунтении (Валахии). Это М. Кантакузин с его «Историей румынского государства»; Д. Филипиде, который в своих трудах «История Румынии» и «География Румынии» (1816) впервые употребляет единое название — *Румыния* — для всех трех княжеств, так же как Д. Фотино объединяет их в одном названии — *Дакия* — в труде «История древней Дакии» (1818—1819)³⁴.

В рассматриваемую эпоху формируется и румынская литература *. Как и другие культурные феномены Просвещения, она происходит из двойного источника. С одной стороны, это хроники румынских летописцев; сборники и «народные книги» (советы и моральные истории); «правила»; поучения — так называемые «книги мудрости» (*sărfițe de înțelepciune*) XVI—XVIII вв.³⁵ Уже первые литературные жанры — поэма (Мирон Костин), стихотворения Дософтея, аллегорический и социальный роман Д. Кантемира, повесть (И. Некулче), портретистика (Гр. Уреке, Костин), басни (Д. Цикиндял), эротическая лирика отца и сыновей Вэкэреску — ориентировали художественную литературу на непрерывный процесс развития³⁶. С другой стороны, это переводы произведений западных писателей-просветителей, имевшие хождение в Трансильвании и Дунайских княжествах сначала в виде рукописей, а затем наряду с ними и в печатном виде. В числе первых печатных собственно литературных произведений, появившихся в Молдове в конце XVIII в., — переведенный на румынский язык (с греческого) роман испанского писателя Бальтасара Грасиана «Критило и Андриенио» **. Этот пере-

* Сводя в данном очерке к минимуму рассмотрение вопроса о румынской художественной литературе эпохи Просвещения, отсылаем читателя к вышеназванным работам Ю. А. Кожевникова и М. В. Фридмана.

** В русском переводе этот роман называется «Критикон». Весьма примечательно название второй части романа: «Осень зрелости,

вод был напечатан в 1794 г. в епархиальной типографии с одобрения митрополита Якова Стамати, который видел в романе новую форму воплощения развитых в «Диване» Д. Кантемира идей. Таким образом, возрождается интерес к этому литературному жанру, возникший было в начале века, но затем как-то приглушенный. Однако основная масса светской по своему характеру литературы распространяется пока в виде рукописей. Появляется и быстро растет сообщество переписчиков-переводчиков, «специализирующихся» на переводе художественной литературы, причем переводят они прямо с французских и итальянских произведений. Это способствовало повышению качества переводов. Как отмечает А. Дуцу, сгруппировавший вокруг этих рукописей своеобразный «мир книги» состоял из плеяды интеллектуалов (меценатов, переводчиков, переписчиков и т. д.), увлеченных идеей прогресса и национального освобождения.

Переводятся по преимуществу «морализирующие» романы, получившие наибольшее распространение на Западе, причем в Дунайских княжествах первое время они, как правило, появлялись в переводе на греческий язык, а с него уже переводились на румынский. Продолжает развиваться так называемая «развлекательная» литература ренессансного типа. Предшественник Стамати, митрополит Л. Геука содействовал переводу «Телемаха» Фенелона, основу которого составляет идея просвещенного правителя, а также переводу и распространению других произведений французского писателя. Сам он перевел «Размышления» Масийона — оратора, которого Вольтер высоко ценил за критический дух и тенденцию к «реабилитации сердца», что отражало формирование новой ступени восприятия и «изысканности чувств». Для умов и чувств не столь взыскательных, но также охваченных новыми веяниями, вполне подходили массовые издания «разных мыслей», принимавшие форму сборника афористических изречений (для примера укажем на другое произведение упомянутого выше Б. Грасиана — «Карманный оракул»). Быстро нараставший в самом начале эпохи Просвещения интерес к роману, наряду с интересом к поэзии и «мобилизующей фразе» явился, по словам Н. Иорги, «во всей истории мысли народа одним из самых интересных фено-

ее разумная, светская философия» (*Бальтасар Грасиан. Карманный оракул. Критикон. М.: Наука, 1981. С. 194*). Критило и Андриено — главные герои романа.

менов, отличающимся своим характером страстной боевистости, настойчивого нетерпения и энтузиазма»³⁷. Для стихосложения эпохи характерно, наряду с упомянутой эротической лирикой Вэкэреску, развитие «культивируемых поэтами под воздействием Просвещения аналитических форм поэзии: эпопеи, сатиры, эпистолы, басни, оды, гимна, и т. д.»³⁸.

Делает первые шаги литературная критика, причем зачастую размышляют над целями, методами и плодами своего творчества сами же творцы. Так, например, для выдающегося поэта-просветителя Барбу Парис Мумуляну «поэзия для всякого народа означает основу цивилизации, ибо она является и самым первым образованием людей, и с помощью поэтов и поэзии образовывались все народы»³⁹. Эту же мысль, но только в более широком контексте проводит И. Элиаде Рэдулеску: в своей статье «За поэзию» (Куриерул ромынеск. 1832. № 74) он объявляет поэзию «сестрой ремесел и философии». Мысль о развитии национальной литературы связана у него с идеей широкого ознакомления румынского читателя с мировой классикой. И не случайно несколько позднее именно Элиаде Рэдулеску выступит с инициативой создания румынской «Всемирной библиотеки»⁴⁰. По мнению Д. Цикиндяла, тем же просветительским целям должен служить такой старинный и заслуженный литературный жанр, как басня, ибо ее «морали» и «поучения» носят «философский характер»⁴¹.

При рассмотрении того, как понимали и определяли интеллектуалы эпохи суть Просвещения, как формулировали «сквозные» для Просвещения идеи, какие области культуры первыми были затронуты просветительским движением, мы не можем обойтись без *философии* и *науки* в целом, как не могли обойтись без них и сами просветители. И это не случайно, если учесть, что идея Просвещения — прежде всего философская идея, идея нового, прогрессивного мировоззрения, нового понимания природы, общества, человека и их взаимоотношений. По необходимости программные, мобилизующие формулировки просветительских идей требовали для себя адекватных, наиболее общих и всеохватывающих категорий, которые и были предоставлены в распоряжение румынских мыслителей разработанной к тому времени на Западе новой, рационалистической философией вообще и новой наукой (*натуральной философией*: вспомним хотя бы «Математические начала натуральной философии» И. Ньютона), на-

целивающими современников на то, чтобы «стать господами и хозяевами природы» (Р. Декарт). Парадоксальным образом только выраженные в таком наиболее общем виде, идеи и замыслы румынских деятелей культуры становились, так сказать, рабочим острием всей их культурно-просветительской программы.

После написания на румынском языке работ «Логика» (1781, напечатана в Буде в 1789 г.) и «Метафизическое учение» (между 1781 и 1784 гг., осталась ненапечатанной), Самуил Мику издает в Сибиу (в 1800 г.) первую часть своего фундаментального труда «Законы естества, этика и политика, или Рабочая философия». По убеждению автора, практическая философия, именуемая им также моральной или рабочей, содержит в себе совокупность законов, в соответствии с которыми человек должен волевым, рациональным образом направлять свою деятельность вообще и, в частности, определять свой выбор между добром и злом. Законы эти «вытекают из человеческого естества»⁴². Основная мысль «Метафизического учения» — необходимость, особенно для молодежи, философской культуры, а в работе «Политическое учение» автор утверждает, что культура является «душой политики» и потому должна быть положена в основу последней⁴³. Г. Шинкай выпускает в свет труд «Естественное учение, предназначенное покончить с суеверием народа», который явился переработкой передовых философских концепций кантианского толка.

К 1795 г. относится идея создания «Философского общества румынского народа в великом княжестве Ардял». Об этом замысле оповестило «объявление», где, помимо прочего, содержалась программа деятельности общества. В числе ее пунктов — изучение физики, математики, философии, а также географии и истории румын. Работу предполагалось организовать по типу академии, со своим собственным периодическим изданием — «Философскими и моральными вестями». И хотя все это осталось только в проекте, идея была подхвачена И. Пиуарю-Молнар, человеком, которому многим была обязана зарождающаяся и делающая первые шаги румынская научная мысль.

Развитие новой философии и науки отвечало интересам молодой, набирающей силу буржуазии, к числу представителей которой по внешним характеристикам могут быть отнесены и некоторые из румынских просветителей, например, Г. Баричю. Он был владельцем собственной бу-

мажной фабрики и типографии, и именно это дало ему возможность наладить выпуск первых периодических изданий, положивших начало румынской прессе: «По преимуществу, — говорит он, — я занимаюсь не товарами. . . так как это меня не интересует, а мышлением, которое дороже всех богатств Ост-Индской компании»⁴⁴. Как известно, такая позиция характерна для всего западного просветительского движения, когда революционно настроенная в те времена буржуазия стремилась к накоплению знаний, взяв на вооружение тезис Ф. Бэкона: знание — сила! Но поскольку эта проблема возникла в контексте широкого культурного движения, а не как чисто утилитарная, просветители понимают ее во всей философской глубине и многогранности.

В частности, уже тогда они рассматривали такую актуальную и в наши дни проблему, как соотношение науки и нравственности, сциентистского и нравственного принципов в формировании и последующей деятельности индивида, личности нового типа. Например, для Г. Лазэра формирование человеческой личности возможно только посредством культуры, просвещения, а конкретно — «через развитие наук» (высказывание относится к 1820 г.). И. Элиаде Рэдулеску в одной из работ 1838 г. пишет: «Философия может научить нас мыслить, а также тому, как обогатить наш язык и украсить наш дух и сердце, т. е. научить, как нам быть людьми и румынами»⁴⁵.

В центре его внимания находится человек «индивидуальный» и в то же время «социальный». Размышляя над тем, как добиться его полного господства над природой и одновременно личностного совершенства, Элиаде считает, что последнее может быть обеспечено взаимодействием трех ипостасей: «Объедините в одном месте ремесла, науку и мораль и тем самым создайте единое в трех лицах обучение. . . Совершенствуя, в частности, отдельного, тройное просвещенного человека, мы усовершенствуем в целом и общественного Человека и, следовательно, его учреждения», и это — единственный путь обретения «человеческого счастья»⁴⁶.

Это воззрение, сформулированное Элиаде Рэдулеску двумя годами ранее в работе «Несколько размышлений о публичном воспитании», сложилось у него не без влияния румынского философа, социалиста-утописта Теодора Диаманта. В 1831 г. Элиаде опубликовал в издававшемся им «Куриерул ромынеск» три фурьеристские статьи Диаманта, которые в то время отвечали его собственным уме-

ренным взглядам, вписывавшимся в рамки принципа: «Достичь всеобщего блага, не причиняя никому вреда». Затем пути двух румынских мыслителей разошлись. Элиаде, усвоив оказавшие на него определенное влияние основные идеи утопического социализма, в то же время всячески отстраняется от спора адептов двух школ — фурьеристской и сен-симонистской. Диамант через два года после опубликования указанных статей выступил с обращением к «Друзьям свободы, правосудия и порядка», в котором, наряду с критикой капитализма, призвал представителей всех социальных слоев создавать коммунистические ассоциации. В 1837 г. в Скэени им был организован первый на румынской земле фаланстер, который, однако, после недолгого существования был распущен по приказу властей⁴⁷.

Свою роль в формировании национальной культуры призваны были сыграть «прикладные» естественные науки. При учебных заведениях высшей ступени организуются лаборатории и естественнонаучные «кабинеты», возникают целые исследовательские школы, занятые разработкой актуальных проблем в таких научных дисциплинах, как физика, математика, механика и астрономия, биология, медицина, горное дело, география — список можно было бы продолжить. Увеличивается и обретает самостоятельный социальный статус сообщество людей, именуемых «людьми науки», или учеными.

Быстро растет число научных журналов и других видов научной периодики: если в начале века их насчитывалось порядка 100, то к концу эпохи Просвещения это число увеличилось почти в 10 раз⁴⁸.

Возникают и включаются в сферу европейских интересов различные научные общества. Показательна в этом отношении деятельность организованного в Яссах в 1833 г. «Общества медиков и естествоиспытателей», сразу же привлекшего к себе внимание Берлинской академии, от которой в том же году было получено приглашение принять участие в проводившемся ею международном научном конгрессе. В свое время за научные заслуги почетным членом этой академии был избран Д. Кантемир. И вот после почти векового перерыва румынская наука в своем новом качестве начинает опять выходить на европейскую арену. В основу деятельности Ясского общества была положена «натуралистическая», опирающаяся на эксперимент концепция. Общество ставило перед собой цель распространения знаний, а также установления и развития связей с за-

рубежными коллегами. В 1837 г. на конгрессе по естественным наукам его представлял доктор Я. Чиак — автор увидевшей свет в том же году «Естественной истории», главный военный врач, занимавшийся также вопросами механизации сельского хозяйства и бывший потому в курсе всех достижений европейского технического прогресса. В том же году другой член общества — доктор К. Вырван издал «Очерк физиографии Молдавии», а его коллега доктор Н. Крецулеску выпустил в свет «Учебник анатомии». В 1840 г. профессор Михаелянской академии (Яссы) Т. Стамати основывает первый в истории румынской науки «кабинет экспериментальной физики и химии».

В области математики европейскую известность получили труды профессора кафедры математики и физики реформаторской коллегии в Тыргу-Муреш Ф. Больяи — отца и первого наставника знаменитого математика И. Больяи, открывшего одновременно с Н. И. Лобачевским и независимо от него неевклидову геометрию⁴⁹. В 1840 г. на конгрессе естествоиспытателей в Эрлангене Ясское общество было представлено докторами Я. Чиаком и Х. Майером.

Просветители отказались от идеи создания двух языков, элитарного (научного) и «общего», и потому перед ними встала во весь свой рост проблема формирования научной терминологии внутри единого румынского языка⁵⁰. Как и в отношении языка литературного, эта выдвинутая просветителями на повестку дня проблема имела не только специально-научное, но и общекультурное значение, и решать ее пришлось последующим поколениям деятелей румынской культуры.

Если философия и естественные науки явились своеобразным местом встречи и взаимодействия общемировых, общечеловеческих идей и тенденций в румынской культуре эпохи Просвещения, то аналогичным центром столь же разнообразных, но на сей раз — глубоко национальных, патриотических по своей сути идей и устремлений явился театр. Мощное культурно-патриотическое движение за создание национального театра, начавшееся с первого школьного спектакля на румынском языке (Арад, 1818), породившее целый ряд обществ, ассоциаций, периодических изданий, привело к созданию в Яссах в 1840 г. первого румынского национального театра. Для характеристики театрального движения важны обращенные к зрителю слова валашского поэта Я. Вэкэреску (из написанного им пролога к «Гекубе» Эврипида — первой пьесы

на румынском языке, поставленной в Бухаресте учащимися школы св. Савы в 1819 г.): «Я дал вам театр, берегите же это жилище муз. . . в нем исправляются нравы, заостряется ум, украшается ваш румынский язык»⁵¹. Этими словами выражена типично просветительская программа объединения и возрождения народа посредством культуры.

Для привычных темпов развития архитектуры и скульптуры рассматриваемый период был слишком мал, чтобы выявились какие-либо принципиальные, качественные изменения. В целом, однако, в концепциях молдавских и валашских архитекторов в этот период определяющую роль играет классицизм (господарские дворцы в Яссах, дворец Гика в Бухаресте), в то время как в Трансильвании продолжается почти безраздельное господство барокко (дворцы Банффи — в Клуже и Бруккенталей — в Сибиу).

Гораздо заметнее новые веяния проявились в таких более подвижных (по сравнению с архитектурой и скульптурой) видах искусства, как живопись и графика. Здесь наряду с традиционной иконописью, где воспроизводятся неизменные, застывшие канонические лики святых, начинают прокладывать себе дорогу имеющие самостоятельное значение работы светского содержания.

Произведения румынских художников эпохи Просвещения представляют собой некий оригинальный синтез, явившийся результатом происходившей в этот период напряженной творческой ассимиляции трех основных влияний — со стороны римского, византийского и славянского искусств. Эта ассимиляция происходила на автономной основе светского, реалистического по своему характеру народного прикладного искусства, развитие которого не прерывалось в течение всего средневековья вопреки господствовавшей официальной религиозной идеологии.

Первые следы влияния новых идей обнаруживаются в допускаемых художниками при написании портретов правителей отклонениях от канона, когда наряду с традиционными элементами божественного антуража они вносят в изображение новые, непривычные детали светского, бытового, реалистического толка. Так, например, румынский иконописец и придворный художник Григоре Зугравул, изображая господаря Николае Маврогени в традиционном окружении ликов святых, впервые вводит в это окружение реальные лица княжеских военачальников и

придворных (1789). Другой румынский художник — Николае Полковникул оставил выполненные в новой, реалистической манере автопортрет и написанный в 1800 г. портрет своей жены с ребенком.

Не только господа, но также крупное боярство и буржуа, помимо икон, начинают украшать жилье своими портретами и портретами членов своих семей. Как отмечает Теодора Войнеску, наряду с привычно парадными портретами появляются бытовые, реалистические и «повествовательные» картины, отражающие современные художнику жизненные реалии. В тематику произведений властно начинают вторгаться время, история, движение.

Эти императивы характерны, в частности, для устоявшихся к рассматриваемому периоду гуманистических, просветительских традиций венской школы живописи. Влияние этих традиций прежде всего сказывается в творчестве нового поколения трансильванских художников. Самым значительным центром живописи становится здесь Сибиу, где работают такие выдающиеся мастера, авторы семейных портретов и портретов исторических деятелей, как Франц Нойхаузер и его сыновья, Иохан Мартин Шток; последнему, в частности, румынская культура обязана портретами руководителей упомянутого выше крестьянского восстания Хории, Клочки и Кришана. В лучших традициях венской школы выполнены картины молдавского художника Еустацю Алтини. Другой молдавский просветитель — Г. Асаки, получивший образование в Вене и Риме (как художник, он первым среди румын — собравший по палитре обращается в своих картинах к историческим сюжетам), начиная с 1813 г. вводит в Ясских румыноязычных школах систематическое обучение рисунку с натуры. На базе собранной им коллекции произведений западных художников был организован небольшой музей, который явился предшественником основанной позднее Ясской пинакотеки.

Итак: мысль, глаз и рука художника все более начинают руководствоваться новыми, просветительскими идеями и образами. Возрастает интерес к отдельному человеку, его значимости как личности. На смену каноническому лику приходит живой, подвижный облик. Воплощая его в портретах и автопортретах, художник-просветитель одновременно как бы выступает в трех ипостасях: он выполняет привычную, профессиональную работу, предполагавшую знание определенной совокупности средств и приемов, — и тем самым сохраняет преемственность

культурной традиции, непрерывную связь с прошлым; он формирует нового зрителя, который вступает в диалог с его произведением, — т. е. с самим художником, потому что в отличие от ближайшего прошлого это произведение не только допускает такое общение, но и в прямом расчете на него строится, — и в ходе этого диалога зритель изменяется; и, наконец, строя произведение в расчете на такой диалог, художник (а в его лице все интеллектуалы-просветители, предшественники интеллигенции Нового времени) пристально всматривается в самое себя, стремясь в этом триедином качестве *осознать* себя в прошлом, *узреть* в настоящем и *прозреть* в грядущем.

Таким образом, художник из специалиста-живописца превращается в художника — деятеля культуры.

Румынская культура эпохи Просвещения начинает с обращения к человеку (с освоения идей гуманистов и Д. Кантемира), она творится человеком нового типа и, в свою очередь, сама творит, укрепляет и развивает его в этом качестве. Интеллектуал-просветитель — это ее начало и итог, и потому основные черты деятеля культуры рассмотренной здесь эпохи, предшественника интеллигента ближайшего будущего — патриотизм, многогранность знания (энциклопедизм) и деятельности, культ книги, демократизм, осуждение социальной несправедливости и т. д. — являются в то же время сущностными характеристиками самого культурного феномена, именуемого румынским Просвещением⁵².

Тем самым исторически и логически замыкается первый цикл «очерчивания» образа румынского Просвещения (с прописной буквы), и, будь для того возможность, естественно было бы перейти в этом пункте к рассмотрению начальных шагов румынского просвещения (со строчной буквы, т. е. образования, обучения, школьного дела) — первой и важнейшей для судеб национальной культуры «проекции» Просвещения во всем богатстве и разнообразии его целей, проектов, замыслов, устремлений и программ — в плоскость их конкретного приложения, осуществлявшегося еще в период, предшествовавший революции 1848 г. Но такой возможности из-за ограниченного объема очерка нет.

Культура эпохи Просвещения и образ просвещенного человека становятся живым достоянием современной румынской культуры, которая вновь и вновь вступает с ними в плодотворный, непрекращающийся диалог. Свидетельств тому можно привести много, но ограничусь одним — про-

звучавшим в самом начале очерка призывом румынского ученого снова, с самого начала обратиться к истории румынской культуры.

- ¹ Marino A. «Luminile» românești și descoperirea Europei. // Rev. ist. teor. lit. 1979. N 1. P. 28.
- ² Papadima O. Ipostaze ale iluminismului românesc. Buc.: Minerva, 1975.
- ³ Кожевников Ю. А. Литература Дунайских княжеств, Трансильванской школы и проблема просветительства // Литература эпохи формирования наций. М.: Наука, 1982. С. 206—246; Фриджман М. В. Формирование репертуара в румынском театре 30-х годов XIX в. // Театр в национальной культуре. М.: Наука, 1976. С. 206—242; Он же: У истоков формирования концепций румынской национальной художественной культуры. М.: Наука, 1985. С. 208—234.
- ⁴ Dușu A. Literatura română în epoca luminilor // Rev. ist. teor. lit. 1971. Vol. 20, N 3. P. 404; Becleanu Iancu A. Geneza culturologiei românești. Iași: Junimea, 1974. P. 158.
- ⁵ Dușu A. Sinteza și originalitate în cultura română. Buc.: Encicl. rom., 1972. P. 165.
- ⁶ Hașdeu A. Problema timpului nostru. Buc., 1938. P. 33.
- ⁷ Cîndea V. Les Lumières et la naissance de la conscience nationale chez les Romains // Les Lumières et la formation de la conscience nationale chez les peuples du Sud-Est Européen: Act. du Colloq. intern. org. par la Comis. de l'AIESEE pour l'hist. des idées sous les auspices et avec la concours de l'UNESCO, Paris. 11—12 avr. 1968. Buc., 1970. P. 83.
- ⁸ Istoria României. Buc.: Didactică, 1969. P. 276—277.
- ⁹ Blaga L. Gîndirea românească în Transilvania în secolul al XVIII-lea. Buc.: Ed. Științifică, 1966. P. 130.
- ¹⁰ Ibid. P. 127.
- ¹¹ Цит. по: Marino A. Ilumiiniștii români și problema «cultivării» limbii // Limba Română. Buc.: Acad. RSR, 1964. N 5. P. 473.
- ¹² См., например: «Les Lumières et la formation. . .». P. 98—99.
- ¹³ См.: Dușu A. Sinteza și originalitate. . . P. 18.
- ¹⁴ Цит. по: Marino A. «Luminile» românești. . . P. 32.
- ¹⁵ Marino A. Ilumiiniștii și progresul // Lumea. 1965. N 31. P. 22—23; Idem. Ilumiiniștii români și progresul. . . // Ibid. 1965. N 20. P. 21—22.
- ¹⁶ Цит. по: Bologa V. L., Spielmann L., Szökegalvi-Nagy Z. Date noi cu privire la activitatea lui Ion Piuaru-Molnar // Studii. 1971. N 4. P. 38.
- ¹⁷ Цит. по: Marino A. Ilumiiniștii români și idealul «ilumnării» // Iașul literar. 1965. N 3. P. 30, 51.
- ¹⁸ Istoria României (Compendiu). Buc.: Ed. Didactică și Pedagogică, 1969. P. 283.
- ¹⁹ См., например: Becleanu Iancu A. Op. cit. P. 56.
- ²⁰ Idem.
- ²¹ Цит. по: Marino A. «Luminile» românești. . . P. 39.
- ²² Marino A. Ilumiiniștii români și problema «cultivării» limbii. . . P. 476—477.
- ²³ Blaga L. Gîndirea românească în Transilvania în secolul al XVIII-lea. Buc.: Ed. Științifică, 1966. P. 129.

- ²⁴ *Budai-Deleanu I.* Scrieri lingvistice / Ed. I. Pervain. Cluj, 1970. P. 163.
- ²⁵ См.: *Becleanu Iancu A.* Op. cit. P. 157.
- ²⁶ См.: *Munteanu R.* Contribuția școlii ardelenne la culturizarea maselor. Buc.: ESPD, 1962. P. 224.
- ²⁷ Цит. по: *Marino A.* Ilumiiniștii români și problema «cultivării» limbii. . . P. 477.
- ²⁸ Ibid. P. 472.
- ²⁹ Цит. по: *Marino A.* «Luminile» românești. . . P. 35.
- ³⁰ *Marino A.* Ilumiiniștii români și problema «cultivării» limbii. . . P. 478.
- ³¹ Ibid. P. 571—572.
- ³² Istoria României. Vol. 3. Buc.: Acad. RSR, 1964. P. 1071—1072.
- ³³ *Chițimia I. C.* «Aventura» purismului pe scara europeană. // *Lucafărul*. 1983. N 5. 5 febr. P. 3.
- ³⁴ Istoria României (Compendiu). . . P. 281.
- ³⁵ *Dușu A.* Cărțile de înțelepciune în cultura română. Buc.: Acad. RSR, 1972; *Volovici L.* Apariția scriitorului în cultura românească. Iași: Junimea, 1976; *Crețeanu R.* L'influence des livres populaires sur les beaux-arts en Valachie aux XVIII-e siècle // *Synthesis*. 1976. Vol. 3. P. 101—120 et al.
- ³⁶ См.: *Becleanu Iancu A.* Op. cit. P. 62.
- ³⁷ *Iorga N.* Istoria literaturii românești. Vol. III. Buc., 1933. P. 5.
- ³⁸ *Rotaru I.* Forme ale clasicismului în poezia românească până la Vasilie Alecsandri // *Lucafărul*. 1983. N 5. P. 3.
- ³⁹ *Mumuleanu Barbu Paris.* Scrieri. Buc.: Minerva, 1972. P. 82.
- ⁴⁰ *Heliade Rădulescu I.* Scrieri alese. Buc.: Tineretului, 1969. P. 20.
- ⁴¹ *Becleanu Iancu A.* Op. cit. P. 116.
- ⁴² См.: *Blaga L.* Op. cit. P. 147.
- ⁴³ См.: *Becleanu Iancu A.* Op. cit. P. 172—173.
- ⁴⁴ Цит. по: *Marino A.* Ilumiiniștii români și idealul «luminării». . . P. 36.
- ⁴⁵ Ibid. P. 35.
- ⁴⁶ Цит. по: *Becleanu Iancu A.* Op. cit. P. 175.
- ⁴⁷ См.: Istoria filozofiei românești. Vol. 1. Buc.: Acad. RSR, 1972. P. 203—204; *Философская энциклопедия*. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1960. С. 498—499.
- ⁴⁸ См.: Istoria gândirii și creației științifice și tehnice românești. Vol. 1. Buc.: Academiei, 1982. P. 10.
- ⁴⁹ Istoria României. Vol. 3. P. 1073—1075.
- ⁵⁰ См., например: *Ursu N. A.* Formarea terminologiei științifice românești. Buc.: Ed. Științifică, 1962.
- ⁵¹ Istoria teatrului în România. Vol. 1: De la începutul până la 1848. Buc.: Acad. RSR, 1965. P. 147—148.
- ⁵² См.: *Dușu A.* Sinteza și originalitate. . . P. 51.

Болгарская культура

В конце XIV в. вся территория Болгарии вплоть до ее западных границ была покорена османскими завоевателями. Не стало болгарского государства, а появились земли восточной империи; вместо понятия «болгарин» возникло новое — «рая», что означало население, подвластное турецкому султану. Там, где были болгарские православные церкви, выросли мечети мусульман. Памятники болгарской письменности и истории безжалостно уничтожались, христиане насильственно обращались в мусульманскую веру. Материальной и духовной культуре и жизни болгарского народа был нанесен невосполнимый урон. С горечью писал в 1853 г. Н. Геров — видный общественный и культурный деятель Болгарии: «В первые времена порабощения Болгарии турками народ наш потерпел страшное опустошение, так что до сих пор еще не может оправиться. Тогда лишился он цвета своего населения: все именитые люди были истреблены, юноши отуречены, девицы взяты в гаремы, и то, что осталось, было удручено [так в тексте. — В. З.] самыми страшными бедствиями. Тогда были уничтожены наши храмы, поруганы наши святыни; словом, истреблено было все, что только могло напомнить народу о состоянии его до порабощения. Подобные времена несколько раз возобновлялись, и даже наше поколение имело несчастье испытать все их ужасы»¹.

И все же, несмотря на такую длительную и жестокую ассимиляторскую политику восточных завоевателей, болгарский народ сохранил свою целостность, свой язык, этническое самосознание и культурные традиции. Более того, с середины XVIII в. стали пробиваться идеи национального самосознания, зрела мысль о необходимости для болгар роста знаний и просвещения. Это было связано, с одной стороны, с ростом торговых отношений на болгарских землях и появлением, хотя и малочисленного, слоя болгарских торговцев, с развитием в селах и городах

различных ремесел, а с другой стороны, — с явным ослаблением Османской империи как твердыни восточного феодализма на Балканах. Правящие круги Порты начинали сознавать, что для удержания своего господствующего политического и социального положения в империи необходимы реформы, которые облегчали бы участь подвластных им христиан.

Процесс пробуждения болгарского национального самосознания выразился прежде всего в повышенном внимании к образованию, к развитию родного языка, в интересе к своему историческому прошлому. Так в недрах средневековья и феодальной формации пробивались первые ростки нового национального мышления. Становление и развитие новых социально-экономических и культурных явлений происходило в течение длительного времени — с середины XVIII в. и до конца 70-х годов XIX в., когда болгарский народ был освобожден от османского ига в результате победоносно закончившейся в 1878 г. русско-турецкой войны. Это было время перехода от феодальных отношений к буржуазным, время становления болгарской национальной культуры и формирования болгарской нации. В научной литературе эту эпоху обычно называют национальным Возрождением или Болгарским национальным возрождением, подразумевая под этим понятием развитие сложного комплекса социальных, национальных и культурных процессов *.

Внутри Болгарского национального возрождения исследователи с полным к тому основанием выделяют несколько исторических этапов со своими особенностями развития: вторая половина XVIII в. и самое начало XIX в., период 20—40-х годов XIX в. и 50—70-е годы. Иногда первые два этапа называют ранним Возрождением в отличие от последующего, когда социально-политические и культурные процессы протекали довольно интенсивно в условиях нарастающего национально-освободительного движения.

* «Основное содержание Болгарского возрождения, — пишет Н. Генчев, — выражается в историческом переходе от средневековья к буржуазному миру, в развитии и утверждении буржуазных экономических и социальных отношений, в создании самобытной национальной культуры, в формировании болгарской нации, в продолжительной борьбе против иноземной власти за восстановление болгарского государства» (Генчев Н. Българско възраждане. С., 1981. С. 13).

Для раннего Болгарского возрождения характерно эволюционное развитие: медленное пробуждение национального и патриотического сознания, повышенное внимание к культурно-просветительской деятельности, появление учебной литературы на родном языке и становление светского образования. В последнее время некоторые болгарские ученые склонны весь период национального Возрождения отождествлять с Просвещением*. С этим трудно согласиться. Понятие Просвещение можно было бы отнести к раннему национальному Возрождению и при этом иметь в виду его болгарскую специфику, в которой преобладали не столько идеи и концепции нового времени, характерные для западноевропейского Просвещения, сколько практическая культурно-просветительская деятельность, которая, в свою очередь, может рассматриваться как одна из ранних форм Просвещения, присущая региону Юго-Восточной Европы.

Все исследователи соглашаются с тем, что наиболее полное и яркое выражение новые просветительские и национально-патриотические идеи получили в труде Паисия Хилендарского «История славяно-болгарская» (1762 г.). Поэтому есть все основания считать время появления этого произведения началом нового, просветительского этапа в историко-культурной жизни болгарского народа. Завершение его происходит в конце 40-х годов XIX в., когда складывается светская болгарская школа, появляется периодическая печать, формируется новое эстетическое сознание, начинают свою деятельность первые представители болгарской интеллигенции. По своему характеру это был начальный этап становления болгарской национальной культуры.

* Н. Генчев считает, что «европейская буржуазия и цивилизация прошла через три ступени своего развития» — Ренессанс, Просвещение и буржуазную революцию («Българско възраждане». С. 10). И далее: «В этой второй фазе развития и распространения буржуазного мира находится и Болгарское возрождение» (Там же. С. 12). И. Конев в монографии пишет: «В этом труде понятие „просвещение“ используется, во-первых, как наименование общего для европейских народов движения и, во-вторых, как наименование родственных явлений, традиций и деятелей Болгарского возрождения» («Българското възраждане и Просвещението». С., 1983. С. 45).

Несмотря на суровые условия, в которых находилось болгарское население под чужеземным игом в XV—XVIII вв., развитие его письменности и культуры не прерывалось. Традиционный болгарский быт, обычаи и народная культура сохранялись прежде всего в селах. Очагами письменности и просвещения были монастыри и церкви. Они собирали церковные книги и рукописные сборники, в них трудились переписчики и зографы, поддерживались кельйные школы, которые обучали молодых монахов чтению и письму. Высоко ценилось мастерство переписчиков. «Книжная работа в монастырях, — пишет болгарский исследователь, — приобретала известную святость и считалась за благочестивый подвиг, совершаемый переписчиками»². По его подсчетам таких монастырей, в которых поддерживалась церковнославянская и болгарская письменность в XVII—XVIII вв., насчитывалось не менее 118. Наиболее крупными из них были Рильский, Бачковский, Этропольский монастыри.

Конечно, жизнь и просветительская деятельность даже за толстыми стенами монастырей протекала не безмятежно: они часто подвергались нападениям со стороны османов, их грабили и сжигали. По свидетельству очевидца XVII в., «турки со своими муллами и хаджиями разорили от Костенец до Станимака [ныне Асеновград. — В. З.] 33 монастыря и 218 церквей»³. И все же усилиями патриотически настроенных монахов, торговцев и ремесленников болгарские монастыри и церкви восстанавливались и продолжали свою деятельность в первую очередь по поддержанию православия, что объективно служило сохранению болгарской народности. От XVII—XVIII вв. сохранилось около 450 больших рукописных сборников — богослужебных текстов, летописных повествований и путевых заметок. Все они свидетельствуют о том, что в болгарских землях в эпоху позднего средневековья были грамотные духовные и светские лица. Именно в этой среде появились первые будители болгарского народа, прокладывавшие путь к новому самосознанию и просвещению. Самым видным и крупным из них был Паисий Хилендарский (1722—1773).

Для написания своего известного труда Паисий Хилендарский провел ряд лет в Зографском и Хилендарском монастырях на Афоне, где общался с образованными болгарскими, русскими, сербскими и греческими монахами.

В разных монастырях он собирал по печатным и рукописным источникам сведения из истории болгарского народа. Так, исследователи допускают, что он был знаком с русской Кормчей книгой; установлено, что он пользовался русским изданием сочинения кардинала Цезаря Барония «Деяния церковные и книжные», что, будучи в Сремских Карловцах (тогда — Австрия), он пользовался русским переводом труда дубровницкого аббата Мавро Орбини «Книга историография», а также, как он сам писал, «прочел много-премного книг», «много рукописей и печатных историй», чтобы создать свой труд. В духе традиций того времени он дает ему пространное название: «Славяно-болгарская история о болгарском народе, царях и святых и о всех болгарских деяниях и событиях. Составил и написал Паисий иеромонах, который жил на Святой горе Афонской и пришел туда из Самоковской епархии в 1745 году, а собрал эту историю в 1762 году для пользы болгарского рода».

«История славяно-болгарская» — первый памятник болгарской письменности и культуры общенационального значения. Опираясь на различные источники, автор рассказывает о болгарских королях и царях с древнейших времен, стремясь представить их как знаменитых и славных. Он повествует о Кирилле и Мефодии, «составивших буквы и книги на славянском языке». Он касается судеб сербских царей и их взаимоотношений с болгарами, сопоставляет время принятия христианства болгарами и русскими. В каждом историческом событии Паисий Хилендарский подчеркивает величие и значимость деяний болгарских. Особенно это чувствуется в его предисловии «О пользе истории» и в обращении к читателю. Здесь эмоционально и публицистически сильно выражен патриотический призыв будителя к соотечественникам — ценить и уважать свое прошлое, гордиться им. Автор «Истории» выступает против тех, кто пренебрегал родным языком, предпочитая ему греческий, кто слепо подражал преуспевавшим в торговых делах грекам. Паисий был первым в Болгарии просветителем, который обращался непосредственно к простому народу — пастухам, пахарям и ремесленникам («прости ораче и копаче и овчаре и прости занаятлии»), кто создавал свой труд для тех, как он говорил, «которые любят свой род и отечество болгарское и любят знать о своем роде и языке»⁴.

Это была первоначальная, но уже определенная национально-патриотическая программа пробуждавшегося

к новой жизни народа, и поэтому она шла живой отклик у широких кругов современников и у последующих поколений. До настоящего времени обнаружено около 60 списков «Истории славяно-болгарской», что свидетельствует о ее распространении не только в кругах низшего духовенства, но также среди торговцев и ремесленников, в селах и городах. «История» утверждала необходимость отстаивать право человека, выступившего с новой системой гуманистических и патриотических ценностей, которые служат духовному и политическому раскрепощению народа. В этом состоит огромное и непреходящее значение труда Паисия. Сходные идеи и мысли можно обнаружить и в других болгарских памятниках письменности второй половины XVIII в., хотя они не приобрели такого общенационального значения.

Новым шагом в развитии культурно-просветительного движения в Болгарии конца XVIII и самого начала XIX в. явилась разносторонняя деятельность Стойко Владиславова, в монашестве — Софрония Врачанского (1739—1813). Как и Паисий Хилендарский, он принадлежал к той части болгарского духовенства, которая осознавала роль позитивных знаний и необходимость отстаивания естественных прав человека. Будучи священником в родном селе Котел, он встречался с Паисием Хилендарским и полностью воспринял его патриотически-просветительские идеи. В течение двух десятилетий он учительствовал в церковной школе в Котеле. В 1792 г. во Враце Софроний был рукоположен в епископы и при этом он продолжал свою общественно-культурную деятельность. Во Враце, Видине, а с 1803 г. и в Бухаресте он создал ряд произведений, оставивших заметный след в болгарской литературе и культуре. Его два видинских сборника (1802 г.), написанные на болгарском языке, близком разговорному, содержали не только церковные проповеди к праздникам, но и переводы отрывков из мифологии Сантипа Философа, басни Эзопа, а также поучительные рассказы, вводившие читателя и слушателя в круг идей просветительского характера. В них он вложил и собственные размышления о национальном и культурном развитии болгарина. В «Философских мудростях» Софроний Врачанский противопоставлял праздному монашеству «мудрых даскалов и учителей», которые содействовали «книжному учению» и заботились о пользе народа. Он наставлял болгар вкладывать средства в обучение сыновей, чтобы те постигали книжную мудрость и обогащали «бесценный разум». В этом отношении, как

не раз отмечали болгарские исследователи, он близок сербскому просветителю Досифею Обрадовичу с его «Советами здравого разума». Оба они содействовали просвещению своих народов, и оба использовали опыт зарубежных просветителей.

В 1806 г. в Рымнике (Румыния) Софроний Врачанский печатает первую новоболгарскую книгу «Недельник», представляющую собой сборник поучений из Евангелия и библейских рассказов для церковных служб и домашнего чтения. В новом труде автор предстает рационалистом, крайне заинтересованным в распространении знаний для «болгарского рода» посредством книгопечатания.

Самым значительным произведением Софрония явилась его Автобиография, которую по традиции он назвал «Житие и страдания грешного Софрония»⁵. Рукопись не датирована, но большинство исследователей относят ее написание к 1804—1805 гг. Впервые она была опубликована Г. Раковским в 1861 г. в его газете «Дунавски лебед» и стала важным событием в культурной жизни болгар. «Житие» Софрония — это эмоциональный рассказ не столько о церковном деятеле или просветителе, сколько о личности болгарина, живущего в тяжелых условиях междоусобиц и кирджалийских бесчинств в Османской империи конца XVIII—начала XIX в. Автор рисует подлинную картину тирании завоевателей, произвол турецких отрядов и полное бесправие болгарского населения — от крестьян и ремесленников до учителей и священников. Сама Автобиография становится обличительным документом против произвола поработителей и в то же время ее живое повествование о злоключениях, переданное болгарским разговорным языком, делает его оригинальным памятником литературы нового времени. «Житие» послужило основой для развития прозаических жанров национальной литературы. Автор выступает здесь в защиту прав личности человека и пробуждает сознание читателя для общественно-освободительной деятельности, что соответствует уже духу нового времени.

К этому следует добавить, что, будучи в Бухаресте, Софроний Врачанский выступил и как общественно-политический деятель. Там он поддерживал благотворительный комитет болгар, ставивший своей целью привлечение соотечественников в качестве добровольцев в русскую армию. В начале 1810 г. он обратился с воззванием к «роду болгарскому» о предстоящем вступлении русской армии на болгарскую землю и о необходимости поддержать

«единородных братьев». «Верно и любезно послужите им, — писал он, — и примите их в доме вашем и угостите и почтите их». Это был важный общественно-политический акт, содействовавший укреплению болгаро-русских отношений.

Страстное выступление Паисия Хилендарского во имя пробуждения национального самосознания, как и разносторонняя деятельность Софрония Врачанского — учителя и переводчика, издателя и общественного деятеля, автора Автобиографии, явилось важным фактором в дальнейшей деятельности болгарских просветителей, порывавших со средневековым мировоззрением и прокладывавших пути для развития новой болгарской письменности, просвещения и культуры нового времени в целом.

В конце XVIII и первых десятилетиях XIX в. в болгарских землях заметно возросла и окрепла торговля, а в селах и городах стали развиваться ремесла как для удовлетворения собственных нужд, так и для продажи товаров на рынке. В конечном итоге это вело к развитию нового рационалистического мышления, к росту просвещения и пробуждению национального самосознания. Крупные болгарские торговцы, обосновавшиеся в Бухаресте, Браиле, Константинополе, Одессе и Москве, становились поборниками просвещения и своего рода меценатами отечественной культуры. Они материально поддерживали болгарскую молодежь, обучавшуюся за пределами Болгарии. Они содействовали изданию болгарских книг, учебных пособий, выделяли средства на строительство школ, содержание болгарских учителей. Развитие ремесел повлекло за собой образование крупных сел, перераставших в поселения городского типа, шел также интенсивный рост городов за счет притока сельского населения. В конце XVIII—начале XIX в. бывшие села Копривштица, Панагюриште, Сопот, Троян, Габрово, Трявна превращаются в города. Изменяется не только социальный, но и национальный состав населения болгарских городов. До конца XVIII в. греческое и турецкое население преобладало в таких городах, как Варна, Бургас, Пловдив. По преимуществу турецким было население в городах Силистра, Разград, Шумен, Севлиево, Плевен, Кюстендил, Чирпан, Хасково. Смешанным болгаро-турецким населением отличались София, Тырново, Враца, Самоков, Пазарджик, Стара

Загора, Сливен. Болгарское население проживало, как правило, в селах на равнинах и в горной местности. Перемещение сельского населения в города привело к изменению бытовой культуры города. Новые горожане несли с собой исконно болгарские обычаи и традиции, которые теперь сосуществовали с мусульманскими и греко-православными. Происходило сложное взаимодействие различных культурных напластований. При этом следует иметь в виду, что в сфере производства болгаро-греческие отношения получили плодотворное развитие. Вместе с тем по мере роста болгарского населения возрастало национальное самосознание горожан-болгар, что нашло отражение в формирующейся новой культуре. К тому же рост ремесел в крупных болгарских селах и городах находил поддержку со стороны Порты и поощрялся ею, так как этим производством обслуживалась и османская армия и турецкое население. Официальная поддержка способствовала росту числа болгарских торговцев, крупных ремесленников и появлению в 20-х годах XIX в. первых болгарских фабрикантов⁶. Возрастала и политическая роль нового зажиточного слоя, что выразилось в признании турецким правительством права городского населения иметь своих представителей местной власти (1839). Так, на месте ранее действовавших церковных общин появились болгарские гражданские общины, осуществлявшие национальное самоуправление, которое распространялось на хозяйственную и культурную жизнь населения.

Если во второй половине XVIII в. центрами болгарского просвещения оставались, как в средневековье, монастыри, то в конце XVIII и в начале XIX в. общественно-культурная жизнь перемещается в города. Здесь зарождались новые формы культурной деятельности, ее светская направленность. Изменялся внешний облик городов благодаря новой планировке и строительству представительских общественных и частных зданий. В результате складывался новый тип болгарского возрожденческого города, о чем свидетельствовали преобразившиеся Копривница, Пловдив, Тырново, Сливен, Русе, Карлово, Свиштов и другие города.

Изменялось и сознание городского человека, по необходимости общавшегося с более широким кругом лиц и проявлявшего теперь повышенный интерес к образованию, научной мысли, литературе и искусству. В частных домах появлялись оригинальные и переводные произведения литературы, довольно быстро росло число учащейся

молодежи. Состоятельные болгары стремились дать своим детям образование в гимназиях или высших учебных заведениях за пределами Османской империи. В развитии просвещения и образования ощущалась острая потребность, в особенности у болгарских торговцев и ремесленников. В первое время их запросы удовлетворялись церковными (келийными) школами, которые возникали в монастырях, при церквях, а затем в крупных селах и городах. По сведениям болгарских источников, к середине 30-х годов XIX в. число таких школ в Болгарии составило 235 ⁷. Учителями в них были священники, страстно любящие монахи, а также более подготовленные ремесленники, которые обучали своих учеников ремеслу и давали им элементарные знания грамоты, сведения о церковной и болгарской истории. Постепенно в школу проникало светское образование, хотя процесс этот протекал очень медленно. В большинстве случаев в церковной (келийной) школе было не более 20—30 учеников; каждый из них готовил свой урок, и обучение шло раздельно. В качестве учебных пособий по чтению и письму использовались часослов и псалтырь. Овладение элементарными действиями в арифметике считалось большим успехом. В целом образование стояло на низком уровне, поэтому в среде состоятельных горожан уже в первые десятилетия XIX в. была большая тяга к другим, более совершенным учебным заведениям, каковыми являлись греческие или греко-болгарские школы. В них преподавали греческие просветители или болгарские священники, учителя, получившие образование в греческих гимназиях. Одним из таких видных болгарских учителей был И. Селиминский (1799—1867), который окончил греческую гимназию в Кидонии, а затем был частным учителем в Брашове (Румыния). О греческих гимназиях и их учителях И. Селиминский позднее писал: «Опыты преподавания физики, химии и др. в этих школах дали мощный толчок возрождению духа народов Юго-Восточной Европы. . . Сочинения Кораиса, Антима Гази, Вардалаха и других таких же мужей дали много не только грекам, но и всем народам, которые пользовались их сочинениями» ⁸.

Особым успехом пользовалась греческая гимназия в Пловдиве; болгарские юноши учились также в греческих гимназиях в Румынии (например, в школе в Бухаресте). Через греческих просветителей болгарская молодежь приобщалась к европейской просветительской мысли, что имело большое значение для болгарского культурного

процесса в целом. Исследуя болгаро-греческие культурные отношения в конце XVIII и первой половине XIX в., болгарский историк Х. Гандев приходит к заключению: «Все наши возрожденческие общественные деятели, видные учителя, писатели, публицисты и торговцы, получившие образование до 40-х годов XIX в., были воспитанниками этой греческой школы. . . И все они учились патриотизму именно в ней, а не где-либо в другом месте»⁹.

Совместное проживание болгарского и греческого населения в городах, их общая производственная деятельность в ремесленных объединениях и цехах, совместное участие в торговых делах, а также восприятие современных идей греческих просветителей, их новых методов взаимного обучения в школах привели к появлению греко-болгарских школ. В них получали образование главным образом дети болгарских торговцев и ремесленников, тесно связанных с греческим населением.

Первая такая школа появилась в 1815 г. в г. Свиштове, где учителями были Э. Васкидович и Х. Павлович, ставшие впоследствии видными болгарскими просветителями. В 1826 г. открылась греко-болгарская школа в Котеле во главе с Р. Поповичем — активным проводником греческого влияния в Болгарии. Им же была открыта и школа в Карлово, а двумя годами позже К. Фотинов открыл школу в Смирне, где находилась небольшая колония болгарских торговцев. В этих школах обучали прежде всего греческому языку, а затем болгарскому (его называли еще славянским или болгаро-славянским), давали обширные сведения из географии, риторики, логики, обучали арифметике, а также болгарской грамматике и истории. К. Фотинов ставил вопрос о необходимости образования для болгарских девушек, что по тому времени было смелым прогрессивным начинанием. В своих педагогических статьях он отмечал, что преподавание грамматики, риторики, географии, естествознания (видимо, словесности), права в греко-болгарских школах должно вестись «неотменно на славяно-болгарском языке». Воспитанниками этих школ были такие видные деятели Болгарского возрождения, как П. Р. Славейков, Г. С. Раковский, Б. Петков, Г. Крыстевич, Е. Георгиев и др. Существовавшие на протяжении трех десятилетий XIX в. греко-болгарские школы явились переходной формой в развитии болгарского образования от церковно-религиозного келийного обучения к светскому рационалистическому, основанному на методе взаимного обучения.

На раннем этапе болгарского культурно-просветительного движения положительную роль сыграла и сербская школа, в которой свыше 150 болгарских юношей получили образование. Кроме того, идеи сербских просветителей и реформистов — Й. Раича, Д. Обрадовича, В. Караджича, как справедливо отмечают болгарские историки, имели важное значение для становления нового рационалистического сознания и формирования болгарской интеллигенции.

Переход к светскому образованию отвечал потребностям развивающегося болгарского общества, вызвал к жизни значительную учебную и учебно-воспитательную литературу, авторами которой стали неутомимые поборники движения за развитие национальной культуры. В их числе были такие видные просветители, как П. Берон, В. Априлов, Н. Рильский, Н. Бозвели и И. Селиминский. У каждого из них был свой жизненный и профессиональный опыт, свои привязанности, но их объединяло стремление к расширению знаний, к созданию отечественных школ, к подъему образования в болгарских городах и селах, стремление видеть свой народ равноправным участником европейского культурного процесса. Для большинства из них временем активной просветительской деятельности были 20—40-е годы XIX в. Именно в это время создавалась болгарская учебная литература, закладывались основы светского образования в Болгарии, менялась ориентация от греческого типа образования к русскому, что было связано с рядом исторических обстоятельств.

Передовые деятели болгарской культуры видели в лице России силу, способную ослабить военную и государственную систему Османской империи. С другой стороны, общественно-культурное движение в России обладало большой притягательностью, а этническая и языковая близость народов, традиционные болгаро-русские связи содействовали усвоению русского опыта в развитии образования и культуры. В то же время болгаро-греческие связи в 20—40-е годы явно ослабевают. Вызвано это было также своеобразием национальных условий. В период национально-освободительного движения греческого народа болгарские просветители видели в лице греческих философов и деятелей культуры своих единомышленников и союзников,

страдающих, как и они, от османской Порты. Однако после провозглашения самостоятельного греческого государства (1830) и усиления роли греческой буржуазии на Балканах у болгарских просветителей возникли серьезные опасения, как бы не попасть под духовное иго греческих торговцев и фанариотов — греческой церковной верхушки, поддерживаемой османскими властями. Разумеется, эта переориентация протекала медленно, и на начальном ее этапе мы можем обнаружить сосуществование разных тенденций, что, однако, не создавало конфликтных ситуаций.

Важным событием в болгарском Просвещении явился выход «Букваря с различными поучениями» (1824) Петра Берона (1799—1871), получившего в народе название «Рыбного букваря» — по изображению дельфина на последней странице книги. «Букварь» П. Берона — это первый болгарский учебник светского характера с азбукой и грамматикой болгарского языка, со сведениями из истории, естествознания, географии и арифметики. Это была своего рода малая энциклопедия знаний, предназначенная для болгарской молодежи и написанная популярно на болгарском разговорном языке. Работая над «Букварем», П. Берон использовал опыт греческих учителей, сербских просветителей и опыт русских учебников. Новое болгарское учебное пособие порывало с традицией церковного образования и содействовало воспитанию светского, национального и гражданского патриотического сознания. Обучение строилось с использованием фонетического принципа усвоения родного языка, с ориентировкой на классное совместное обучение. Книга Берона имела исключительный успех: до конца 70-х годов она выдержала 25 изданий.

П. Берон принадлежал к числу выдающихся деятелей болгарского Просвещения и научной мысли эпохи национального Возрождения. Сын крупного торговца, он получил прекрасное образование у греческого энциклопедиста К. Вардалахоса в Бухаресте, а затем изучал философию в Гейдельбергском университете и медицину в Мюнхене. В 40—50-е годы он проявил живой интерес к естественнонаучной сфере. Он с увлечением исследовал разные области физики и математики, метеорологии и геологии, химии и философии. П. Берон в течение двух десятилетий жил и работал в Париже и Лондоне, Берлине и Вене, Праге и Афинах. Восприняв европейскую научную мысль, он стремился внести свой вклад в ее дальнейшее развитие. Свыше двух десятков научных трудов подготовлено и из-

дано им на немецком, французском и греческом языках. Большинство из них осталось неизвестным его соотечественникам, а западноевропейские ученые относились к его научной деятельности критически. Это породило драматическую ситуацию в жизни болгарского просветителя.

Однако он принадлежал к новому поколению болгарских деятелей культуры, пришедшему на смену священникам и монахам и ставшему основой формировавшейся болгарской интеллигенции. К этому же поколению принадлежали В. Априлов и И. Селиминский.

Важную роль в болгаро-русском культурном сближении сыграли труды русского слависта Ю. И. Венелина (по происхождению закарпатского украинца) — «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (Т. 1, 1829), «О зародыше новой болгарской литературы» (1838) и др. В них Венелин проявил глубокое уважение к историческому прошлому болгарского народа и его культуре; он всемерно поддерживал идею об этнической и языковой близости двух народов. Не все гипотезы русского слависта получили подтверждение, а некоторые положения вообще не соответствовали действительности, за что его критиковали его коллеги-ученые. Однако пафос утверждения исторического значения болгар в судьбах славян нашел горячую поддержку у многих деятелей национального Возрождения. На надгробии на могиле Ю. Венелина в Москве одесские болгары высекли надпись, которая отражала отношение всей болгарской общественности к русскому слависту: «Он первый напомнил свету о забытом, но некогда славном и могущественном племени болгар и пламенно желал его возрождения».

Раньше других и в наибольшей степени идеи Ю. Венелина воспринял болгарский патриот и просветитель Васил Априлов (1789—1847). Выходец из торговой среды и сам крупный торговец, он получил образование в греческой школе, затем окончил немецкую гимназию в Румынии, изучал медицину в Вене. Большую часть жизни он провел в Одессе, где жил в кругу демократической эмиграции и был связан с русскими славистами. По словам Априлова, труд Венелина «Древние и нынешние болгары. . .» пробудил в нем подлинную «любовь к национальности», и он многое сделал для того, чтобы содействовать отечественному просвещению. Он активно участвовал в дискуссиях о роли родного языка и его историческом прошлом, проявив при этом глубокие знания в области

филологии. В. Априлов был первым болгарским просветителем, который сознательно ориентировал своих соотечественников на освоение опыта русского просвещения и культуры в целом. Известному болгарскому педагогу В. Поповичу он писал, что только от русских болгары «могут получить помощь для своего просвещения. . . Только получившие образование в России могут быть полезны народу своему разными способами, и пусть каждый патриот воспримет это как подобает»¹⁰.

Значительным трудом В. Априлова является его книга «Денница ново-болгарского образования» (1841), изданная в Одессе на русском языке. Своей книгой болгарский просветитель стремился познакомить русскую общественность с тем, что делается в Болгарии, и рассказать ей о славянском племени, которое с древнейших времен находится в самых близких связях с русским народом. «Денница ново-болгарского образования», как и вышедшее в следующем году «Дополнение к книге» — это труды историко-филологического характера, проникнутые пафосом утверждения национально-культурного самосознания. Поэтому не случайно Априлов обращался к истории, памятникам письменности, этнографии, фольклору, учебному делу, отстаивая право народа на свою независимую литературу и культуру.

Большой практический вклад внес Априлов и в развитие болгарского образования. Вместе с Н. Палаузовым и при поддержке бухарестских болгарских торговцев ему удалось осуществить идею создания светской болгарской школы, основанной на принципах взаимного (ланкастерского) обучения. Это была знаменитая Габровская школа, открытая в 1835 г. и ставшая впоследствии гимназией им. В. Априлова, которая сыграла важную роль в болгарском национальном образовании. В течение последующего десятилетия в Болгарии по примеру Габровской школы было открыто около 60 светских школ с преподаванием на родном языке, а к середине века их насчитывалось уже свыше ста. Они появлялись прежде всего в таких растущих городах, как Пловдив, София, Тырново, Русе, Свиштов, Копривштица, Казанлык, Карлово, Панагюриште, Котел и др. Смелым нововведением явилось обучение в школах девушек, а в 1840 г. в Плевене появилась и первая в Болгарии женская школа, что содействовало более широкому распространению образования с стране. К середине века таких школ в Болгарии насчитывалось уже 29.

Программы новых светских школ учитывали опыт и греческой, и особенно русской школ: в них широко использовались русские учебники и пособия по разным областям знания. Кроме болгарского языка, в новых школах изучали также греческий, турецкий и один из западноевропейских. Среди специальных предметов большое место отводилось изучению истории и географии — болгарской и общей, — арифметике, алгебре и физике. В 1846 г. в Копривштице Н. Геров открывает первую в Болгарии народную классную школу, которая явилась более высоким этапом демократического школьного образования в стране. Создавались условия для приобщения к научным знаниям молодежи разных социальных слоев — от детей ремесленников и мастеровых до торговцев и учителей.

Большую тягу к образованию болгарской молодежи и хорошую организацию учебного дела в болгарских школах отмечал русский славист В. И. Григорович, посетивший Болгарию в 1844—1845 гг. и встретившийся с известным болгарским просветителем и первым учителем Габровской школы Н. Рильским. «Училища, сделавшись доступными, — писал Григорович, — наполняются питомцами, учение, преподавание на родном языке усилило ревность их. Я видел в них от 200 до 300 и 400 детей обоего пола»¹¹. В канун национального освобождения светских школ с классным обучением в Болгарии насчитывалось уже около полутора тысяч.

Появление светского народного образования в Болгарии в 30—50-е годы прошлого столетия свидетельствовало о растущем общем культурном уровне болгарского населения и о начавшемся формировании болгарской интеллигенции. Первыми ее представителями были учителя светских школ и священнослужители, родоначальники болгарской периодической печати, просветители и литераторы, выступавшие с оригинальными и переводными произведениями¹².

Важную роль в становлении светской школы в Болгарии и метода взаимного обучения сыграл Неофит Рильский (1793—1881). Большая часть его жизни связана с Рильским монастырем, где он был монахом, учителем и игуменом. Не порывая связей с духовенством, он много сил отдал просветительской деятельности в качестве учителя в Габрово, Копривштице, в богословской школе на острове Халки. Исследователи считают, что в эпоху национального Возрождения у него была самая крупная

личная библиотека, в которой были книги на нескольких языках. Прекрасно владея греческим языком, он несколько десятилетий трудился над составлением болгаро-греческого словаря. В 1875 г. вышел его «Словарь болгарского языка с истолкованием церковнославянского и греческого языков». Наибольшей популярностью пользовалась его «Болгарская грамматика» (1835), представляющая собой первый опыт систематизации и нормализации болгарского литературного языка. Эта грамматика, как и «Таблицы для взаимного обучения», напечатанные в Сербии (Крагуеваце), пользовалась большой популярностью у болгарских педагогов и учеников. А их автора позднее называли «патриархом болгарских книжников и педагогов». Хотя он был монахом и три последние десятилетия провел в Рильском монастыре, его нельзя отнести к заурядным представителям духовенства. В пору своей активной деятельности Н. Рильский проповедовал рационалистические идеи и горячо отстаивал необходимость образования молодых болгар, видя в этом источник духовного прогресса¹³. В предисловии к «Болгарской грамматике» он писал, что «прежде всего должно устраивать школы, а потом церкви и монастыри. Прежде всего надо печатать на нашем болгарском языке потребные для учения книги, а после Ветхий и Новый завет»¹⁴.

Как педагог Н. Рильский считал, что детей нужно учить прежде всего болгарскому языку, а уже затем греческому. Обращение к родному языку содействовало, по его убеждению, развитию национального самосознания. В его нравоучительных наставлениях в «таблицах» есть патриотические сентенции: «Жертвуй своей жизнью за отечество и предпочитай славную смерть, нежели бесчестную жизнь». Многие его воспитанники стали впоследствии учителями и видными болгарскими просветителями.

Другим популярным учебным пособием в новых болгарских школах было «Славно-болгарское детоводство для малых детей» (1835). Это своеобразная школьная энциклопедия по воспитанию детей (отсюда — детоводство) и в то же время обстоятельный учебник, включающий букварь, хрестоматию для чтения, грамматику, арифметику, географию и письмовник. Авторами его были известный поборник за независимую церковь Неофит Хилендарский (1785—1848), именуемый также Неофит Бозвели («бозвелия» по-гречески — непокорный), и видный педагог Эмануил Васкидович (1795—1875). Первый из них не мог примириться с тем, что болгарской церковью управляли

фанариоты-греки, получавшие поддержку от официальной Порты. Много усилий он положил, чтобы объединить болгарских эмигрантов в Константинополе для борьбы за национальную церковь. Он обращался к турецкому правительству с призывом поддержать его патриотические идеи, он стремился привлечь на свою сторону крупных сановников и польских эмигрантов. Однако все оказалось напрасным: Бозвели подвергался жестоким преследованиям и умер в заключении в монастыре.

В 1841—1844 гг., будучи в заключении, Бозвели написал диалоги «Просвещенный европеец, умирающая Мати Болгария и Сын Болгарии», несколько позже — «Плач Мати Болгарии». Форма диалога заимствована им из греческой литературы, а содержание проникнуто национально-патриотическим духом. Образ «Мати Болгарии» олицетворял тяжелую участь родины: она предстает перед читателем в образе болгарской крестьянки, опечаленной женщины, покрытой «черным платком и в лохмотьях», стоящей на берегу Янтры у Велико Тырново — историческом месте, напоминавшем о былом величии Болгарии. Творчество Неофита Бозвели обогащало отечественную литературу гражданско-патриотическими мотивами, а критический пафос его произведений утверждал в ней памфлетно-сатирическое начало.

В числе распространенных учебных пособий были также «Царственник, или История болгарская» (1844) А. Кипиловского, «Болгарский букварь» (1844) Г. Бусилина, изданный в типографии Московского университета, «Общее землеописание» (1843) К. Фотинова и др.

Распространение рационалистических идей, появление светских школ и отечественных учебных пособий побуждали болгарских просветителей к созданию типографий, печатанию книг, журналов и газет на родном языке. Первоначально новоболгарские книги печатались в Италии, Румынии, Венгрии, Сербии и России, а позже и в Турции. И все же эти центры были не в состоянии удовлетворить возрастающие потребности болгарского населения. Поэтому появляются типографии и издатели в самой Болгарии. В 1846 г. в Свиштове начала работать типография Н. Карастоянова, затем типография И. Богорова и др.

Все это содействовало быстрому росту болгарской печатной книги. Если с 1806 г. до начала 30-х годов в стране вышли 17 оригинальных болгарских книг, то с середины 30-х и до середины 50-х годов появилось свыше 260 книг светского содержания¹⁵. В этот период получают распро-

странение учебные пособия и календари, представляющие собой сборники смешанного содержания. Широко распространяется и переводная литература. По большей части это были не переводы в современном смысле слова, а адаптации, приспособления, которые, однако, на том этапе выполняли прогрессивную роль. Известностью пользовались «Добавления к дворянским выборам» украинского писателя Д. Грайневича, «Велизарий» немецкого автора Х. Траутцена, «Приключения Телемака» французского просветителя Ф. Фенелона и ряд русских произведений морализаторско-сентиментального характера. Первые болгарские учителя в школах использовали русские грамматики М. Смотрицкого и А. Востокова, а просвещенные люди часто обращались к «Письмовнику» Н. Курганова и «Русской хрестоматии» А. Галахова, которые содействовали просвещению и распространению произведений русских поэтов и прозаиков в Болгарии, оказав положительное влияние на становление болгарской литературы. В целом активное проникновение русской художественной литературы в Болгарию начинается с начала XIX в., а ее широкое воздействие относится к 40—50-м годам. Правда, и в это время болгарский учитель лучше знал русских писателей XVIII и самого начала XIX в., таких, как Кантемир, Ломоносов, Державин, Карамзин, Гнедич, Крылов, чем современных авторов, и лишь позже получили известность авторы первой половины XIX в.

Важным этапом в развитии болгарской культуры явилось появление в 40-е годы XIX в. отечественной периодической печати. Родоначальником ее по праву считается К. Фотинов, который издавал первый болгарский журнал — «Любословие». Его первый номер вышел в 1842 г. в Смирне (Турция), где была болгарская типография, а регулярно он издавался в 1844—1846 гг. К. Фотинов проявил себя способным журналистом и публицистом; в то же время он был автором учебных пособий, составителем болгаро-греческого разговорника и русско-болгарско-греческого словаря, который остался, к сожалению, незавершенным. В журнале «Любословие» печатались статьи общеобразовательного характера, сведения о политической жизни, торговле, земледелии, дидактические рассказы, пословицы и поговорки, оригинальные и переводные стихотворения. Журнал распространялся в Болгарии, а также в России, Сербии и Дунайских княжествах среди болгарских эмигрантов.

Непродолжительное существование журнала можно

объяснить тем, что сама болгарская общественность еще не была подготовлена к такому типу литературы. С другой стороны, определенным препятствием для его распространения была ориентация К. Фотинова на книжную церковнославянскую языковую традицию, а опыт обучения родному языку в светских школах нового типа предусматривал освоение живого болгарского языка. Эта более жизненная и демократическая традиция получила поддержку со стороны ряда болгарских учителей и воплощалась в литературной практике таких видных поэтов, как П. Р. Славейков, Д. Чинтулов и др.

Другим поборником болгарской периодической печати был И. Богоров (1820—1892) — высокообразованный человек и видный просветитель. Окончив Одесскую гимназию в 1843 г., он изучал химию в Лейпциге, медицину в Париже. Переводил русские учебные пособия для болгарских школ, составил свою болгарскую грамматику (1844 г.), которая пользовалась известностью, и ряд лет учительствовал в болгарских школах. В 1846 г. в Лейпциге И. Богоров стал издавать первую болгарскую газету — «Болгарский орел». В качестве ее программы редактор выдвинул идею утверждения национального самосознания и развития письменности на уровне своего века. «И мы, болгары, — писал он в первом номере газеты, — должны осознать себя как народ, который имеет те же стремления, что и другие европейские народы. Мы должны прочно держаться своего языка и своей веры!»¹⁶. Газета уделяла внимание развитию отечественной литературы, а сам редактор в литературном языке опирался на живую разговорную речь. Это было информационное и общеобразовательное периодическое издание, просуществовавшее, однако, лишь до третьего номера (начало 1847 г.). Однако уже в следующем году И. Богоров продолжил свою деятельность редактора и издателя, получив разрешение на выпуск новой газеты — «Царьградски вестник», которая выходила в Константинополе и распространялась в Османской империи. С 1850 г. редактором газеты стал видный просветитель Александр Экзарх; она выходила до 1862 г., сыграв важную роль в развитии национально-патриотического болгарского сознания и в борьбе за национальную церковь. На ее страницах печатались видные болгарские писатели, учителя, фольклористы — П. Славейков, Б. Петков, Д. Чинтулов, Д. Миладинов и др.

Появление в 30—40-е годы XIX в. светских школ, болгарских учебников и учебной литературы, периодической

печати содействовали развитию образования в стране, подъему национального самосознания, формированию национального литературного языка, что явилось важным фактором становления болгарской национальной культуры. В это же время пробуждался интерес к народному творчеству, к истории, в которой болгарские просветители видели истоки национального своеобразия, традиций, служивших объединению национальных усилий и проявлению здорового начала в разных сферах культуры, в первую очередь в литературе и искусстве.

Развитие болгарской художественной культуры в конце XVIII в. и в первые четыре десятилетия XIX в. протекало также довольно медленно, в мучительной борьбе со старыми средневековыми традициями. Литература все еще носила синкретичный характер: общественное и художественное сознание были неразделенными. Эмоционально насыщенные публицистические выступления проникали в литературные произведения, в филологические и педагогические трактаты. Учебная литература была подчинена идее утверждения народного образования, росту национального самосознания. Светское и религиозное сознание нередко представляли вместе и также были составной частью национально-патриотического движения за духовную и церковную самостоятельность.

Изобразительное искусство конца XVIII и первых десятилетий XIX в. сохраняло церковно-религиозный характер. Оно было представлено главным образом иконами, резными иконостасами и стенописью. Работа художников протекала в монастырях и церквях. При этом следует заметить, что мастер стенописи или иконописи занимал как бы промежуточное положение между ремесленником и художником. Находился он в полной зависимости от заказчика — строителя (или реставратора) монастыря, церкви. По мере роста богатой прослойки болгар из торговцев и ремесленников все больше пробивалось в изобразительном искусстве светское начало как в способе изображения библейских сюжетов, так и в появлении светского портрета — сначала это были дарители-ктиторы, лица которых воспроизводятся на стенах, а затем и самостоятельные портреты представителей духовенства, просветителей, меценатов, торговцев.

На раннем этапе национального Возрождения в Бол-

гории существовало несколько художественных школ со своими религиозными и локальными особенностями, с особыми иконописными традициями и со своими знаменитыми мастерами¹⁷. Широкой известностью пользовались тревненские мастера, например, Тома Вишанов, и искусные резчики по дереву. Деятельность этих мастеров распространялась на северную часть Болгарии. Зрелый период в развитии тревненской живописи относится к первой половине XIX в., когда иконописцы начинают воспринимать человеческий образ более реалистически, а не так отвлеченно, как ранее. Более разнообразным становится колорит стенописей. В фоне икон появляется национальный пейзаж.

Другой популярной школой живописцев была Самоковская, мастера которой жили и работали в южной части Болгарии. Основателем ее считается известный иконописец Х. Димитров, сложившийся как художник под влиянием святогорских мастеров Афона. Представители Самоковской школы расписывали монастыри и церкви в Пловдиве, на Афоне. Самостоятельную часть самоковского искусства представляли гравюры-штампы, распространенные в 40—50-е годы XIX в. (А. Карастоянов). В 30—40-е годы мастера Самоковской школы стали создавать картины на светские и бытовые сюжеты. Одним из крупных живописцев этой школы был Захарий Зограф.

Кроме того, известностью пользовались Банская и Дебърская художественные школы, сложившиеся в юго-западной части Болгарии. Иконописцы и резчики по дереву оставили очень ценные художественные памятники раннего Возрождения: иконы, монументальные настенные росписи, а также гравюры, картины и искусно вырезанные алтари, резные царские ворота, потолки.

С развитием профессионального искусства локальные художественные школы перестают функционировать, выполнив свою миссию в процессе перехода к искусству Нового времени. Наиболее характерной личностью той эпохи был живописец Захарий Зограф из Самокова, в творчестве которого перешлетались старые традиции и новое понимание человека и его призвания.

Захарий Зограф (1810—1853) получил хорошее по тому времени образование у известного просветителя Неофита Рильского. С ним он общался и переписывался почти два десятилетия, т. е. практически всю свою сознательную жизнь. Зограф проявлял интерес к развитию светского образования в болгарских городах и сам содействовал по-

явлению школ с болгарскими учителями. Он был лично знаком с видными просветителями-соотечественниками и содействовал развитию книгопечатания у себя в стране. Однако главные его усилия были направлены на художественную деятельность. В течение двух десятилетий он успел много сделать и для развития болгарской иконописи, и в росписях болгарских церквей и монастырей, и в создании совсем нового жанра — светского портрета.

Первые работы Захария Зографа, датированные 1833 и 1836 гг., — это иконы для пловдивских церквей, а затем настенные картины в церквях и монастырях. Все исследователи отмечают большой вклад Захария Зографа в росписи таких широко известных монастырей, как Бачковский (1840), Рильский (1844), Троянский (1848) и Преображенский (1849). С удивительным трудолюбием и большим мастерством он воспроизводил библейские сюжеты «Страшного суда», «Вознесения Богородицы», «Христос и 12 апостолов» и др. Новое здесь проступало в стремлении художника приблизить образы святых к реальным человеческим лицам, что особенно чувствовалось в отходе от мрачных тонов, в красочности колорита. Он вводит в свои композиции портреты известных ему людей, рисует и себя самого (первые автопортреты). В настенной росписи «Трапеза богатого Лазаря» современники угадывали лица реальных пловдивских богачей, в образах композиции «Смерть богатого» проступали черты жен этих богачей. Захарий Зограф представлял библейские сюжеты как бытовые сценки, передававшие реальные трудовые будни, поэтому его Адам порой предстал в образе крестьянина-земледельца, а Ева — его доброй женой с прялкой в руках. Росписи художников в монастырях вбирали в себя опыт предшествующих поколений живописцев и вместе с тем передавали новые ощущения человека в окружающей его реальной среде. Сам художник в ряде случаев оставлял свою подпись и на стенах монастырей и на выполненных им иконах — «Захарий Христович, живописец из Самокова», «болгарин из Самокова» или «Захарий Зограф». Современники высоко ценили мастерство художника, поэтому не случайно в одном из писем Н. Рильский обращается к нему: «Красноречивейший и искуснейший Зограф», а в описании Рильского монастыря дает восторженный отзыв о его росписях: «Каждый, кто впервые увидит эти картины, забудет все и долго-долго будет ненасытно глядеть на эту красоту, которой не видывал нигде и никогда в своей жизни»¹⁸.

Качественно новые черты проявились у Захария Зографа и в создании светского портрета. К числу живописных болгарских сюжетов и шедевров по праву относят станковый портрет Неофита Рильского, автопортрет и портрет Христины Д. Зографской. В каждом из них чувствуется стремление создать психологический образ реального человека, рассказать о нем как о представителе своего времени, своей профессии. В портрете Неофита Рильского запечатлены и глобус, и книга, и чернильница — неотъемлемые атрибуты просветителя. Автопортрет, по мнению исследователей, «остается одним из первых изображений реального человека, созданным целиком на новой основе и принципиально отличным от образцов церковного искусства»¹⁹.

Захарий Зограф по праву стоит в ряду самых видных болгарских просветителей первой половины XIX в. Его росписи в болгарских монастырях и на Афоне, его иконы, а также станковые портреты и рисунки внесли крупный вклад в становление национального художественного начала в болгарской культуре и готовили почву для реалистического искусства.

По мере роста прослойки болгарских торговцев и ремесленников в крупных селах, а особенно небольших городках, возникает множество построек как культурного, общественного, так и частного характера. Эти строения отражали новое мироощущение болгарина, уже приобщившегося к достижениям века Просвещения и современной культуры. Знаменем времени стало строительство башен с часами, которые определяли время работы мастерских, выполняли функции пожарных вышек, охраняли от внезапных набегов кирджалиев в селах и городах и которые в то же время создавали новый архитектурный ансамбль болгарских поселений. К началу 30-х годов XIX в. было построено около 25 таких башен. Наиболее характерными из них, организующими архитектурное пространство были башни в Елене и Трявне.

В конце XVIII и начале XIX в. ведется строительство церквей, в большинстве случаев небольшого размера, частично уходящих в подземелье. Распространенной формой были трехкупольные базилики с небогатым внешним оформлением. С 1831 по 1840 г. было построено более 40 сельских церквей. В это же время ширится процесс восстановления заброшенных ранее церквей и монастырей. Показательны в этом отношении реставрационные работы в Преображенском монастыре, который начал новое

существование с 1820 г. Самым крупным сооружением явился Рильский монастырь, расположенный на площади около 9 кв. км. Закрытый ансамбль с нерасчлененным внешним видом гармонировал с окружающей естественной средой — величественной возвышенностью, покрытой лесом. Реставрационные работы — строительные и художественные — велись с начала века до середины 30-х годов. Народным мастерам удалось достигнуть художественного единства между средневековой Хрелёвой оборонительной башней 1334 г. и строениями самого монастыря, церковей, созданных в возрожденческом духе. Ансамбль Рильского монастыря стал шедевром болгарского искусства, национальной гордостью народа. С середины 30-х годов XIX в. началось и строительство школьных зданий (Габрово, 1835, а затем, в 1840 г., в Казанлыке, Сопоте, Карлово и др.).

Изменяется облик жилых помещений, особенно в крупных селах и небольших городах. Характерно появление одно- и двухэтажных зданий с богатым внешним и внутренним оформлением, которое свидетельствует о материальном достатке их владельцев и об их повышенном внимании к красоте и добротности. Возникает несколько типов «возрожденческих домов», отличающихся высокими архитектурными достоинствами и качеством художественной отделки (резные потолки, ворота, рамы окон и др.). Появляются возрожденческие кварталы (в Пловдиве) и целые города — Копривштица, Елена, Трявна и др.

Болгарская музыкальная культура раннего Возрождения ограничивается церковным песнопением (велика здесь заслуга Рильского монастыря), ширится интерес к народным песням, к школьным хорам. В болгарской школе развивается интерес к диалогу — своеобразной форме живого взаимного обучения и прообразу будущего театрального представления (их развитие приобретает широкий размах лишь с 50-х годов XIX в.).

Новое мироощущение болгарина с его тяготением к знаниям, с его интересом к тому, что делается и за пределами болгарских земель, получило разностороннее выражение в памятниках письменности и в литературе 30—40-х годов. Наибольшее распространение в это время приобретают учебная литература, о которой говорилось выше, и поэзия, представленная явлениями не столь значительными, но характерными для эпохи Просвещения. По большей части это были силлабические стихи, проникнутые национально-патриотическим пафосом и призывом к про-

свещению. В жанровом отношении преобладала высокопарная ода, типичная для классицизма — «Плач на смерть Ю. И. Венелина» Г. Пешакова, «Похвала древним болгарам и их отечеству» Х. Николова. В 40-е годы примерно в одно время выступают поэты, которые впоследствии сыграют важную роль в развитии болгарской литературы и национальной культуры, — Н. Геров, Д. Чинтулов, П. Р. Славейков. Творчество и общественно-культурная деятельность двух последних будет протекать в 50—70-е годы, а Н. Геров, выступив в 40-е годы, сыграет важную роль в общественной, политической и научной жизни Болгарии на завершающем этапе национального Возрождения и даже позже. Однако его творчество, заметное в болгарской поэзии 40-х годов, как бы завершает болгарскую эпоху Просвещения.

Найден Геров (1823—1900) — интереснейшая и многогранная личность. Он принадлежал к тому первому поколению болгарской молодежи, которая получила образование в России и которая всю свою последующую творческую и общественную деятельность связала с русской прогрессивной мыслью и русской культурой. Окончив Одесскую гимназию и там же лицей Ришелье, Н. Геров активно участвовал в жизни болгарской эмиграции в России. Он принял русское подданство, а с 1857 по 1878 г. занимал пост русского вице-консула в Пловдиве, оказывая поддержку многим болгарам и национально-патриотическим организациям. После освобождения Болгарии от османского гнета он отошел от активной общественной деятельности и целиком отдался науке. Самым крупным его достижением явился пятитомный «Словарь болгарского языка с толкованием болгарских и русских слов» (1895—1904), который включил в себя свыше 70 тысяч слов и выражений. Этот труд ученого-филолога не утратил своего значения и сейчас.

Н. Геров — автор нескольких лирических стихотворений, широкую известность он приобрел поэмой «Стоян и Рада» (1845). В основу ее положена история трагической любви двух молодых людей, столкнувшихся с деспотизмом родителей. Страдания влюбленных и их гибель переданы в сентиментально-романтическом духе. Поэма завершается образом двух сплетающихся деревьев на могиле героев, олицетворяющим, как в народной поэзии, бессмертие любви. Автор утверждает, что новые отношения неизбежно ломают прежние традиции; а чувства молодых людей служили символом нравственной чистоты и вер-

ности. Опираясь на опыт русских поэтов, Н. Геров вводит силлабо-тонический стих, берет эпитеты и сравнения из болгарской народной поэзии, что придает поэме национальный колорит. Она характеризуется четким ритмом, а в ряде мест и музыкальностью стиха. Поэма стоит у истоков той национальной болгарской поэзии, окончательную форму и стиль которой определило творчество Д. Чинтулова и П. Р. Славейкова.

Стремительное развитие художественной культуры в 30—40-е годы было вызвано ростом национального самосознания, ростом образовательного уровня значительной части болгарского общества, а также усилением культурных контактов с другими народами — как славянскими, так и неславянскими. В результате формировалось новое отношение к прекрасному в области изобразительного искусства, литературы и прикладного искусства. Происходит распад синкретичного мышления и повышается роль эмоционального восприятия окружающей действительности человеком, наделенным уже новым представлением о своей родине, о своем предназначении.

Сопоставляя путевые очерки Н. Герова 1846 г. с «Благонравием» («Христоития», 1837) Р. Поповича, которое фиксировало новые этические и эстетические нормы поведения болгарина, советский исследователь Г. Гачев приходит к выводу, что Р. Попович передает мысль через отвлеченные понятия, а Н. Геров в противоположность ему стремится донести до читателя субъективные чувства, впечатления, претендует на верность субъективных представлений и создает художественные образы²⁰. К этому следует добавить, что, хотя стиль повествования Р. Поповича в «Благонравии» сугубо рационалистический, по содержанию этот документ также свидетельствует о складывании новых эстетических взглядов. Болгарский просветитель исходит из греческих источников «благонравия», но дает наставления и от себя: какой должна быть у болгарина одежда, какие допустимы украшения и т. д. Это нормы новых представлений о прекрасном. Не случайно свой «кодекс» просветительской нравственности он распространяет и на художников. «Полезно учение и самим художникам, — пишет он, — потому что посредством него они сделают свое художество более почитаемым и лучшим»²¹.

Болгарские просветители Э. Васкидович и Неофит Бозвели в совместном труде «Славено-болгарское детоводство» разграничивают «художества» (ремесла) и науку.

В первом случае имеется в виду литературно-художественная деятельность, а во втором — теоретическая. «Живопись, ваение, архитектура, стихотворство, музыка, — пишут они, — по их красоте именуется „краснохудожеством“». По существу, это и есть сознательное выделение области искусства как особой формы человеческой деятельности, в основе которой находится понятие красоты, прекрасного. С введением этих понятий болгарскими просветителями, а также с развитием изобразительного искусства, литературы, устного народного творчества расширяются представления о болгарской национальной культуре как о целостном явлении.

Болгарская культура в своем развитии со второй половины XVIII в. и до конца 40-х годов XIX в. проделала большой путь: она отошла от средневековых церковных традиций и наполнилась новым гражданским, национально-патриотическим содержанием; она перестала быть явлением синкретичного плана, и разные формы культурной деятельности теперь приобретали все большую самостоятельность; развиваясь на базе ремесел, местных традиций, она все больше впитывала национальные идеи и достижения других народов, шла по пути становления художественных принципов. Это было началом формирования профессиональной художественной культуры болгарского народа.

¹ Български автори в руския периодичен печат. 1854—1864. Статии, дописки, очерци, бележки. Т. 1. С., 1982. С. 32.

² Гандев Х. Проблеми на българското възраждане. С., 1976. С. 35.

³ Там же. С. 28.

⁴ Паисий Хилендарски. Славянобългарска история. С., 1972. С. 39.

⁵ Софроний Врачанский. Жизнеописание. Издание подготовили Н. М. Дылевский, А. Н. Робинсон. Л.: «Наука», 1976. В книге дается факсимиле «Жития», хранящегося в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, текст по автографу и перевод на русский язык, а также статья о Софронии Врачанском и комментарии к тексту.

⁶ См.: Тодоров Н. Балканский город XV—XIX вв. М., 1976.

⁷ Генчев Н. Българско възраждане. С., 1981. С. 72.

⁸ Селимански И. Избрани съчинения. С., 1979. С. 222.

⁹ Гандев Х. Закономерности в отношения между българским и греческим народами в эпоху Возрождения // В чест на академик Д. Косев: Изследвания по случай 70 години от рождението му. С., 1974. С. 44.

¹⁰ Априлов В. Извадки из съчиненията му и писма. Хемус, б. г. С. 93—94.

¹¹ Григорович В. И. Очерки путешествия по европейской Турции. М., 1877. С. 166.

- ¹² Радкова Р. Българската интелигенция през Възраждането (XVIII—първа половина на XIV в.). С., 1986.
- ¹³ См.: Радкова Р. Неофит Рилски и новобългарската култура. С., 1983; Асенов П. Неофит Рилски. С., 1983.
- ¹⁴ Възрожденски страници: Антология. Т. 1. С., 1969. С. 274.
- ¹⁵ Генчев Н. Българско възраждане. С., 1981. С. 134—135.
- ¹⁶ Богоров И. Избрани страници. С.: Хемус, б. г. С. 76.
- ¹⁷ См.: А. Василев. Български възрожденски майстори. С., 1965; М. Цончева. Българско възраждане: Живопис и графика. С., 1962; А. Божков. Тревненската живописна школа. С., 1967.
- ¹⁸ Цит. по: Львова Е. П. Изобразителное искусство Болгарии эпохи национального Возрождения. М., 1975. С. 73.
- ¹⁹ Там же. С. 82.
- ²⁰ Гачев Г. Ускоренное развитие литературы: (На материале болгарской литературы первой половины XIX в.). М., 1964. С. 234.
- ²¹ Възрожденски страници: Антология. Т. 1. С. 292.

Культура Греции

Эпоха Просвещения в Греции и одновременно период национального подъема начинается примерно в семидесятые годы XVIII столетия, а завершается греческой национально-освободительной революцией 1821 г. и созданием независимого греческого государства. Особенности исторического развития Греции не могли не сказаться на характере греческого Просвещения, в котором вместе с тем выявился ряд черт, типичных для стран Центральной и Юго-Восточной Европы, с одной стороны, и для европейской культуры в целом, с другой. Сходство греческого просветительства XVIII в. с просветительскими движениями региона в некоторых случаях объясняется не только единством исторических судеб этих народов, но и непосредственным влиянием греков, в ряде случаев выступавших проводниками западноевропейских просветительских идей в культуру своих соседей.

После падения Константинополя в 1453 г. большая часть греческих территорий, входивших до этого в состав Византийской империи, подпала под османское владычество. Культурное и социально-экономическое развитие этих территорий было надолго заторможено, множество греков оказалось в различных странах Западной и Восточной Европы (в частности, в России), и их культурные центры переместились за пределы этнической территории. Неподвластными турецкому султану оставались остров Крит (до 1699 г.) и Ионические острова, находившиеся под протекторатом западных держав вплоть до 1864 г., когда они воссоединились с греческим государством. Таким образом, на протяжении трех с лишним столетий греческий мир* располагался в двух ареалах — восточном и

* Здесь уместно ввести термин «эллинство», переводя таким образом слово «эллинизм», которое в подобном контексте употребляют греческие ученые не в привычном для нас значении исторической и культурной эпохи III—I вв. до н. э., а для обозначения всей совокупности людей греческой национальности.

западном. Третья часть эллинизма оказалась за пределами своей этнической территории. Политическая зависимость Ионических островов от западных держав была менее тяжелой, чем положение областей, захваченных турками, и культурное развитие на островах шло активней, чем на остальных территориях, чему способствовало и влияние западноевропейской, главным образом итальянской культуры. На Крите же в XVII в. возникло весьма интересное культурное явление, известное под названием «Критский ренессанс». В 1699 г. Крит был захвачен турками. Однако именно в этот мрачный период, занявший почти столетие, начинается закат Османской империи, а в греческой культуре подспудно вызревают зерна Просвещения, давшие плоды в эпоху национального подъема 1770—1820-х годов.

В период османского владычества греческая культура сохранялась и пусть медленно, но развивалась в двух не соприкасавшихся между собой сферах. Одна из них — низовая культура, непрофессиональное искусство, создававшееся народными и монастырскими мастерами. Основными формами существования художественной жизни тут оказались устное народное творчество, главным образом песни, декоративно-прикладное искусство и народное зодчество. Другая сфера — культура ученая, элитарная, во многом сохранявшая традиции византийского периода. Речь идет о культуре почти исключительно словесной, создававшейся просвещенным духовенством и фанариотами. Именно в этой среде выявляются около середины XVIII в. просветительские тенденции. Уже с начала XVII в. важнейшим культурным центром греков стала константинопольская патриархия. В XVII и XVIII вв. (приблизительно до 70-х годов) греческая церковь играла прогрессивную роль, являясь источником образованности, и, что еще важнее, национально-освободительных идей. Патриотическая проблематика занимала в трудах образованной части греческого духовенства более значительное место, чем проблематика собственно клерикальная. Ученые, просвещенные священнослужители, такие, как, например, Кирилл Лукарь (Лукарис), занимавший патриарший престол в 1620—1638 гг. и объявленный еретиком за перевод Евангелия на народный язык, или живший чуть позже Феофил Коридалей (Коридалевс), учившийся в Италии и переводивший на современный язык сочинения Аристотеля, превратили патриаршую академию в Константинополе в подлинное средоточие духовной жизни

греков. Известный греческий литературовед, автор фундаментальных исследований «Греческое Просвещение» и «История новогреческой литературы» К. Т. Димарас, характеризуя деятельность греческого духовенства в XVII—XVIII вв., называет ее «клерикальным гуманизмом»¹. Это явление присуще не одной только греческой культуре. На начальном этапе формирования национальной культуры у народов Центральной и Юго-Восточной Европы национальные идеи, как правило, не отделялись еще от идей христианских, и национально-патриотическая и конфессиональная проблематика рассматривалась в тогдашних просветительских трудах в некоем единстве. Такой сплав национального, просветительского и христианского характерен, например, для произведений болгарских просветителей Паисия Хилендарского и Софрония Врачанского.

В глазах греков, поработанных иноверцами или рассеянных по различным, главным образом также иноверным странам, именно православная греческая церковь была символом и оплотом национального единства. Понятно, что при таком положении вещей вес церкви в греческом обществе был огромен, и это не могло, естественно, не наложить отпечатка на всю духовную жизнь Греции.

Когда в середине XVIII в. начинается активное усвоение просветительских идей, шедших в Грецию с Запада и в первую очередь из Франции, они претерпевают существенную трансформацию на греческой почве, где в ту эпоху не мог привиться атеистический дух французского Просвещения. Типологически греки ближе немецкому Просвещению с его религиозным налетом.

Одним из источников западного культурного влияния в Греции XVIII в. была диаспора. Греки, разбросанные по различным странам Западной Европы, учились там, и многие из них возвращались затем на родину, чтобы передать своим соотечественникам полученные знания. Важными культурными центрами греков за пределами этнической территории были Падуанский университет, где учился Теофил Коридалей, греческая школа в Венеции, носившая название «Флангинский эллинский музей» (в честь Фомы Флангинского, согласно завещанию которого она и была основана в 1648 г.), учебные заведения в Яссах, Бухаресте.

Диаспора не была, однако, единственным проводником просветительских идей, другим и даже более активным, были фанариоты. Название это происходит от кон-

стантинопольского квартала Фанари, где с начала XVII в. располагалась патриархия и патриаршая академия. В этом же квартале селились богатые, аристократические греческие семейства — наиболее образованная, наряду с духовенством, часть тогдашнего греческого общества. С начала XVIII в. Высокая Порта стала привлекать на службу образованных греков, и греческая чиновничья аристократия, находившаяся на турецкой службе, получила название «фанариоты».

Роль фанариотов в духовной жизни Греции того времени настолько велика, что греческие исследователи, в том числе наиболее авторитетный из них — К. Димарас, первые две трети XVIII в. называют «веком фанариотов», включая его в рамки эпохи греческого Просвещения. Мы же будем говорить о фанариотском просветительстве как подготовительном этапе этой эпохи, или предпросвещении. Важнейшей особенностью греческого фанариотского просветительства первых двух третей XVIII в. является то, что оно было аристократическим, если иметь в виду социальную принадлежность осуществлявших его людей, и религиозным по своему духу. Выполняя различные дипломатические поручения, фанариоты подолгу жили в странах Западной Европы, многие молодые люди из фанариотских семей получали там образование. Подобно лучшей части греческого духовенства, аристократия одушевлялась идеями национального освобождения и объединения. «Век фанариотов» — это вообще период, когда началось становление греческого национального самосознания. Следует подчеркнуть, что социальное положение фанариотов сказалось на характере их деятельности. Если в истории греческой культуры XVIII в. они сыграли важную просветительскую роль, то, например, с точки зрения историка румынской культуры деятельность фанариотов оценивается иначе. Занимая должности господарей и другие высокие посты в Дунайских княжествах, они стремились насильственно насаждать в подвластных им провинциях греческую культуру и язык. И хотя во многом благодаря фанариотам пришли в румынскую культуру идеи западноевропейского Просвещения, все же роль их была скорее реакционной. Деятельность фанариотов и греческих константинопольских купцов, связанных с Западом различными, главным образом экономическими интересами, не только способствовала проникновению в греческое общество западных просветительских идей, но и осуществляла связь между греками, жившими в порабощен-

ных областях и рассеянными за пределами этнической территории, служа, таким образом, делу национального объединения. К концу XVIII в. окрепшее ощущение этой связи позволит разрозненному эллинизму почувствовать себя единым целым.

Уже с начала XVIII в. в Греции увеличивается количество разного рода учебных заведений и отношение к ним в греческом обществе становится все более серьезным. В Афинах в 1715 г. основывается учебное заведение, получившее название «Семинарий греческих наук», вскоре там открываются другие высшие учебные заведения — различные «семинарии» и «академии», музей. Школы и типографии основываются в большом количестве по всей стране. Образованные люди пользуются уважением и почетом. В противовес прежнему религиозно-филологическому направлению в обучении в XVIII в. идет активное движение за преподавание математики и естественных наук. Все более возрастающий в греческом обществе вес купеческого сословия, путешествия купцов пробуждают и интерес к географии. Первую новогреческую географию, имевшую огромный для того времени тираж — около двух тысяч экземпляров, издал в 1729 г. епископ Янины Мелетий Митру². С интересом к географии связан и жанр путевых дневников и описаний путешествий, получивший развитие в XVIII в. В этом жанре писал и один из крупнейших греческих просветителей Евгений Вулгарис (1716—1806), преподававший в школах в Янине, Константинополе, на Афоне и основавший там в 1753 г. собственную школу. В молодости Вулгарис был рьяным вольтерьянцем и первым переводчиком сочинений Вольтера на греческий язык. Его перу принадлежат также многочисленные сочинения по философии, истории, теологии, теории музыки. Впоследствии он принял сан священника и к старости из поклонника Вольтера превратился в его убежденного противника; поздние сочинения Вулгариса полны полемики с Вольтером. Вулгарис прожил несколько лет в России при дворе Екатерины II и в путевых сочинениях обнаруживает себя горячим поклонником просвещенного абсолютизма.

Уже говорилось, что господствующее место в фанариотской культуре занимает словесность. Другие области художественного творчества получили развитие в ту эпоху только в сфере культуры низовой. Объясняется это, по-видимому, особенностями греческой истории. В поработанной стране культурное развитие было очень затруднено.

Специфика словесности, созидать которую можно было в тиши кабинета или монастырской кельи, позволила ей развиваться несмотря — и вопреки — гнету османского ига. Слово было главным оружием в руках просвещенного греческого духовенства и именно в этой сфере культуры были главным образом сосредоточены духовные интересы фанариотов. Художественная литература в современном понимании еще, впрочем, не сформировалась в «век фанариотов»; в литературе той эпохи преобладали ученые, дидактические и политические произведения, разрабатывающие вопросы нравственного порядка или посвященные проблемам национального объединения и освобождения.

В этих жанрах подвизалась династия, весьма известная в фанариотском просветительстве, — Александрос Маврокордатос, его сын Николаос и внук Константинос. Все они занимали большие должности в Высокой Порте. Александрос, преподававший сперва в патриаршей академии, был назначен затем на пост доверенного секретаря Высокой Порты. Его перу принадлежат дидактические руководства и комментарии к сочинениям Аристотеля.

Николаос Маврокордатос первым из греков был назначен господарем (правителем, или, выражаясь по-гречески — «гегемоном») Дунайских княжеств, входивших в то время в состав Османской империи. В 1709 г. он стал господарем Молдовы, в 1716 — Валахии. Николаос Маврокордатос не был значительным писателем. Ему принадлежат философско-политические сочинения и немногочисленные стихи, не обладавшие большими литературными достоинствами. Выдающаяся роль его в фанариотском просветительском движении связана не с литературной деятельностью, а с тем, что, будучи правителем Дунайских княжеств, он немало способствовал превращению Бухареста и Ясс в важнейшие культурные центры греков. Фанариоты, управлявшие этими областями после Маврокордатоса, в частности, его сын Константинос, всячески поддерживали его начинания, и придунайские провинции на протяжении целого столетия, вплоть до национально-освободительной революции 1821 г., были средоточием греческой духовной культуры.

Если говорить о художественной литературе в «век фанариотов», то, бесспорно, заслуживает упоминания Константинос Дапонтес, оставивший огромное количество стихов. Излюбленным его жанром была дидактическая поэзия. Дапонтес был искусным версификатором, но его

многочисленные произведения имеют скорее историко-литературное, чем подлинно художественное значение.

В 70-е годы в греческом обществе начинаются очень важные процессы. Идет зарождение капиталистических отношений и возвышение класса буржуазии. Этому немало способствовала деятельность греческих купцов и мореплавателей, подтачивавшая феодальный уклад Османской империи; «греческая торговля, — писал Ф. Энгельс, — с того момента, как турецкое господство избавило ее от разорительной конкуренции венецианцев и генуэзцев, быстро расцвела и достигла таких больших размеров, что не могла уже больше переносить и самого турецкого господства»³. Зарождающийся класс буржуазии сыграл в Греции важную роль в период подготовки национально-освободительной революции.

В аспекте политическом это период национального подъема, подготавливающий общегреческое восстание. Могущество Османской империи в конце XVIII—начале XIX в. изрядно расшатывается русско-турецкими войнами. Заключение между Россией и Турцией Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г., по условиям которого христианское население Османской империи оказывалось под покровительством России (греческие суда получили при этом разрешение плавать под русским флагом), греческие ученые (К. Димарас, Л. Политис) считают важной вехой в истории греческого Просвещения, развивающегося на волне национально-освободительного движения. Все чаще вспыхивают крестьянские восстания, подрывающие могущество Османской империи изнутри. Однако понадобилось сорок лет (если принять за условную точку отсчета 1774 г.), чтобы в Одессе в 1814 г. возникло тайное общество «Филики Этерия», непосредственной политической целью которого была подготовка освободительного восстания. Оно началось весной 1821 г., переросло в национально-освободительную революцию и завершилось признанием греческого независимого государства в 1830 г.

В сфере духовной происходят не менее важные сдвиги. Намечается раскол между церковью и фанариотами. Церковь становится на консервативные позиции, и просветительские идеи теперь вызывают у греческого духовенства отрицательное отношение. Примером тут может служить упомянутый выше Евгениос Вулгарис. Аналогичный путь прошел и другой греческий просветитель, ученик Вулгариса, — Никифорос Теотокис. Фанариоты, в свою

очередь, мало-помалу теряют главенство в культурной жизни страны. Греческое просветительство постепенно утрачивает свой религиозно-аристократический характер. К. Димарас характеризует период 1779—1821 гг. следующим образом: «Ритм ускоряется, появляется демократический, буржуазный дух, церковь становится консервативной и в конце концов реакционной. Фанариоты теряют силу, и мы видим, что они с недоверием относятся к новому. Это эпоха критицизма, увлечения науками, обновления этических ценностей: усиливается интерес к индивидуальности, к выражению внутреннего, субъективного мира, к литературе. Явственная тенденция к слиянию различных потоков. Предромантический душевный настрой. Эпоха зрелости и силы, которая увенчивается и разражается Революцией»⁴. «Развитие образования в кругу фанариотов и распространение духа „просвещения“, — пишет об этом же периоде Линос Политис, — достигают к концу XVIII в. полной зрелости. Значительными моментами оказываются, как мы видим, 1774 г. (договор в Кючук-Кайнарджи) и 1789 г. (Французская революция). Эллинство созревает духовно и готовится к своему освобождению»⁵. Второй важной вехой в становлении греческого Просвещения после 1774 г. исследователи считают 1789 г. — год французской буржуазной революции, оказавшей огромное влияние на умы свободолюбиво настроенных греков.

Рост греческой буржуазии с ее собственными духовными потребностями приводит мало-помалу к разделению между духовным и светским образованием, в результате характер образования значительно изменяется. В 80-е годы в греческих школах вводится уже не только теоретическое, но и практическое изучение естественных наук, без которых не могла быть удовлетворена овладевшая греческим обществом жажда знаний. По замечанию Димараса, Аристотеля в этот период теснит Ньютон. Даже само понятие «философия» получает иной смысл, тогда как раньше в это слово вкладывалось прежде всего религиозное содержание. Интерес к естественным наукам способствует проникновению в греческое общество атеистических идей, которые правда, как уже говорилось, на греческой почве прививались плохо.

В сфере естественных наук сосредоточил свои интересы ученик Вулгариса, известный греческий просветитель Иосипос Мисиодакас (1730—1790). Этот разносторонний ученый наряду с математикой, географией и естественными

науками занимался классической философией и разрабатывал вопросы педагогики. Мисиодакас перевел на греческий язык труды многих зарубежных ученых, и именно переводческая деятельность побудила его заговорить о проблеме национального литературного языка, которая была «главной и общей проблемой, вызывавшей ожесточенные споры, краеугольным камнем всех начинаний»⁶.

Вопрос о языке нам придется рассмотреть достаточно подробно, ибо он представляет отнюдь не чисто филологический интерес, а является целым концептуальным стержнем, вокруг которого «преимущественно и складывается духовная жизнь Греции второй половины XVIII в.»⁷ Характерной чертой греческой духовной культуры, как и культуры ряда стран региона, является то, что проблема языка имеет в ней, помимо сугубо лингвистического, важный общественно-политический аспект. Добавим, что языковая проблема, четко поставленная впервые в 60-е годы XVIII в., будет оставаться центральной вплоть до начала нашего века. На протяжении веков в греческом языке существовали как бы две разновидности: ученый, литературный язык, искусственно архаизируемый и ориентированный на древнегреческий, и язык, на котором говорил народ. В XIX в. эти две языковые разновидности получили название «кафаревуса» — «очищенная» (речь) и «димоти́ка» — «народная». Положение с кафаревусой и димотикой во многом напоминает картину, сложившуюся в раннем средневековье в Западной Европе, когда латынь в качестве ученого и литературного языка сосуществовала с языками национальными. И хотя различия между кафаревусой и димотикой меньшие, чем между латынью и романскими языками, тем не менее простому народу кафаревуса была недоступна. Подчеркнем, впрочем, что термины «кафаревуса» и «димотика» появились для обозначения двух крайних позиций в языковом вопросе уже в следующем столетии, восемнадцатому же веку принадлежит заслуга самой постановки проблемы.

Надо сказать, что разделение греческого языка на кафаревусу и димотику есть несомненное упрощение вопроса; на самом же деле языковая картина в тот период выглядела значительно пестрее. Кафаревуса была письменным языком, ориентированным на классический древнегреческий, иными словами, на аттический диалект V—IV вв. до н. э. как в лексической сфере, так и в отношении грамматических форм. (Заметим, что древнегреческий язык тоже имел множество диалектов; не говоря уже о поздне-

греческом «койнэ».) Однако, кроме этого письменного языка существовал еще разговорный язык образованных греков. Димотика же — язык простого народа — имела, в свою очередь, большое количество местных диалектов. Позиции димотикистов были довольно-таки уязвимы именно в силу этой пестроты диалектов и невозможности в связи с этим решить вопрос, какой из них следует принимать за основу.

Знаменательно, что языковая проблема была поставлена в Греции именно в эпоху Просвещения. Она просто не могла не возникнуть в это время, ибо теснейшим образом связана с распространением образованности и формированием национального самосознания. До сей поры в Греции, угнетенной османским игом, не пережившей эпохи Возрождения, образованность была уделом очень незначительного числа избранных, и это само собой отметало проблему языка: написанное избранными избранным было понятно. Стремление к знаниям, распространившееся в Греции в XVIII в., вызвало необходимость переводить на греческий язык сочинения зарубежных ученых. И языковая проблема встала со жгучей остротой. Вопрос о языке был, по сути дела, вопросом о том, какими путями пойдет греческая культура. Деятели фанариотского просветительства пользовались главным образом архаическим языком. Его употребляли в своих трудах и Маврокордатос, и Вулгарис, и Теотокис. Ближе к народному языку был в своих поэмах Дапонтес. Из дошедших до нас литературных памятников «века фанариотов» на народном языке написана лишь «Хроника Галаксидия» иеромонаха Евфимия.

Ученик Вулгариса Мисиодакас уже не пошел по пути учителя. Не разделяя консервативных взглядов Вулгариса в области социально-философской, Мисиодакас оказался демократичнее и в языковом вопросе и первым заговорил о необходимости «общего стиля». Последователем Мисиодакаса был Димитриос Катардзис, личность очень значительная в греческом Просвещении. Катардзис всю жизнь был рьяным и последовательным димотикистом («вульгаризатором», как называли его архаисты), но к концу жизни стал склоняться к необходимости некоего «среднего» пути. «Чистый» димотикизм, как уже говорилось, был весьма и весьма уязвим в условиях греческой многодиалектности, строгий архаизм был подлинным анахронизмом, и именно средний путь сулил наилучшие перспективы в становлении общегреческого языка.

Сторонником среднего пути был и Адамантиос Кораис (1743—1833) — наиболее выдающаяся личность греческого Просвещения. Уроженец Смирны, он изучал медицину в Монпелье и много лет прожил во Франции. Медицинское образование Кораис (в дореволюционной русской транскрипции — Корай) сочетал с филологическим и был первым греческим филологом с европейским именем. Кораис посвятил много времени подготовке к изданию текстов древнегреческих авторов — Аристотеля, Гелиодора, Гомера, Исократа, Ксенофонта, Платона, Плутарха и многих других. Издаваемая им серия получила в 1805 г. название «Греческая библиотека».

Целью просветительской программы Кораиса была подготовка народа к освобождению. Для достижения этой цели он видел два пути: приобщение Греции к высотам западноевропейской культуры и освоение античного наследия. Следуя первому пути, он участвует в издании журнала «Λόγιος Ἑρμῆς», знакомявшего читателей с достижениями западной литературы, переводит на греческий язык художественные и научные сочинения. Издание «Греческой библиотеки» — реализация второго пути. Освоение античности Кораис связывает с задачей воспитания своих современников в духе античных демократических идеалов.

Подобная программа всецело вписывается в картину западноевропейского классицизма с его ориентацией на этические и эстетические нормы античности. Свои взгляды на проблемы политики, философии, просвещения Кораис излагает в обширных предисловиях и комментариях к томам «Греческой библиотеки». Кораис был и первым филологом, систематически изучавшим новогреческий язык. Языковая борьба с невероятной остротой разгорелась в Греции в 90-е годы XVIII в. Димотикисты, последователи Катардзиса, и архаисты, лидером которых был Панайотис Кодрикас, представитель фанариотского сословия, не устанно клеймили и высмеивали друг друга, используя этого многочисленные брошюры или предисловия к книгам. Издательское дело переживало подъем, и полные полемического задора предисловия нередко бывали длиннее самих произведений, которым они предпосылались. Брошюры на самые злободневные темы издавались тогда в огромном количестве. Кораис включился в эту борьбу на десятилетие позже — в первые годы XIX в. и выступил одновременно против обоих лагерей. В ответ на него обрушился двойной шквал нападок. Архаист

И. Ризос Неруλος даже написал сатирическую пьесу «Карканье», где высмеял языковые теории Кораиса.

Суть лингвистической концепции Кораиса в том, что основой общегреческого языка должна быть речь современная, способная выразить новые понятия и потребности, но речь эта, по его мысли, нуждалась в «языковом украшении». Пути этого «украшения» или «очищения» Кораис видел, во-первых, в замене многих простонародных слоев более архаическими и, во-вторых, в реконструировании старых грамматических форм: падежных и глагольных окончаний, то есть в приспособлении современной лексики к архаическим парадигмам. «Очищение» Кораиса касалось, таким образом, лексической сферы языка, а за очищаемую основу принимался не какой-либо из областных диалектов, а язык образованных греков, иначе говоря, некий культурный наддиалект. Надо подчеркнуть, что при всей спорности лингвистических воззрений Кораиса в то время его труды были наиболее серьезными с филологической точки зрения.

Отношение к языку, то есть к вопросу о дальнейшем пути греческой культуры, в значительной степени являлось отражением социальной принадлежности и политических убеждений. Связь эта, бесспорно, не всегда оказывалась прямой, но прослеживается она достаточно четко уже в рассматриваемый период. Тогда и консервативная, и прогрессивная части греческого общества объединялись и одушевлялись общей высокой идеей — идеей национального освобождения. Социально-политические различия, отчетливо выступившие позднее, после образования независимого греческого государства, проявлялись еще в сглаженном виде. В отношении к языковой проблеме они тем не менее выразились. Большая часть архаистов — представители консервативного духовенства или аристократических фанариотских кругов, как лидер архаистов Панайотис Кодрикас. Светскую, буржуазную культуру представлял Адамантиос Кориас. В лагерь димотикистов, последователей Катардзиса, входили наиболее радикально настроенные представители греческой интеллигенции. К их числу принадлежал Ригас (ок. 1757—1798), общественный деятель и писатель, «провозвестник и первомученик греческой свободы»⁸.

Ригас, уроженец деревни Велестинли, откуда и его прозвище Ригас Велестинлис, провел молодость в Константинополе и Валахиях, занимаясь филологией. В 1790 г. он приезжает в Вену, важный центр греческой культуры;

где в то время начала издаваться первая греческая газета «Эфимерис». В том же году в Вене Ригас выпускает две свои книги — «Антологию естественных наук» и «Школу чувствительных влюбленных» — сборник переведенных им с французского новелл Ретифа де ля Бретона. Переводческая деятельность занимала важное место в жизни Ригаса. Помимо художественной литературы, он переводил сочинения дидактического характера, одновременно работал над собственными произведениями. Главная цель Ригаса — внушить своим соотечественникам стремление чувствовать и мыслить свободно. Трактат Ригаса «Новое политическое управление» (1796) представляет собой проект греческой конституции, причем за основу берется конституция Великой французской революции. Самым знаменитым сочинением Ригаса оказался «Пламенный гимн», написанный около 1796 г. Это поэтическое произведение, по выражению Л. Политиса, «внесло и разожгло в Греции пламя всенародного восстания»⁹. Знаменитые его строки:

Пусть час, но на свободе нам суждено прожить,
чем сорок лет в неволе жизнь рабскую влачить, —

повторяла вся страна. Естественно, что «Пламенный гимн» до самой национально-освободительной революции распространялся подпольно. И почетное место, которое он занимает в истории греческой литературы, объясняется не художественными достоинствами этого произведения (они не очень велики), а именно его общественным, революционным звучанием. О разносторонней одаренности этого выдающегося человека свидетельствует составленная и изданная им в 1797 г. в Вене географическая карта Греции, представляющая собой комплект из 12 листов, к которым приложена панорама и карта Стамбула. Карты сопровождаются обильнейшим изобразительным материалом. Это пейзажи, панорамы городов, планы построек, мифологические сцены, виды Древней Греции, нумизматические изображения. Следует заметить, что сами карты считались для своего времени лучшими. В стиле изобразительного материала сочетается манера народного примитива (это главным образом изображения современной Ригасу Греции) и манера развитого европейского классицизма (античные и мифологические сюжеты)¹⁰.

Последние два года жизни Ригаса целиком посвящены политической деятельности. Живя в Австрии, он активно занимается подготовкой освободительного восстания. В 1798 г., при переезде Ригаса в Грецию, в руки таможен-

пой австрийской полиции попадает принадлежащий ему ящик с революционными листовками, австрийские власти выдают его туркам, и он умирает мученической смертью в Белграде. Имя Ригаса воодушевляло греческих борцов за свободу, являясь для них высоким примером беззаветного служения родине. Он стоит в одном ряду с национальными героями Греции — участниками революции 1821 г.

Изменение духовной атмосферы греческого общества в 1770—1820 гг. сказалось и на характере литературы того времени. Именно в этот пятидесятилетний период начинается развитие поэзии — причем не дидактической, как в «век фанариотов», а лирической — и комедии. Наиболее значительными поэтами той эпохи являются Атанасиос Христулуос (1772—1847) и Яннис Виларас (1771—1823). Оба они писали любовные, анакреонтические стихотворения в классицистическом стиле. Книга стихов Христулуоса «Лирика» вышла в 1811 г., а стихотворения Вилараса были изданы лишь после его смерти в 1827 г. Оба они были димотикистами, вышедшими из кружка Катардзиса, и в отличие от фанариотов писали на народном языке. Позднее, когда в эпоху романтизма в греческой литературе образуются две школы — афинская и ионическая, представители обеих будут считать Христулуоса своим учителем.

Надо сказать, что и творчество Дионисиоса Соломоса (1798—1857), который считается основоположником греческой литературы нового времени, выросло на почве Просвещения. Творчество Соломоса и его современника Андреаса Кальвосо (1792—1869) принято относить уже к эпохе романтизма — первые произведения этих поэтов появились в середине 20-х годов прошлого века, — однако романтическая поэтика сочетается у них с классицистической, питающейся их просветительскими устремлениями.

Во всей Греции и в центрах греческой диаспоры (Бухарест, Вена, Венеция, Одесса) с начала XIX в. ощущается необычайный подъем в сфере культурной и общественной жизни. В это время на частные средства создаются музеи, печатаются книги, распространяемые затем бесплатно, устанавливаются стипендии для молодых людей, стремящихся получить образование в Западной Европе. В этот период робкие еще шаги делает новогреческий театр. В центрах диаспоры создаются любительские труппы (профессиональные труппы появились в Греции гораздо позднее — в 60-х годах), которые ставили как переводные

пьесы, отвечавшие духу эпохи (Альфьери, Вольтер и др.), так и первые сценические произведения греческих авторов. Наиболее известные пьесы того времени — трагедия «Смерть Демосфена» Николаоса Пикколоса (1792—1865), изданная в 1818 г. в Одессе; фольклорная драма «Греция и чужеземец» Георгиоса Лассаниса (1793—1870) и его же трагедия «Гармодий и Аристокитон», изданные в Одессе в 1819 г.; комедия закинфского автора Димитриоса Гузелиса «Хасис», написанная несколько раньше, в 1795 г., на народном языке и имевшая огромный успех.

Выше мы упоминали о многочисленных полемических брошюрах, выпущенных в этот бурный период. К. Димарас даже назвал период конца XVIII—начала XIX в. «войной брошюр»¹¹. Духовенство и консервативная часть фанариотов подвергают критике вольнодумное влияние Европы («Христианская апология», напечатанная в 1798 г., «Отповедь безумному рвению из Европы прибывающих философов», написанная в 1802 г. Аф. Париосом и т. д.). В ответ распространяются критические анонимные произведения — сатира «Аноним 1789 г.», сатирическая поэма «Россоанглогалл» (ок. 1805), посвященное памяти Ригаса «Греческое законовластие» (1806). Все они направлены против духовенства, фанариотов и богатых купцов, поглощенных собственными интересами, а не стремлением послужить отечеству.

Серьезные сдвиги в культурной сфере, произошедшие в период 1770—1820-х годов, подготовлены, разумеется, не только просветительским движением в среде духовенства и фанариотов. Не менее важную роль играло тут развитие, пользуясь словами автора фундаментального исследования о греческом искусстве В. Полевого, «низовой, подавленной культуры».

В области художественного слова эта низовая культура дала в Греции такое интереснейшее явление, как клефтский фольклор, отразивший формирующееся национальное самосознание греков. Духовная атмосфера в Греции XVIII в. оказалась весьма подходящей для активного развития народной и прежде всего клефтской песни (клефтами называли партизан, народных борцов против османского ига).

Говоря о развитии греческой народной песни, греческие ученые подчеркивают, что оно шло непрерывно с самой глубокой древности и практически до наших дней, и поэтому народную песню никоим образом нельзя исключить из истории новогреческой литературы¹².

Известный исследователь — основоположник греческой фольклористики Николаос Политис в своем собрании народных песен, сделанном в конце XIX в., разделяет их на исторические, клефтские, акритские, сказочные и т. д. Современный греческий фольклорист С. Кирьякидис делит народные песни на две основные категории — собственно песни и песни повествовательные (близкие жанру баллады).

Для первой категории — в нее С. Кирьякидис включает песни, связанные с событиями повседневной жизни: трудовые, рождественские, колыбельные, любовные, венчальные, плачи и т. д. — характерна незамысловатость построения и безыскусность стилистических средств. К этой же группе исследователь относит и клефтские песни. Вторую категорию составляют песни со сказочными сюжетами — баллады и акритские песни¹³.

Акритами в Византии называли воинов, охранявших отдаленные границы («акра» — «окраины») империи, и первые повествования об их подвигах возникли в IX—X вв. в Каппадокии (восточная часть Малой Азии). В Византии существовал эпос о Дигенисе Акрите, перешедший и в древнерусскую литературу («Девгениево деяние») и вдохновлявший впоследствии греческих поэтов XIX—XX вв. (Паламас, Сеферис). Акритские песни оказываются, таким образом, очень древним пластом греческого фольклора. В XVIII в. они продолжали жить в народе, хотя новых песен на акритскую тему уже, по-видимому, не создавалось; нас акритские песни интересуют в связи с песнями клефтскими — детищем XVII—XVIII вв. Клефтский фольклор XVIII в. соединил в себе эпическое начало акритских песен и лирическую стихию народных песен любовного содержания, появившихся в XV—XVI вв. на Крите¹⁴. Он отразил, таким образом, не только приметы конкретной эпохи, но и вобрал в себя древние традиции народной поэзии. И что самое важное — в клефтском фольклоре выразилось и становление национального самосознания греков. В среде фанариотов интереса к фольклору, по-видимому, не возникало. Творческое освоение фольклорных богатств начнется несколько позднее — в начале XIX в. (в эту пору греческий фольклор получит широкую международную популярность) — и особенно активно будет идти в период нового национального подъема, в 1880—1900 гг.

Что касается других сфер художественного творчества, то, пожалуй, после народного устного творчества в нац-

более благоприятном положении находилось зодчество и декоративно-прикладное искусство. Церковное зодчество, процветавшее в византийский период, переживает упадок, но активно развивается зодчество народное. Первое место здесь принадлежит архитектуре жилого дома. До наших дней сохранилось много богатых жилых домов XVIII в., так называемых архондикио. «Самостоятельно существующих архитектурных идей, — пишет В. Полевой, — как это бывает в так называемом большом искусстве, здесь нет. Ни осмысленная теория, ни притязания на истолкование мировоззренческих систем и категорий народному бытовому зодчеству не свойственны»¹⁵. Оно отражает уклад жизни и природные условия страны, в которой создается, полностью отвечая особенностям местного материала и функциональной природе построек. Бытовое жилое зодчество создается вне общеевропейских стилевых и архитектурно-строительных норм, а исключительно в соответствии с народными навыками и традициями. Обаяние этой архитектуры, справедливо отмечает В. Полевой, «в стремлении свободно решить в каждом случае индивидуальную задачу и в пренебрежении какими бы то ни было предложенными схемами»¹⁶.

Изобразительное искусство в отличие от архитектуры развивалось в период османского владычества только в культовом русле. Поэтому в период национального подъема, на рубеже XVIII—XIX вв., ему пришлось совершить поистине колоссальный рывок, чтобы перейти к искусству нового времени.

Среди множества видов декоративно-прикладного искусства в Греции наибольшее распространение получили вышивка, тканье, изготовление костюмов (этнографы насчитывают более двухсот его видов) и оружия, т. е. ремесла, связанные так или иначе с украшением одежды, и резьба по дереву. В резьбе по дереву, которой обильно украшались в северных, наиболее лесистых, областях Греции жилые дома и иконостасы, причудливым и неповторимым образом соединились традиции собственно народные, т. е. крестьянский примитив, элементы стиля барокко и восточные мотивы. Распространена была в Греции и декоративная роспись жилых домов. Именно здесь в середине XVIII в. зарождается искусство, оказавшееся одним из источников национальной профессиональной живописи. Исследователи видят эти зерна нового в изображениях природы и построек, которые появляются в росписях, украшающих жилые дома. Эти изображения сви-

детельствуют о том, что из чисто декоративного это искусство начинает превращаться в познавательно-оценочное¹⁷.

Именно низовая культура отразила формирующееся национальное самосознание греческого народа, и она же оказалась основанием для создания художественной национальной культуры нового времени.

Период национального подъема конца XVIII—начала XIX в. оказывается и временем зарождения нового, профессионального искусства Греции. Создавать это искусство приходилось, по словам В. Полевого, исходя из наличных сил. «Таких сил было три: народное крестьянское творчество, церковно-монастырское искусство и только лишь начавшая зарождаться художественная культура национальной буржуазии, тяготевавшая к формам большого профессионального искусства Запада и Востока, но еще почти целиком связанная с фольклором»¹⁸.

Становление профессионального искусства началось на Ионических островах, где в 1800—1807 гг. существовала республика Семи объединенных островов. Поэты Д. Соломос и А. Кальвос также были уроженцами Ионических островов. Там работала группа скульптуров (П. Просалендис, Д. Пиерис), учеников А. Кановы, и именно скульптура оказалась областью, где лучше всего привился классицизм, так и не ставший в других видах греческого искусства всеохватывающим художественным движением. Зодчество в предреволюционный период продолжает развиваться в народно-бытовом русле. Воздвигается все больше богатых особняков — архондико, в оформлении которых просматривается сочетание народного стиля с элементами барокко.

В живописи наиболее активно развиваются батальный и портретный жанры. Основателем жанровой греческой живописи был Герасимос Пициманис (1787—1825), выходец с острова Корфу, учившийся в Италии и России. Творчество крупнейшего греческого баталиста Панайотиса Зографоса приходится на 30-е годы XIX в. и, таким образом, несколько выходит за рамки рассматриваемого периода.

Этап Просвещения состоялся в Греции не полностью. Развитие культуры шло еще достаточно односторонне, новое светское искусство находилось практически на стадии становления. В области наук греческое общество также переживало еще период ученичества. Не был разрешен ключевой вопрос литературного языка. Решение этих и

других проблем культурного развития нации, заторможенное в силу исторических причин, предстояло осуществить на следующем этапе — в эпоху романтизма.

-
- ¹ Δημαράς Κ. Θ. Ιστορία της νεοελληνικής λογοτεχνίας. Αθήνα, 1956. Σ. 105.
 - ² Ibid. Σ. 123.
 - ³ Μαρкс Κ., Έγγελς Φ. Соч. Т. 22. С. 33.
 - ⁴ Δημαράς Κ. Θ. Op. cit. Σ. 146.
 - ⁵ Πολίτης Α. Συνοπτική ιστορία της νεοελληνικής λογοτεχνίας. Αθήνα, 1970. Σ. 34.
 - ⁶ Ильинская С. Национальная художественная мысль в греческой культуре нового времени // Концепции национальной художественной культуры. М., 1985. С. 261.
 - ⁷ Там же.
 - ⁸ Πολίτης Α. Op. cit. Σ. 39.
 - ⁹ Ibid.
 - ¹⁰ Полевой В. Искусство Греции. Новое время. М., 1975. С. 125.
 - ¹¹ Δημαράς Κ. Θ. Op. cit. Σ. 156—157.
 - ¹² См.: Δημαράς Κ. Θ. Op. cit. Σ. 129; Πολίτης Α. Op. cit. Σ. 34.
 - ¹³ См.: Πολίτης Α. Op. cit. Σ. 34.
 - ¹⁴ См.: Ibid. Σ. 35.
 - ¹⁵ Полевой В. Указ. соч. С. 60.
 - ¹⁶ Там же. С. 98—99.
 - ¹⁷ См.: Там же. С. 109.
 - ¹⁸ Там же. С. 119.

Содержание

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

3

ПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА

И. И. Свирида

7

ВЕНГЕРСКАЯ КУЛЬТУРА

И. П. Мегела

54

ЧЕШСКАЯ КУЛЬТУРА

Л. Н. Титова

83

СЛОВАЦКАЯ КУЛЬТУРА

И. А. Богданова

114

ХОРВАТСКАЯ КУЛЬТУРА

А. В. Данилова

143

СЕРБСКАЯ КУЛЬТУРА

И. И. Лециловская

173

СЛОВЕНСКАЯ КУЛЬТУРА

И. В. Чуркина

200

РУМЫНСКАЯ КУЛЬТУРА

Я. А. Ляткер

227

БОЛГАРСКАЯ КУЛЬТУРА

В. И. Злыднев

254

КУЛЬТУРА ГРЕЦИИ

М. Н. Томашевская

283

Культура
народов Центральной
и Юго-Восточной Европы
в эпоху Просвещения

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР*

Редактор издательства

Е. И. Михайлова

Художник

Е. Г. Клодт

Художественный редактор

В. Е. Филатович

Технический редактор

Л. И. Кутрянова

Корректоры

Л. А. Лебедева, М. Ф. Сафонова

ИБ № 38222

Сдано в набор 01.12.87

Подписано к печати 05.04.88.

А-04869. Формат 84 × 108^{1/32}

Бумага книжно-журнальная

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 17,64, Усл. кр. отг. 17,96. Уч.-изд. л. 19,1

Тираж 2950 экз. Тип. зак. 2272. Цена 3 р.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая типография издательства «Наука»

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В издательстве

«НАУКА»

в 1988 г.

вышла в свет книга

Мартынова М. Ю.

ХОРВАТЫ: ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.

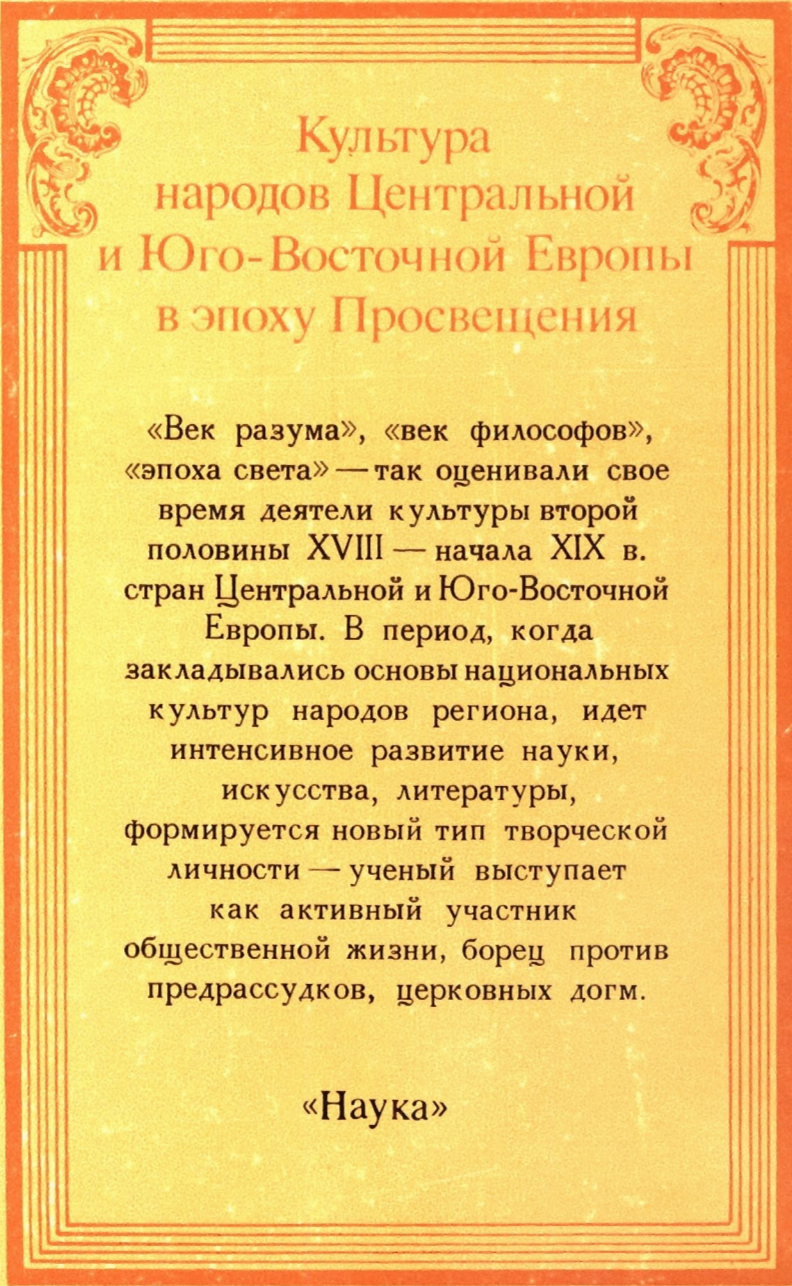
XVIII—XIX вв.

10 л. 4 р. 20 к.

Хорваты — один из народов Югославии, насчитывающий около 5 млн человек. Многовековая политическая разобщенность в прошлом, длительное существование в рамках различных государств обусловили самобытность культурного и этнического развития этого народа.

В чем своеобразие сложного процесса консолидации хорватской нации? Каковы причины возникновения этнических особенностей в отдельных районах Югославии? Как влияла на язык, традиционную культуру власть чужеземцев? На все эти вопросы дает ответ книга.

Для этнографов, историков, читателей, интересующихся историей славянских народов.

Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения

«Век разума», «век философов», «эпоха света» — так оценивали свое время деятели культуры второй половины XVIII — начала XIX в. стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В период, когда закладывались основы национальных культур народов региона, идет интенсивное развитие науки, искусства, литературы, формируется новый тип творческой личности — ученый выступает как активный участник общественной жизни, борец против предрассудков, церковных догм.

«Наука»

3 руб.